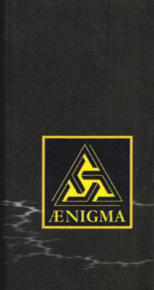
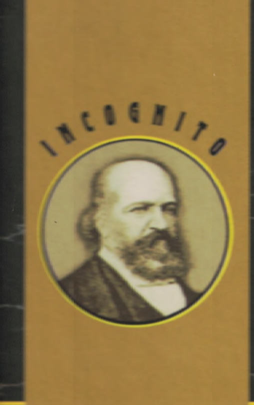

Поль Шакорнак

Элифас ЛЕВИ

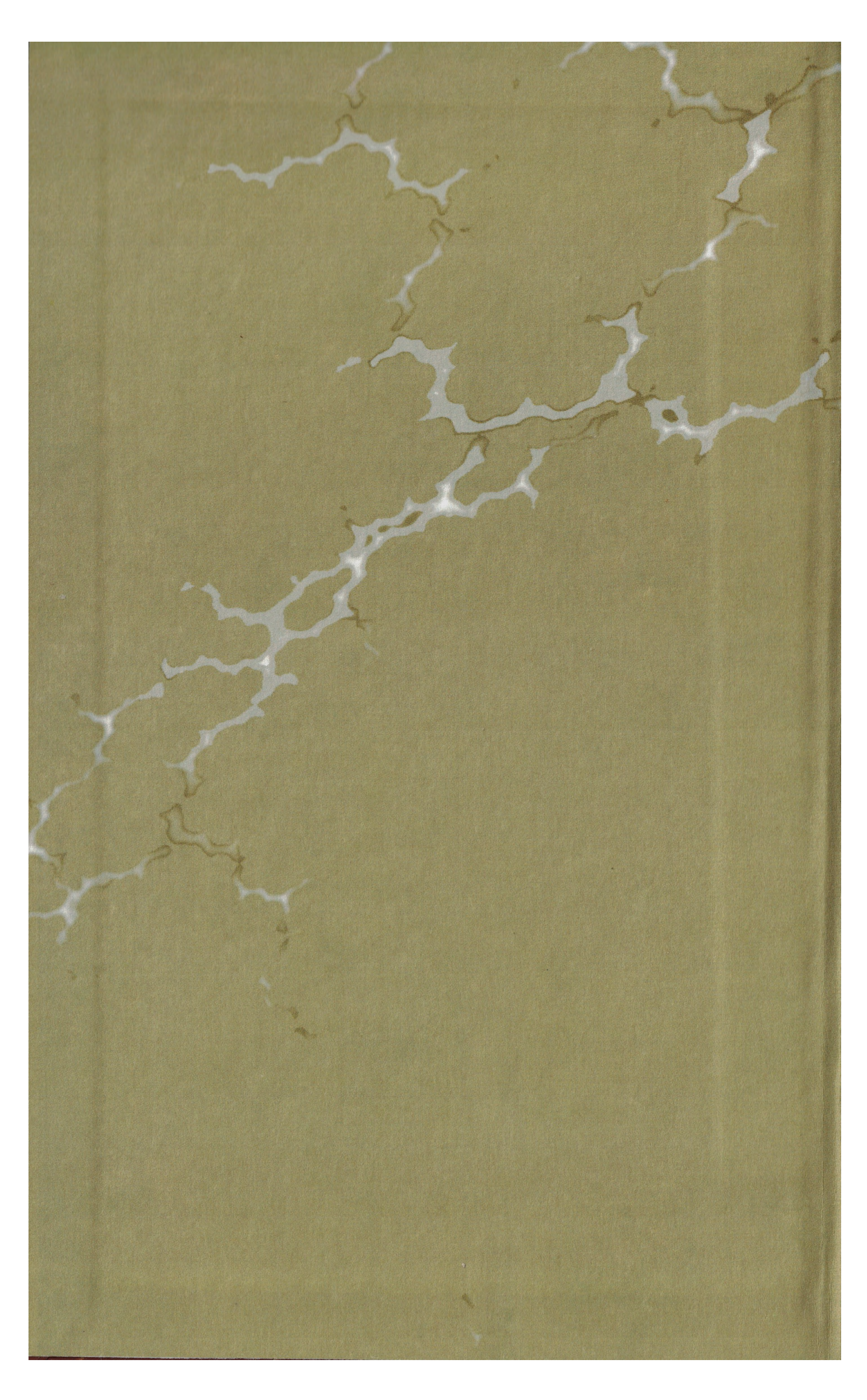
Реформатор оккультизма во Франции

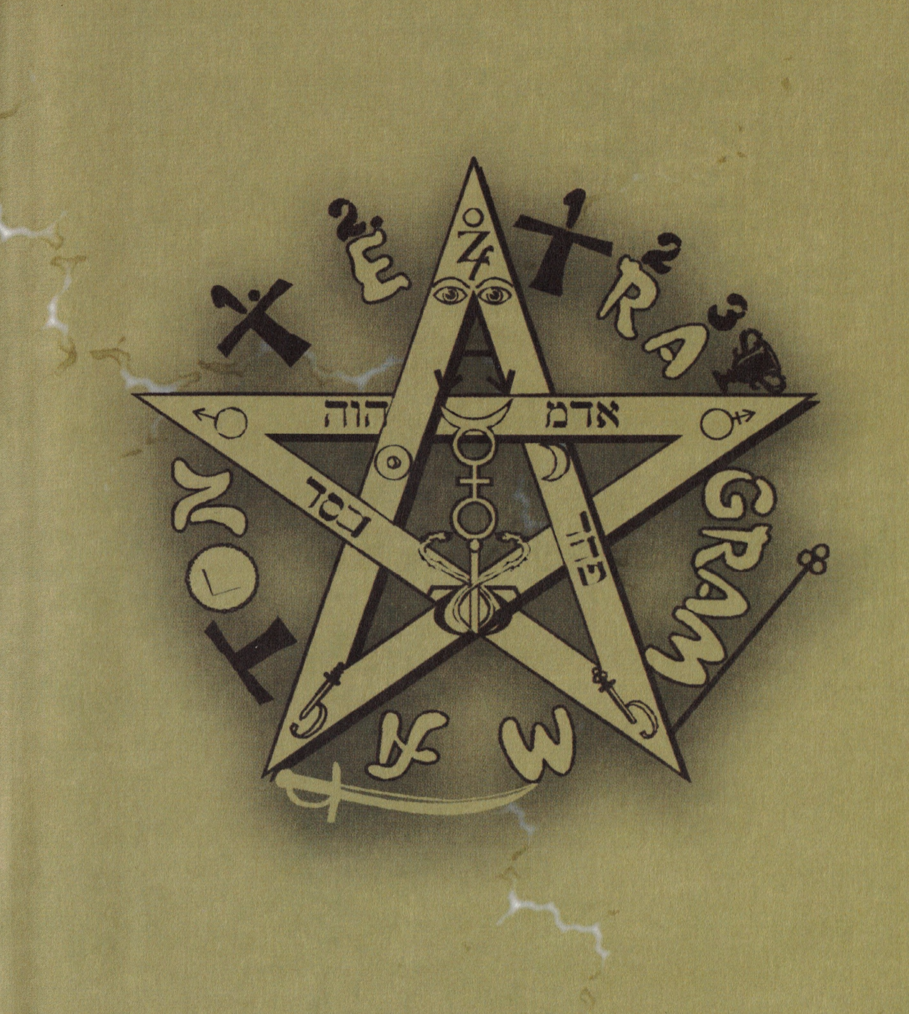

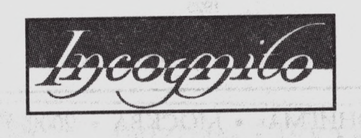

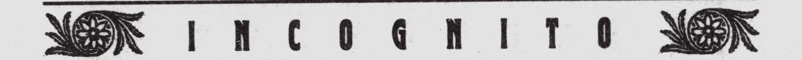
ЭЛИФАС ЛЕВИ

Поль Шакорнак

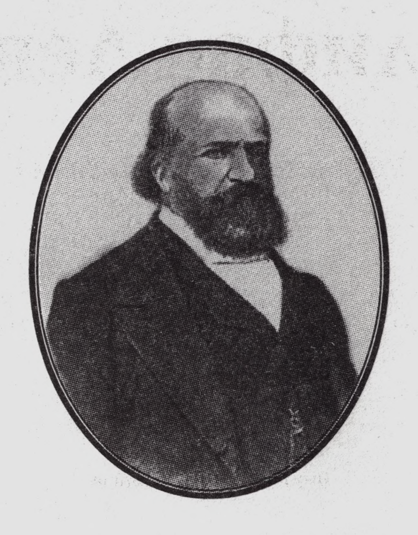

RA
GRAM

Incognito

PAUL CHACORNAC

ÉLIPHAS LÉVI

RÉNOVATEUR DE L'OCCULTISME
EN FRANCE
(1810 —1875)

PARIS
LIBRAIRIE GÉNERALE DES SCIENCES OCCULTES
CHACORNAC FRÉRES
1926

 «ЭНИГМА» • МОСКВА • 2009

INCOGNITO

ПОЛЬ ШАКОРНАК

Элифас Леви

Реформатор оккультизма во Франции (1810—1875)

Вступительное слово
Поля-Редоннеля

Предисловие
Виктора-Эмиля Мишле

Перевод с французского
Г. Румянцева

Перевод стихов
В. Микушевича

«ЭНИГМА» • МОСКВА • 2009

УДК 133(44)(092)Леви Э.
ББК 86.42-3Леви Э.
Ш17

Серия «Инкогнито»

Шакорнак, Поль.

Ш17 Элифас Леви. Реформатор оккультизма во Франции (1810-1875) / Поль Шакорнак ; вступ. слово Поля-Редоннеля ; предисл. Виктора-Эмиля Мишле ; пер. с фр. Г. Румянцева ; пер. стихов В. Микушевича. — М. : Энигма, 2009. — 400 с. : ил. — (Incognito). — Доп. тит. л. фр.

ISBN 978-5-94698-023-4.

Эта книга — жизнеописание самобытного французского оккультиста Элифаса Леви, составленное по его книгам и письмам. Личная трагедия — добровольный отказ от сана священника ради любимой женщины — привела не чуждого мистическим откровениям аббата к занятиям тайными науками. Он открыл новую эпоху в оккультизме, связав воедино три важнейшие дисциплины: магию, каббалу и Таро и опубликовав на эту тему массу книг. Будучи основателем новой школы и оставив после себя множество учеников и почитателей, сам он не был ничьим учеником. Автор этой книги, исследователь наследия Э. Леви, французский издатель оккультной классики Поль Шакорнак с величайшей скрупулезностью подбирал и анализировал исторические документы, перепроверял их, добиваясь абсолютной точности изложения фактов. Эта искренняя, тщательно продуманная и умело составленная книга содержит огромное количество цитат из неопубликованных работ Э.Леви, она знакомит читателя с малоизвестными страницами его трагичной жизни и неожиданными сторонами его творчества. Оценить литературный дар Э. Леви как поэта позволяет перевод его стихов, сделанный В. Микушевичем. Книга представляет интерес и для историков, и для адептов оккультизма, а также широкого круга читателей.

ISBN 978-5-94698-023-4

Содержание

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Посвящение в Тайну (1855–1875)

Моему отцу

Вступительное слово

Где солнце, там и тень. Нам ценно каждое слово о человеке, которого мы любим и почитаем, тем более если он уже умер.

Однако когда это слово идет вразлад с нашими представлениями о порядочности и с чувством справедливости, оно не может не возмущать. Ибо сознание, в равной мере как и душа, не терпит оскорбительных намеков, неточностей, искажающих истину, и приблизительных оценок, умаляющих — пусть даже частично — заслуги человека, достойного самого высокого уважения.

А если речь идет о писателе или поэте, философе или ученом, чье творчество или учение стали мишенью для пристрастной, язвительной критики, то долг ученика восстановить подлинную картину жизни и деяний учителя; не взирая ни на какие обстоятельства добиться торжества правды, грубо перелицованной постоянными искажениями, и бесстрашно отразить яростные атаки, которым подвергается Учитель. Такую тройную цель следует перед собой поставить, такую нелегкую задачу выполнить.

Задача эта действительно тяжела, слишком велико бремя всякой клеветы, очернившей память ушедшего.

*

* *

Поль Шакорнак, большой почитатель и восторженный исследователь оставленного Элифасом Леви наследия потомкам, как никто знающий о его преисполненной трудов жизни — а кто говорит «труд», подразумевает также борьбу и молитву, — был вынужден долгие годы

с болью в сердце выслушивать и читать непреднамеренную или, напротив, сознательную ложь об аббате Констане.

И стоит ли удивляться, что ему пришла в голову мысль опровергнуть все расхожие домыслы. Чтобы добиться желаемого, надо было проявить поистине неиссякаемое терпение. Видя теперь, с какой скрупулезностью и добросовестностью он подбирал исторические документы, анализировал их, перепроверял для подтверждения содержащихся в них сведений, добиваясь абсолютной уверенности в сказанном, с тем чтобы каждый факт и каждое утверждение жизнеописателей приобрели их законное место, мы не раз при чтении книги отдавали должное автору.

Сколько сил и старания потребовалось, чтобы выявить многочисленные ошибки и уличить недоброжелателей во лжи!

Как точно все подмечено, как верно расставлены акценты! Скажу кратко: перед вами книга, которая должна стоять на полках библиотек рядом с произведениями Элифаса Леви, и пусть тот, кто любит этого признанного мэтра и восхищается им, полюбит его — или хотя бы будет ценить — еще больше.

*
* *

В нынешние времена горячечной круговерти и вавилонского разврата, когда какой-нибудь едва расставшийся со школьной скамьей неуемный бумагомаратель, запинаясь и мямля, строчит, подворовывая у классиков, что угодно о ком угодно, эта искренняя, тщательно продуманная и умело составленная книга, в основе которой лежат подлинные исторические материалы, несомненно обрадует адептов оккультизма.

Не говоря уже о том, что столь захватывающее чтение позволяет хотя бы ненадолго забыть тошнотворную пошлость современной литературы.

*
* *

Читатель убедится в том, как много вокруг имени Элифаса Леви клеветнических измышлений, служащих дрожжами для пустопорожних словес. Никому не дано уйти от людской злобы, и трижды наивен тот, кто надеется избежать наветов, пусть даже распродав все свое имущество и раздав деньги сирым и нищим.

Ни один смертный не выказывал большего равнодушия к материальным благам жизни, чем аббат Констан (де Бокур); не сыскать другого столь же послушного верноподданного госпожи Нищеты, и ни в одного изгоя Фортуны не вонзалось такое количество зубчатых стрел, как в Элифаса Леви. Никому не известный под своей настоящей фамилией и вечно подвергаемый нападкам под придуманным им псевдонимом, этот достославный знаток оккультных наук, готовый идти на муки во имя проповедуемого им учения, никогда не отказывал ближнему в добросердечии и милосердии.

Обо всем этом и о многом другом подробно поведал Поль Шакорнак на страницах своей книги, где хватает слез, но где есть место и улыбке и галльскому остроумию. Впрочем, распространяться долее о богатстве ее содержания и достоинствах авторского стиля, означало бы выйти за рамки, отведенные этому небольшому вступительному слову.

Поль-Редоннель

Предисловие

Элифас Леви умер 31 мая 1875 г. И лишь сейчас, полвека спустя, выходит в свет его подробная биография, которую давно ждали все те, кого восхищают его искусные и глубокие научные труды. Еще три десятилетия назад находившийся тогда в расцвете лет Люсьен Шамюэль, хозяин знаменитой книжной лавки на улице де Тревиз, обещал издать биографию Элифаса Леви и даже начал готовить материалы к ней, однако завершить работу ему не было суждено. И вот теперь Поль Шакорнак представляет на суд читателей итог своей работы, выполненной им с удивительным тщанием и терпением. Он с таким бережным вниманием — шаг за шагом — прослеживает жизнь мэтра оккультизма, от рождения до самой смерти, что кажется: и крох не осталось тем, кто придет за ним. При чтении книги поражает упорство автора в проведении столь кропотливого исследования.

Следя за этой своенравной, долгое время будто бредущей на ощупь, колеблемой всеми ветрами, переменчивой, преисполненной лишений и страданий судьбой, понимаешь правоту вывода, к которому неизбежно приводят годы размышлений и накопленный опыт: пути Господни неисповедимы, но особенно тяжкие испытания приходятся на долю тех, у кого хватает мужества попытаться приоткрыть завесу тайны Высших сил.

Перед нами выходец из потомственной рабочей семьи, родившийся в Париже и прошедший суровую школу борьбы за хлеб насущный; отмеченный особой печатью, он после многих колебаний, заблуждений, ошибок сумел стать гностическим учителем и одним из наиболее дерзких исследователей арканов Знания. Стоило ему обрести себя, как в нем открылась внут-

ренняя мистическая сила, без которой он вряд ли смог бы столького добиться. И что любопытно: состоявшееся посвящение наделило его писательским талантом. Стиль его — яркий, страстный, живой — выдает руку настоящего мастера. Я вспоминаю, как Катулл Мендес цитировал наизусть отдельные фразы из труда Элифаса Леви «Учение и ритуал высшей магии», восхищаясь их пластической красотой. А ведь до своего «второго рождения» Альфонс-Луи Констан был весьма посредственным литератором. Вот уж действительно: вдохновение подобно ветреной деве. Примером тому, помимо Элифаса Леви, может послужить Корнель. В ранний период своего творчества этот великий драматург пишет ничем не примечательные пьесы, а затем вдруг — начиная с «Сида» — рождает один шедевр за другим. Далее следует спад, правда, не без отдельных взлетов гения, ибо полное неприятие его последних произведений, на наш взгляд, несправедливо. Так, невзирая на известную, но пустую эпиграмму Буало, «Аттила» — вещь превосходная. Схожая картина и у Элифаса Леви: вначале он так и сыплет полемическими заметками социальной направленности, чье единственное достоинство — благородство помыслов, и подписывает их настоящим именем: Альфонс-Луи Констан. Затем, испытав откровение и узрев свет истины, он уже рукою зрелого мастера создает подряд пять или шесть книг глубочайшего научного содержания. Меж тем другие книги, вышедшие из-под его пера в то же время, значительно слабее во всех отношениях. А вершина творчества Элифаса Леви пришлась на последние годы жизни, и именно тогда им были написаны его лучшие страницы.

Следует вспомнить, каким было это время, середина XIX века, чтобы представить себе, в какой атмосфере приобщался к интеллектуальной жизни этот сын

простого сапожника, волею судеб предызбранный к духовному подвижничеству. Именно тогда разрасталась и набирала силу, принимая все более уродливые формы, плутократическая верхушка, рядящаяся ныне в пестрые одеяния демагогии. Именно тогда зарождалась индустриальная эпоха с ее безграничным культом машин, грозящим бедой человечеству. Именно тогда в воздухе начали сгущаться миазмы материализма, в которых задыхается всякий возвышенный разум, всякая открытая миру душа.

Порывы духовности если и проявляются, то лишь у сенсимонистов и их последователей: фурьеристов, контистов и сторонников других, еще более неоднозначных школ. Социализм пребывает в колыбели; младенческий, наивный, но пока щедрый на идеи, благодаря Прудону он возмужает и наберет силу, которую затем впустую растранжирит в грязной и мелкой политике.

Посвященных крайне мало, или же они разобщены. Но цепочка их не рвется: дело Фабра д'Оливе и Жозефа де Мэстра подхватывает Вронский.

Таков мир, в котором старается отыскать свой путь молодой Констан. Его первыми учителями стали священники, и вначале все устремления юноши направлены на достижение духовного сана. Однако уже рукоположенный в диаконы, он убеждается в том, что Церковь не его стезя, и отказывается от служения Богу, ибо разве в состоянии была монашеская дисциплина обуздать его пылкий и боевитый нрав, его любознательность, чувственность и тягу к творчеству.

Констан бросается в драку: клеймит несправедливость современного ему века и жестокое бездушие имущих. За свои бунтарские брошюры, весьма, надо сказать, посредственные, он дважды удостаивается чести быть брошенным за решетку. Несколькими годами позже, в 1857 г., Виктор Гюго напишет в тюрьму Бодлеру: «Вас отметили одной из редких наград, на ко-

торые способен расщедриться ныне правящий режим. Их хваленое правосудие приговорило Вас к заключению, ссылаясь на их хваленую мораль, — лишний венец Вам на голову». Виктор Гюго, страдавший от политических пут, говорит здесь об императорской власти, но слова эти не менее справедливы и по отношению к любому другому режиму плутократической анархии, всегда одинакового, независимо от того, как он себя величает: королевским, императорским или республиканским.

Тем временем Констан оттачивает свой ум чтением строго отобранных книг, одновременно развивается и его художественный вкус. Близится час «второго рождения», час, когда он «получит золотую пальмовую ветвь дважды рожденных людей».

Он прочел Сведенборга. И готов к посвящению.

Сквозь толщу времен враждебного мира неразрывно тянется, звено за звеном, цепочка посвященных, дающих опору живому уму. Иногда эти избранные оказываются в одной точке времени и пространства, но чаще, разделенные веками и континентами, они поддерживают связь друг с другом исключительно силой духа. Констану на его пути посчастливилось встретить учителя, указавшего ему нужное направление — поляка Хене-Вронского.

Хене-Вронский, без сомнения, — одна из самых удивительных фигур XIX века, гений с трудной, неспокойной судьбой, сумевший приложить математический абсолют к абсолюту философскому. Этот польский офицер армии Наполеона, Адам из Верховни, появляется в «Поисках абсолюта» Бальзака в образе главного героя романа Валтазара Клааса, обуреваемого страстями «алхимиста». Вронский настолько поразил воображение Лапласа, что тот воскликнул: «Потребовался поляк, чтобы ввести в математику мистику!» Но разве они не родные сестры, как музы? Разве тайна чисел, регулирующих основы мироздания, не объединяет ариф-

метику с Каббалой? Владислав Мицкевич, достойный сын великого Адама Мицкевича, рассказывал мне, что однажды, когда его отец затронул в разговоре вопрос мессианства, Вронский ринулся бежать прочь, восклицая, что его знаменитый соотечественник украл у него эту тему.

— Да будет вам! — возразил поэт. — Апостолы Иисуса Христа и не думали брать патент на изобретение.

Наделенный энциклопедической эрудицией и пророческим даром, но не обладавший красноречием Вронский мечтал вложить всю внушительную сумму приобретенных им знаний в особый дидактический механизм. Не первая и не последняя попытка! Еще великие схоластики отлаживали механику логических рассуждений, да и «Ars Magna» Раймунда Луллия есть не что иное, как мыслительная машина, машина идей. Что касается самого Вронского, то он создает железный автомат «прогнометр», в котором замысловатая система зубчатых колес обеспечивала оперирование самыми сложными понятиями, представленными в выгравированных на нем формулах. Вывести формулу Бога Вронскому, впрочем, так и не удалось! Хотя меня и привлекает математика, я чувствую себя неспособным постичь данную формулу, даже если она является всего лишь алгебраическим переложением традиционной тетраграммы. Элифас Леви не преминул получить в свое распоряжение прогнометр и изучил эту машину знаний в действии. Можно ли считать, что именно прогнометр и послужил толчком для изобретения археометра, за работой которого я имел возможность с пылким интересом наблюдать в Версале благодаря золотым рукам его создателя Сент-Ива д'Альвейдра?

Только избранникам Небес, чей бугор Солнца на ладони отмечен светом священных планет, дозволяет-

ся проникнуть в алтарь Тайны. Но одних вступить на порог храма оккультного знания заставляет не укладывающееся в обычные рамки пережитое событие, а других — встреча с Учителем. Да простит мне читатель желание сделать небольшое отступление и поведать анекдот из собственной жизни. Однажды милейший Арсен Уссэ обратился ко мне с вопросом:

— Кто сподвиг вас заняться этими науками?

И нисколько не удивился, когда я ему ответил:

— Вы, — и продолжил: — Еще учась в коллеже, я наткнулся в одной из книжных лавок на вашу книгу «Предназначения души» («Les Destinées de l'âme»), одна из глав которой посвящена Сведенборгу. Прежде мне не доводилось слышать об этом шведском провидце. Заинтересовавшись, я прочел его труды. Они-то и послужили для меня путеводной нитью.

Альфонсу-Луи Констану выбрать нужное направление помогло знакомство с Вронским. С той поры он и взял себе псевдоним — Элифас Леви Захед (так его имя звучит на иврите), принесший ему бессмертие, и уверенно, никуда не сворачивая, пошел по пути, проложенному великими учителями. Избравший его должен не только наступить на аспида и василиска, но и отбросить в сторону всю груду еретического хлама, все сумбурные фантазии, засоряющие этот путь, про который Вилльe де л'Иль-Адан сказал мне, что «это верный путь... единственный».

Углубленная учеба приносит свои плоды: Элифас Леви создает одну за другой пять или шесть книг, обеспечивших ему славу. Стопа рукописей растет: одни из них до сих пор не изданы, другие сохранились лишь в отрывках, третьи, наконец, безвозвратно утеряны. Терзаемый голодом и нищетой, он пишет их, не зная, что сулит ему завтрашний день, но сохраняя при этом кристальную ясность ума.

Наряду с великим Лагурией, Элифас Леви является одним из наиболее надежных наставников, передавших будущим поколениям сосуд из темного оникса, внутри которого трепещет ослепительно яркое пламя светильника жизни. Если цепочка проводников, указующих нам дорогу вперед, в какой-либо нации порвется, если в течение столетия в ней не явится миру ни одного человека — будь то посвятитель, метафизик или поэт, — способного стать ее связующим звеном, значит, эта нация исчерпала себя и обречена на гибель. Как могла бы она продлить свое существование, раз в ней не сыскалось ни одного пророка; кто тогда укажет ей идеал, ради которого стоит жить, кто растолкует ее эгрегор.

Элифас Леви был художником слова милостью Божьей, и его главные философские произведения — подобно кустам роз — благоухают естественной красотой. Многие их страницы столь же ярки и привлекательны по форме, как и глубоки по содержанию. Насыщенная живописными образами проза свидетельствует о наличии у автора несомненного поэтического дара. А вот о стихотворных опытах такого, увы, не скажешь, — все они плачевны. Впрочем, у поэзии свой язык, требующий не только особого таланта, но и владения специальной техникой стихосложения, обо всех тонкостях и возможностях которой ведомо лишь единицам.

Влияние Элифаса Леви на других авторов чувствовалось еще при его жизни. Так, его, очевидно, можно обнаружить в творчестве Бульвер-Литтона, создателя образов Эжена Арама и знаменитого Занони, с которым он неоднократно встречался в Лондоне. Но что совершенно не вызывает сомнений, так это воздействие идей Элифаса Леви на участников движения 1890 г., которые все являлись моими друзьями. Оно было настолько сильным, что Пеладан написал, обращаясь

к воображаемому образцовому ученику: «Особенно остерегайся читать Элифаса Леви, бесподобного мага, который создаст у тебя иллюзию, что ты все умеешь, и наполнит душу отвагой, чтобы ты решился действовать».

Я процитирую несколько фраз из небольшой статьи Папюса, предварявшую изданную в 1894 г. «Книгу великолепий» (Le Livre des Splendeurs): «Вряд ли будет правильно пытаться отыскать в работах всех современных оккультистов исключительное влияние Элифаса Леви. Но несомненно, что особенную, почти верховную власть великий каббалист имеет над художниками, мастерами формы.

Среди литераторов, являющихся, можно сказать, прямыми учениками Элифаса, назовем Станисласа де Гуайта, Виктора-Эмиля Мишле, Альбера Жуне, Жозефена Пеладана, Рене Кайе.

Среди оккультистов, выходцев из различных научных школ, на которых Элифас оказал ощутимое, но не определяющее влияние, можно назвать Ф. Ш. Барле, Жюльена Легэ, Альбера Пуассона, Марка Авена, Поля Седира».

А чуть ниже Папюс делает следующее весьма справедливое замечание:

«Мы всегда считали Станисласа де Гуайта, добившегося возрождения Каббалистического ордена Розы-Креста, наиболее верным продолжателем дела Элифаса Леви».

В своей книге «На пороге тайны» (Au seuil du Mystère) [«У порога тайны» — Издательство «Ланселот», Москва, 2005] Гуайта с нескрываемым восхищением отзывается о том, кто — вместе с Фабром д'Оливе — был его непосредственным учителем.

Между Вронским, ушедшим с головой в дебри математической абстракции, и Лагурией, покорявшим умозрительные вершины теодицеи, Элифас Леви занял свое

достойное место в ряду других классических авторов, среди которых выделяются такие имена, как Тритемий, Кунрат, Гийом Постэль. Критики набросились на книги Элифаса Леви. Это всегда испытание автора на крепость духа. Только тот чего-то стоит, кто устоит под ударами их стрел. Критики, пытавшиеся принизить значение творчества Элифаса Леви, надо полагать, не отличались особой компетентностью. Их нельзя упрекнуть в глупости и банальности, однако они обречены вечно толпиться на паперти храма Гермеса и никогда не приблизятся к алтарю и не вдохнут благословенный аромат воскурений.

Как работал Элифас Леви посреди житейских бурь, вы узнаете из рассказа его преданного ученика и внимательного, ревностного биографа — Поля Шакорнака. И лишний раз убедитесь в том, что нет пророка в своем отечестве. У Элифаса Леви хватило сил и терпения продолжать свой труд, преодолевая враждебное к себе отношение. Он захотел, он осмелился, он сумел, а когда на него нападали, «молчал и не отвечал ничего». И пусть широкое крыло Сфинкса укроет его, исполнившего свое земное предназначение! Старик добыл золотую ветвь и тихо угас, умиротворенный. Знающий язык посвященных скажет: «Он родился в третий раз», а знающий язык мистиков: «Он возвратился в лоно Отца».

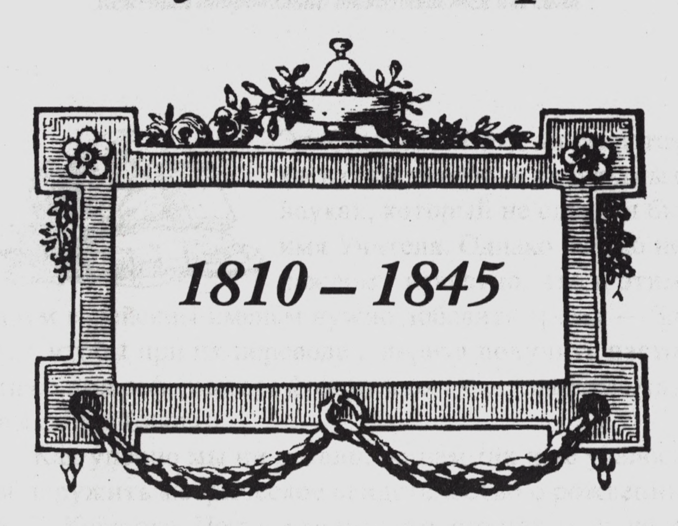
Виктор-Эмиль Мишле
13 марта 1925 г.

Жизнеописание Элифаса Леви, составленное по его книгам и письмам

Часть первая

Служение вере

Глава I

Рождение Альфонса-Луи Констана. — Родители. — Аббат Юбо Мальмезон. — Школа при церкви Сен-Луи-ан-л'Иль. — Начало учебы. — Малая семинария. — Аббат Фрер. — Исси. — Первые литературные опыты. — «Немрод». — Сен-Сюльпис. — Сочинение песен. — «Золотые стихи». — Иподиаконство. — Катехизис для юных дев. — Адель Алленбах. — Сыновняя любовь. — Диакон Констан добровольно отказывается от сана

Элифас Леви! Вряд ли сыщется хоть один неофит в оккультных науках, который не слышал бы имя Учителя. Однако далеко не каждому известно, что к этим двум еврейским именам нужно добавить третье — Захед, чтобы при их переводе с иврита получить настоящее имя реформатора французского оккультизма: Альфонс-Луи Констан.

Как упорно мы ни искали, но нам так и не удалось обнаружить метрическое свидетельство о рождении А.-Л. Констана. По всей видимости, его уже не существует. Зато нашелся акт о крещении, документ не официальный, но абсолютно достоверный[1].

В год тысяча восемьсот десятый, *одиннадцатого февраля*, крещен *Альфонс-Луи* Констан, родившийся

---

[1] Именно акт о крещении и позволил определить дату рождения Элифаса Леви; акты гражданского состояния в их нынешнем виде появились лишь в период революции и в начале прошлого века не считались обязательными.

восьмого февраля тысяча восемьсот десятого года, сын *Жана-Жозефа* Констана, *сапожника,* и *его супруги Жанны-Агнессы* Бокур, проживающих по адресу: *улица Фоссе-Сен-Жермен-де-Пре, дом 5*[1]. Крестный отец: *Аристид-Эмиль* Мориньер, крестная мать: *Адель-Луиза* Мориньер.

Настоящий документ указывает точную дату рождения А.-Л. Констана, что позволяет отмести разом все прочие утверждения, существовавшие по этому поводу; немало и других ошибок исправим мы по мере того, как будем продвигаться дальше в нашем рассказе.

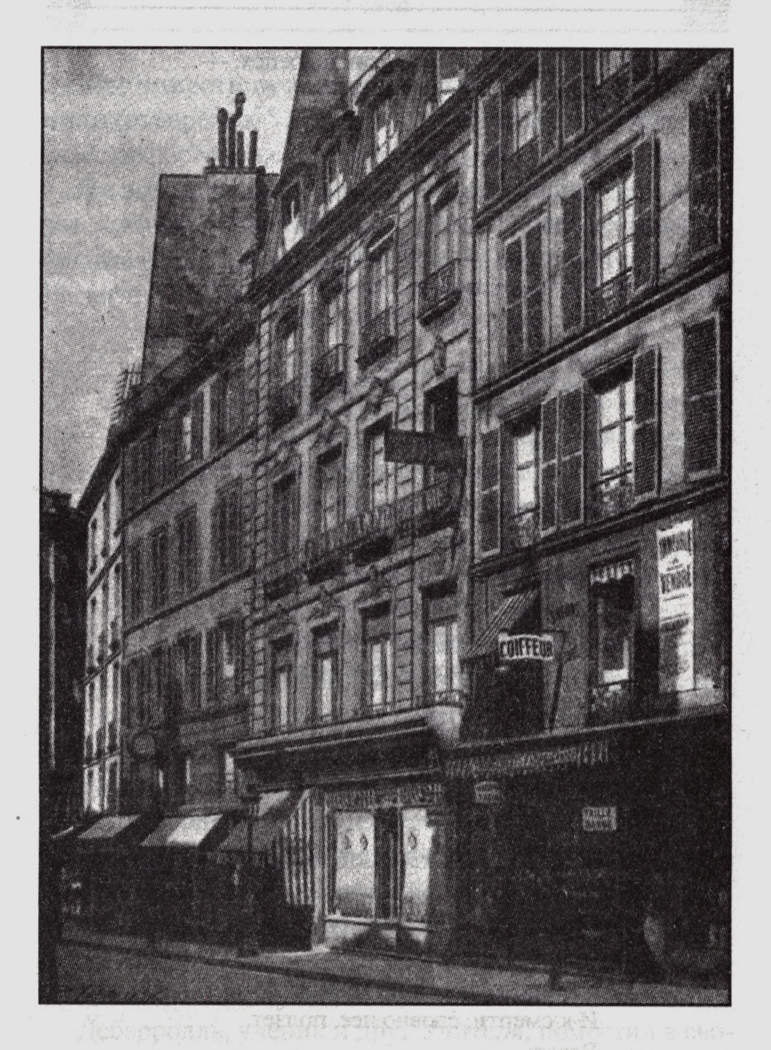
Крещение состоялось в церкви Сен-Сюльпис. Событие прошло незамеченным, хотя принятому в тот день новому члену великого католического братства предстояло стать в молодые годы его пламенным защитником, а в зрелом возрасте — горячим и убежденным пропагандистом.

Вот как сам А.-Л. Констан описывает свое происхождение:

Моя знатность

Я принц, сапожник мой отец,
А небо — прародитель;
Сарай — мой родовой дворец,
Родимая обитель;
Тому, кого вскормил народ,
Тому, кто добрый патриот.
Везет;
А быть всегда одним из всех,

[1] В 1834 г. Фоссе-Сен-Жермен-де-Пре была переименована в улицу Де-л'Ансьен-Комеди. Дом, в котором родился А.-Л. Констан, существует до сих пор под № 5. Лавка его отца, сапожника, находилась в арочном проходе, расположенном в левой части здания. Сейчас в ней — цветочный магазин.

Дом, где родился А.-Л. Констан.
Улица Де-л'Ансьен-Комеди, № 5

Облечься в куртку, как в доспех, —
Успех!

Не удосужился отец
Обзавестись паями;
Почив с другими, наконец,
Лежит он в общей яме.
Тому, кто деньгам знает счет,
Тому, кто чтить готов их гнет,
Везет;
А жить без них среди утех,
И предпочесть беспечный смех, —
Успех!

Не обирал отец других,
К ним добр, как небожитель,
Два су деливший на двоих,
Бедняк-благотворитель;
Тому, кто от своих щедрот
Порою кормит лишний рот,
Везет.
А как птенцов из-под застрех,
Питать голодных без помех, —
Успех!

Так был отец мой сам большой,
Всегдашний мой хранитель;
Он верил в Бога всей душой,
Мой истинный учитель.
Тому, кто, как свинья, живет
И к смерти, словно пес, ползет,
Везет;
А оказаться среди тех,
Кто в небесах избыл свой грех, —
Успех![1]

---

[1] A. Constant de Baucour. *Les Trois Harmonies*, Chansons et Poésies, Paris, Fellens et Dufour, 1845, in.-18. P. 50.

Мы поместили в этой биографии и другие песни и стихотворения Учителя, ведь это одна из наименее известных сторон его жизни.

Во вступлении, носящем заголовок «Исповедь автора», к книге «Успение женщины» («L'Assomption de la Femme»)[1], А. Констан описывает первые годы своей жизни:

> В детстве я был тщедушным и мечтательным, не принимал участия в играх других детей, все грезил о чем-то в сторонке или пытался рисовать, легко увлекался какой-нибудь игрушкой или картинкой, но затем ломал, рвал их; уже тогда меня одолевала безмерная потребность любви, и я не отдавал себе отчета в том, насколько сильно мое беспокойство[2].

Уже в воспоминаниях детства ощущаются внутренние противоречия, которые будут терзать его до тех пор, пока перед ним не откроется оккультный путь, принесший ему глубокий душевный Покой.

Жанна-Агнесса Бокур, его мать, женщина набожная и неординарного ума, представляла для чуткого и восторженного мальчика тип женщин, всецело опирающихся в своей жизни на Священное Писание. Дни она проводила в работе и молитвах, и ее вечная занятость нередко служила для А. Констана молчаливым упреком и могучим побуждением к действию.

Дебарролль, ученик и друг Учителя, поместил в своей монографии «Тайны Руки» (*Mystères de la Main*)[3] двойное описание, хирогномическое и хиромантиче-

---

[1] Abbé Constant. *L'Assomption de la Femme, ou le Livre de l'Amour*. Paris, Le Gallois, 1841, in.-12.

[2] Ibid. P. III.

[3] Ad. Desbarrolles. *Les Mystères de la Main*. Paris, Dentu, 1859. P. 368 et suiv.

ское, ладони А. Констана[1], дающее весьма точное представление о том, каким первоначально был характер Учителя.

В период смиренного детства над ним владычествовала Луна, и хрупкое здоровье заставляло мальчика все более и более замыкаться в себе, в тайне от всех переживая горечи и восторги своей души.

Однако не следует думать, будто он рос угрюмым и нелюдимым: его развитый не по годам любознательный ум жаждал знаний; иными словами, ему срочно требовался наставник, и Церковь пришла на помощь.

В 1820 г. в Париже существовало несколько церковных школ, именовавшихся *общинами*, где под руководством священников дети из малоимущих семей бесплатно получали духовную пищу.

Аббат Ж.-Б. Юбо Мальмезон организовал одну из таких школ в священническом доме при церкви Сен-Луи-ан-л'Иль[2]. Обучая мальчиков катехизису, он выбирал среди них наиболее умных и благочестивых и помогал им делать первые шаги[3].

Обнаружив в Констане зачатки многих талантов, господин Юбо решил воспитать его на благо Церкви.

Общение с учителями и настоятелем доставляло ученику истинное наслаждение, и уже тогда начал проявляться его веселый задор и красноречие, которые позднее нашли такое яркое выражение и в творчестве. Быстрота ответов мальчика, живость нрава и легкость,

---

[1] См. с. 267.

[2] Abbé Collignon. *Histoire de la Paroisse Saint-Louis-en-l'Ile*. Paris, de Soye, 1888, in-8.

[3] Школа занимала примыкавший к церкви Сен-Луи-ан-л'Иль дом с террасой. Учебные классы теснились под колокольней наподобие гнезд ласточек. Следы этих комнат и сегодня можно увидеть на стене, что возвышается над бывшим священническим домом, а ныне муниципальной школой на улице Сен-Луи-ан-л'Иль, 21.

с какой он усваивал новый материал, вскоре выдвинули его в ряд лучших учеников школы.

В 1822 г. двенадцатилетний Констан впервые прошел обряд причащения, что серьезно повлияло на его дальнейшую жизнь — он встал на путь, который через несколько лет привел к пограничным областям религии.

> Сквозь тайны католицизма, — *говорит он*, — мне приоткрылась бесконечность; сердце мое воспылало любовью к Богу, не только пожертвовавшему собой ради чад своих, но и дающему им хлеб насущный; образ кроткого агнца, идущего на заклание, вызывал у меня слезы, и нежнейшее имя Марии уже заставляло трепетать мое сердце[1].

Своими восторгами он делился с аббатом Юбо.

> Тому не стоило большого труда убедить меня, двенадцатилетнего ребенка, в том, что мое призвание — это воздержание и молитвы. Я поверил ему, как и потом, когда он рассуждал о моем предназначении и свободной воле. Мои бедные добрые родители не отличались особой набожностью, но, из любви ко мне и, наверное, обрадованные и гордые моими способностями, не нашли в себе сил отказаться от предложения зачислить их сына в семинарию, увидев в нем счастливую возможность бесплатно дать мне образование — кстати, именно его отсутствие и порождает неравенство между людьми, — а оно будет недоступно простолюдинам до тех пор, пока власть предержащие не захотят предоставить им свободу[2].

---

[1] Abbé Constant. *Op. cit.* P. III.
[2] Ibid. P. IV.

В октябре 1825 г. А. Констан поступил в семинарию Сен-Никола дю Шардонне[1], где ему предстояло завершить курс классического образования.

Домашняя жизнь для него канула в прошлое, и как он сам потом признается: «Я вступил на роковую стезю, приведшую меня к науке и к многочисленным несчастьям»[2].

Семинарией руководил аббат Фрер[3].

> Это был самый умный и самый искренне верующий священник из всех, которых я когда-либо знал, — *утверждает Констан.* — Неудивительно,

---

[1] Семинария Сен-Никола дю Шардонне располагалась при церкви с тем же названием между улицами Сен-Виктор и Понтуаз. Первоначально задуманная как общинная школа-семинария, она в 1811 г. была преобразована в Малую парижскую семинарию. Старое здание, построенное еще в 1687 г. до наших дней не сохранилось, зато теперь открылся прекрасный вид на церковь, исторический памятник XIII в.

[2] ÉLIPHAS LÉVI. *Dogme et Rituel de la Haute Magie*. 1861. P. 317.

[3] *Аббат Фрер-Колонна* (1786–1858) был руководителем семинарии с 1819 по 1834 г. Он сумел влить новую струю в рутинные дотоле занятия, что привлекло к нему внимание начальства и возбудило зависть и ненависть коллег. Примерно в 1832 г. брата Фрера пригласили в Сорбонну читать курс лекций по Священному Писанию. Лекции имели большой успех и впоследствии были изданы под названием «Исследование животного магнетизма» («Examen du magnétisme animal», Paris, Gaume, 1837, in.-8). В своем труде аббат Фрер сравнивает магнитные явления с действиями потусторонних сил и приходит к выводу, что в обоих случаях не обходится без вмешательства дьявола. Попутно он разъясняет, кто такие ложные пророки, маги, астрологи, гадатели и колдуны. Учитывая все вышесказанное, мы, наверное, не будем слишком далеки от истины, если предположим, что именно аббат Фрер подтолкнул А. Констана к изучению магии.

что именно он сделал мне больше всего добра и причинил больше всего зла.

Он оказал мне неоценимую услугу тем, что раздвинул слишком тесные рамки моего начального католического образования, открыв передо мною новые широкие горизонты и возможности. Однако человек этот отличался непоследовательностью: с одной стороны, он проповедовал увлекательное и живое учение, а с другой, призывал к слепому послушанию и безоговорочному уважению ценностей прошлого. Вначале я не понимал, что он заблуждался, и, следуя его воле, довольно долго двигался по ложному пути.

Суть доктрины аббата Фрера заключалась в следующем: человечество, отторгнутое после грехопадения от лона Божьего, способно вернуть себе потерянный рай лишь благодаря прогрессу, освобождающему людей из оков материального мира и постепенно наполняющего их духовностью; покаянные стремления способствуют началу преображения не только человека, но и всего мира; мистические идеи, являющиеся оболочкой зарождающейся новой любви, служат первым залогом спасения. Воспламененный желаниями при виде стольких усладительных плодов, еще лишь набирающих спелость, человек возносится на крыльях надежды к тому, которого любит, и возносится до тех пор, пока небеса не разверзнутся и любовь не примет его в свои объятья, запыхавшегося и утомленного, чтобы даровать ему вечное блаженство в своем сердце.

История религии подразделялась, таким образом, для аббата Фрера на четыре больших периода: период возмездия, или эпоха потопа и проклятия Каина; период утверждения веры, начиная с праотца всех христиан Авраама, включая скитания по пустыне с Моисеем и заканчивая пришествием Христа, который, принимая смерть на Кресте, вверил свою Мать заботам любимого ученика и подарил людям надежду

на спасение; грядущий четвертый период, осиянный Святым Духом, третьей еще не до конца явленной нам ипостаси Бога, станет «золотым веком» человечества, когда люди, расположившиеся в тени яблонь нового Эдема, ощутят на своем лбу освежающее дуновение любви под взмахами крыл таинственного голубя, последнего символа Всевышнего.

Надо ли объяснять, почему, пестуемый подобным учителем, я мог лишь грезить о католицизме былых времен и предаваться ребяческой экзальтации. Мое разочарование сделалось впоследствии еще более глубоким, а возмущение сильным, когда впавший в опалу аббат Фрер путем грязных интриг был смещен с занимаемого им поста, и стало очевидно, насколько чужды были его идеи церковным властям, а кроме того, когда я понял, что аскетические добродетели аббата бросали тень даже на тех, кто более других должен был их поощрять и славить. А верят ли священники в Бога, спросил себя я, полагавший религию своей единственной любовью, и был объят дрожью, ибо узрел, в чьи руки она попала.

Господина Фрера особо обвиняли в том, что он взращивал в отроках гордыню, так как, хотя и держал их в строгости, никогда не требовал от них смирения и не наказывал их; опасным показался и восторженный склад ума, который он в них взлелеивал; методы его преподавания нашли непривычными и чрезмерно новаторскими; неподобающе важное место отводилось естественным наукам; учащиеся обучались гимнастике и т.п. Все эти непозволительные вольности были очень быстро искоренены. Всех, кто выразил сожаление по поводу ухода аббата Фрера, заставили ужинать стоя на коленях, тех, кто дерзнул заступиться за него, выставили за дверь, за самые робкие поползновения выразить несогласие надавали оплеух, короче говоря, в Малой семинарии Сен-Никола был живо

наведен порядок и установлен единственно верный образ мыслей католического духовенства[1].

В семинарии Сен-Никола А. Констан начал изучать грамматику древнееврейского языка и уже к восемнадцати годам мог легко толковать исконный священный текст.

Составленный собственноручно аббатом Фрером список учеников, выпущенных из стен Малой семинарии и переведенных в Сен-Сюльпис, среди которых фигурирует имя А. Констана, датируется 1830 г.[2]

Покинув после завершения курса риторики семинарию Сен-Никола, он перешел, согласно существовавшим правилам, в Исси[3] с тем, чтобы после двух лет изучения философии уже в Сен-Сюльписе заняться теологией.

Архивы Большой семинарии свидетельствуют о том, что А. Констан поступил в Исси 30 октября 1830 г.

Именно в Исси он сделал первые шаги в литературе, написав драму на библейскую тему: «Немрод» («Nemrod»)[4]. Его поэтическая элегия «Выступление савояров в Бордо» («La Petite Œuvre des Savoyards à Bordeaux») была включена в книгу аббата Дюпюша [5].

---

[1] Abbé Constant. *Op. cit.* P. IV–VII.

[2] P. Schœnher. *Histoire du petit Séminaire de Saint-Nicolas*. Lille, Desclée, 1911, t. 2, gr. in-8; t. II. P. 118.

[3] Согласно Дю Брелю (Du Breul. *Le Théâtre des Antiquités de Paris*. Paris, 1612), название Исси происходит от центра обучения, содержавшегося служителями Изиды. Считается, что семинария заняла его место.

[4] A. Constant. *Dictionnaire de littérature chrétienne*. Paris, Gaume, 1851, gr. in.-8; p. 830 и след. (См.: *Éliphas Lévi et son œuvre*).

[5] Abbé A. Dupuch. *Les Petits Savoyards*. (Эссе о творчестве маленьких савояров.) Bordeaux, H. Faye, 1832, in.-8. P. 250–251. См.: A. Constant. *Dictionnaire de littérature chrétienne*. P. 465–466.

Искренность описанных в ней чувств и естественная простота их выражения позволяют говорить о зарождении поэтического таланта.

Между тем время быстро летело вперед, наполняя мудростью и без того уже давно окрепший мозг неофита; но, увы, когда приблизился момент поступления в Большую семинарию, дела в семье Альфонса-Луи шли хуже некуда: незадолго до этого умер отец, за немощной, хворой матерью требовался уход. Он почувствовал, как в его сердце с новой силой разгорается давняя борьба, однако христианские ценности уже успели возыметь над ним большую власть: он послушался своего старого учителя, аббата Юбо Мальмезона, и продолжил духовную карьеру.

Настоятелем семинарии Сен-Сюльпис в то время был аббат Гарнье[1].

> Обитатели Сен-Сюльписа — создания глубоко безразличные ко всему и скучные, устав господина Олье и теологические тетради господина Каррьера заменяют им и разум, и душу. Установленный порядок — непререкаемый закон для них; слово «прогресс» считается нелепым и богохульственным; на искусство и поэзию здесь смотрят как на пустое и опасное времяпрепровождение; все прилежно и многотрудно обучаются невежеству. Немного памяти, дабы удерживать в голове старозаветные школьные постулаты, чуть вертлявости ума во вкусе античности, чтобы кое-как разбираться в них и переделывать на галликанский манер, а также известная бойкость языка, чтобы декламировать эти постулаты, выворачивая их смысл наизнанку — вот что в Сен-Сюльписе зовется талантом. Добавьте к этому неуклюжие, как у марио-

---

[1] Аббату Гарнье суждено было стать предпоследним руководителем конгрегации Сен-Сюльписа.

неток, движения, маслянистую кожу, сальные волосы, тошнотворного вида сутану, грязные руки и опущенные долу глаза — и у вас будет полное представление того, что называется здесь славным малым и примерным семинаристом.

От некогда могучего католичества в Сен-Сюльписе остались разве что иссохшиеся кости, вряд ли удастся подобрать более точное сравнение. Сердце, мозг и плоть давным-давно сгнили и обратились в прах, но что может случиться с лишенным всего живого остовом, он тлеет долго.

Между обитателями Сен-Сюльписа царит глубокое взаимное недоверие, предельная сдержанность и прямо-таки кладбищенская холодность. Самое утомительное время дня — перемены. Ряду семинаристов (всегда выбираемых среди наиболее ревностных) поручается доносить начальству все, что они во время оных услышат. Любое даже самое невинное слово, интерпретированное и поданное на особый лад, способно исковеркать будущее неосторожному юноше. Поэтому самые ловкие стараются обзавестись если не друзьями, так как что такое дружба в семинарии неведомо, то по крайней мере единомышленниками, а это достигается просто: надо лишь перещеголять других в богомерзких гримасах и мальчишеских шалостях. Так возникают отдельные котерии или группировки, членом которых тебе необходимо стать, если не хочешь прослыть заносчивым либо недостаточно ретивым. Ты приневолен разделять симпатии и неприязнь одногруппников, жаловать одних и избегать других. Начальство сознательно поощряет подобные разногласия между учениками и даже вручает тем, кто раскаялся в каком-то проступке, списки товарищей, с которыми им следует или не следует общаться. Благодаря такой политике старшие укрепляют свою власть, полноправно владычествуя над мелкими изолирован-

ными группами и уж тем более легко подавляя любой протест, идущий со стороны одиночек. Но таких, впрочем, раз-два и обчелся. Мальчикам, не сумевшим обзавестись приятелями, трудно долго терпеть оскорбления, которым их постоянно подвергают: они либо уходят, либо умирают, либо становятся лицемерами и притворяются, будто внезапно поглупели, в надежде, что их впустят в стадо избранных.

Первый совет, который я выслушал в Сен-Сюльписе от одного из учеников, был следующим: «Никогда не говорите здесь то, что вы на самом деле думаете, даже если вы уверены в собственной правоте. А лучше вообще как можно реже открывайте рот: стены имеют уши, а эхо разносится далеко». И еще, уже от одного из старших: «Живите здесь, как будто вы один; не обращайте внимания на других, словно их нет; остерегайтесь своей набожности и порывов сердца. Отдавайте предпочтение скупым каждодневным деяниям, нежели утешению вырвавшейся из души молитвы; живите, наконец, во имя устава и по уставу, иначе вам здесь несдобровать».

Вернувшись в келью, охваченный унынием и душевной болью, я, презрев увещевания священника, принялся молиться, проливая обильные слезы, которые меня немного утешили. Мой долг, рассудил я, — растопить лед этих не ведающих милосердия сердец. Мне вдруг стало бесконечно жаль религию, предоставленную заботам таких своих чад. Чудилось, будто она протягивает ко мне руки и молвит: «Сын мой, ужели ты тоже вознамерился покинуть меня, презрев мое вдовство и обездоленность?»... Нет! — воскликнул я тогда с пылом и преданностью, свойственным юношеским летам, и дал себе зарок остаться в семинарии и стойко перенести все невзгоды.

В течение первых месяцев, проведенных в семинарии, я держался лишь благодаря присущему мне оптимизму и почти истерической восторженности; я обращал к Богу отчаянные молитвы, такие, как эта, что я нашел среди бумаг того времени:

Измучена в ночи душа Твоей загадкой,
Желаньем с горечью невыносимо сладкой;
Так я Тебя зову, не смея называть,
С тех пор, как по Тебе я начал тосковать.
Источник Ты; томлюсь по Твоему я благу,
Но мой мешает пыл хромающему шагу;
Алкают лишь Тебя иссохшие уста;
Душа вкусила тайн Твоих и не сыта,
И скорбь мне кажется, как ненависть, могучей;
Палит она меня, с любовью схожа жгучей.
Я в жертву принести готов Тебе Тебя
И все, что выстрадал я сам, с Тобой скорбя;
Счастливым быть в аду, Тебе поющем славу,
В отчаянье воспеть и там Твою державу,
Мне стать врагом Твоим средь гибельной тщеты,
Чтобы, убив себя, стать Богом, как и Ты,
Но для моей души я сам — застенок тесный,
Хоть пламень Твой влечет ее к Тебе, Небесный,
И рад бы до Тебя я дорасти, Ты Свет,
И в то же время рад в Тебе сойти на нет.
Исток всего, Ничто! Ты мне всего дороже.
Страдаю, так как я не Ты, но Ты я тоже,
И если б не было меня, как я бы мог
Тебя любить и впасть в бездонный Твой поток,
Не ведая Тебя, в Твоем теряться лоне,
Не зная, есть ли я, за кем же я в погоне,
Но только Ты блажен, и только Ты есть я,
И только Ты, Благой, — Начаток Бытия.

Так душа моя, предоставленная самой себе, одной лишь силою любви тянулась к Божественной Сущности, к великой религии будущего, способной

объединить всех живущих в одном-единственном существе, все науки — в одной-единственной идее, все сердца — в одной-единственной любви, тянулась, наконец, к пантеизму. Напрасно недобропорядочные люди стараются увести нас от него как можно дальше, якобы оберегая от чудовищной ошибки, он является высшим словом величественного учения Христа и его апостолов.

Пока еще покорный и истый католик, я чувствовал, что в именно в Боге заключена вся мировая любовь, но в слепом подчинении традициям признавал догму о существовании ада, однако хотя мой разум соглашался с этим чудовищным вымыслом манихейского дуализма, сердце мое в отчаянном крике протестовало против него. Мне хотелось стать Богом, но не для того, чтобы, приняв смерть на кресте, спасти жалкую кучку людей, а для того, чтобы обречь себя на муки вечные и, заполнив собою весь ад, уничтожить его, раздавив.

Вот гимн, который я сочинил под воздействием подобных мыслей:

Господь! Хочу Тебя любить, пусть не прощенный,
Возмездием Твоим навек отягощенный,
Чтоб менее меня виновный испытал,
Как Ты прощаешь тех, кто немощен и мал.
Я не к Небесному Отцу Тебя ревную,
Христос, хоть от Него воссел Ты одесную,
Не к золоту, что в дар Младенцу принесли
Цари-волхвы, узрев Твою звезду вдали,
И не к видению, когда в Твоем обличье
Явилось на горе Фавор в лучах величье.
Ревную к мукам я, как в гибельной тени
Воскликнул Ты: «Или́ лима́ савахфани!»
Так я теперь, когда потрясены основы
И звезды все с небес осыпаться готовы,
Хотел бы пострадать, как Бог страдает Сам

И за разорванной завесой видеть храм,
Чтоб камень кровь моя, пролившись, размягчила,
Чтоб мертвые, восстав, увидели светила,
Быть Богом и страдать, не помня, что я Бог,
А не червяк, чей век — в крови последний вздох;
«Я жажду», — говорить и знать: в преддверье гроба
Желчь с уксусом к моим устам подносит злоба,
И в скорби умирать, вскричав на склоне дня:
«Зачем же, Господи, покинул Ты меня?»
Во мраке побывать, где правит искуситель,
Увериться, что я для всех миров спаситель,
И, наконец, Тебе пожертвовать собой,
Заполнить ад и счесть его моей судьбой.

Как явствует из молитвы, добрый католический Бог был уже мной преодолен, и догма ада не могла долго устоять под натиском моей страстной любви к Богу и к человечеству[1].

Несмотря на то что А. Констан, несомненно, умел выражать стихами все переживания и чаяния измученной души, его все больше стало привлекать пение. Именно в Большой семинарии он попробовал свои силы в этом новом для себя занятии.

Во время каникул оставшиеся в опустевшем Исси ученики объединялись в небольшой хор, нередко под опекой того или иного прелата, из тех, кто не считал зазорным поощрить личным присутствием усилия начинающих певцов.

Подобное начинание, впрочем, не всем пришлось по вкусу, нашлись недоброжелатели, что выразили беспокойство по этому поводу, и аббату Констану пришлось даже однажды пожаловаться настоятелю семинарии; тот позволил ему отстаивать свое мнение, но *при условии, что оно будет выражено пением*. Так Учитель

[1] Abbé Constant. *Op. cit.* P. VII–XIII.

сделался автором и исполнителем собственных песен и, как свидетельствуют очевидцы, защитник из него вышел талантливый и умелый[1].

Распорядок дня Сен-Сюльписа требовал, чтобы семинаристы дважды в день сдавали экзамен совести[2], основанный на наставлениях, содержащихся в «Золотых стихах» Пифагора[3]. Каждому ученику надлежало сделать их перевод для личного пользования. Этот, рифмованный, принадлежит перу юного аббата А. Констана.

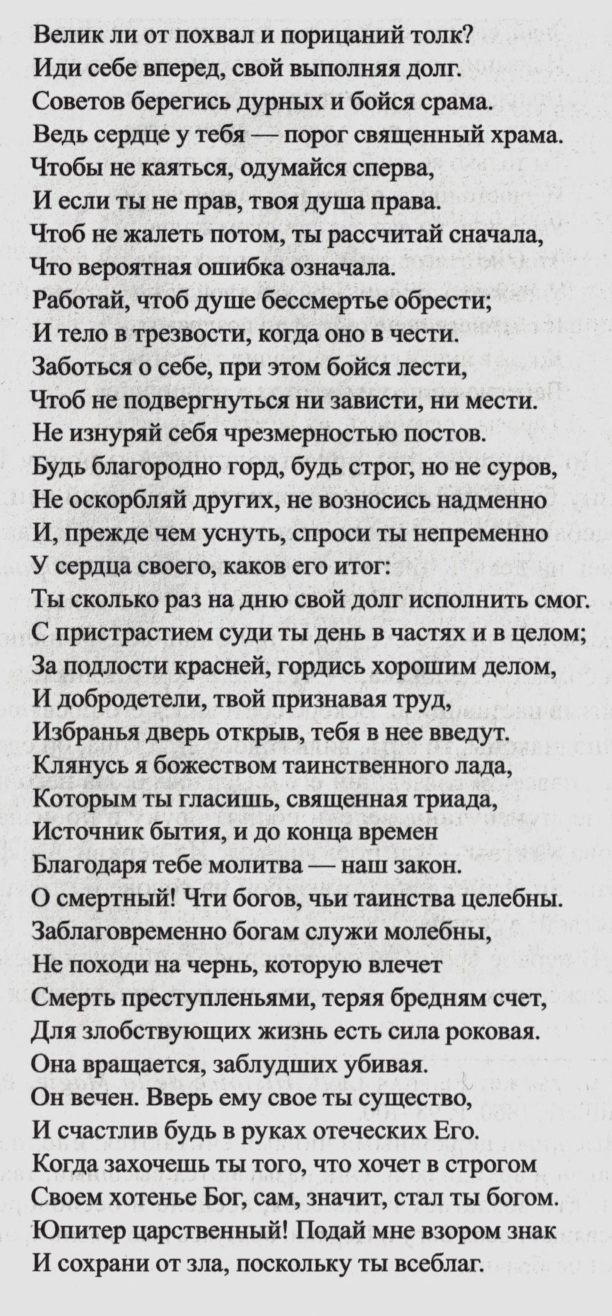
Заветов и богов ты жертва и ревнитель,
Героям преданный, их памяти хранитель.
Чти сон тех, кто почил, свой испытав уход;
Родителям воздай за тягость их забот.
Запомни: дружество — цветок, богам любезный;
Беседу возлюби, а также труд полезный.
Из-за безделицы друзей терять грешно.
Знай, смертный: подчинен судьбе ты все равно.
Старайся соблюдать в себе самом ты меру,
Смиряя голод, гнев, сонливость и Венеру.
Ты вызывающе не действуй никогда,
Чтоб не пришлось краснеть на людях со стыда.
Уверток избегай, служи закону честно
И знай: циничное притворство неуместно.
Запомни: смертному не умереть нельзя.
Твоя проходит жизнь, страданьями грозя.
В несчастье мудрого утешить могут боги.
Не стоит без нужды просить у них подмоги.

---

[1] A. Constant. *Dictionnaire de littérature chrétienne* («Словарь христианской литературы»). P. 314–315.

[2] См.: Abbé Fesch. *Au Séminaire Saint-Sulpice et les Sulpiciens* («Семинария Сен-Сюльписа и его обитатели»). Paris, Leday, 1891, in.-12. P. 76.

[3] См. также: Fabre d'Olivet. *Les Vers Dorés de Pythagore expliqués*. (С комментариями Гиерокла «Золотых стихов» Пифагора, переведенными на французский язык А. Дасье). Paris, Chacornac, 1923, in-8.

Велик ли от похвал и порицаний толк?
Иди себе вперед, свой выполняя долг.
Советов берегись дурных и бойся срама.
Ведь сердце у тебя — порог священный храма.
Чтобы не каяться, одумайся сперва,
И если ты не прав, твоя душа права.
Чтоб не жалеть потом, ты рассчитай сначала,
Что вероятная ошибка означала.
Работай, чтоб душе бессмертье обрести;
И тело в трезвости, когда оно в чести.
Заботься о себе, при этом бойся лести,
Чтоб не подвергнуться ни зависти, ни мести.
Не изнуряй себя чрезмерностью постов.
Будь благородно горд, будь строг, но не суров,
Не оскорбляй других, не возносись надменно
И, прежде чем уснуть, спроси ты непременно
У сердца своего, каков его итог:
Ты сколько раз на дню свой долг исполнить смог.
С пристрастием суди ты день в частях и в целом;
За подлости красней, гордись хорошим делом,
И добродетели, твой признавая труд,
Избранья дверь открыв, тебя в нее введут.
Клянусь я божеством таинственного лада,
Которым ты гласишь, священная триада,
Источник бытия, и до конца времен
Благодаря тебе молитва — наш закон.
О смертный! Чти богов, чьи таинства целебны.
Заблаговременно богам служи молебны,
Не походи на чернь, которую влечет
Смерть преступленьями, теряя бредням счет,
Для злобствующих жизнь есть сила роковая.
Она вращается, заблудших убивая.
Он вечен. Вверь ему свое ты существо,
И счастлив будь в руках отеческих Его.
Когда захочешь ты того, что хочет в строгом
Своем хотенье Бог, сам, значит, стал ты богом.
Юпитер царственный! Подай мне взором знак
И сохрани от зла, поскольку ты всеблаг.

Знай, сердце, свой состав духовный и телесный
И помни: род людской — от века род небесный.
Природой для него написан был устав:
Обязанностей ряд и в то же время прав.
Ты только верен будь науке безупречной
И удостоишься однажды славы вечной.
Умеренно ты ешь, не слишком жадно пей,
Чтоб не отягощать пожизненных цепей.
Упряжкою страстей пускай твой разум правит,
И с вознесением тебя эфир поздравит,
Когда в лучах его тончайших ты готов
Победно вознести свой дух к ногам богов.[1]

По завершении курса теологии Альфонсу Констану было предложено принять духовный сан. Поколебавшись в течение нескольких недель и удалившись на десять дней из семинарии, чтобы *собраться с мыслями*, А. Констан решился. В тот момент ему показалось — вот сколь хрупко и наполнено иллюзиями сознание человека, — что все в нем откликается на призыв наставников. Вскоре состоялось его посвящение в иподиаконы, то есть, вняв голосу епископа, он сделал шаг, навсегда связавший его с Церковью. На него надели черную сутану, велели поднять руку и произнести слова клятвы — он послушался. Из церкви Альфонс Констан вышел уже с тонзурой на голове и страшной клятвой[2] в сердце.

В первое время он совершенно не ощущал бремени наложенных на него уз: возвышенная, купавшаяся в эк-

---

[1] См. также: Éliphas Lévi. *Histoire de la Magie*, Paris, Baillière, 1860. P. 98–100.

[2] Высшими церковными чинами считаются: иподиакон, диакон и архидиакон. Они называются высшими, так как тот, кто возлагает их на себя, всецело и бесповоротно посвящает себя Богу и Церкви, обязуясь всю жизнь хранить обет безбрачия.

Адель Алленбах

(Из книги А.-Л. Констана «Красавицы Парижа»)

стазе душа приподнимала их до небес; земные страсти так крепко дремали, что представлялись ему навсегда умершими; чувства, задавленные с самого раннего детства монастырским воспитанием, не тревожили; он был счастлив, потому что сам искренне в это верил. Наступил наиболее мучительный период его жизни.

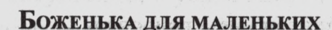
Признавая способности новоиспеченного иподиакона, начальство Сен-Сюльписа поручило ему вести один из курсов катехизиса и обучать учеников риторике. Вернее, учениц, а так как приход Сен-Сюльписа охватывал богатый аристократический район, то почти все приходившие на занятия юные девы происходили из знатных семей.

> Мои обязанности, такие утешительные и связанные с поэзией, казались мне настоящим счастьем: я воображал себя чуть ли не ангелом Божьим, ниспосланным этим крошкам для их приобщения к мудрости и добродетели; слова сами собой в изобилии слетали с моих уст, ибо сердце мое переполняли чувства, требовавшие выхода. Эти нежные и наивные юные души понимали меня и любили. Среди них я ощущал себя в родной семье, и это не было самообманом: мне доверчиво внимали, меня почитали и любили как отца[1].

По приведенному ниже небольшому стихотворному произведению, пронизанному добротой к детям, хорошо видно, что он умел снизойти до их еще несформировавшихся умов:

---

[1] Abbé Constant. *Op. cit.* P. XIII.

Боженька для маленьких

Моей маленькой Берте Д.

Как у тебя глазенки сини!
Ты веришь, Берта, в чудеса?
Урок для маленькой богини:
В твоих глазенках небеса.
Я тайну для тебя нарушу:
Душа повсюду, там и тут,
И эту мировую душу
Детишки Боженькой зовут.

А Боженька, любя земное,
Дарует кроликам корма,
Ягненку — платье шерстяное,
Чтоб не морозила зима;
Пернатых пестует плутишек,
Потом порхающих везде,
Ниспосылает им братишек,
Чтоб греться выводку в гнезде.

Велит, чтоб ночью птицы пели,
Чтоб щебетала хоть одна,
Во тьме, когда у колыбели
Мать одинокая грустна.
Луну, небесную лампаду,
Затепливает в поздний час
И сквозь туманную прохладу
Ведет по мрачным склонам нас.

От Боженьки не кто иные,
Как ангелы, святая рать, —
И добрые твои родные:
Сестра твоя, отец и мать.
А кто дрожащих греет вечно?
А от кого цветы весны?
Подумай, Берта, как сердечно
Любить мы Боженьку должны!

Жизнь предстоит нам трудовая.
Поймешь ты Божью правоту,
Своей любовью воздавая
Всевышнему за доброту.
Любовь не хочет знать отсрочек.
В сиянье детской чистоты,
Мой синеглазый ангелочек,
На Боженьку похожа ты[1].

Но однажды:

Бог вознаградил меня за мое искреннее усердие, послав мне то, что лишенные человеколюбия правоверные католики назвали бы *искушением*, а я для себя счел *посвящением в жизнь*.

Два года уже минуло с тех пор, как я начал читать девушкам катехизис, и вот однажды меня позвали в ризницу: кто-то хотел со мной поговорить. Передо мной стояла бедная, вся в лохмотьях, но богонравная по виду женщина, которая, представив мне болезненную девушку с бледным лицом, сказала: «Господин, я привела к вам свою дочь, чтобы она приняла первое причастие; священники, к которым я обращалась, прогоняли меня, стоило им увидеть нищую, а рядом с ней нездоровую, робкую и плохо одетую девушку. Я слышала, как отзывались о вас, и привела дочь сюда, чтобы умолять не только принять ее, но и взять под свою опеку и обучить ее, как если бы она была дочерью принца». Охваченный сильным волнением, я ответствовал ей: «Благодарю вас, добрая женщина, я понимаю сие желание и готов позаботиться о вашей дочери даже не как о дочери принца, а как о моей собственной». Девушка бросила на меня быстрый взгляд и, пробормотав слова благодарности, сно-

[1] См. также: A. Constant. *Les Trois Harmonies*. P. 114.

ва потупилась, я успел заметить лишь трогательное, целомудренное выражение ее лица и прекрасные глаза, светившиеся чистотою и любовью. Я возвратился в семинарию, объятый сладким трепетом, и мерзость жизни отступила от меня в тот день[1].

Девушку звали Адель Алленбах. Ее мать, убежденная католичка, супруга швейцарского офицера, эмигрировала около 1830 г. во Францию, испугавшись, что на чужбине вера ее дочери может пошатнуться. Обе женщины уже некоторое время провели в Париже, тяжелым трудом зарабатывая себе на скудное пропитание. Их жизнь, если учесть, какие благородные побуждения руководили ими, можно по праву назвать героической.

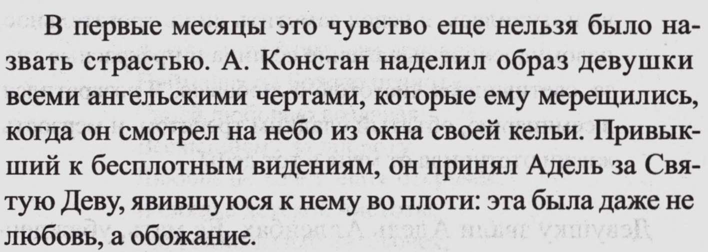
И все же напрасно аббат Констан последовал завету Того, кто изрек: «Когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых и слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных»[2]. Шаг воистину христианский, но неосторожный. Вынужденный часто видеть Адель Алленбах, он привязался к ней, а привязаться к красивой, простодушной, не испорченной жеманством девушке, когда ты сам еще молод, означает впустить в сердца обоих взаимное нежное чувство.

Надо признать, что никогда еще любовь не принимала, чтобы проникнуть в душу, столь хитроумного и коварного обличья: она предстала в образе юной девы с голубыми глазами, она заявила о себе, маскируясь под христианское милосердие; она постучалась чуть слышно в это наглухо закрытое от мира сердце, взывая к отцу и другу. И молодой иподиакон отворил ей и сказал: «Входи, дщерь моя. Добро пожаловать!».

---

[1] Abbé Constant. *Op. cit*. P. XIII и XIV.

[2] *Лк*. 14:14. — *Примеч. пер.*

В первые месяцы это чувство еще нельзя было назвать страстью. А. Констан наделил образ девушки всеми ангельскими чертами, которые ему мерещились, когда он смотрел на небо из окна своей кельи. Привыкший к бесплотным видениям, он принял Адель за Святую Деву, явившуюся к нему во плоти: эта была даже не любовь, а обожание.

Чтобы проникнуть в это молодое сердце, хранившее целомудрие, любовь должна была облечься в свои самые невинные формы. Явись она в одеяниях куртизанки, семинарист перекрестился бы и отвернулся. Но тут чувство овладело его душой с такой требовательностью, что он вначале даже встревожился: когда девушка читала требник и ее розовые пальчики ложились на пожелтевшие страницы, небрежно ими поигрывая, он терял чувство реальности; когда во время молитвы он произносил имя Святой Девы, перед его мысленным взором тотчас возникал образ Адель с золотистыми волосами и глазами цвета небесной лазури; и неважно, была ли она далеко или рядом с ним, любовь к ней не отпускала его, и даже уединение не приносило никакого облегчения его сердцу, ведь он любил не саму Адель Алленбах, а женщину, сокрытую в теле ребенка.

Выросший в тесном пространстве семинарии, с горизонтом, ограниченным стенами дворика и деревьями сада, А. Констан не имел возможности до сей поры испытать себя; любовь долго дремала в глубине его сердца, но теперь, согретая весенним теплом девичьего обаяния, она начала пробуждаться.

И уже вскоре келья стала казаться ему слишком одинокой, узы обета, навек связавшие его с религией, — нестерпимо тяжелыми, а сутана — безрадостно черной; он начал сомневаться во всем, во что прежде слепо верил. У божественной любви, как и у любой другой, глаза закрыты повязкой; когда она спадает, душа

погружается в зловещие сумерки. Художественные наклонности аббата Констана, не до конца подавленные постом и церковными запретами, внезапно ожили. Заточенный в свои обеты, будто в гроб, он почувствовал себя глубоко несчастным.

У него возникло ощущение, что прежде он пребывал в некой дреме или, точнее, очнулся от летаргического сна, во время которого над его безгласным и бесчувственным телом совершили мрачный обряд; голова его шла кругом. Тысячи странных мыслей, дотоле совершенно неведомых ему, преследовали его, не давая покоя ни днем, ни ночью; он говорил себе: эта женщина, следует признать, очень красива. И еще: с милой рай и в шалаше. И наконец: милостивый Бог, никому не отказывающий в небе над головой и в воде, не может отказывать и в любви. Констан призвал на помощь все силы небесные, но не дождался никакого отклика, и, подобно тем страдальцам, что, заживо погребенные, изгрызают от голода руки, он принялся терзать себе сердце.

Чем усерднее пытался А. Констан изгнать Адель Алленбах из своего воображения, тем больше он о ней думал. Религиозные практики настолько выхолостили чувства этого рано состарившегося юноши, что душа его не воспринимала ударов извне, угасший темперамент восполнился разумом, и мысли о девушке страшили его даже больше, чем ее присутствие. И самое печальное, что та, на которую была обращена эта запоздалая любовь, как нельзя лучше отвечала всем ее требованиям: разве не напоминала она своей худобой, бледностью лица, высоким лбом, светло-голубыми глазами Святую Деву, будто сошедшую с витража?

Приводимый нами ниже романс интересен тем, что он наглядно демонстрирует, какую чистую, поистине сыновью любовь, питал А. Констан к юному созданию, находившемуся под его покровительством:

Адель-дитя

На мотив: Увы! Любовь моя, вы постарели...

Адель, дитя, мой ангел ненаглядный,
Небесная, как небо, ты светла;
Целит меня твой аромат отрадный;
Как роза, ты внезапно расцвела.
Для роз других бег времени опасней,
Пугает их, грозит им каждый час,
А между тем ты с каждым днем прекрасней:
Не старится любовь, связуя нас.

Дразня меня улыбкой шаловливой,
Ты пальчиком печаль мою спугни,
А голос твой мелодией счастливой
В душе навек мои озвучил дни.
Крылатая пусть радость минет вскоре;
Ее крыла — твоих подобье глаз.
Мы два челна, пусть разлучит нас море,
Не старится любовь, связуя нас.

Я постарел до времени, возможно,
Но молодость мне возвращаешь ты,
И верится, что мудрствовал я ложно,
Что сердце мне врачуешь сердцем ты.
«Отец мой», — ты шутя мне шепчешь ныне.
Грядущее прекрасно без прикрас.
Став матерью, меня узнаешь в сыне.
Не старится любовь, связуя нас.

Тебе, Адель, желаю по тропинке
Идти весь век через цветущий луг,
Но вспомни ты при первой же слезинке,
Что у тебя есть в жизни верный друг.
При горестях, в беде, при неудаче
Не может быть, чтобы Господь не спас
К Нему вдвоем приникших в кротком плаче.
Не старится любовь, связуя нас.

Но отчего, откуда наши слезы?
В твоих глазах туманится лазурь.
Тревожат нас пока всего лишь грезы;
Чиста любовь, и далеко до бурь.
Но жизнь бежит, и тем она дороже,
И мы о ней вздохнем — в который раз? —
Но все же, пусть я старше, ты моложе,
Не старится любовь, связуя нас[1].

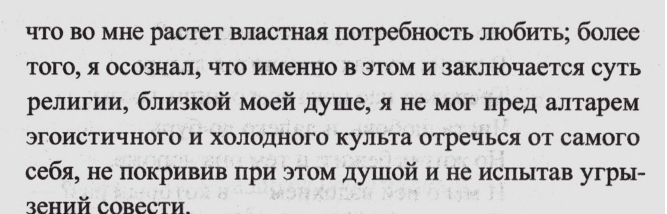
Сочинение таких милых шутливых стихотворений неизбежно должно было еще больше осложнить жизнь аббата Констана.

> Наши отношения были слишком невинными и слишком простодушными, чтобы думать о соблюдении мер предосторожности, но в приходе уже поползли слухи, и тут как раз настоятель семинарии сообщил мне, что в ближайшую неделю меня рукоположат в сан архидиакона[2].

Став диаконом 19 декабря 1835 г., А.-Л. Констан должен был пройти обряд рукоположения в мае 1836-го, однако, как мы увидим дальше, очередного сана так и не получил.

> Ход моих мыслей был потрясен; я впервые осознал, насколько далеко свернул с дороги католицизма, такого, каким он воспринимается в наши дни; целомудренная любовь, что смущала меня и в то же время делала счастливым, представилась вдруг непреодолимым препятствием к вступлению на жертвенный путь. Нельзя сказать, чтобы я любил Адель, как обычно любят женщину, ведь Адель была еще сущим ребенком, но благодаря своим чувствам к ней я понял,

[1] A. Constant. *Les Trois Harmonies*. P. 137.
[2] Abbé Constant. *Op. cit*. P. XV.

что во мне растет властная потребность любить; более того, я осознал, что именно в этом и заключается суть религии, близкой моей душе, я не мог пред алтарем эгоистичного и холодного культа отречься от самого себя, не покривив при этом душой и не испытав угрызений совести.

Тогда я признался настоятелю семинарии в возникшей у меня привязанности, пусть инфантильной, но уже всемогущественной, наполнившей и бесповоротно изменившей всю мою жизнь; он объявил мне в ответ, что я не могу принять рукоположения до тех пор, пока не исцелю своего сердца. Разговор наш состоялся с глазу на глаз и носил печать исповеди. Будучи не в силах по свойствам моего характера поступиться совестью, я добровольно поставил крест на собственном будущем и покинул семинарию в тот самый момент, когда уже почти достиг цели, которую ставил перед собой при поступлении в нее и к которой продвигался в тяжких трудах в течение пятнадцати лет учебы и самопожертвований. Стали поговаривать, что меня выгнали за тайные прегрешения, но мои наставники, зная, насколько беспочвенны и лживы подобные слухи, даже не дали себе труда их опровергать[1].

Об этом эпизоде своей личной жизни А. Констан поведал в книге «Библия Свободы» («Bible de la Liberté»):

Я полюбил девушку и ради нее заплутал в этом мире, но не мог дать ей ничего, кроме собственного сердца, поэтому она пренебрегла мной и ушла, ее не от мира сего любовь будто превратилась в открытую дверь для любого странника.

Я ни разу не пожалел, что полюбил ее: любовь сама по себе есть награда; и если бы сейчас она вернулась

[1] Abbé Constant. *Op. cit.* P. XV–XVI.

ко мне, я бы омыл слезами ее испачканное дорожной грязью платье, высушил бы поцелуями ее заплаканные глаза.

И возрадовался бы ее возвращению даже больше, чем если бы она никогда не покидала меня: ибо я люблю ее точно так же, как Бог любит меня[1].

Не станем обращать внимания на юношескую высокопарность стиля, с которой А. Констан описывает свои сердечные раны[2]; отметим лишь глубокую и пронзительную ноту правды, искренности[3], звучащую в его словах.

---

[1] A. Constant. *La Bible de la Liberté.* Paris, Le Gallois, 1841, in.-8. P. 35.

[2] См.: A. Esquiros. *Le Château d'Issy, ou Les mémoires d'un prêtre* («Замок Исси, или Мемуары священника»). Leipzig, Durr, 1860, in-32. P. 98.

[3] Адель Алленбах, о которой еще будет идти речь дальше, всю жизнь испытывала большое почтение к Учителю.

Глава II

А. Констан покидает Большую семинарию. — Самоубийство матери. — Актер А. Байель. — А. Констан играет в театре. — Талант рисовальщика. — А. Констан и его друзья. — Флора Тристан. — А. Эскирос. — «Красавицы Парижа». — О. де Бальзак. — Мапа. — А. Констан сожалеет об уходе из семинарии. — Отъезд в Солемское аббатство. — «Куст майской розы». — А. Констан и мистицизм. — Возвращение в Париж. — Жюйи. — «Библия свободы». — А. Констан в тюрьме

Аббат Констан покинул Большую семинарию в июне 1836 г. Но как жить в миру с тонзурой на голове? Волосы, конечно, отрастут, но сможет ли забвение со временем стереть след клятв, запечатленных в сердце? У А. Констана даже возникла идея вступить в орден цистерцианцев:

> Я не хочу, — *писал он одному из друзей*, — возвращаться в мир, ведь лучшая часть моей жизни отдана семинарии. К чему влачить здесь унизительное нищенское существование отступника?

Однако цистерцианское аббатство Нотр-Дам-де-ла-Трапп находилось далеко, да и друзья отговаривали его ехать, вот он и остался в Париже.

Мать аббата Констана, старая, немощная женщина, все свои надежды возлагала на сына, и уход того из семинарии стал для нее настоящей трагедией, хотя виду она и не подала. Однако несколько недель спустя зашедшая к ней скоротать вечер подруга тщетно пыталась до нее достучаться. Испугавшись, та спустилась вниз и позвала на помощь. Дверь взломали, и о боже!

Мать Констана неподвижно лежала на кровати, сжимая окоченевшей рукой кочергу, которой перед смертью разгребала угли в стоявшей неподалеку и еще хранившей тепло жаровне. В комнате висела удушливая пелена дыма — бедная отчаявшаяся женщина покончила с собой! В течение трех недель она постоянно откладывала немного угля из того количества, что ей давали, и, поскольку за ней следили после первой неудавшейся попытки самоубийства, тщательно прятала его от посторонних глаз в углу комнаты, проявив для расставания с жизнью не меньше осторожности, хитрости и настойчивости, чем Латюд при побеге из Бастилии.

Добровольная кончина матери ввергла аббата Констана в глубокую печаль, еще более безысходную оттого, что к ней добавилась грусть от разлуки с юной прелестницей, которую он так любил!

> И показалось тогда, — *говорит он*, — что всякая вера и надежда покинули меня; сатанинский смех исказил мой рот, и, устыдившись прежних мыслей о добре, разочаровавшись в собственных добродетелях, я возжелал смерти[1].

Целый год он провел в пансионе, располагавшемся в окрестностях Парижа. Год душевной боли и унижений.

> Я покинул этот пансион, преподаватели которого ненавидели меня столь же сильно, как дети любили, и впервые начал жить в миру, пытаясь найти работу, чтобы обеспечить себе будущее[2].

А. Констан очутился в крайне затруднительном положении. Мешало и то, что годы, проведенные в семи-

[1] Abbé Constant. *Op. cit.* P. XVI.
[2] Ibid. P. XVII.

нарии оставили на нем свой отпечаток: его сдержанный, строгий вид отличал его от сверстников, взгляд голубых глаз казался потухшим, от постоянных забот на лбу появились большие залысины, будто природа сама поспешила отметить его голову вечной тонзурой.

> Бедный бродячий актер, с которым я познакомился в первые годы учебы, когда тот был еще совсем ребенком, пришел навестить меня; растроганный зрелищем моего бедственного положения, он сделал мне на редкость щедрое предложение, а дабы принудить меня согласиться, даже пошел на маленькую хитрость[1].

Актера звали Аристид Байель. А. Констан отправился вместе с ним в турне по провинции.

В городе N, когда в один из вечеров давали «Федру», игравший роль Терамена Байель неожиданно почувствовал недомогание и сообщил, что не в состоянии выйти на сцену. Легко представить, какой это был жестокий удар по всей труппе, не знавшей, как выйти из затруднения. На мольбы о помощи отчаявшегося директора откликнулся А. Констан. Его быстро нарядили в костюм захворавшего Терамена, но увы! стоило ему появиться на сцене в слишком просторных для него хитоне и хламиде, как в зале раздался дружный смех и свист. Нисколько не смутившись, А. Констан начал свой монолог:

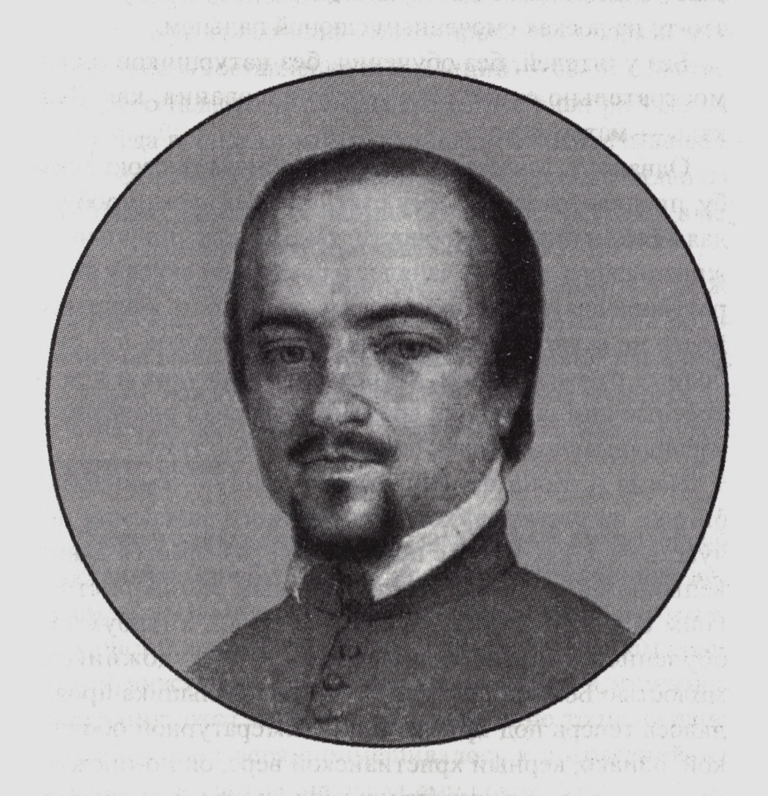
Царевич, где же ты искать его намерен?

И продекламировав его до конца, ни разу не сбившись, заслужил бурные аплодисменты публики[2].

---

[1] Abbé Constant. *Op. cit*. P. XVII.

[2] V.-E. Michelet. *Un drame d'Éliphas Lévi* («Драма Элифаса Леви») в журнале «L'Isis Moderne» («Современная Изида», № 4, janv. 1897. P. 194.

Альфонс-Луи Констан
— 1836 —
(Не публиковавшийся ранее портрет, нарисованный одним из его друзей)

Что и говорить, талантами А. Констан не был обделен. И вот тому лишнее подтверждение: можно сказать, что он появился на свет с врожденным даром художника. Отец его вспоминал, как однажды увидел своего еще совсем крошечного сына сидящим на полу и рисующим что-то на досках смоченным слюной пальцем.

Без учителей, без обучения, без натурщиков он самостоятельно освоил искусство рисования, как Паскаль — математику.

Однако А. Констан постарался обмануть свою судьбу, предначертавшую ему стать художником, пробуждая в себе и иные способности: так, помимо природного живописного дара, он занялся и развитием вкуса к литературной деятельности; впрочем, склонность к рисунку долго не соглашалась отойти на второй план, и в свободные от учебы часы, а также на каникулах и в воскресные дни он немало времени посвящал рисованию карандашом композиций на религиозную тему.

Когда А. Констан поступал в Большую семинарию, он еще на пороге духовного учебного заведения почувствовал, как в нем с новой силой разгорается давно вспыхнувшая борьба между молодым семинаристом, коим его воспитали — усердный труд и хитроумное обучение не могли пройти даром, — и художником милостью Божьей. Его дарование рисовальщика проявлялось теперь под привитой ему литературной оболочкой, однако, верный христианской вере, он по-прежнему слушал своего старого учителя, который до сих пор служил ему наставником.

Однако с какой мятежной силой ни бушевала в нем любовь к рисованию и как ему ни приходилось укрощать ее, это была не единственная его забота. Мир предстал перед ним в новом обличье: деревья казались ему нелепыми длинными шестами с нахлобученной сверху листвой; солнце — сияющим пятном; а природа в целом — сплошной иллюзией и игрой воображения,

чей эфемерный образ мелькает подобно видению, так что даже не стоит труда пытаться запечатлеть его на полотне: для него в мире оставалось лишь одно несомненно реальное, осязаемое и непреходящее существо: Бог.

Покинув стены Сен-Сюльписа, А. Констан вновь ощутил вкус к рисованию. В нем проснулась поразительная легкость составления композиций — свидетельство большого таланта, однако накопленный опыт рисования не всегда поспевал за его идеями: голова оказывалась быстрее рук. Его превосходные врожденные таланты следовало развивать с ранних лет и более усердно; в искусстве далеко не все допускает импровизацию.

Несомненно, в А. Констане таился большой художник: но этот художник, наполовину задавленный религиозным воспитанием, слишком поздно явился в мир и, придя не вовремя, зачах, ведь под хрупкой внешней человеческой оболочкой он по-прежнему скрывал в себе бывшего аббата.

Даже у самых деятельных, закаленных духом людей случаются порой тяжелые кризисы, отбирающие все силы. А легко представить себе внутреннее состояние А. Констана, который, после всех пережитых им перипетий, чувствовал себя одиноким и лишним в этом мире. Раскаяние, этот червь, что беспрестанно точит сердце, когда умирает вера, примешивалось к потрясению от жизненных невзгод, не давая ему покоя. Христианское смирение отвращало от него приятелей, сторонившихся его, будто душевнобольного. Но ведь А. Констан не был мрачным и желчным человеком, вовсе нет, таким делало его осознание своего глубокого несчастья.

Но нашлась женщина, пожалевшая его. Знакомство с Флорой Тристан, одним из апостолов социализма, стало, без всякого сомнения, одной из причин глубоких изменений, произошедших в уме А. Констана.

Флора Тристан была наделена пылким воображением, холодным разумом, впечатляющей красотой и главное — весьма редкой у представительниц слабого пола отвагой. Вся ее жизнь была посвящена делу, а дело основывалось на любви к ближним.

Родившаяся в Париже 7 апреля 1803 г., она была дочерью дона Мариано де Тристана, бывшего полковника на службе у короля Испании, и молодой француженки Терезы Леней. Отец умер, когда ей исполнилось четыре года. Так как родители Флоры лишь обвенчались и не состояли в гражданском браке, вдова осталась без наследства.

3 февраля 1821 г. восемнадцатилетняя Флора Тристан вышла замуж за господина Андре Шазаля, гравировщика по меди, брата господина профессора А. Шазаля, работавшего в Ботаническом саду. Этот брак нельзя было назвать счастливым, супруги расстались, и Флора Тристан забрала с собой обоих детей, Эрнеста и Алину[1].

Вынужденная странствовать, она несколько раз оказывалась под арестом, так как ее принимали за герцогиню Берри, с которой у нее было некоторое сходство.

Флора Тристан поддерживала связь с родителями своего отца, жившими в Перу. И однажды в отчаянии решила отправиться к ним, в надежде получить хотя бы часть наследства, принадлежавшего ей по праву кровного родства. Выехав из Бордо 7 апреля 1833 г., она уже в конце 1834 г. вернулась во Францию почти без всяких средств к существованию; старики не захотели принять внучку в лоно их семьи, раз ее отец не узаконил брак.

---

[1] Мадемуазель Алина Шазаль вышла замуж за господина Кловиса Гогена, журналиста, сотрудничавшего с газетой «National». Знаменитый художник Поль Гоген (7 июня 1848 — 5 мая 1903) — их сын.

1838 г. близился к завершению, когда Флора Тристан, нашедшая себе пристанище на улице Дю-Бак, обрела наконец некоторое спокойствие в жизни: суд департамента Сены развел ее с мужем, после чего она смогла полностью отдаться изучению социальных проблем. Именно к этому времени относятся ее первые статьи в газетах «L'Artiste» и «Le Voleur», имевшие определенный успех. Она стала посещать литературные салоны и мастерские художников, где и встретила А. Констана, с которым у нее вскоре завязались дружеские отношения.

Флоре Тристан минуло тогда 34 года. И хотя черты ее лица не отличались особой правильностью, магнетический огонь ее глаз, будто вырывавшийся из-под длинных ресниц, производил такое сильное воздействие, что и думать было нельзя о каком-то несовершенстве внешнего облика, настолько гипнотизировал взгляд.

Наделенный высшей духовностью А. Констан был вполне способен стать другом красивой женщины, не навязываясь в любовники; его нежная привязанность была лишена каких-либо эгоистических интересов и личной выгоды. Немудрено, что его речи произвели большое впечатление на Флору Тристан.

Однажды, когда она решила посоветоваться с А. Констаном, как ей повести себя с мужем, требовавшим вернуть ему сына, тот ответил ей:

> Поскольку Вы, бедная женщина с израненным сердцем, воззвали к моему разуму, веря в то, что я способен помочь Вам, то, с Божьего соизволения, попробую ответить на заданный мне вопрос.
>
> Не тщите себя иллюзиями, что любовь к человеку, на которого Вы изволите жаловаться, окончательно угасла в Вашей душе; как надежда осталась на дне сосуда Пандоры, точно так же и прощение сохраняется в глубине женского сердца, а именно через прощение

3*

пробуждается раскаяние, позволяющее вновь обрести утраченную любовь.

Прегрешения Вашего супруга, должно быть, весьма значительны, раз Вы перестали его любить; однако если Вы будет столь неумолимо отвергать саму идею его возвращения, то и он в свою очередь приобретет право обвинять Вас и утверждать, что Вы никогда его не любили.

Итак, мне остается лишь предложить вам обоим прибегнуть к решению Соломона.

Возьмите вашего общего ребенка и разрубите его пополам, пусть каждому достанется по половине, только в этом случае вы сможете навсегда расстаться с супругом.

Ибо если он не оттолкнет сына, то будет владеть им. Посудите сами, несчастная мать, захотите ли вы отказаться от собственного чада и навсегда покинуть его.

Так будьте же настоящей женщиной и простите! Будьте настоящей матерью и страдайте, раз такова судьба.

Если ваших два страдающих и жестоко оскорбленных сердца не способны сблизиться, не кровоточа и не распаляясь сильнее, расстаньтесь на неопределенный срок: временная разлука вернет Вам покой, а одиночество, быть может, заставит обоих испытать сожаление, способное оживить любовь.

А до той поры оставайтесь друзьями, ибо вы одинаково несчастны.

И не надо осыпать друг друга упреками и озлобляться, ведь между вами — Бог. Посему не вынуждайте Его из-за раздоров покинуть Вас, так как оба нуждаетесь в Его всемогуществе и любви.

Нельзя залечить рану, постоянно растравляя ее, дайте ей постепенно зарубцеваться. Что касается Вас, любезная женщина, то остерегитесь в дни грус-

ти впускать в сердце тревогу и не надейтесь обрести умиротворение в новых привязанностях, они лишь навсегда отдалят Вас от материнского долга.

До сего дня Вы блюли добродетель и были сильны духом, не сдавайтесь и впредь, ибо нуждаетесь в этом сейчас более, чем когда-либо, так как в час битвы не следует ни дозволять дреме овладевать собой, ни, наоборот, давать волю нервам.

Знайте же, что врата в небесное царство любви узки и открываются туго, тот, кто пытается войти в него, не прилагая усилий и ничем не утруждая себя, идет против Бога и будет Им повержен в прах.

Мужества Вам и терпения; постарайтесь успокоить душу сладкими мыслями о любви и милосердии, и верьте, что Утешитель не оставит Вас одну во вдовстве сердца: он непременно снизойдет к Вам[1].

Именно по настоянию А. Констана Флора написала воспоминания, вышедшие в 1838 г. под названием «Скитания парии» («Pérégrinations d'une Paria»)[2] и имевшие большой резонанс.

10 сентября 1838 г. господин А. Шазаль посягнул на жизнь своей супруги[3], и лишь благодаря собственному мужеству и преданному и заботливому уходу окружа-

---

[1] Abbé Constant. *Doctrines religieuses et sociales* («Религиозные и социальные доктрины»). Paris, A. Le Gallois, 1841. P. 29–31. Публикуемая нами цитата опровергает бытовавшую до сих пор легенду о чувственной любви, якобы связывавшей Флору Тристан и А. Констана. На самом деле все было иначе.

[2] Flora Tristan. *Mémoires et Pérégrinations d'une Paria* (1833–1834). Paris, Ladvocat, 1838, 2 vol. in-8.

[3] Представ перед судом присяжных департамента Сена, господин А. Шазаль был приговорен к двадцати годам каторжных работ. Амнистированный после 17 лет каторги, он умер в 1860 г.

ющих Флора Тристан была спасена; тем не менее с той поры она уже просто доживала свой век.

Некоторое время спустя появился роман «Мефис» («Méphis»)[1], первое социальное произведение Флоры Тристан.

Постоянно общавшийся с автором книги, А. Констан не мог, естественно, не набраться коммунистических идей, однако все же ни в то время, ни позднее теоретические основы учения он так и не принял. Тем не менее, можно утверждать, что именно Флора Тристан подвигла на творчество будущего автора «Библии свободы».

В их отношениях наступит небольшой перерыв, когда в 1839 г. Флора Тристан отправится в свою четвертую, и последнюю, поездку в Англию. Но затем, как мы увидим, она вновь примет самое непосредственное участие в жизни А. Констана.

Еще одна дружба, зародившаяся в детские годы, будет служить для А. Констана не только превосходным утешением, но и счастливой возможностью сводить концы с концами.

Коренной парижанин Альфонс Эскирос[2], вопреки всем бытующим утверждениям, учился вместе с ним в Малой семинарии. Окончив учебу и получив классическое образование, он вернулся к мирской жизни и полностью окунулся в литературу.

В 1838 г. он издал свой первый, фантастический, роман «Маг» («Le Magicien»)[3], который и сделал ему имя.

Хорошо зная о таланте А. Констана-рисовальщика, А. Эскирос основывает вместе с ним и еще несколь-

---

[1] Flora Tristan. *Méphis*. Paris, Ladvocat, 1838, 2 vol. in-8. Один из персонажей романа — художник Альберт, без всякого сомнения, представляет собой впечатляющий по художественной силе портрет А. Констана.

[2] Анри-Альфонс Эскирос родился в 1814 г. в Париже.

[3] A. Esquiros. *Le Magicien*. Paris, Desessart. 1838, 2 vol. in-8.

кими своими друзьями ежемесячный художественный журнал — «Красавицы Парижа»[1].

Созданный к нему А. Констаном фронтиспис показывает, насколько мастерски умел он выражать в композиции основную идею иллюстрированного им издания.

Работа в «Красавицах Парижа» заключалась для А. Констана в том, что он рисовал одну за другой очаровательные женские головки, чью ослепительную красоту восхвалял затем А. Эскирос.

Как нетрудно догадаться, ему пришлось стать завсегдатаем многочисленных салонов, чтобы набрасывать эскизные портреты самых обаятельных актрис, танцовщиц, известных светских львиц и женщин строгих нравов, тех, кого величают синим чулком[2].

Однажды, находясь в доме у мадемуазель де Жирарден, чей портрет он тоже нарисовал, А. Констан познакомился с Оноре де Бальзаком, находившимся тогда в зените славы. Увы, как бы нам ни хотелось описать историю их дальнейших отношений[3], мы вынуждены

---

[1] *Les Belles Femmes de Paris et de la Province, par des hommes de lettres et des hommes du monde* («Красавицы Парижа и провинции глазами литераторов и людей света»). Paris, 1839–1840, 2 vol., *Lettres aux Belles Femmes* («Письма красавицам»). Paris, 1840, 3 vol. in-8. С фронтисписом и 49 портретами (литографии на китайской бумаге).

[2] См.: *Éliphas Lévi et son œuvre* («Элифас Леви и его творчество»), рукопись находится в стадии подготовки.

[3] В газете «Evénement» от 26 августа 1866 г. господин Ж. Кларти заявляет, что аббат Констан являлся большим другом Бальзака, и добавляет: «Бальзак позаимствовал у Констана немало идей для своих мистических романов «Луи Ламбер», «Серафита и Серафитус». Подобное утверждение ошибочно, так как «Луи Ламбер» вышел в свет в 1832 г, а «Серафита и Серафитус» в 1835 г. Первый отображает жизнь Бальзака в молодости, а «Серафита и Серафитус» вдохновлена госпожой Ганьской, его будущей супругой.

ограничиться констатацией факта их знакомства, поскольку никаких сведений на этот счет не сохранилось.

Нам известно лишь, что Бальзак был знаком с наиболее видными людьми своей эпохи, ни одного из них никогда не предавал и навсегда сохранял с ними дружеские отношения.

Сам А. Констан был немногословен и посвятил великому романисту лишь несколько строк[1]:

> Господин де Бальзак, обладавший наивысшим из всех современных писателей даром к анализу, сумел достаточно полно охарактеризовать в трех новеллах, составляющих его Мистическую Книгу,

---

[1] Оноре де Бальзак родился в Туре 16 мая 1799 г. а умер в Париже 18 августа 1850 г. Его считали ясновидящим. Мало кто мог сравниться с ним по дерзости и необычности проникновений в *Тайну*. Хотя и лишь частично посвященный, он сумел обо всем догадаться благодаря мощи своего гения.

Наделенный превосходной памятью Бальзак уже к 15 годам, в результате усидчивого чтения, своей главной страсти, владел обширными знаниями. В 1813 г. вместе с родителями он переехал в Париж. В возрасте 18 лет Бальзак становится бакалавром и лиценциатом филологических наук. После того как он отказался поступить на службу в нотариальную контору, отец бросил его одного в Париже без средств к существованию. Не страшась трудов праведных и не жалуясь на нищету, Бальзак создает за свою жизнь столько произведений, что их хватило на 60 томов. Его первые литературные опыты оказались, правда, не слишком удачными, и ему пришлось заняться типографским делом — сущая катастрофа для молодого автора. И тем не менее Бальзак сумел вернуться в литературу; полностью погрузившись в творчество, он создал такое гигантское по размаху идей и объему произведение, как «Человеческая комедия». Бальзака можно по праву назвать философом, мыслителем и поэтом.

Фронтиспис А. Констана

для журнала «Красавицы Парижа»

систему Сведенборга, к которой он добавил немного и от себя[1].

Майским утром 1839 г. А. Эскирос нанес своему другу визит и между ними состоялся следующий диалог:

— Не хотите ли пойти со мной взглянуть на мапа? — предложил Эскирос.

— А что такое мапа? — поинтересовался в ответ Констан.

— Это бог.

— Тогда нет, увольте! Предпочитаю богов невидимых.

— Помилосердствуйте, более великолепного, красноречивого и жизнерадостного безумца мне прежде не приходилось видеть!

— Друг мой, я боюсь сумасшедших. Сумасшествие — штука заразная.

— Да что вы такое говорите, друг мой! Я же хожу к вам в гости, и ничего!

— И то верно! Ну, раз вы так настаиваете, давайте поглядим на вашего мапа[2].

Мапа, чье настоящее имя было Ганно[3], жил в цокольном этаже здания на острове Сен-Луи.

---

[1] A. Constant. *Dictionnaire de littérature chrétienne*. P. 898.

[2] Éliphas Lévi. *Histoire de la Magie*. P. 260.

[3] Жан-Симон Ганно родился в городе Лорм (департамент Ньевр) около 1800 г. Сын шляпных дел мастера, он выучился на офицера медицинской службы. Большой знаток френологии, он по форме голов людей, приходивших к нему на консультацию, анализировал, задействуя своеобразное *второе зрение,* их характеры. В какой-то момент в его жизни произошел гигантский скачок, и он сделался *мапа*. Проповедуемая им доктрина, *эвадизм*, основывалась на равенстве полов. Его учениками какое-то время были Консидеран,

> Вообразите человека редкого ума, необычайно плодовитого художника, поэта настолько щедрого на образы и слова, что ему бывает порой трудно остановиться, — *скажет позднее о нем А. Констан.* — Гений его не знает ни минуты отдохновения, неиссякаемое красноречие всегда свежо, наполнено отвагой, задором и блистает удивительно точно найденными словами, помимо всего этого, у него вдохновенное сердце, по зову которого можно с радостью пойти хоть на распятье во имя спасения неблагодарных ближних своих[1].

Эта встреча произвела сильнейшее впечатление на обоих друзей и нашла отражение в их первых социальных трудах.

Между тем А. Констан никак не мог приспособиться к среде, в которой ему предстояло теперь жить:

> Я устроился, — *говорит он,* — в меблированных комнатах, заселенных сонмищами студентов и гризеток. Эти породы мужчин и женщин вызывают у меня жалость и отвращение. Мне довелось воочию лицезреть то, что они величают любовью, и присутствовать на их оргиях, я видел, как они возвращались домой с маскарада, еле передвигая ноги, пьяные, бледные, с всклокоченными волосами, перепачканные кровью. Все это вызывало у меня тошнотворное омерзение...[2]

Торе, Хетцель и Ф. Пиа. Единственный последователь Ганно, называвший себя Тот, кто был Кайо, оставил после себя апокалипсическое произведение «Ковчег Нового Союза»: CAILLAUX. *Arche de la Nouvelle Alliance*. Paris, Desessart, 1840, in-32. Умер Ганно в 1858 г.

[1] A. ERDAN. *La France Mystique* («Мистическая Франция»). Amsterdam, Meijer, 1858, 2 vol. in-16, t. II. P. 185.

[2] ABBÉ CONSTANT. *Op. cit*. P. XVII.

И ему оставалось лишь горько сожалеть о том, что его собственные молодые годы остались позади.

> Мне хотелось закрыть глаза и заткнуть уши, очистить голову от всех мыслей, заглушить ропот сердца и вновь беззаветно погрузиться в дорогое для меня служение, полностью отдавшись магии воспоминаний[1].
>
> О, сколько раз, находясь посреди крикливого хаоса, я ощущал, что мои глаза застилает слезами, стоит мне лишь подумать о чистой, сокрытой от посторонних глаз жизни, посвященной Богу и заполненной простой и доверительной практикой религиозных занятий!..[2]

Уступая непреодолимой силе, в течение двух лет подталкивавшей его вернуться на путь религии, А. Констан вечером одного из июльских дней 1839 г. отправляется в бенедиктинский монастырь Солема, твердо вознамерившись провести там остаток своих дней. Перед вами — прощальное письмо, написанное им другу Эскиросу:

> Прощай, мой друг: я уезжаю, и мы больше не свидимся с тобой в этом мире. Прости за сумбурное письмо, единственное, что я оставляю тебе на память о твоем друге детства, но мне трудно собраться с мыслями. Я умираю для этой жизни, и ты больше никогда меня не увидишь. Не тужи обо мне, прибереги лучше жалость для многострадальных людей и того общества, которое они создали. Мне от рождения суждено было быть счастливым: я обожал бы жену и детей, но, видит Бог, мне не суждено их иметь! Самоубийство ужасно, спору нет! Но общество толкает меня на ду-

---

[1] Abbé Constant (de Beaucourt). *Le Livre des Larmes*, Paris, Paulier, 1845, in-12. P. 165.
[2] Ibid. P. 208.

шевное самоубийство, гораздо более отвратительное, чем то, при котором умерщвляется тело. Нет, друг мой, я не сподвигнусь его совершить. Нищетой меня не испугать, но совесть — другое дело. Я не смог заставить ее замолчать и поэтому гибну! Прими мою самую искреннюю признательность за все, что ты сделал для меня. Не верю, что есть злые люди, есть просто обманутые. Прощай, Альфонс! Я любил тебя с ранних лет, всегда любил, уж и не знаю почему. А теперь вот уеду и даже не пожму тебе на прощание руку! Извини за корявый почерк, но глаза мои полны слез. Итак, прощай, мой бедный друг; я уезжаю завтра в шесть часов, уезжаю завтра, и никогда больше не увижу тебя. У меня не будет больше друзей, и если я лишусь твоей любви, то уже никто никогда не полюбит меня. Прощай! Ты сам все видишь: и то, что я плачу, и то, что я люблю тебя, но позабавит ли это тебя? Сомневаюсь, ибо ты не хуже меня знаешь, насколько мы оба с тобой несчастны. Ты не пришел повидаться со мной, я тоже не решился встретиться с тобой. Прощай!

А. Констан

На наш взгляд, главная беда Констана и причина всех его бед, всех обрушившихся на него превратностей судьбы заключаются в том, что он не появился на свет у обеспеченных родителей или в более разумно устроенном человеческом обществе. Природой ему было предначертано стать художником, но учеба в семинарии вынудила его отказаться от призвания и сделала из него дьякона, а несостоявшемуся художнику осталось лишь мучиться от нереализованных желаний и угрызений совести, чувствуя себя чужим как в миру, так и в монастыре.

Сразу после приезда в монастырь А. Констана поджидало новое разочарование: католическая вера,

которую он искал повсюду, по-прежнему ускользала от него.

Я познакомился в Солеме с бывшим учеником аббата Ламеннэ[1], весьма едким молодым священником, как раз под стать язвительному рвению воспринятой им школы; он считал себя аббатом, поскольку привез из Рима жезл и митру, за владение которыми с ним соперничал местный епископ. Собрав вокруг себя десятка два немощных или недовольных жизнью священников, не способных ни на что семинаристов и деревенских святош, он поселился в старом, полуразрушенном аббатстве, купленном за большие деньги, полученные от верной паствы. Аббат Солема ловко пользовался речами о папском деспотизме, которого уже не было и в помине и сохранившемся разве что в воспоминаниях о нем, чтобы протестовать против власти епископов, единственной власти, представляющей еще реальную силу в нынешней католической организации. Так, прикрываясь призывами к более строгому правоверному послушанию, он стал сам себе господином, втихомолку подрывая епископальную власть и никому не подчиняясь[2].

Мне подобные уловки пришлись не по вкусу, ибо в этой римско-католической войне не узрел я честности. После объяснений с аббатом Солема я впал в опалу. Вдобавок он рассердился на меня еще и за то, что я имел неосторожность открыть глаза двум явно потерявшим голову молодым людям, из которых собирались слепить воинствующих фанатов, готовых пойти на любое преступление. В результате не про-

---

[1] Аббатом Солема был Дом Геранже, ставший позднее историком аббатства (закрытого в 1880 г.).

[2] Dom Guéranger. *Institutions liturgiques.* Paris, 1840–1841–1851, 3 vol.

шло и года, как мне пришлось уехать, и единственное, о чем я сожалел, так это о том, что мне не удалось спасти этих двух бедных мальчиков, которые, ясно представив, что их ждало впереди, горько плакали, прощаясь со мной[1].

Во время пребывания в Солеме, аббат Констан опубликовал свой первый труд: «Куст майской розы» («Le Rosier de Mai»)[2]. Это не книга по теологии или литургии, а сборник песен, дополненный по традиции старинными легендами, а также всем тем, что набожное воображение смогло подсказать автору.

Аббатство Солема обладало весьма обширной библиотекой, насчитывавшей около 20 тысяч томов, — неисчерпаемый кладезь, из которого аббат Констан полными пригоршнями черпал все новые и новые сведения, пополняя свои и без того обширные запасы… и приближаясь к мистике.

В Солеме мне случайно попался в руки «Спиридион» («Spiridion») Жорж Санд[3]. Там же мне посчастливилось проштудировать учения древних гностиков, труды Отцов первобытной Церкви, книги святого Кассьена и других аскетов, наконец, благочестивые записки мистиков и, главное, восхитительные и до сих пор мало кому известные книги святой Гюйон[4].

Жизнь и творчество этой удивительной женщины приоткрыли передо мной завесы многих тайн, сквозь которые мне прежде не удавалось проникнуть; учение

---

[1] Abbé Constant. *Op. cit.* P. XVIII.

[2] A. Constant. *Le Rosier de Mai, ou La Guirlande de Marie* («Майский куст, или Венок Марии»). Paris, Gaume, 1839, in-8.

[3] G. Sand. *Spiridion*. Paris, Bonnaire, 1839, in-8.

[4] Госпожа Гюйон (1643–1717) — знаменитая женщина-мистик и основоположница квиетизма во Франции.

чистой любви и блаженного покоя души, отдающейся божественному Промыслу, полностью отвратили меня от идеи ада и свободной воли; отныне я воспринимал Бога, как единственное существо, в котором должна раствориться человеческая личность; призрак зла рассеялся, и я воскликнул:

Как преступление душе ни тяжело,
Зло Богом было бы, будь бесконечно зло.
. . . .
А вне Тебя ничто, и нет в Тебе проклятья,
Лишь вечности Твоей открытые объятья.
Двум бесконечностям нет места, Ты благой.
Ад? Если бы он был, то был бы Бог другой.
Бог против Бога — бред, невероятный въяве.
А если, Господи, Ты есть, я в Божьей славе.
На суд когда-нибудь меня Ты призови,
И если ад в Тебе, то это ад любви.

С удивлением отыскал я в пророчествах госпожи Гюйон слова о грядущем наступлении царства Святого Духа, царства любви и всеобщего единения, которого истинные христиане ждали с незапамятных времен; мне стало вдруг понятно, что культ девы Марии служит переходом между царством Христа и царством небесного Голубя.

Я узрел в этой прорицательнице жену из Апокалипсиса, что «имела во чреве своем и кричала от болей и мук рождения»[1]; мне открылся тайный смысл Песни Песней; я понял, почему жена ближе матери и почему брак считается последним среди семи таинств, ибо все должно закончиться вечным союзом жениха и невесты; и то, что мы называем злом и жи-

[1] Откр. 12:23. — *Примеч. пер.*

тейскими невзгодами, является лишь испытаниями, проявлениями зависти и тревогами любви.

Дыхание мое уподобилось дыханию человека, который после мучительного подъема взобрался на вершину крутой горы и видит перед собой радостную ширь сельского пейзажа; я торжествовал, ибо попирал ногами мерзкий лик Сатаны, чувствуя, что сердце мое распирает от гордости при мысли о том, что человечество будет спасено. Мне трудно было понять, как можно было поверить, пусть даже на мгновение, в доброго всемогущего Бога и в вечное проклятие.

Вся доктрина «Библии свободы» раскрылась тогда передо мной как неизбежное следствие только что постигнутых мною истин; мне не терпелось разделить со своими братьями те сокровища добродетели, что простерлись передо мной. Мне чудилось, в пылу охватившего меня восторга, что я обрел спасение мира!

Я покинул Солем, не ведая, что станется со мной, без денег, без смены одежды и белья; зато имея при себе хвалебное рекомендательное письмо, в котором преподобный отец аббат не счел себя вправе отказать мне. Сердце мое переполняли кротость и чувство обретенного покоя; я искренне простил всех, кто когда-либо причинил мне зло; осудил свое прежнее горестное усердие и отверг вскормленный ненавистью фанатизм; отныне я больше не верил в существование ада[1].

Мы воспроизводим рекомендательное письмо аббата Солема:

Fr. Prosper Ludovicus Paschalis Gueranger, *Abbas Sancti Petri de Solesmis et Superior Generalis Gongregationis Gallicae ordonis sancti Benedicti.*

[1] Abbé Constant. *Op. cit.* P. XIX, XXI.

Universi has litteras inspecturis Salutem in Domino.

Fidem facimus ac testamur omnibus ad quos pertinebit, Magistrum Alphonsum Ludovicum Constant diaconum, diœcesis Parisiensis quem in monasterio nostro commensalem per annum integrum habuimus, eximias per hoc tempus fidei orthodoxae, ecclesiasticæ pietatis morumque integritatis specimina prostitisse: quapropter eidem hoc nostrae verae in Christo affectionis testimonium ut quantum opus fuerit, valeat dedimus.

Datum in abbatia nostra Sancti Petri de Solesmis, sub signo sigiloque nostris, die vigesima sexta Augusti anno Domini millesimo octingentesimo quadragesimo.

Prosper Gueranger, Abbas Solesmensis
De mandato Rûm D. Abbatis
Fr. B. J. Lacombe, M. B., secretarius [1].

В результате аббат Констан снова оказался в ненавистном ему Париже, преследуемый нищетой и голодом.

---

[1] *Перевод:* Брат Проспер Луи Паскаль Геранже, аббат монастыря Сент-Пьера в Солеме и отец-настоятель французской Конгрегации ордена святого Бенуа.

Да пребудет благословение Господне на каждом, кто читает сии строки.

Сим письмом подтверждаем, что господин Альфонс Луи Констан, дьякон парижской епархии, проживший в нашем монастыре год в качестве гостя, является похвальным примером христианской веры, религиозной набожности и чистоты нравов. На основании сего и в подтверждение нашей к нему христианской любви и был выдан настоящий документ, дабы он мог воспользоваться им, как ему то будет угодно.

Составлено в аббатстве Сен-Пьер в Солеме и удостоверено нашей подписью и печатью двадцать шестого августа тысяча восемьсот сорокового года от Рождества Христова.

Бр. Проспер Геранже, аббат Солема
Составлено по указанию господина аббата
Бр. Б. Ж. Лакомб, М. Б. секретарь.

Я решил пойти представиться господину Аффру[1], который с недавнего времени был избран парижским архиепископом, и полностью подчиниться его власти. Вряд ли разумно отвергать приобретенные постулаты веры, думал я, собираясь прилюдно проявлять полную покорность. Господин Аффр принял меня с чопорной холодностью, которую, возможно, считал проявлением внутреннего достоинства, и предложил мне поработать преподавателем в Малой семинарии Сен-Никола под началом у аббата Дюпанлу[2].

Аббат Дюпанлу принял меня со свойственным ему наигранным благодушием, но с ответом стал тянуть: и в течение всего времени, пока я ждал, у меня не было ни сменного белья, ни хлеба. Один почтенный кюре Парижа пригласил меня пожить у него до тех пор, пока моя судьба не решится; однако ему отсоветовали связываться со мной, предупредив, что в противном случае он навлечет на себя гнев господина аббата Дюпанлу. Моему удивлению не было предела, когда мне донесли об этом проявлении скрытой недоброжелательности по отношению ко мне со стороны человека, которого я даже толком не знал. Мало того: мне наконец было заявлено, что двери Малой семинарии закрыты передо мной, причем никто даже не удосужился дать мне хоть какое-нибудь объяснение[3].

---

[1] Монсеньор Аффр (1793–1848).

[2] Монсеньор Дюпанлу (1802–1878) — член Французской академии.

[3] Abbé Constant. *Op. cit*. С. XXI и XXII. Это письмо, бесспорно, доказывает, что аббат Констан никогда не являлся преподавателем Малой семинарии, хотя упоминание этой должности и значится в статье о нем в «Словаре христианской литературы».

Мы коснемся теперь самого сложного периода жизни аббата Констана.

Разуверившись в человеческом милосердии, он попытался все же переубедить господина Аффра, ставшего для него последней надеждой.

> Я написал тогда архиепископу письмо, в котором, смирившись с гонениями и обращенной в мой адрес ложью, попросил его, мысленно сложив в мольбе руки, подыскать мне работу, пусть даже самую грязную, с больными в богадельне, позволив тем самым отдать всю свою жизнь без остатка делу милосердия. Моя просьба показалась прелату излишне честолюбивой.
>
> Через одного из своих секретарей, он велел изложить мое прошение в письменном виде. А затем сообщил, что походатайствовал за меня перед господином де Боншозом, управляющим коллежа де Жюйи[1], предположив, что в Жюйи не откажутся меня принять. Я безропотно отправился с визитом к этому аббату, готовый снова услышать отказ. Господин де Боншоз, допросив меня с пристрастием, словно обвиняемого в суде[2], пообещал мне, однако, предоставить комнату и дать несколько учеников. Это было именно то, на что я мог надеться, дабы не умереть с голоду. Ужели мое спасение так близко, возрадовался я, и мне стало стыдно, что осмелился подозревать архиепископа в недружелюбии.
>
> Пока я терпеливо ждал начала занятий в коллеже де Жюйи, мне предложили другое место, но я отверг его, даже не разузнав, о чем шла речь. Накануне того самого дня, когда я уже собирался отправиться в путь,

[1] Жюйи (Сена-и-Марн) — аббатство XIII в., превращенное в XVII в. в монастырь ораторианцев.

[2] Анри де Боншоз, бывший магистрат, умер в должности архиепископа Руана.

аббат де Боншоз пригласил меня к себе в свой парижский дом, где сообщил мне, что, согласно договоренности с монсеньором, ему нечего предложить мне, кроме места надзирателя или наставника, т.е. должности, которую в народе именуют «сторожевым псом».

Холод проник в мое сердце при этих словах, и я понял, в какую ловушку угодил. Но надо было жить дальше. Я заявил этому человеку, что согласен на все, кроме грубости и воинствующей безнравственности особ, коим меня пытались уподобить, и на следующий день[1] отправился в Жюйи со щемящим от глубокой печали сердцем.

Было холодно, а мне, чтобы кое-как свести концы с концами, пришлось отдать в заклад свое пальто, и теперь я мерз под тонкой истертой временем сутаной. Не удавалось мне отогреться и дома, поскольку поселился на продуваемом чердаке, служившем, в зависимости от обстоятельств, то карцером для нерадивых учеников, то псарней для дворовых собак: я сидел там в темноте, без огня, погруженный в горестные раздумья.

Так прошло два дня, после чего мне было заявлено, что пора, мол, приступить к исполнению возложенных на меня обязанностей и принять класс. Хотя мне достались, казалось бы, вконец испорченные ученики, я сумел, благодаря терпению и доброте, заставить их проникнуться симпатией к их учителю. Любовь учащихся к педагогу, что может быть чудовищней этого? — рассудил некий Гошлер[2], крещеный еврей, отвечавший за соблюдение дисциплины в коллеже, и, отобрав учебные часы, перевел меня, несмотря на протесты учеников, на должность простого надзира-

[1] 22 октября 1840 г.

[2] Аббат Исидор Гошлер стал позже директором коллежа Станислас.

теля, следящего за порядком во время перемен, положив мне при этом оклад, равный 400 франкам в год.

Этот упомянутый мною еврей словно поставил перед собой цель преследовать меня, доведя до белого каления. Можно было подумать, что мое умиротворенное и достойное поведение приводит его в бешенство; по крайней мере, обращаясь ко мне, он с трудом сдерживал вспышки раздражения и не раз оскорблял меня в присутствии учеников, немало тем возмущенных.

В этом печальном учебном заведении со мной обращались будто с узником: письма перехватывались, посылки вскрывались и осматривались, комната в мое отсутствие обыскивалась и все бумаги прочитывались. Я не раз имел возможность убеждаться в этом.

Трудно было избавиться от мысли, что все это делалось по указаниям сверху, и мне стало совершенно ясно, чего следует и в дальнейшем ждать от духовенства.

Именно в этот период я втайне от всех трудился над «Библией свободы». Легко понять поэтому причину моих возмущенных восклицаний, коими полна сия книга, ибо в них выражался мой протест против общества, моралисты которого насквозь испорчены.

Провидение пришло мне на помощь. Как-то раз в выходной день, благодаря в высшей степени счастливой случайности, я повстречал в Париже господина Ле Галлуа, которого уже видел однажды в компании с моим другом Альфонсом Эскиросом, чьим издателем он являлся. Я поведал ему о своей книге, и он преисполнился энтузиазма опубликовать ее. Обсудив с ним предложенные мне условия, я возвратился обратно в Жюйи.

Неделю спустя брат господина Огюста Ле Галлуа забрал у меня рукопись, а еще через неделю я получил первую корректуру.

Эта корректура, которую я уже не счел нужным скрывать от посторонних глаз, вызвала в монастыре серьезную обеспокоенность. Вскоре господин де Бон-шоз вызвал меня в Париж, где в то время находился. Сразу стало понятно, что моя тайна раскрыта. Я заявил, что мне нечего сказать господину де Боншозу и от него тоже ничего не жду, а потому просто собрал вещи и, покинув Жюйи, уехал в Париж, намереваясь ускорить выход книги.

В этот момент травившие меня доселе люди стали действовать более откровенно, а потому, как мне представляется, более достойно.

Одно духовное лицо, имя которого называть не стану, посетило меня и предложило от лица монсеньора архиепископа Парижа любую, какую ни назову, сумму денег, лишь бы я приостановил публикацию книги. Если мои осведомители не ошибаются, то мои недруги попытались таким способом договориться со мной лишь после того, как отпали все другие возможности из-за того, что правительство отказалось участвовать в заговоре.

Я ответил прелату, что могу поздравить себя с репутацией бунтаря и еретика, раз тем самым снискал право на его благодеяния, но что тем не менее я не торгую своими убеждениями, а кроме того, пожелай я даже отменить выход книги, то у меня бы ничего из этого не вышло, так как уже приняты специальные меры, чтобы издать ее за границей, в случае конфискации тиража в Париже[1].

«Библия свободы»[2] вышла в свет 13 февраля 1841 г. и тираж ее был конфискован в Версале уже через час

---

[1] Abbé Constant. *Op. cit*. P. XXII–XXIV.
[2] Abbé Constant. *La Bible de la Liberté*. Paris, Le Gallois, 1841, in-8.

после начала продажи; однако аббата Констана заранее предупредили о готовящемся изъятии книг, и большое количество экземпляров удалось спасти.

Духовенство не сдавалось и по-прежнему не оставляло попыток прибрать А. Констана к рукам.

> Меня начали убеждать, что следует отречься от книги, а взамен написать что-нибудь благопристойное. Их смущало, что я по-прежнему носил сутану, а поэтому они не хотели или просто не осмеливались наложить на книгу запрет. Я искренне ответил, что считаю недостойным стремиться к скандалу. Сутану же я не снял до сих пор только потому, что мне не во что было переодеться. Как только удалось разжиться одеждой, я тотчас снял с себя церковное облачение, которое, уверен, ничем не запятнал, останься я в нем, меня, несомненно, забросали бы комьями грязи. Духовенство увидело уступку в этом жесте: я же спокойно ждал начала судебного разбирательства, намереваясь выразить на нем то, что у меня наболело на душе[1].

Аббат Констан был арестован в первых числах февраля 1841 г. В книге «Богоматерь» («La Mère de Dieu»)[2] можно найти следующий отрывок, где громко слышатся жалобы измученной души, по-прежнему хранящей верность религиозному призванию:

> В ночь накануне Пасхи 1841[3] г. я спал на убогом ложе тюремной камеры[4], когда меня разбудил дальний перезвон колоколов, извещавший о скором наступ-

---

[1] Abbé Constant. *Op. cit.* P. XXVI et XXVII.

[2] Abbé Constant. *La Mère de Dieu* («Богоматерь. Религиозная и человеколюбивая эпопея»). Paris, Gosselin, 1844, in-18.

[3] 11 апреля 1841 г.

[4] Тюрьма Сен-Пелажи.

Флора Тристан

(Рисунок А.-Л. Констана из книги «Красавицы Парижа»)

лении праздника; он прозвучал отголоском навсегда ушедшей жизни, мне слышался в нем плач об угасшей вере и утраченных ценностях религии наших отцов[1].

Ступай вперед, о одинокий путник, несмотря на то, что разум оплакивает развенчанные иллюзии, а душа страдает от утраты веры. Дух явит тебе со временем всю тщету человеческой любви. И тогда твое сердце и плоть начнут кровоточить. Затем настанет день разочарований для твоих горделивых мыслей, никем не признанных: вот реальные и ужасные испытания обряда инициации; вот крест, который придется нести до самой вершины Голгофы, чтобы добиться высшего Освобождения. Только тогда врата Святилища распахнутся и ты познаешь глубочайшее умиротворение.

---

[1] Abbé Constant. *Op. cit*. P. 169.

Глава III

Суд над «Библией свободы». — Приговор аббату Констану. — Коммунистическая печать. — Кабе и газета «Le Populaire». — Социалистические газеты. — Полемика. — Ответ аббата Констана. — «Успение женщины», «Религиозные и социальные учения». — Оппозиционная печать. — Опровержение Кабе. — Сен-Пелажи. — Бедствия аббата Констана. — Чтение Сведенборга. — Эскирос и Ламеннэ. — Павильон принцев. — Флора Тристан и госпожа Легран. — Письма А. Констана госпоже Легран

После конфискации, по требованию королевского прокурора, тиража «Библии свободы» аббат Констан и издатель О. Ле Галлуа предстали перед судом присяжных по обвинению в посягательстве на частную собственность, а также на общественную и религиозную мораль.

После долгих поисков нам все же удалось отыскать отчет судебного разбирательства. И наиболее интересные отрывки из него мы публикуем[1].

Процесс состоялся 11 мая 1841 г. С утра уже на подступах к зданию суда присяжных толпился народ, и в зале собралось значительное количество газетчиков.

Судебные слушания шли под председательством господина Гранде, советника парижского королевского суда.

Аббат Констан был одет в гражданское платье. От защитника он отказался. О. Ле Галлуа взял себе в адвокаты господина Пуже, сумевшего добиться для него

[1] «Procès de “La Bible de la Liberté”» — судебные записи, собранные Жюлем Тома. Paris, Pilout, 1841, br. in-8.

оправдания в деле о «Евангелии народа» («L'Evangile du Peuple»)[1].

Прокурорское место занял господин Партарье-Лафосс, заместитель генерального прокурора.

После обычного выслушивания сторон слово было предоставлено прокурору, и тот произнес следующую обвинительную речь:

> Господа присяжные заседатели! Для любого нормального человека, испытывающего хоть малейшее уважение к святым понятиям, судебный процесс как этот, на котором вы присутствуете, вызывает чувство глубочайшего сожаления. Священник, давший клятву беззаветного служения христианской вере, воспользовался в борьбе против церкви оружием, которое та сама вложила ему в руки. Взращенный под сенью алтаря, он осквернил его ужасающим безбожием. Священные Писания, над которыми ему надлежало смиренно и сосредоточенно размышлять и которые должны были внушить ему доброту и кротость, нашли в его лице воинствующего бунтаря, извратившего их самым недостойным образом. Вселяющие наивысшее уважение имена, самые возвышенные строки — все

---

[1] Автором «Евангелия народа», вышедшего анонимно в ноябре 1840 г., являлся Альфонс Эскирос, друг аббата Констана. В нем дан философский и социальный комментарий жизни Христа. 30 января 1841 г. А. Эскирос был приговорен к восьми месяцам тюремного заключения и 500 франкам штрафа, а весь тираж книги по приказу суда подлежал уничтожению. Повторное издание (in-4), появившееся в 1851 г., постигла та же участь.

Отметим также, что «Евангелие народа» до последнего времени ошибочно приписывалось аббату Констану. См., напр.: Caillet. *Manuel bibliographique des Siences psychiques* («Биографический справочник психических наук»), p. 384, n° 2573.

умышленно искажено им с целью подорвать главные устои общества: правосудие, частную собственность, таинство брака, семью. Он проповедует злобу, неповиновение всем и вся: народа в государстве, родственников в семье, — поощряет даже непослушание ребенка в коллеже или в кругу близких. Призывая дать полную волю любым индивидуальным порывам, он тем самым заранее благословляет все зло, все мерзости, которые те способны породить. Не зная меры дозволенного, он оправдывает самые гнусные преступления, такие как кража, убийство, вплоть до лишения жизни собственного отца. Когда же настала пора придумать название этому собранию чудовищных мыслей, то в оскорбление Бога и в подражание Ему он осмелился назвать сочиненную им инфернальную книгу «Библией свободы»[1].

Затем генеральный адвокат зачитал вслух несколько отобранных им мест из «Библии свободы»[2], после чего заявил, что ему нечего добавить к оглашенным отрывкам, которые более чем убедительно, на его взгляд, объясняют оба пункта обвинения, выдвинутых против подсудимых. Он напомнил также, что О. Ле Галлуа уже участвовал в схожем судебном деле в качестве издателя «Евангелия народа», а потому — нет ему прощения, приговор должен непременно покарать и его преступное деяние.

---

[1] ABBÉ CONSTANT. *Op. cit.* P. 4.

[2] Вот названия глав книги: *Каин и Авель. — Любовь. — Свобода. — Мученики. — Рабство. — Семья. — Собственность. — Брак. — Воспитание. — Священник. — Происхождение Зла.* — Мы отметили курсивом те главы, что были воспроизведены в Le *Cathéchisme de la Paix* («Катехизис Мира») Элифаса Леви. Отсутствующие главы можно будет найти в книге «Элифас Леви и его творчество».

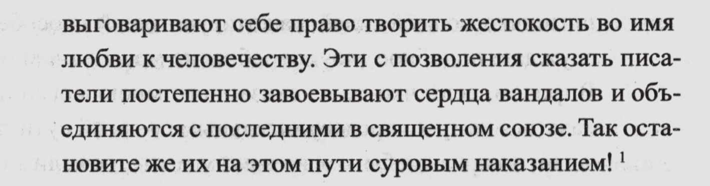
Свое выступление господин Партарре-Лафосс закончил следующим образом:

Книга аббата Констана одна из тех, что пропагандирует идеи особой секты, почерпнутые из общего для подобных творений ядовитого источника. Действительно существует некая школа, которая, вознеся на свой стяг имя бывшего священника[1], уже осужденного вашими предшественниками, хотела бы насадить бог весть какую чуждую нам религию, первым постулатом которой является свержение нынешнего социального строя, поскольку он, по их разумению, совершенно никуда не годится. Отвержение любой власти, призывы к абсолютной свободе, повсеместный бунт в самых различных его проявлениях — вот излюбленные средства этих жрецов гордыни, стремящихся лишить человека любых внутренних запретов путем возвеличивания того до небес, — и все это ради собственной мнимой власти, всякое ограничение коей ими категорически отвергается. Не следует обольщаться, полагая, будто все эти пустопорожние мечтания не представляют собой никакой угрозы. Всегда сыщется немало неокрепших умов, которых могут увлечь и соблазнить религиозная личина и мистические экстазы лжепророков.

В то время как разжигатели политических страстей, не мудрствуя лукаво, просто подстрекают массы на борьбу, обвиняемые, которых вы видите перед собой, и иже с ними воздвигают алтари ненависти, чтобы с их высоты славословить кинжалы бунтовщиков. Они пытаются убедить людей, что Бог на их стороне и что, ломая и круша все вокруг себя, они лишь выполняют возложенную на них святую миссию; представляя себя якобы орудиями законной мести, они

---

[1] Аббат Ламеннэ.

выговаривают себе право творить жестокость во имя любви к человечеству. Эти с позволения сказать писатели постепенно завоевывают сердца вандалов и объединяются с последними в священном союзе. Так остановите же их на этом пути суровым наказанием! [1]

Аббат Констан ответил:

Я не стану пытаться обелить мою книгу, и мне не нужно искать оправдания для излияний моей души. Плоть от плоти народа, я бедствовал вместе с ним, поэтому и осмелился стать глашатаем его страданий. Если они кажутся слишком горькими под моим пером, то это лишь потому, что мне довелось хлебнуть немало горя, да и сейчас живется не сладко. Разумеется, я не мог не сознавать, что нападаю на современное общество, как на его существующие институты, так и основы, однако искренне при этом полагал, что, посвящая жизнь борьбе за облегчение участи моих братьев, совершаю благородное и доброе дело. Можно, конечно, назвать мечты мученика безумием, но безумие это настолько достойно уважения, что мне никогда не придется краснеть от стыда.

Я ненавижу убийство и насилие, я осуждаю людскую несправедливость, независимо от того, во что рядятся неправые: в роскошные, расшитые золотом одежды или в рубище; меня приводят в ужас те, кто режет горло себе подобным, однако эксплуатацию я считаю не меньшим преступлением и уверен, что она столь же неправедна, как и воровство.

Моя единственная вина заключается в возвышенной любви к человечеству. Если мои речи с их гиперболичной энергией сподобились послужить толчком или оправданием каких-либо преступлений, то я ре-

[1] Abbé Constant. *Op. cit*. P. 19.

шительно, со всей силой, на которую только способен, осуждаю подобное злоупотребление моими словами. Впрочем, если что-то из сказанного мною могло показаться кому-то предосудительным по своей сути, то я охотно признал бы это, но в ином месте, нежели в суде. Здесь мне не остается ничего другого, как во всеуслышание признать авторство своего труда и принять на себя все вызванные его изданием последствия.

Если суд оправдает меня, то он таким образом согласится со мной и признает порочной существующую ныне форму общества. Впрочем, я не пытался отменить ваши законы, как и не намеревался выказывать им свое неуважение, я лишь посмел надеяться на их некоторое улучшение. Вы должны либо признать меня виновным, либо осудить все то, против чего я боролся.

Господа, судьи обязаны рассмотреть правонарушение и определить степень вины обвиняемого. Что касается самого дела, то вы оцените его, как посчитаете нужным, но прошу учесть вас, что обвиняемый — человек совестливый и считает себя сторонником мира и другом человечества, так будьте же к нему снисходительны, даже если придете к выводу, что он ошибался в своей преданности к братьям[1].

Господин Пуже, адвокат Ле Галлуа, попытался, но тщетно выручить своего подзащитного. Он представил его как простого издателя литературных и научных трудов, а отнюдь не как страстного любителя революционных публикаций. Затем он обратил внимание суда на то, что юристы всего мира строго различают автора книги и ее издателя. Последний действительно может быть признан виновным лишь в том случае, если он отказывается назвать имя автора осужденной книги или

[1] Abbé Constant. *Op. cit*. P. 19 и 20.

если она была опубликована им без согласия и специального разрешения автора[1].

> Такой принцип разумен, — *сказал он*, — так что постарайтесь, Господа, найти ему верное применение. Автор перед вами, и он согласен взять на себя всю ответственность за опубликование книги, ведь именно он отвечает за нее, именно ему принадлежат высказанные в ней идеи и именно под его эгидой находится издатель, совершенно не причастный к рассматриваемому ныне правонарушению[2].

И в завершение речи попросил оправдать Ле Галлуа. Однако он не удержался и произнес несколько слов в пользу автора «Библии свободы». Аббат Констан не принял дружески протянутую господином Пуже руку, и на реплику председателя суда, не желает ли он что-либо добавить в свое оправдание, заявил:

> Я протестую против того, что господин адвокат произнес сейчас в мою защиту. Он постарался убедить вас, будто я раскаиваюсь в том, что написал свою книгу: нет, господа, я ни в чем не раскаиваюсь. Если я снял сутану, то вовсе не потому, что стремился к скандалу, таким образом я протестовал против злоупотреблений католицизма, а совсем не против дисциплинарной власти моих духовных наставников. Архиепископ имел право запретить мне носить любой символ культа, и я не посмел бы оспаривать его решение. Впрочем, здесь, перед гражданским судом, я на-

[1] J.-P. Chassan. *Traité des délits et contraversions de la parole, de l'écriture et de la presse.* («Трактат о нарушениях и несоблюдениях закона в устной и письменной речи, а также в печати»). 1837–1839, 3 vol. in-8.
[2] Abbé Constant. *Op. cit.* P. 22.

> хожусь как *мирянин*, как обыкновенный гражданин. В качестве духовного лица мне следовало бы отвечать перед Церковью, только перед ней, перед ней одной я могу отвечать за свои религиозные взгляды[1].

О. Ле Галуа в своей последней речи заявил, что не снимает с себя ответственности за публикацию книги.

Когда присяжные заседатели удалились, чтобы принять решение, между молодыми адвокатами-стажерами, которых собралось немало в зале суда, разгорелась острая дискуссия. Идеи, высказанные в «Библии свободы», нашли среди них как убежденных противников, так и горячих сторонников.

Минут через десять присяжные заседатели вернулись в судебный зал: их вердикт был утвердительным по всем пунктам обвинения.

Суд приговорил аббата Констана к восьми месяцам тюремного заключения, а О. Ле Галлуа — к трем месяцам лишения свободы и обоих к двумстам-тремстам франкам штрафа[2].

Аббат Констан никогда не сожалел о том, что написал «Библию свободы». Разумеется, когда философские размышления возвысили его над мелкой политической суетой, он стал оценивать эту книгу скорее как воплощение юношеского задора, нежели как результат глубокого анализа, однако он всегда снисходительно относился ко всяким проявлениям молодости, и не только к чужим, но и к своим.

Не следует полагать, что рабочая и коммунистическая печать дружно заступилась за автора «Библии свободы». Так, адвокат Этьен Кабе, возглавлявший газету

---

[1] Abbé Constant. *Op. cit.* P. 23–24.

[2] Помимо вышеуказанного, суд постановил уничтожить тираж книги (газета «Moniteur» от 12 марта 1842 г.), который был изъят из продажи 30 марта 1841 г.

«Le Populaire»[1], а затем и «Icarien», спустя несколько месяцев после оглашения приговора выступил с нападками на аббата.

В номере от 25 июля 1841 г. Кабе, откровенно выступив на стороне противников Констана, подверг резкой критике его теории, признанные им опасными и достойными сурового осуждения.

Его мнение было поддержано, однако, далеко не всеми, и аббат Констан нашел убежденных сторонников в рабочих кругах. В парижских мастерских даже ходило письмо в защиту аббата Констана, написанное неким рабочим по имени Гримпель, под которым было собрано большое количество подписей. Вступилась за него и газета «L'Umanitaire»[2]: «Ты преисполнен самоотверженности и жажды действия, — можно было прочитать на ее страницах, — но напрасно ты толковал нам о Боге, Духе и Любви; мы признаем лишь природу и материю». Наконец, «La Fraternité»[3] под руководством молодого адвоката Пьера Леру, преподававшим спиритуалистическое и метафизическое учение, опубликовала в августовском номере 1841 г. несколько строк в осуждение агрессивной позиции Кабе.

Реплика-выпад газеты «La Fraternité» стала точкой отсчета начала волнений в рабочих кругах, как в поддержку, так и против Констана. Это возникшее в Париже движение достигло затем и провинции.

---

[1] «Le Populaire» — народная газета, посвященная вопросам социального переустройства общества (1841–1850).

[2] «L'Humanitaire» — печатный орган научно-социальной направленности, выпущенный под руководством Г. Шаравея и молодого рабочего М. Пийо, бывшего ученика аббата Констана в коллеже Жюйи. Вышло всего лишь два номера.

[3] Газета «La Fraternité» была основана в мае 1841 г. адвокатом Ричардом Лаотьером как спиритуалистическое и коммунистическое издание. После выхода трех номеров она ушла в небытие.

Если, например, коммунисты Живора выступили на стороне газеты «Le Populaire» и Кабе, то их, казалось бы, единомышленники в Лионе и часть коммунистов Тулузы поддержали «La Fraternité» и Констана. Так, в Лионе, газета «Le Travail»[1] воспроизвела заметку, появившуюся в «La Fraternité», сопроводив ее весьма нелицеприятными для Кабе комментариями.

Чтобы оправдаться в глазах друзей, аббат Констан выпустил одновременно два труда[2].

В «Успении женщины», своеобразной парафразе Песни Песней, он излагает историю собственной жизни и мотивы, побудившие его к публикации «Библии свободы». В одном из абзацев он клеймит руководителей демократической партии:

> Гордыня, честолюбие и алчность — таковы слагаемые души большинства из них; они рассуждают о самопожертвовании, а сами эгоисты, каких свет не видывал; твердят о братстве, а сами питают неприязнь друг к другу; проповедуют свободу и в то же время стремятся деспотически навязать окружающим тщедушные фантомы своего бесплодного мозга![3]

---

[1] Всего вышло четыре номера газеты «Le Travail», печатного органа социального обновления, основанной в июле 1841 г. Она исчезла вследствие судебного процесса против ее редакторов, затеянного правительством (см. № 3, сентябрь 1841 г.).

[2] Следует особо сказать, каким образом эти труды удалось опубликовать. Дело в том, что в те времена существовал обычай разрешать политическим заключенным выходить в город при условии, что они вернутся к назначенному часу. Аббат Констан мог, следовательно, встретиться с братом своего издателя Теодором Ле Галлуа и не только договориться об издании книг, но и способствовать ускорению процесса их печати.

[3] Abbé Constant. *Op. cit.* P. 102.

Вторая брошюра, «Религиозные и социальные учения» («Doctrines Religieuses et Socales»)[1], содержит толкование и оправдание «Библии свободы». Вот что говорит в ней аббат Констан:

> Если кое-кто признал себя в описанном мною мало лестном портрете лжереспубликанцев и бестолковых вожаков, то вместо того, чтобы гневаться и обливать меня хулой, пусть лучше постарается исправиться, либо... помолчит![2]

В ответ Кабе, посчитавший, что речь шла в первую очередь о нем, сообщил через газету «Le Populaire» от 5 сентября, что им готовится опровержение высказываний аббата Констана.

В тот же день «La Fraternité» напечатала:

> Мы получили следующее письмо, которое нас попросили опубликовать. Помогать человеку, страдающему из-за своих убеждений, — наш долг.
>
> *Брат и друг!*
>
> *Позвольте пожать Вашу руку и поблагодарить за братскую помощь. Как никогда прежде, я нуждаюсь в том, чтобы чувствовать, как благородные сердца бьются в унисон с моим. Мне хорошо известно, что нападки так и сыплются на меня со всех сторон. Многие газеты, слышу я, нещадно рвут меня в клочья. Даже здесь, в тюрьме, я остаюсь мишенью для клеветников. Мои письма перехватывались; отдельные фразы из них искажались, наполняясь чужим ядом, на них-то и опирался ходивший потом по рукам обвинительный акт, который четыре патриота не постыдились*

---

[1] Abbé Constant. *Doctrines Religieuses et Socales*. Paris, Le Gallois, 1841, in-12.

[2] Abbé Constant. *Op. cit.* P. 44.

подписать, а ведь я приложил все мои усилия, чтобы вернуть себе эти письма в надежде разубедить тех из моих очернителей, что еще, может статься, не совсем утратили совесть... все это огорчительно и способно обескуражить кого угодно.

Но, хочется надеяться, только не меня. Если я и пишу Вам об этих низостях, то лишь затем, чтобы Вы могли объяснить все это Вашим друзьям. Что же касается лично Вас, то я убежден: если новые наговоры на меня достигнут Ваших ушей, Вы не сочтете нужным доверять им.

Аббат КОНСТАН

14 августа 1841 г.

5 октября в газете «Le Populaire» Кабе поместил очередное письмо аббата Констана:

Сударь!

Брошенные Вами слова обвинения в мой адрес дают мне право ответить на них. Полагаюсь на Ваше благородство.

Вы осудили не только книгу, которую, по Вашему собственному признанию, нашли неудобоваразумительной, но и ее автора, которого совершенно не знаете.

Вы обвиняете меня в призывах к насилию против угнетателей народа, а сами не проявляете милосердия к человеку, заточенному в узилище.

Вы говорите, что Церковь отринула меня из своего лона. Я же утверждаю обратное! Либо Вы не удосужились прочесть мою книгу, либо Вам доставляет удовольствие клеветать на меня. Но почему же тогда Вы ссылаетесь на мои якобы признания? Я никому ни в чем не каялся, это удел людей, признающих собственную вину.

Вы говорите, что я примазываюсь к рабочим. Мой отец был сапожником, и мне нет нужды примазы-

ваться к классу, к которому я имею честь принадлежать.

Вы говорите, что я подталкиваю других к искаженно-вульгарному пониманию демократических взглядов. Королевский прокурор не обмолвился об этом ни словом. Вы что, намереваетесь возбудить против меня новый судебный процесс?

Вы говорите, будто я молил о снисхождении, однако мое уважение к Вам не позволяет мне думать, что столь подлый навет исходит от Вас. Поэтому даже не стану задерживаться на этом.

Вы говорите, что наказание мое слишком легкое (8 месяцев тюрьмы и 300 франков штрафа). Мне остается лишь поблагодарить Вас за внимание к моей персоне.

Вы говорите, что я завел теперь иную песнь, и представляете мои упреки демократам отвратительной палинодией. Я никогда не менял своих принципов, сударь, но я научился хорошо понимать людей. И говоря всем без исключения правду без прикрас, всегда верен себе. Впрочем, раз Вы соизволили прочитать «Религиозные и социальные учения», то сами должны понимать, что эта книга отвечает на все брошенные в мой адрес упреки.

Вы находите свойственную мне некоторую восторженность непростительной ввиду моего преклонного возраста и священнического сана. Но ведь я всего лишь дьякон и мне тридцать один год.

Вы говорите, что Вам чужды, в отличие от меня, коммунистические идеи, охотно верю, сударь, так как, хотя и не разделяю Вашего образа мыслей, я не стал бы, будь Вы за решеткой, обрушивать на Вашу голову ни резкие слова, ни непродуманные обвинения.

Засим имею честь раскланяться,

Аббат КОНСТАН

Сен-Пелажи, 25 августа 1841 г.

Тем временем оппозиционная печать клеймила аббата Констана в «Nationale» и в «La Revue de Deux Mondes»[1].

Наконец в октябре 1841 г.[2] появилось обещанное Кабе опровержение, которое, впрочем, не добавило ничего нового к описанной выше полемике и лишь поставило жирную точку в газетной травле, затеянной политиканами против начинающего тогда публициста — аббата Констана:

> Я не собирался льстить их гордости, — *скажет он позднее*, — не вымаливал у них снисходительной улыбки; у меня имелись собственные убеждения, которые мне никто не навязывал; мой неуемный характер грозил превратить меня в опасного для газетных лавок конкурента, вот их хозяева и сговорились принудить меня замолчать[3].

Прошедшая полемика расколола коммунистическую партию на два четко различимых лагеря: лионские коммунисты выступили на стороне Констана, а их соратники из Живора и Бордо поддержали Кабе, что касается

---

[1] M. de Carné. *De quelques publications démocratiques et communistes* («О нескольких демократических и коммунистических публикациях»). 1er sept. 1841. P. 724.

[2] A. Cabet. *Réfutation ou Examen de tous les écrits ou journaux contre ou sur la communauté.* («Опровержение или рассмотрение всех публикаций и газетных статей об обществе»). Опровержение трех произведений аббата Констана. Paris. Prévot-Rouannet, 1841, in-8.

Отметим и едкую критику Прудона «Библии свободы» в его произведении «Об установлении порядка в человеческом обществе» (*De la création de l'ordre dans l'Humanité*, Paris, 1843. P. 52), упомянутую Сент-Бевом в монографии о Прудоне.

[3] «Le Tribun du Peuple», 23 mars 1848, № 3.

Парижа, Тулузы и Марселя, то там мнения разделились. Яростные споры продолжались в течение всего 1842 г.

Целых одиннадцать месяцев аббат Констан провел в Сен-Пелажи[1], и в ход были пущены все средства, чтобы заставить его зачахнуть от тоски и выпавших на его долю невзгод. Мало того, что его письма перехватывались, после чего смысл их переиначивался, а автора обвиняли в том, что он продался полиции, так ему еще пришлось испытать на себе неослабевающую враждебность со стороны некоторых заключенных, что порождало в нем глубокое отвращение к ним:

> Говоря о Сен-Пелажи, я вижу перед собой в первую очередь человека, чей стеклянный, мертвенный взгляд не могу вспомнить без содрогания; этот человек, сделавшись священником так называемой французской Церкви, проповедовал атеизм и обезличивание в духе Бабефа; его духовным отцом и кумиром Французской революции являлся отвратительный и нелепый Эбер, тот самый, что вынудил несчастную Марию-Антуанетту взывать ко всем матерям, опровергая выдвинутое против нее обвинение! Этот сторонник, по его собственным утверждениям, коммунистических идей имел под своим началом около двенадцати сотен человек. Стоило ему узнать, что я верю в Бога, как он тут же стал выказывать ко мне полнейшее презрение, что принесло мне немалое душевное облегчение, ибо после всех моих неумеренных речей я вострепетал, что удостоюсь его унизительной для меня дружбы[2].

---

[1] Тюрьмы Сен-Пелажи больше не существует. Эта тюрьма располагалась в четырехугольнике, образованном улицами Де-ла-Кле, Пюи-де-л'Эрмит, Катрефаж и началом улицы Ласепед.

[2] A. Constant. *Le Livre des Larmes*. P. 212.

Утешение аббат Констан искал в книгах. Именно тогда он впервые познакомился с трудами Сведенборга:

> Это чтение не оказало на меня вначале того мощного воздействия, какое оно произвело впоследствии; я находил текст темным, странным, запутанным, если не сказать хуже. Только после более углубленного знакомства со всей его системой и особенно с ее философскими основами, я сумел оценить по достоинству всю огромную мудрость, заложенную в ней [1].

В те годы аббат Констан был пантеистом:

> По правде говоря, у меня тогда еще не было достаточно четкого представления о самом себе, да и в идеях моих хватало тумана. Моя духовная жизнь заполнялась более поэзией, нежели разумом, и с Богом я общался скорее сердцем. Подобно Данте, я мысленно присутствовал на представлении Божественной комедии: все роли привлекали меня, в том числе и Сатаны; как ребенок, у которого взыграло воображение, я пытался выразить словами все то, что поражало мой внутренний взор. Отсюда райское пение и буффонада, изображение Святой Девы у изголовья постели и бутылка вина на столе, безумный смех после ангельских слез и перемежавшиеся в моей речи цитаты из двух книг, лежавших всегда поблизости, одна на другой: Рабле и Евангелия. Ад рисовался мне тенью Бога, и, когда солнечный свет ослеплял меня, я спешил укрыться там, где царил сумрак.
>
> Столь странное поведение, как становится ясным теперь, являло собой практическое выражение панте-

---

[1] A. Constant. *Le Livre des Larmes*. P. 212. По мнению аббата Констана, труды Сведенборга не содержат в себе абсолютной истины, но они безошибочно ведут к ней.

> изма. Потеряв веру в идею свободной воли, я потакал любым своим капризам, с легким сердцем не гнушаясь ничем, что не претило моей душе. Те, кто видел меня и слышал, терялись в догадках, пытаясь объяснить смысл моих поступков, а присущий людям инстинктивный страх перед всем непонятным пробуждал во многих ненависть. Видя мой уже облысевший лоб и суровое выражение резко очерченного лица, внимая моим философским тирадам, излишне часто произнесенным догматическим, властным тоном, за что меня не раз упрекали, они не могли догадаться, что имеют дело всего-навсего с постаревшим ребенком, чье неверие в свободную волю лишь скрывало недостаток здравого смысла: я просто был не в силах оценить ее и не знал, как ею воспользоваться[1].

В тюрьме Сен-Пелажи Констан встретил своего друга Эскироса и аббата Ламеннэ, посаженного в тюрьму за памфлет «Страна и правительство» («Le pays et le gouvernement»).

> Ламеннэ по праву можно было бы назвать Тертуллианом XIX века, — *напишет он позднее.* — С точки зрения стиля это один из лучших сочинителей своего времени. Но в философии он чуть больше, чем надо, поэт, а в теологии чуть больше, чем надо, философ[2].

Та часть тюрьмы Сен-Пелажи, что предназначалась для политических заключенных, получила название Восточный павильон или *Павильон принцев*[3]. Будь аб-

[1] Abbé Constant. *Op. cit.* P. 215–216.

[2] A. Constant. *Le Dictionnaire de littérature chrétienne.* P. 677.

[3] *Павильон принцев* располагался рядом с улицей Пюи-дел'Эрмит.

бат Констан богат, он мог бы вдоволь питаться и принимать друзей, однако, увы, его финансовое положение оставалось более чем шатким.

Впрочем, одна щедрая душа не забывала его. Мы имеем в виду Флору Тристан. Вернувшись в мае 1840 г. из Англии, она опубликовала свои путевые заметки под названием «Прогулки по Лондону» («Promenades dans Londres»[1], после чего с головой окунулась в социалистическое движение.

Осведомленная о скудости тюремного рациона аббата Констана, Флора сумела при содействии своей на редкость богатой подруги мадам Легран обеспечить ему более питательную и разнообразную еду, которую ему стали приносить из расположенной неподалеку, на улице Де-Фоссе-Сен-Виктор[2], кондитерской. После столь щедрого жеста Флора Тристан продолжала встречаться с аббатом Констаном, и мы еще увидим в дальнейшем, чем закончатся ее с ним отношения.

Чтобы отблагодарить госпожу Легран, чья протекция позволила не только улучшить качество питания, но и добиться некоторых других поблажек, аббат Констан посвятил ей следующие прекрасные строфы:

Благодарю

Благодарю! Всего лишь слово,
Для Вас, мадам, оно готово,
Общедоступный леденец.

---

[1] Flora Tristan. *Promenades dans Londres, ou L'Aristocratie et les prolétaires français* («Прогулки по Лондону, или Французские аристократы и пролетарии»). Paris, Delloye, 1840, in-8.

[2] Улица Де-Фоссе-Сен-Виктор является сейчас частью улицы Кардиналь-Лемуан, которая тянется от улицы Дез-Эколь до улицы Декарта. Раньше она шла в продолжение набережной до улицы Де-Фоссе-Сен-Бернар.

Как бы пристойно ни звучало,
В нем себялюбия немало,
Лишь раздражает, наконец.

Благодарю! Словцо доверья,
Но и не без высокомерья;
В нем некий кроется подвох.
Благодарю! — Так понемногу
Льстят все то женщине, то Богу,
Не вспомнив, что всеведущ Бог.

Я отвечаю осторожно,
Когда расслышать в слове можно
Благодеянья первый шаг.
Порою Бог к ребенку строже,
Чтоб мать ему была дороже,
А Бог — податель вечных благ.

Тем драгоценнее подмога
От милой ставленницы Бога,
Опережающей обет;
И отблагодарить способен
Ее лишь тот, кто ей подобен,
Кто полюбил ее средь бед.

Как чувство высказать словами?
Соперник тех, кто дышит Вами,
Вам сердцемввериться я рад.
Мадам! При вашей благостыне
Для Вас я родственник отныне,
А для любимых вами брат.

А вот адресованное ей же письмо:

Сударыня!

Я тешил себя надеждой лично засвидетельствовать со дня на день всю свою признательность, которую испытываю к Вам, однако с меня потребовали денег за услуги, кои раньше предоставлялись бесплатно,

так что, по всей видимости, мое заточение продлится; и только к Вам одной я осмеливаюсь теперь обратиться со смиренной просьбой, памятуя о том, что до сегодняшнего дня Вы уже облегчали тяготы моей неволи. Я, право, пребываю в растерянности: нельзя ли приостановить действие оказанной мне Вами милости, ибо щедрость сия грозит обернуться испытанием моей скромности.

Как женщина, наделенная чутким сердцем и тактом, Вы поймете порыв моей души: откажитесь от своего благодеяния, прежде чем оно не задело чувствительных струн человека, возможно, почти никем не понятого, тем не менее глубоко уважающего самого себя, ибо ведомо ему, какие чувства им владеют. Позвольте же мне, сударыня, больше ничего не принимать от Вас, оставив себе лишь добрые воспоминания, из тех, что столь великодушные и бескорыстные благодеяния должны оставлять в душах, подобных Вашей.

Моя же душа приветствует Вас как своего ангела-хранителя, и я целую Вашу руку, как если бы Вы были моей матерью.

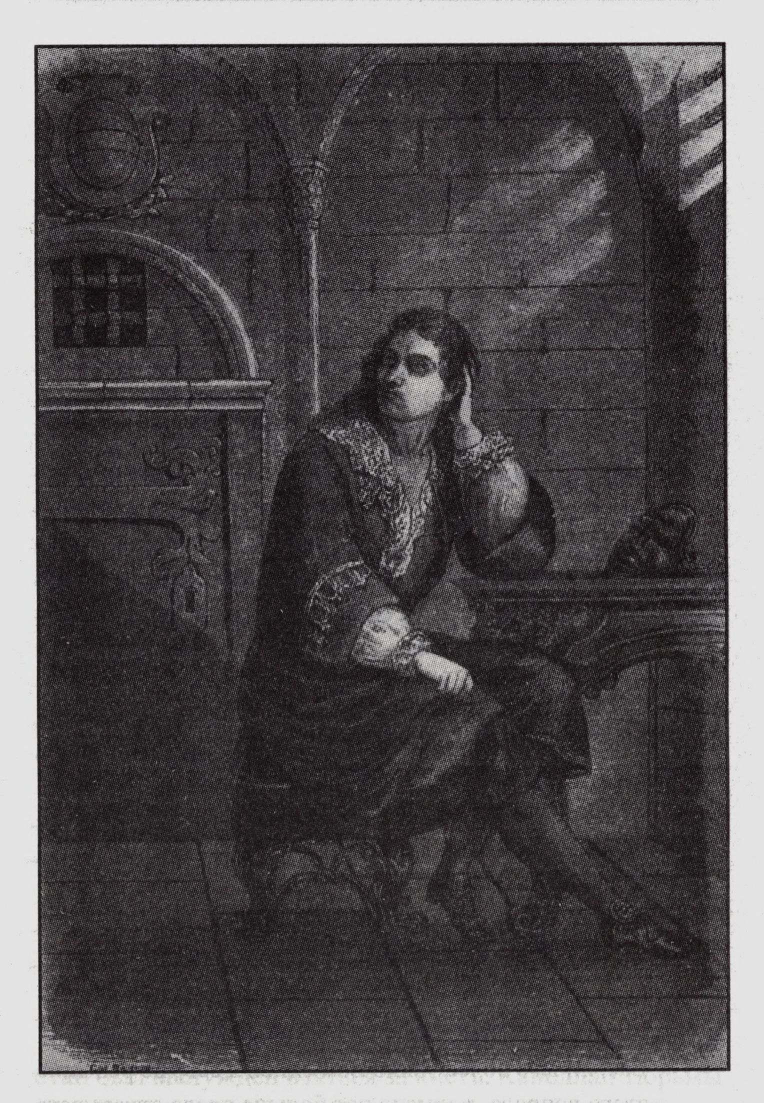
Альф. Констан

22 марта 1842 г.

Следующее письмо было написано в ответ на неустанные щедроты госпожи Легран:

Госпожа Легран!

Нет, госпожа и добрейшая сестра моя, раз уж Вы позволяете мне называть Вас подобным образом, нет, разве я посмею запретить Вам то, что дозволяет Бог. Даже если я возбранил бы проявлять столь безграничную доброту и щедрость, Вы все равно ослушались бы меня, даже будь у меня на Вас какие-то особые права, кроме тех, что возлагает на меня чувство при-

Железная маска

Рисунок А. Констана.

(Гравюра на дереве. Из книги Александра Дюма

«Людовик XIV и его эпоха»

знательности, лишая одновременно некоторых других прав. Простите, тысячу раз простите, если я обидел Вас; такие страдальцы, как я, уподобляясь больным людям и малым детям, становятся крайне щепетильными и требовательными, соразмерно тому добру, коим их одаряют. И в этом для них, пусть и безотчетно, заключается акт доверия в ответ на выказанную им преданность и дружбу! Нет, я не хотел заставлять Вас опускаться до этого низкого мира, в котором я сейчас нахожусь и который ненавижу не меньше Вашего; не в нем мы с Вами встретились. Но поскольку Вы соглашаетесь терпеть мои горести, как же я могу забыть о Ваших! разве не знаю о том, что даже посреди всей окружающей Вас роскоши, Ваше доброе сердце чувствует боль. И разве позволительно мне, у кого еще хватает мужества продвигаться вперед, полагаясь лишь на собственные силы, наваливать лишний груз на Ваши плечи, и без того отягощенные бременем стольких чужих несчастий! Читайте же мое последнее письмо, не вкладывая в него тривиальный смысл, а исходя из правды наших сердец. Поверьте, что иначе пострадает не мое самолюбие, а выношенная мной признательность и нежные чувства к вам, которые, я боюсь, могут показаться кому-нибудь эгоистичными.

Так будьте же мне сестрой, но при этом не обессудьте на мое своеволие: понимая, что мать устала, ребенок не станет проситься к ней на руки, а предпочтет идти рядом. Именно о такой любезности я и просил Вас, ничего более: лишь Вам одной я вверяю решение этого вопроса, и у меня нет больше права отказывать Вам в чем бы то ни было, но, быть может, и у Вас также нет права отказывать мне в этой просьбе.

Я жму Вашу руку, как самый преданный брат.

А. Констан

Глава IV

Аббат Констан выходит из тюрьмы. — Кюре церкви Шуази-ле-Руа. — Аббат Констан расписывает церковь. — Письмо госпоже Легран. — Учебное заведение Шандо. — Монсеньор Аффр и епископ Эвре. — Аббат Констан становится аббатом Бокуром. — Пребывание в Эвре. — Успех проповедей. — Андели и празднество святой Клотильды. — Господин Сельв-Давне и газета «L'Echo de la Normandie». — Диспут. — Газета «Le Courrier de l'Eure». — Враждебное отношение духовенства Эвре. — Аббат Констан — художник. — Возвращение в Париж. — Публикация книги «Богоматерь»

Выйдя в апреле 1842 г. из тюрьмы Сен-Пелажи, аббат Констан попал под гнет могучей силы, сродни оккультной:

> Общественное мнение было соответствующим образом подготовлено, — *говорит он*, — с тем, чтобы одолеть меня глухим осуждением; газетчики отказывались, даже за деньги, брать у меня заметки и статьи. Ходил слух, будто я продался, и те, кто распространял подобную клевету, не гнушались ничем, чтобы заставить меня действительно пойти на сделку с совестью[1].

Поскольку перо уже не могло кормить его, аббат Констан был вынужден взяться за кисть. Капеллан тюрьмы Сен-Пелажи, чье внимание к себе он привлек, добился для него от господина Лефевра, кюре церкви Шуази-ле-Руа, заказа на выполнение живописных работ.

---

[1] J. Garnier et A. Bonnin. *Almanach des Ecoles* («Школьный альманах»). Paris, 1845, in-12. P. 142.

Так, имеются сведения, что аббат Констан украсил церковь Шуази восхитительными стенными росписями[1].

Уйдя с головой в работу, он тем не менее не забывал своих старых друзей.

И да будет нам позволено в этой связи спасти от забвения одно прелестное письмо, выбранное среди множества других, отправленных его давнишней благодетельнице, госпоже Легран:

> Сударыня!
>
> Я очень часто думаю о Вас в моем уединении в Шуази; эти воспоминания добавляют немало очарования в столь благостную отраду сельского одиночества. Как сладко жить на лоне природы среди людей, наделенных доброй душой, вот почему мне доставляет такое удовольствие рисовать в своем воображении и Ваш образ. Я мысленно окружаю здесь себя всем тем, что дорого Вам. Мне мерещится, будто аллеи сада, где я прогуливаюсь, оживлены видениями игр Вашей прелестной ангелицы[2], хотелось бы мне увидеть здесь и беднягу Сифа[3], чтобы признаться в своем добром к нему расположении, ведь он Ваш друг, а следовательно, и мой. Возникающие в моем сердце радостные картины семейного праздника приводят меня в умиление.
>
> Что касается праздников, то я, конечно, не забыл, что приближается Ваш, и день его близок. Но когда точно — промолчу, ибо моя признательность и лю-

---

[1] В церкви Шуази-ле-Руа (Швейцария) до сих пор можно увидеть фрески работы неизвестных мастеров. Однако нам так и не удалось отыскать каких-либо указаний на то, какие из них принадлежат аббату Констану.

[2] Кларисса — дочь госпожи Легран.

[3] Так звали одну из собак госпожи Легран.

бовь к Вам настолько велики, что для меня каждый Божий день — Ваш праздник.

Тем не менее, я хочу преподнести Вам небольшой букет в знак моей доброй и искренней дружбы; если вы получите мой подарок слишком рано, отложите его сторонку, пусть полежит, такие цветы не увядают долго; надеюсь лишь, что его не доставят вам со слишком большой задержкой.

Совсем иное дело — диковатые и неряшливые рифмы, которые я себе позволил; проявите по дружбе снисхождение, простите мне их, хорошо?

К мадам Легран

Игра, пусть вопреки рассудку,
Забава, нет, не монумент;
Ребячась, ради вас я в шутку
Вам подарить хочу момент,
А то и целую минутку,
Хоть маленький, но комплимент.
Пусть у меня искусства мало,
Я вам желаю торжества,
Чтоб сердце у меня играло
И говорила голова.
Зарисовал бы я охотно,
Как на заре в полях дитя,
Венок для матери плетя,
Цветы срывает беззаботно.
Его внимание привлек
Цветок над бороздою странный;
Вдруг улетает он, желанный,
То был, конечно, мотылек,
Но и в цветах была угроза.
Как неприметная заноза,
Таилась в лепестках пчела,
Соблазн или метаморфоза.
Пчела за розу приняла
Уста румяные, как роза.
Малыш не в силах дать отпор,

Когда пчела его кусает.
Дитя в слезах цветы бросает;
Амур-шалун при этом скор,
Успевший заселить ваш двор;
Сыновних роз на нивах злачных
Набрал — и тешит ими взор;
Они — цепей подобье брачных,
Недолговременный убор.
Он Вам подносит плетеницу,
Простителен его задор;
Не смею с ним за чаровницу
Я завести ревнивый спор.
Хоть это я собрал вам розы,
Пчелиной так боясь угрозы.
Вы догадались? Я дитя.
Божок летучий мне позором
Пред вами пригрозил шутя,
Мой возраст выставив укором.
Но извините! Он шутник,
И я моим веселым вздором
Развлечь надеюсь вас на миг.
Без роз берет меня досада,
Но думать мне о вас — отрада.
Отныне вам сдаюсь я в плен,
Не будьте же, мадам, жестоки,
Не распрямлять бы мне колен
И ваши слушать бы уроки,
Их с наслаждением вкушать,
Считать, что вы меня простили,
Изяществу не помешать
И рисовать все в том же стиле,
Мадам, кого же как не вас;
Трудолюбивая, поверьте:
В непритязательном конверте
Вы получаете алмаз.
Поговорим без лишних фраз:
В невзгодах вы мне тем дороже,
Что мне о вас грешно судить.
Хочу на вас я походить,
Вы пожелайте мне того же.

На этом, сударыня, я желаю Вам не совершеннейшего благополучия, ибо души, подобные Вашей, кажутся созданными для страдания, но многих оказий проявить душевную щедрость, что, однако, вовсе не означает, будто я желаю хоть кому-нибудь зла, страдальцев в этой жизни хватает: однако Вы можете с ними разминуться, чего я не желаю ни им, ни Вам.

Тот, кто вложил Вам эту милосердную душу, будет оберегать Вас и направит навстречу тем, для кого Вы станете спасительницей или ангелом-хранителем. Не пожалейте и для меня Ваших запасов снисходительности, а взамен вы получите мою дружбу. И знайте, это чувство навсегда сохранит

Ваш всецело преданный отец

А. Констан.

Шуази, июнь 1842 г.

Аббат Констан поселился в священническом доме церкви Шуази; именно там он и приступил к написанию своей новой книги «Богоматерь» («La Mère de Dieu»):

Так как мне хотелось жить, — *признается он*, — только ради того, чтобы опубликовать некоторые идеи, которые, как я считал, могли быть полезными обществу[1].

Аббат Констан часто заходил в женское учебное заведение госпожи Шандо[2]. Во время одного из таких посещений, 23 ноября 1842 г., он познакомился с мадемуазель Эжени Ш…[3], работавшей тогда на должности младшей учительницы, между ними завязались дру-

[1] J. Garnïer et A. Bonnin. *Almanach des Ecoles*. P. 142.
[2] Этого учебного заведения в Шуази-Ле-Руа больше не существует.
[3] Из почтения к ней мы утаим ее фамилию.

жеские, построенные на духовной близости отношения, которые впоследствии переросли в более интимные.

Поведение аббата Констана в Шуази-ле-Руа было столь образцовым, а набожность столь примерной, что отношение к нему в церковных кругах полностью изменилось. Его дело рассмотрели в суде архиепископа Парижа монсеньора Аффра, и тот вынес положительный вердикт. Поскольку непозволительно было и думать о том, чтобы после предыдущего судебного скандала и приговора суда присяжных предоставить аббату Констану место в столичной епархии, его решили послать в Эвре.

Монсеньор Аффр в собственноручно составленном письме походатайствовал за аббата Констана перед монсеньором Оливье, епископом Эвре. Тот согласился приютить гостя, при условии, однако, что тот откажется от своей фамилии и возьмет материнскую, дабы избежать возможных скандалов, а заодно и положить конец неприятным воспоминаниям. В результате в феврале 1843 г. в Эвре отправился… аббат Бокур. В городской семинарии, где он поселился, его решили подвергнуть испытанию.

> Наступил черед проповедей священников младшего сана. Монсеньор отвел ему, как диакону, место среди других; духовный чин, коим он был обличен, позволял ему подниматься на кафедру. Выступил он блестяще, а затем и еще не раз, доказав свой недюжинный талант[1].

Успех аббата Бокура был столь бесспорен, что даже газеты дружно заговорили о силе воздействия, которое

---

[1] A. de Bouclon. *Histoire de Mgr. Olivier, évêque d'Evreux* («История монсеньора Оливье, епископа Эвре»). Evreux, Damame, 1855, in-12. P. 562.

оказывают на слушателей его речи, простые по форме и насыщенные по содержанию. Он проявил себя подлинным мастером, и уже с первых проповедей можно было смело предсказать, что оратора ждет блестящее будущее и высокое епископское звание.

О да! Будь аббат менее честен, согласись он обуздать свой нрав и руководи его судьбой честолюбие, так бы, наверное, и произошло, однако ему с самого начало стало ясно, что все его усилия пойдут прахом, ведь угодничать и подчиняться требованиям ситуации было не для него, так не лучше ли все вовремя бросить, чем продолжать кривить душой.

2 июня 1843 г. аббат Бокур прибыл в местечко Андели, знаменитый в Нормандии объект паломничества, на празднество святой Клотильды.

> Нашим глазам предстала, — *говорит он*, — толпа паломников, окруживших пруд, в воды которого каждый год погружают деревянную статую святой; тот из хворых, кто окунется сразу же после этого, чудесным образом исцеляется — так, по крайней мере, гласит народная молва[1].

В тот год, когда там оказался аббат Бокур, наблюдалось такое небывалое прежде нашествие паломников, что возникли проблемы: где укрыться людям в случае непогоды, как разместить всех желающих в церкви, и как их там накормить, соблюдя при этом должный порядок в святом месте.

Поломав себе над задачей голову, священники местной епархии, которые, по правде говоря, испытывали некоторую зависть к аббату Бокуру, этому пришлецу, явно пользовавшемуся особым доверием епископа Эвре, обратились к нему с просьбой выступить перед собрав-

---

[1] Éliphas Lévi. *Histoire de la Magie*. P. 241.

шейся шумной толпой верующих, забывших о благовоспитанности в церковных стенах.

Аббат Бокур, никак не ожидавший такого поворота событий, отнекивался как мог, но в конце концов был вынужден согласиться. Поднявшись на амвон, он приступил к проповеди. Голос оратора потерялся среди разноголосого гомона людей, к которым он обратился с речью, и, видя его безуспешные попытки привлечь к себе внимание, стоявшие внизу собратья в сутане стали украдкой посмеиваться.

Внезапно, собрав одним духом все свои силы, бедный аббат выставил вперед указательный палец и громко воскликнул: «Взгляните, взгляните на этих закованных в железо всадников, мчащихся в тучах пыли!..» — начав рассказ о битве при Толбиаке. Застигнутые врасплох слушатели, прервав разговоры, невольно обратили свои взоры на властно указующий перст аббата Бокура, и неожиданно в церкви установилась полная тишина, после чего у священников, затеявших этот небольшой сговор, пропала всякая охота веселиться.

Несколько дней спустя в газете «L'Univers» появилось сообщение о кончине аббата Констана, однако «Le Populaire»[1] тут же опровергла известие.

22 июля 1843 г. хозяин «L'Echo de la Normandie»[2] по наущению группы людей, враждебных епископу Евро, опубликовал в своей газете статью «Новый Лазарь», в которой раскрыл тайну аббата Бокура, описав его жизнь, судебный процесс и тюремное заключение.

На следующий день в той же газете господин Сельв-Давне под заголовком «Тайны епархии» поместил ответную статью аббата Констана, сопроводив ее язви-

---

[1] Статья под заголовком «Воскрешение аббата Констана» (*Résurrection de l'abbé Constant*), номер от 10 июня 1843 г.

[2] Газета «L'Echo de la Normandie» выходила только три месяца (от 3 июня до 26 августа 1843 г.).

тельными комментариями. 29-го числа в «L'Echo de la Normandie» появляется новое письмо аббата Констана, чей страстный, даже порой перехлестывающий через край стиль задел хозяина газеты, и он не замедлил (2 августа 1843 г.) напечатать несколько отрывков из «Библии свободы». Задуманное и осуществленное разоблачение привело к желанному для многих скандалу.

В этот момент аббат Констан отправил Сельв-Давне третье и последнее письмо, полное внутреннего достоинства, в котором объяснял, что именно ему хотелось выразить своим произведением:

> «Библию свободы» можно рассматривать с двух точек зрения: как политический памфлет и как краткий обзор определенной социально-философской системы. Если рассматривать его с первой точки зрения, то в нем можно выделить следующую ключевую мысль: народ, не обладающий ничем, кроме собственной физической силы, должен воспользоваться ею, чтобы путем ежедневной, ежеминутной борьбы добиться освобождения. Однако прежде чем предоставить ему право бороться со всякого рода тиранией, мне казалось необходимым вначале определить путь достижения свободы, начиная с демократизации семьи, с эмансипации женщины и уважения прав ребенка… Желание противостоять почти повсеместному эгоизму собственников привело меня к коммунистическим идеям. Но к своему коммунизму я пытался подвести базу спиритуалистических воззрений... Таковы мои обвинения и мои доводы с политической точки зрения; что же касается системной части книги, то большинство находят ее слишком туманной, а это значит, что мне не удалось донести до читателей то, что хотел сказать. И эту задачу мне еще предстоит выполнить[1].

---

[1] «L'Echo de la Normandie», 5 août, 1843.

Письмо произвело сильное впечатление на хозяина «L'Echo de la Normandie», и инцидент казался уже полностью исчерпанным, когда в газете «Le Courrier de l'Eure»[1] было опубликовано очередное письмо аббата Констана, своего рода публичное отречение от «Библии свободы», заканчивавшееся следующими словами:

Теперь ко всем добродетельным и верующим людям должен обратиться я с исповедальными словами: или, скорее, к моей матери — святой Церкви, которая с присущим ей милосердием уже приняла меня обратно в свое лоно и во имя всеблагого Бога простила все мои прегрешения. Простершись с разбитым от горя сердцем перед ее алтарями, я жаждал смыть слезами каждую строку этой безрассудной книги, в которой за ширмой призывов о воцарении законов мира и добра я проповедовал хаос и насилие. Со всем жаром своей души мне хотелось бы теперь осудить и заклеймить позором эти жалкие грезы, которые, не будь они безумными, следовало бы признать преступными. *Хотя никогда, даже в мыслях своих, я не намеревался потакать злодеяниям или оправдывать их*[2], именно такое впечатление произвели и не могли не произвести произнесенные мною слова; поэтому теперь, пребывая в ужасе от содеянного, я по своей собственной воле полностью отрекаюсь от них перед лицом Всевышнего и перед всем людом... Как христианин и особенно как священник, я готов, если будет в том нужда, босым и с вервием на шее предать огню свою книгу перед святым крестом, спасающим человеческие души, и Евангелием, объединяющим их.

Альфонс-Луи КОНСТАН, дьякон

[1] Газета епископа Эврё, номер от 10 августа 1843 г.
[2] Курсив наш. — *Поль Шакорнак.*

Мы не можем не восхищаться бедным аббатом, который, столкнувшись с всеобщим непониманием своих идей и с травлей, хотя и покаялся публично, подобно Галилею, все же попытался одновременно доказать, что правда на его стороне.

В довершение этой истории скажем, что 12 августа 1843 г. в «L'Echo de la Normandie» появилась небольшая, в несколько строк, заметка, где господин Сельв-Давне попытался высмеять последний поступок аббата Констана, смысл которого он, разумеется, не сумел понять. Вынужденный покинуть семинарию, аббат Констан не лишился поддержки епископа Эвре; тот даже позаботился о том, чтобы обеспечить ему средства к существованию и кров, сняв для него комнату в доме № 19 по улице Сен-Луи. Он предложил ему, кроме того, место священника и церковный приход в своей епархии, но аббат Констан, не желая делать разменной монетой свободу собственных мыслей, так ответил человеку, которому было поручено выполнить эту миссию:

> Священнический сан — это тяжелое бремя, которое не осмеливаюсь пока взвалить на свои плечи; после того как мой замутившийся разум заставил меня проплутать впотьмах, я не уверен, что окончательно излечился. Что страшит меня больше всего, так это то, что я сбился с пути, обуреваемый самыми лучшими намерениями, а следовательно, не убережен от новых ошибок. Я способен управлять порывами собственного сердца, но не разума. И прошу оставить меня тем, кто я есть сейчас, и буду бесконечно счастлив смиренно служить Церкви в качестве диакона, обучая детей катехизису и читая проповеди[1].

[1] Abbé Constant. *Op. cit.* P. 565.

Духовенство Эвре, крайне враждебно настроенное по отношению к аббату Констану, пыталось всячески дискредитировать его.

Заметив в часовне собора, что священник, проводивший службу, не имел рядом с собой служку, чтобы отвечать на его реплики, аббат Констан опустился на колени рядом с ним. Уже после первых вопросов священник обернулся и строго одернул его:

> — Как дерзнули вы помогать мне во время мессы?
>
> — Я посчитал, что окажу вам услугу, — *ответил ему аббат Констан*, — и был рад выполнить функции диакона. Даже разбойник на кресте осмелился обратиться к Иисусу и получил отпущение грехов; вот об этом я и подумал, вот на это и понадеялся. Но поскольку я, видимо, побеспокоил Вас, то прошу прощение и удаляюсь[1].

Тем не менее, епископ Эвре не хотел оставлять без своей опеки аббата Констана и, твердо вознамерившись обеспечить тому хлеб насущный, решил использовать его художественный дар.

В часовне монастыря Божественного Провидения[2] имелась одна фреска, которую епископ хотел бы заменить другой.

> Взяв кисти, аббат Констан мастерски нарисовал Святое семейство, погруженное в счастливое созерцание. Изображенные в серых тонах ангелы разделяют их радость, любуясь вместе с Богом Отцом дивной сценой, происходящей в мастерской Иосифа. Поза Младенца Иисуса, фигура и лицо Иосифа выписа-

---

[1] Abbé Constant. *Op. cit.* P. 565..
[2] Улица Жозефины в Эврё.

ны превосходно. Картина осталась незавершенной, но кто осмелится приложить к ней руку?[1]

Аббат Констан рассчитывал посвятить четыре года трудам над росписями собора, однако этим планам не суждено было осуществиться.

В декабре 1843 г. он совершил поездку в Париж с тем, чтобы ускорить выход в свет книги «Богоматерь»[2], попавшую в типографию благодаря стараниям его друга О. Ле Галлуа.

Появление этой книги глубоко опечалило епископа Эвре, запретившего книготорговцам города выставлять ее на продажу. Данное распоряжение было отдано в четверг 22 февраля 1844 г., а несколько дней спустя аббат Констан покинул Эвре.

> Мне предстоит возвратиться в Париж, — *напишет он,* — где вряд ли меня ждет счастье, но где зато я буду свободен и мне не придется попрекать себя тем, что я обменял свою душу на кусок хлеба[3].

Но ему никогда не забыть гостеприимного приема епископа Эвре:

> Среди знакомых мне лиц духовного сана с ним некого поставить рядом, только у него я нашел и ум, и сердечность, и здравый смысл[4].

---

[1] Abbé Constant. *Op. cit.* P. 366. Схожая работа в светло-серых тонах существует и в часовне монастыря; в 1899 г. изображение Святого семейства подверглось переработке. Над дверью монастыря находится великолепно выполненная статуя Мадонны, авторство которой приписывается аббату Констану, однако доказательств этому не существует.

[2] A. Constant. *La Mère de Dieu*. Paris, Gosselin, 1844, in-12.

[3] Garnier et Bonnin. *Almanach des Ecoles*, 1845. P. 142.

[4] «La Vérité» («Правда»), revue du mois décembre 1845. P. 180.

По возвращении в Париж аббат Констан отправил монсеньору Оливье экземпляр книги «Богоматерь». И тот написал ему в ответ:

> Мой дорогой друг, Ваше творение страдает плачевным идеализмом. Должно быть, обет безбрачия сказался на состоянии Вашего разума: чрезмерное целомудрие привело к невольному распутству, ведь если, дорогой друг, Вы лучше знали бы женщин, то не подумали бы так их превозносить![1]

По выражению Эрдана[2], аббат Констан, «возлюбив Мать Бога, кончил тем, что расчувствовался перед дочерьми Евы».

Подобные измышления, повторяемые и в наши дни, полностью лишены правды.

> Что до радостей жизни, — *признается он сам*, — то я вполне мог им предаваться, однако легко обходился без них. Несколько раз я позволял себе злоупотребить вином и пищей, не будучи ни гурманом, ни выпивохой. Так как за всякой чрезмерностью, на мой взгляд, неизбежно следует отвращение, то и любое чувственное излишество представляется мне назиданием воздержания[3].

Разумеется, аббат Констан любил находиться в обществе женщин, однако хотя он и стремился им понравиться, то вовсе не для того, чтобы получить от них вульгарный дар плотских наслаждений, а чтобы лучше узнать их грацию, живость и все достоинства ума.

---

[1] «La Vérité», novembre 1845. P. 102.

[2] A. Erdan. *La France Mystique*. Amsterdam, 1858, t. Ier. P. 213.

[3] A. Constant. *Le Livre des Larmes*. P. 217.

Глава V

Первые занятия оккультизмом. — Смерть Флоры Тристан. — «Эмансипация женщины». — Гитранкур. — А. Констан снимает сутану. — «Праздник Тела Господня». — Сильвио Пеллико. — Социалистические школы. — Господин де Корменен — «Мир! Мир!» — Издатель Полье и «Книга слез». — Песни А. Констана. — «Три гармонии». — Рисунки А. Констана. — Ссора с госпожой Легран. — Бог Шено. — Ш. Фовети. — «Правда». — Беранже. — Пансион в Шуази-ле-Руа. — Ноэми Кадьо

Немало пришлось потрудиться А. Констану после ухода из семинарии. Ни минуты праздности! все свободное время он проводил в библиотеках, имевшихся в его распоряжении, занимаясь самообразованием и расширяя свой и без того богатый запас знаний.

Так, он открыл для себя средневековых авторов: Постэля, Луллия, Корнелия Агриппу, благодаря их произведениям перед ним стали приоткрываться начальные тайны оккультного мира.

О, это многотрудное, но естественное и столь плодотворное приобщение к Знанию; уже с первых шагов на этом пути ему пришлось испытать всю болезненную тяжесть взваленного на себя креста, однако он устоял, заострив сердце мужеством и преисполнившись предощущением праздника; великая религиозная иллюзия рассеялась перед его глазами; он проник сквозь верхние покровы извечной Афродиты, причем сделал это практически в одиночку, ведь поддержкой ему служила лишь искренняя дружба нескольких товарищей, принадлежавших к богеме, например издателя О. Ле Галлуа, такого же бедного, как он сам.

Если у кого-то из двоих благодаря счастливому случаю вдруг заводились деньги, то каждый их них делил содержимое кошелька поровну.

Вскоре после возвращения в Париж А. Констан вновь встретился с Флорой Тристан, которая, по-прежнему решительно настроенная и преданная своему делу, задумала выпустить газету под названием «Tour de France» («Вокруг Франции») с целью пропаганды «Рабочего союза»[1], то есть интернациональной общности рабочих интересов.

> Флора, уже давно работавшая над книгой об эмансипации женщины, — *пишет А. Констан*, — вручила мне перед отъездом стопку бумаг — свои записи, сделанные крайне неразборчивым почерком, — попросив привести все это в порядок и отослать ей с моими замечаниями и добавлениями[2].

Завершив работу над рукописью и узнав, что Флора Тристан находится в Лионе, А. Констан написал ей, чтобы та прислала ему продолжение. Целый месяц о Флоре Констан не было ни слуху ни духу, а потом неожиданно пришло известие об ее кончине[3].

Смерть преданной подруги нашла свое отражение в песне, несколько отрывков из которой мы публикуем:

Безумная

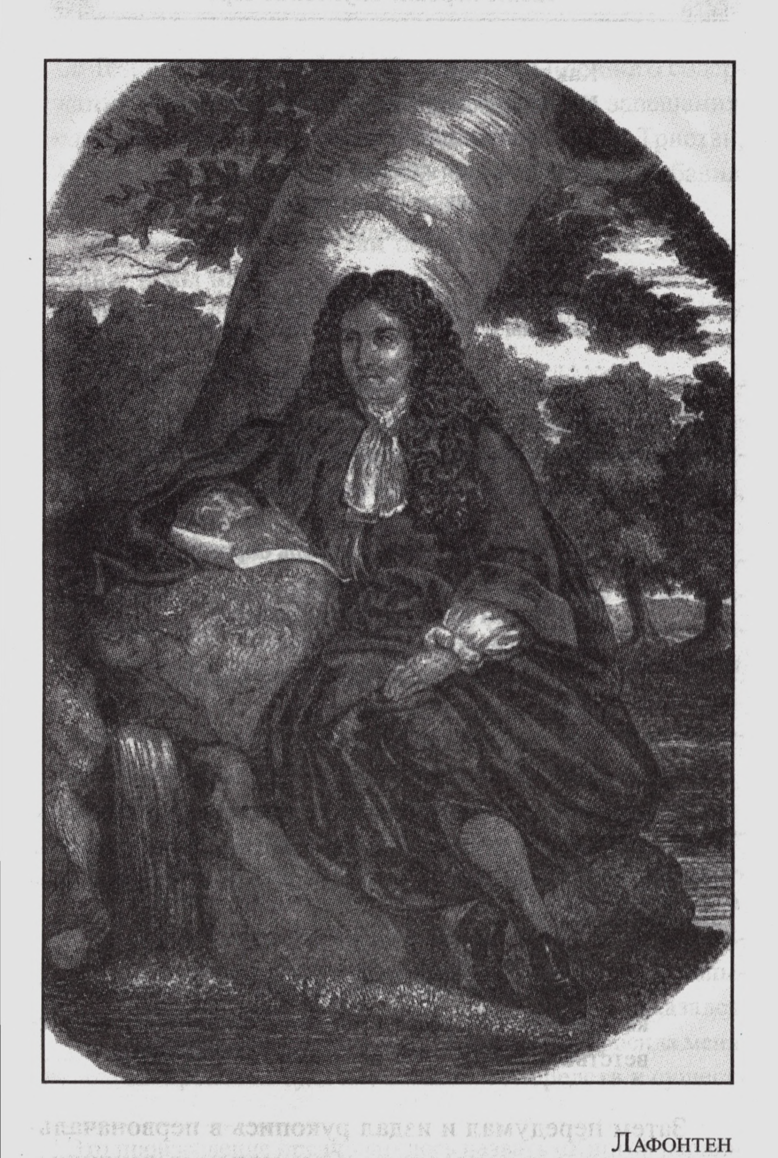
Возвышенно безумная, страдала
Она за всех, как милосердный врач;

---

[1] Flora Tristan. *Union ouvrière*. Paris, Prévot et Rouanet, 1843.

[2] Flora Tristan. *L'Emancipation de la Femme, ou Le Testament de la Paria* («Эмансипация женщины, или Завещание парии». Посмертное издание, дополненное по записям автора и опубликованное А. Констаном). Paris, La Vérité, 1846, in-24. P. 124.

[3] Флора Тристан скончалась в Бордо 14 ноября 1844 г.

Лафонтен
Рисунок А.-Л. Констана
(Гравюра на дереве. Из книги А. Дюма «Людовик XIV и его эпоха»

Как нам помочь, без устали гадала
И в сердце наш вбирала горький плач.
Весь род людской детьми считать своими
Хотела бы, но столько в мире зла,
Что среди нас от горя умерла;
Изгладились ее следы с другими.

Скорбящие, заблудшие сердца!
Как нам о ней не плакать без конца!
. . . .
Не обняла ни дочери, ни сына,
С любимыми детьми разлучена,
Жизнь беднякам отдать обречена;
Тем горестней была ее кончина.
. . . .
Заплачем все, мы все теперь сироты,
Рабочие и неимущий люд;
Как будем жить мы без ее заботы?
Теперь сердца утрату сознают:
И написать пора на камне скромном:
Любила нас и умерла за нас!
. . . .[1]

А. Констан долго колебался, не решаясь публиковать в полном виде рукопись Флоры Тристан, догадываясь, что вся ответственность за изданную книгу будет возложена на него:

> …пребывая в сомнениях, я попытался вначале слегка переработать текст, смягчив его и приведя в соответствие с моими собственными убеждениями[2].

Затем передумал и издал рукопись в первоначальном варианте под названием «Эмансипация женщины, или Завещание парии» («L'Emancipation de la Femme, ou

[1] A. Constant. *Les Trois Harmonies*. P. 150.
[2] Abbé Constant. *Op. cit*. P. 124.

Le Testament de la Paria»)[1]. Что касается идейного содержания этого литературного и религиозного завещания *парии,* то оно полностью принадлежит Флоре Тристан, А. Констан лишь подредактировал его форму, добавив от себя всего несколько рассуждений и предисловие.

Жизнь Флоры Тристан полна тайн, но для А. Констана, и мы настаиваем на своем мнении, эта женщина являлась не более чем преданной и близкой по духу подругой[2].

Осенью 1844 г. А. Констан получил письмо от госпожи Легран, своей старинной благодетельницы, в котором та просила его приехать к ней в ее поместье Гитранкур[3] и заняться воспитанием и обучением ее детей, дочери Клариссы и сына Адольфа.

Предложение доставило А. Констану ничем не замутненную радость, ведь оно позволяло ему вновь возродиться для жизни и работы. И уже через месяц после приезда к госпоже Легран, *он окончательно снимет с себя сутану.*

До тридцатипятилетнего возраста А. Констан строжайше соблюдал клятвы, данные им Церкви:

> Я не нарушал их до тех пор, пока она не повернулась ко мне спиной, разумеется, не сама Церковь, а церковная властная верхушка, которая освободила меня от всех обетов, не пожелав не только разбираться в моем деле, но даже выслушать меня, зато попытавшись действовать подкупом, а когда я отказался торговать собственными убеждениями, бросила меня на произвол судьбы, оставив без средств к сущест-

---

[1] Это произведение предполагалось назвать «Книгой парий» (*Le Livre des Parias*), но из опасения гонений со стороны гражданских властей А. Констан отказался от этой идеи.
[2] См.: Jules-L. Puech. *La Vie et l'œuvre de Flora Tristan* («Жизнь и творчество Флоры Тристан»). Paris, Rivière, 1925, in-8.
[3] Гитранкур находится в департаменте Сен-е-Уаз.

вованию, кроме тех, что я зарабатывал собственным трудом[1].

А. Констан намеренно сделал это публичное признание, поскольку людям свойственно искать правду не там, где следует.

В доме госпожи Легран он пробыл примерно около года, после чего вернулся в Париж, чтобы отдать в печать свой мирный манифест «Праздник Тела Господня, или Триумф религиозного мира» («La Fête-Dieu, ou Le Triomphe de la Paix religieuse»)[2].

Идея этого изданного анонимно труда была подсказана А. Констану Сильвио Пеллико, автором книги «Мои темницы» («Mie Prigione»)[3]. Получив экземпляр в подарок, тот сердечно поблагодарил А. Констана:

> *Сударь!*
>
> *Ваша книга хороша во всех смыслах; я прочел ее, как мы имеем обыкновение говорить,* с любовью. *И точно так же* с любовью *были начертаны Вами сии святые строки! Да снизойдет благодать Божия на ее автора, ибо у Вас хватает душевного благолепия постоянно и* с любовью *служить Ему, выполняя почетнейшую миссию, возложенную Им на Вас, а именно: наставлять ближних своих на путь истинный, дабы могли они с надеждой припасть к ногам Иисуса и Девы Марии. О, как животворительны дары разума, когда человек, поправ собственную гордыню, довольствуется*

---

[1] «Le Tribun du Peuple», № 3, p. 2, col I.

[2] Paris, V. A. Waille, 1845, in-12.

[3] Находясь в Сен-Пелажи, А. Констан получил письмо от Сильвио Пеллико, обратившегося к нему со словами утешения. Они не были знакомы друг с другом, однако слова автора «Моих темниц» отозвались в сердце А. Констана и подтолкнули его к созданию книги «Праздник Тела Господня» (*La Fête-Dieu*).

малым и стремится к смирению. Только так обретается истина: молитесь, и вы обрящете.

Мой друг граф де Бранж отдает Вам должное: он любит и ценит Вас. О, давайте сохраним чистоту наших душ! Я вверяю себя Вашим молитвам, так что Вы, обращаясь к Богу, не забывайте помянуть бедного грешника, отдающего дань Вашим добродетелям и таланту! Sursum corda!

Сильвио Пеллико[1]*, 10 июня 1845 г.*

В этот период времени А. Констан усердно штудирует все работы, пробивающие брешь в закоренелых формах гражданского общества и предлагающие способы уничтожения сословных неравенств. При этом если некоторые ратовали взяться за переделку мира мечом и огнем, то другие, более вдумчивые и осторожные, надеялись добиться перемен методами воздействия.

Назовем лишь часть того, что попало в круг его интересов: Товьянски[2] и Мицкевич; французская церковь аббата Шателя[3]; фюзионизм Л.-Т. Туррея[4], культ человечества О. Конта[5].

---

[1] А. Constant. *Dictionnaire de littérature chrétienne*. P. 1029.

[2] «Товьянски — это энтузиаст огромной магической мощи… Он видит истину в мечтах сквозь тысячу бредовых идей и тысячу фантазий…» (Correspondance («Переписка»), t. 1.

[3] «Что более всего подорвало авторитет аббата Констана в глазах даже далеких от религии людей, так это его вина перед теми, кто не слишком сведущ в вопросах Церкви, чьим доверием он явно злоупотребил, воспроизводя отдельные ритуалы католического культа, в то время как все его усилия были направлены на ниспровержение католичества» *(Dictionnaire de littérature chrétienne)*, P. 301.

[4] «Туррей, добрый, замечательный человек, обожествляет женщину и хочет, чтобы Адам вышел из Евы» (*Histoire de la Magie*. P. 477).

[5] «Католическую религию О. Конт принял почти полностью и изъял из нее лишь два постулата, так, сущие мелочи: бытие Бога и бессмертие души» (*Histoire de la Magie*. P. 477).

Два направления стали для А. Констана основным объектом длительных глубоких раздумий: сенсимонизм[1] и фурьеризм[2].

Не удовлетворившись ни одной из этих школ, он стал посещать республиканцев, различные политические клубы, общаясь с их завсегдатаями. Так, однажды он познакомился с Пьером Леру.

Ярый полемист господин де Корменен только что опубликовал под псевдонимом Тимон политико-религиозный памфлет, озаглавленный им: «Огонь! Огонь!» («Feu! Feu!»)[3]. А. Констан ответил ему выпуском анонимной брошюры «Мира! Мира!» («Paix! Paix!»)[4].

---

[1] «Школа Сен-Симона, несмотря на все ее несомненные заслуги, всегда внушала мне сильную неприязнь. Религия ее сторонников вроде бы и правильна, но лишена настоящей набожности; их идея свободной женщины вселяет в меня ужас, и, кроме того, разве позволительно рассуждать о милосердии, если не признаешь любви. Сенсимонисты холодны, как сама индустриальная эпоха, резки, деспотичны и расчетливы. Я невольно негодую, когда вижу, что они касаются наших великих истин, ибо сухость их сердец компрометирует и профанирует любую истину. У инфантильных людей встречаются, безусловно, замечательные суждения, однако в целом они преисполнены эгоизма и самомнения» (Correspondance, t. V).

[2] «Фурье переиначил систему Сведенборга с целью создания земного рая, основанного на принципе притяжений, сообразных природным склонностям. Под притяжениями он понимал естественные страсти, которым пророчил полное, абсолютное развитие. Бог, главный судия, отметил гибельной печатью все эти окаянные доктрины: ученики Фурье начали с абсурда, а закончили безумием» (*Histoire de la Magie*. P. 470).

[3] Этот памфлет против изгнания иезуитов выдержал 17 изданий.

[4] «Мира! Мира!» — внушение, сделанное неким аббатом и теологом Тимону, не являвшемуся ни тем, ни другим («Paix! Paix!» Paris, Lacrampe, 1845, in-32).

Немного времени спустя появилась «Книга слез» (*Le Livre des Larmes*)[1]. Рукопись этого труда А. Констан вручил издателю Полье, для того чтобы тот мог изучить ее и решить, как с ней лучше поступить. Издатель же без согласования с автором тут же напечатал ее и передал в книжные лавки. А. Констан попытался было воспрепятствовать продаже книги, но издатель пренебрег его мнением.

«Книга слез» — первое произведение Учителя, в котором достаточно подробно рассматриваются оккультные вопросы.

Отметим, что в это же время он сотрудничал с «Драматическим, живописным и физиологическим альманахом» («L'Almanach dramatique, pittoresque et physiologique des Ecoles»)[2].

Вообще этот период выдался для А. Констана весьма напряженным; даже по вечерам, в качестве отдыха, он занимался сочинительством песен. Его первый сборник «Три гармонии» (*Les Trois Harmonies*)[3] был выпущен издателями Дюфуром и Фелланом, по их просьбе автор для его оформления выполнил ряд рисунков и гравюр на дереве[4]. Затем им были проиллюстрированы еще две

---

[1] Abbé A. Constant (de Beaucourt). *Le livre des Larmes, ou le Christ consolateur* («Книга слез, или Христос утешитель». Опыт примирения католической церкви и современной философии.). Paris, Paulier, 1845, in-18.

[2] Это альманах, издаваемый Ж. Гарнье и А. Бонненом, вновь появился и без значительных изменений в 1846 г.

[3] Paris, 1845, in-12. Несколько экземпляров книги украшает фронтиспис, который, как нам представляется, был добавлен по указанию Констана.

[4] А. Констан получил этот заказ благодаря дружеским отношениям с господином Ашилем Дю Буа, с которым он познакомился примерно в 1834 г. — когда тот был еще ребенком — в окрестностях Руана, в гостях у аббата-вольтерианца Дюссо. Господин Ашиль Дю Буа как раз и занимался тем, что искал художников-иллюстраторов для издателей Дюбоше, Хетцеля и Полена.

книги, на этот раз — Александра Дюма: «Людовик XIV и его эпоха»[1], а также «Граф Монте-Кристо»[2].

Вся эта работа, как книги, так и иллюстрации, принесла ему немного денег, которые он беззаботно потратил — стоило ли сомневаться? — на увеселительные поездки за город, одно из любимых своих развлечений, и вскоре ему вновь пришлось сводить концы с концами.

Доказательством тому служит следующее письмо, в котором А. Констан отвечает некой даме, обратившейся к нему с просьбой посодействовать госпоже Легран, когда той пришлось испытать на себе превратности судьбы.

> Сударыня!
>
> Я благодарен Вам за то, что вспомнили обо мне при столь печальных обстоятельствах. Смею Вас заверить, что неприятное положение, в котором оказалась госпожа Легран, мне тем более тягостно, что, с одной стороны, ничто не способно заставить меня забыть об оказанных ею мне услугах, а с другой, я и сам нахожусь сейчас в ужасающей нужде. Мне нечем топить печь и у меня нет ни обуви, ни смены белья, потому что я не в состоянии забрать из ломбарда заложенные вещи.
>
> Все, над чем я трудился, либо приостановлено, либо не принесло мне никакого результата, однако неуместная, быть может, гордость не дозволяет мне обратиться к друзьям за помощью. Нищета совершенно одолела меня, но, поверьте, никто и никогда не узнал бы о моих затруднениях, если бы нежные чувства

---

[1] A. Dumas. *Louis XIV et son siècle.* Paris, Dufour et Fellens, 1846, 2 vol. t. II. P. 327 et 409.

[2] A. Dumas. *Le Comte de Monte-Cristo.* Paris, Fellens et Dufour, 1846, 2 vol. (с буквицами).

и уважение, которые я испытываю к известной Вам особе, не заставили бы меня сознаться в этом. Коль скоро, в течение ближайшей недели, я получу хоть какие-нибудь деньги, то непременно сразу же отошлю ей половину. А ныне мне приходится удовольствоваться лишь извинениями и заверениями в том, что при первой же оказии с превеликим удовольствием ей помогу.

С уважением и самыми сердечными пожеланиями,

А. Констан

Госпожу Легран этот отрицательный, хотя и совершенно искренний ответ, очевидно, не на шутку рассердил, так как мы обнаружили письмо, отправленное А. Констаном сыну его бывшей благодетельницы Адольфу, которого он безмерно любил. Речь в нем идет чуть ли не о разрыве отношений.

Позвольте мне, милостивый сударь, в последний раз назвать Вас моим другом и дорогим мальчиком, ведь больше нам никогда не суждено увидеться.

Хочу поблагодарить тебя, Адольф, за ту теплую и столь утешительную дружбу, коей ты одаривал меня в течение всего такого счастливого года. Произошедшие недавно события бесповоротно исключили всякую возможность продолжения отношений между твоей матерью и мной. Мне ли не знать, что ты наделен мужественной и преданной душой, однако сердце сына не может и не должно метаться, выбирая между матерью и другом. А раз так, то прощай, мое возлюбленное дитя, мы с тобой, увы, больше не имеем чести знаться.

И все же поскольку судьба подарила нам знакомство, то уверен, что ты не сразу забудешь меня, ведь и я надолго сохраню столь дорогие мне воспоминания. Оставлю тебе в наследство несколько капель божест-

венного нектара поэзии, который способен утишить немного душевную боль и который так часто помогал мне в минуты терзаний.

Я намеревался обсудить счета госпожи Легран, но понеже, судя по ее заверениям, они были не только составлены на Ваших глазах, но и одобрены Вами, дело можно считать окончательно решенным и не требующим пересмотра. Прощай же, дитя мое, прощайте милостивый сударь, ведь письмо надлежит заканчивать именно так, как и начал. Вспоминайте обо мне, как мы вспоминаем дорогих нам усопших, ибо для Вас я отныне не существую. Что касательно меня, то хотя мне и следует воздержаться от проявления печали по поводу нашего расставания, я не стыжусь собственных слез. И в последний раз говорю Вам: прощайте.

Альф. Констан
8 июля 1845 г.

Разрыв не состоялся, но, тем не менее, понадобилось несколько лет, прежде чем их дружеские отношения полностью восстановились.

Адель Алленбах, девочка из Сен-Сюльписа, ради любви к которой А. Констан и погубил свою церковную карьеру, не забывала о нем и частенько навещала, чтобы или поведать ему о постигших ее горестях, или почерпнуть силы в добрых советах «папочки». Посвятившая жизнь театру и ставшая актрисой труппы варьете «Делассман-Комик» (Театра комических развлечений)[1], она по-прежнему питала к А. Констану нежнейшие чувства, которые никогда не были чисто дочерними.

Мадемуазель Адель была приятной наружности девушкой, как нельзя лучше подходящей для ролей суб-

---

[1] Театр комических развлечений располагался на бульваре Дю-Тампль, 60. До наших дней он не сохранился, так как был снесен при реконструкции Площади Революции.

реток; ее гибкая пластика и восхитительная скромность поз[1] заставляла восхищенно вздыхать многочисленных кандидатов на завоевание ее сердца и приносить ей в актерскую ложу и класть к ногам дорогие подарки. Девушка никому не позволяла перейти грань флирта и ухаживаний и впоследствии сочеталась браком с весьма достойным человеком.

К своему «папочке» Адель всю жизнь относилась с неослабным обожанием и, когда тот умер, проводила его в последний путь.

Прожив некоторое время в Шантийи, А. Констан вернулся затем в Париж, где поселился в доме № 10 по улице Сен-Лазар. Там он познакомился с так называемым *богом* Шено, галантерейщиком по профессии[2].

В специально отведенном зале Шено объяснял многочисленным слушателям догматы своего религиозного учения[3]. Проводились и магнетические сеансы. Однажды А. Констану, который вскоре стал замещать учителя по субботним дням, пришла в голову идея кинуть в окно рекламные листки, дабы пополнить ряды адептов. К сожалению, часть их подобрала полиция, после чего собрания у Шено подверглись запрету.

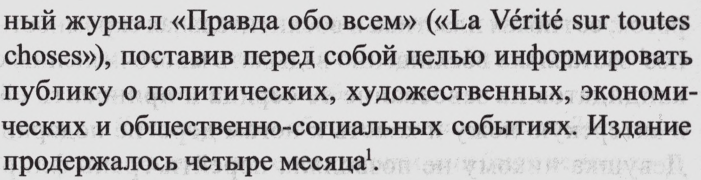
Но еще до этого на одном из подобных собраний А. Констан встретил Шарля Фовети, уже тогда грезившего идеей *общемировой религии*. Они быстро подружились и в октябре 1845 г. вместе основали ежемесяч-

---

[1] Edm. et J. de Goncourt, *Mystères des Théâtres* («Театральные тайны»). Paris. Libr. Nouvelle, 1853. P. 219.

[2] См.: A. Karr. *Les Guêpes* («Осы»). 4-й и 5-й выпуски; A. Erdan. «La France Mystique», t. 1. P. 183.

[3] См.: *3e et dernière alliance de Dieu* («3-й и последний завет с Богом». Рассказ о смысле Творения, поведанном рабу Божьему Шено, или Шеннону, торговцу из Меннту-сюр-Шер, для того чтобы тот раскрыл его людям). Paris, 1842, in-8. С портретом автора.

ный журнал «Правда обо всем» («La Vérité sur toutes choses»), поставив перед собой целью информировать публику о политических, художественных, экономических и общественно-социальных событиях. Издание продержалось четыре месяца[1].

Помещенное нами ниже стихотворение из журнала «Правда обо всем» ярко свидетельствует о том, сколь острым сатирическим мастерством обладал А. Констан.

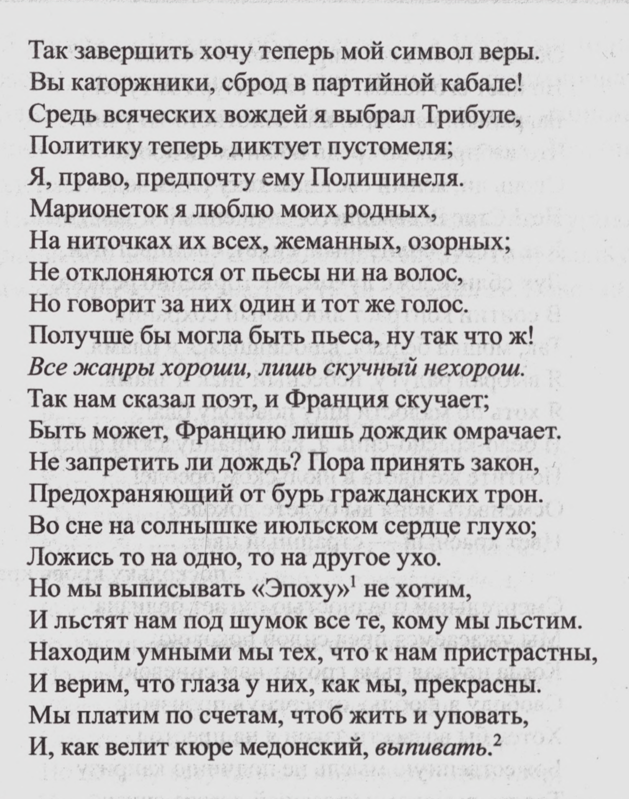
Мое исповедание веры

Ракеткой ветреной мою назвали музу.
Не всем дано примкнуть с ней к нашему союзу,
Хоть блеют сдуру мне панурговы стада:
«Ты знамени лишен, а значит, и стыда»,
Когда бы превратить знамена мне в трофеи,
Украсив ими гроб войны, зловредной феи,
Когда бы истину моя постигла страсть,
Чтобы превратный дух партийности заклясть,
Но члены партий всех, мне посулив расправу,
Убить в зародыше мою готовы славу,
Свести меня на нет хотел бы злобный хор,
Но не хочу вступать я с ними в скучный спор,
Улыбок их не жду, как мог бы ждать притворщик,
Скорее ревностный для них я заговорщик,
Пусть изрыгают желчь, поэту все равно,
И в небо мне смотреть по-прежнему дано.

Как фантастический мост между облаками,
Нимб солнечный царит над грозами веками,
И с этого моста в лучах простертых рук
Прощение мирам бесчисленным вокруг.
Единство явлено священным древним знаком,
Венец мистический над бездной и над мраком;
И не прощеньем ли Божественным объят,

[1] «La Vérité» — ежемесячный журнал, выходивший с октября 1845 г. по январь 1846 г., in-18.

Объемлет он весь мир, в своем сиянье свят?
Но цвет его каков? Он как лазурь за тучей,
Багряный, как заря, иль золотисто-жгучий?
Что избирает он средь Божиих щедрот,
Огонь ли, ясный свет или текучесть вод?
Нет! Стяг Всевышнего, священный и заветный,
Как отсвет солнечный, сияет, семицветный,
Луч сблизился с лучом, восторженно ревнив,
В соитии контраст любовный сохранив.
Так, мошка бедная, влюбившаяся в пламя,
Я выбрал радугу, небесный знак и знамя.
Я хоть по малости ищу повсюду благ,
И бело-красно-синь я, как французский флаг.
Почтите же цвета в июльском ореоле!
Осмеивать меня вы будете доколе?
Цвет красный — страшный цвет,
поскольку кровь красна;
Смертельной бледностью пугает белизна;
Мы ужасаемся пред силой роковою,
Когда ночная тьма грозит нам синевою!
Свободу я люблю, отвергнув произвол;
Хотел бы возвести закон я на престол,
Божественную мысль не подчиню капризу
Толпы, высокому грозящей дерзко снизу;
Смешного деспота пером не поддержу,
Но и поддакивать не стану мятежу.
Меж философией и верою Христовой
Мечусь, всегда собой пожертвовать готовый;
Пусть в жертву принесен я средь скорбей и смут,
Друг другу руки пусть враги потом пожмут.
Из темных книг моих, пусть пыль на них дремала,
Ученый извлечет проблем еще немало,
И, сняв на истину положенный запрет,
Откроют, что твердил я тщетно столько лет.
Быть может, новый век в ночи вот-вот родится,
В чем каждый, может быть, на ощупь убедится;
Путь показать могу волхвам, в чьих душах тьма,
Но скажут мне тогда, что я сошел с ума,
Пусть я безумен, пусть ни в чем не знаю меры;

Так завершить хочу теперь мой символ веры.
Вы каторжники, сброд в партийной кабале!
Средь всяческих вождей я выбрал Трибуле,
Политику теперь диктует пустомеля;
Я, право, предпочту ему Полишинеля.
Марионеток я люблю моих родных,
На ниточках их всех, жеманных, озорных;
Не отклоняются от пьесы ни на волос,
Но говорит за них один и тот же голос.
Получше бы могла быть пьеса, ну так что ж!
Все жанры хороши, лишь скучный нехорош.
Так нам сказал поэт, и Франция скучает;
Быть может, Францию лишь дождик омрачает.
Не запретить ли дождь? Пора принять закон,
Предохраняющий от бурь гражданских трон.
Во сне на солнышке июльском сердце глухо;
Ложись то на одно, то на другое ухо.
Но мы выписывать «Эпоху»[1] не хотим,
И льстят нам под шумок все те, кому мы льстим.
Находим умными мы тех, что к нам пристрастны,
И верим, что глаза у них, как мы, прекрасны.
Мы платим по счетам, чтоб жить и уповать,
И, как велит кюре медонский, *выпивать*.[2]

От сочинения песен А. Констан испытывал ни с чем не сравнимое наслаждение. После того, как несколько из своих стихотворных опытов он отправил на суд Беранже, тот ответил ему: *«Вы, сударь, — прирожденный сочинитель песен, более того, Вы — поэт»*, — и пригласил к себе в гости.

На следующий день, — *рассказывает А. Констан*, — я отправился в Пасси и постучался в дом, путь к которому с любовью и трепетом объяснял мне каждый, к кому бы я ни обратился, — настолько доб-

---

[1] Газета, поддерживаемая правительством.
[2] «La Vérité», déc. 1845. P. 200.

ропорядочные жители города гордятся своим земляком Беранже. Славная старушка отворила мне дверь. Разумеется, не старушка из песни, совсем не Лизетта, но не менее милая и даже чем-то на нее похожая. Симпатичное и доброе материнское лицо, приятный голос и в высшей степени обходительные манеры.

Я справился о *господине Беранже*, а поскольку моего визита, как мне показалось, не ждали, то поспешил достать пригласительное письмо; обо мне наконец доложили.

Великий поэт-песенник стал спускаться ко мне по лестнице со второго этажа и остановился на половине пути. Я смог рассмотреть его не изображенным на портрете, а живьем: наивное и в то же время с хитрецой выражение лица, взгляд столь наблюдательный, что кажется печальным, красивый рот, будто несущий на себе отпечаток его прекрасных песен. Он принял меня в небольшой чистой комнатке с мансардой, стоя возле ярко пылавшего камина, как-никак на улице была зима. Казалось, что ему лет двадцать, не более! Завязалась беседа и как-то совершенно естественно, сама собой коснулась чрезвычайно серьезных и важных предметов. Беранже осведомлен о теологии, лучше, чем иной епископ, но затем он снова возвратился к теме песен.

«Считается, — сказал он мне, что песня — жанр легкий, кто угодно, мол, способен состряпать куплетец. Но отделать его как надо — вот в чем загвоздка! Между тем в ваших сочинениях, — добавил он, — я заметил немало оригинальных ходов и ловко преодоленных трудностей, это позволяет мне предсказать, что когда-нибудь вы достигнете большого успеха. Продолжайте же творить — именно такой совет я хочу дать вам на свой страх и риск».

Последние слова сопровождались очаровательной добродушной улыбкой. Охваченный сильным волнением, я растерялся и смог лишь произнести:

— Позвольте пожать мне руку, написавшую столь прекрасные песни!

— Охотно, — отозвался Беранже, чистосердечным жестом отзываясь на мои слова, — ведь я в свою очередь пожму руку, которая напишет ваши[1].

Трудно придумать более дружеское и обнадеживающее пожелание, не случайно А. Констан никогда не забудет теплого приема Беранже и его пророчества.

Вот один из *опытов* нашего сочинителя:

К Беранже

На мотив «Трубадуров»

Непримиримый враг тоски,
Ты, Нестор песнопений,
Вслед за тобою, гений,
Позволь собрать мне колоски.
Нам не до славы.
Жизнь для забавы.
Лишь в песнях мы твоих бываем правы.
Грядущее настороже,
И мы осуждены уже;
Спасают нас лишь песни Беранже.

Ты, песнь, моя утеха,
Так не ищи успеха.
Учись у нашего отца искусству смеха.

Ты, Пиндар наш, ты наш Гомер,
Воспел Наполеона;
Герою песнь — корона,
Стиха блистательный пример.
А герб героя,
Как после боя;
Пой, из цветов ему гробницу строя,
Чтобы, в слезах и в розах цел,
Был героический удел
И кипарис бессмертный молодел.

Ты, песнь, моя утеха, и т.д.

---

[1] «Le Roger-Bontems». № 3, janv. 1857, p. 18, col. 3.

В безумье мудром, в простоте,
В юдоли нашей зыбкой
Печаль твоя с улыбкой
В неисправимой доброте.
Лад задушевный,
Нежно безгневный
Велит: оплачь людской удел плачевный!
Взлетая вольной птицей в тишь,
Беззлобный, злобных ты бежишь,
Как песнь твоя, чистейшим дорожишь.

Ты, песнь, моя утеха, и т.д.

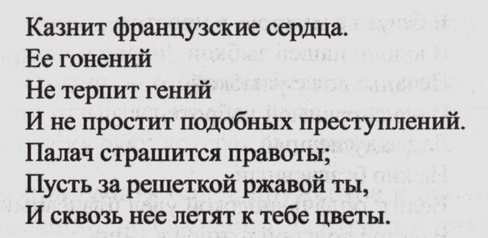
Твоею лирой шалуны
Амуры насладились
И быстро убедились:
Они, плутишки, прощены,
Когда ты мрачен,
Тоской охвачен,
Лизеттой ты и Розой озадачен.
Пусть радость мимолетней сна,
Зачем тогда душа грустна?
Не муза ли одна тебе верна?

Ты, песнь, моя утеха, и т.д.

Минерва как-то вечерком
Разделась у Лизетты;
Что добрые советы,
Когда богиня под хмельком!
И у Амура
Губа не дура,
Как ни красней, свое берет натура.
Сильней стыда природный зов;
С Минервы падает покров,
И спит она, смеясь от сладких снов.

Ты, песнь, моя утеха, и т.д.

Цензура, прихоть подлеца,
Позорит всю державу,
Корежит нашу славу,

Казнит французские сердца.
Ее гонений
Не терпит гений
И не простит подобных преступлений.
Палач страшится правоты;
Пусть за решеткой ржавой ты,
И сквозь нее летят к тебе цветы.

Ты, песнь, моя утеха, и т.д.

Ты, старый наш Анакреон,
Когда ты пьешь из кубка,
Летит с небес голубка,
Увидев, как ты упоен,
И, зная цену
Богам и тлену
Попробовать из кубка рада пену.
Мечтать воробушку вольно́:
Мне золотое бы зерно,
Что в житнице твоей припасено.

Ты, песнь, моя утеха, и т.д.

После возвращения из Эвре А. Констан часто отправлялся в Шуази-ле-Руа навестить мадемуазель Эжени Ш., которая, напомним, служила младшей учительницей в учебном заведении госпожи Шандо; среди учениц числилась и мадемуазель Кадьо семнадцати лет от роду.

Мадемуазель Ноэми Кадьо, родившаяся в Париже 12 декабря 1828 г. была дочерью господина Луи-Флориана-Марселлена Кадьо, литератора и бывшего супрефекта[1], и его супруги, госпожи Кадьо, урожденной де Монбарбон.

---

[1] Господин Кадьо был супрефектом Тула и Отена. Родился в 1801 г. в Ангулеме, а умер ок. 1860 г. в Париже. Журналист, сотрудничал с газетой «National»; его перу принадлежит ряд произведений на политические темы.

Госпожа А.-Л. Констан
Урожденная Мари-Ноэми Кадьо
(По акварели А.-Л. Констана)

Упомянутое учебное заведение в Шуази-ле-Руа под руководством госпожи Ив Шандо представляло собой славящийся в то время высоким качеством обучения пансион для девиц, среди которых было немалое количество англичанок.

Господин Кадьо, не имевший возможности лично заняться воспитанием дочери, поручил ее заботам госпожи Шандо; новая ученица быстро завязала дружбу со своей наставницей — младшей учительницей мадемуазель Эжени Ш.

Когда обе девушки выходили по воскресным дням на прогулку, их сопровождал А. Констан, лучше и веселее времяпрепровождения для всех троих нельзя было и придумать!

День следовал за днем, неделя за неделей, и мадемуазель Кадьо вскоре поняла, что испытывает к Учителю чувство, гораздо более сильное, нежели обычная симпатия. Они начали переписываться.

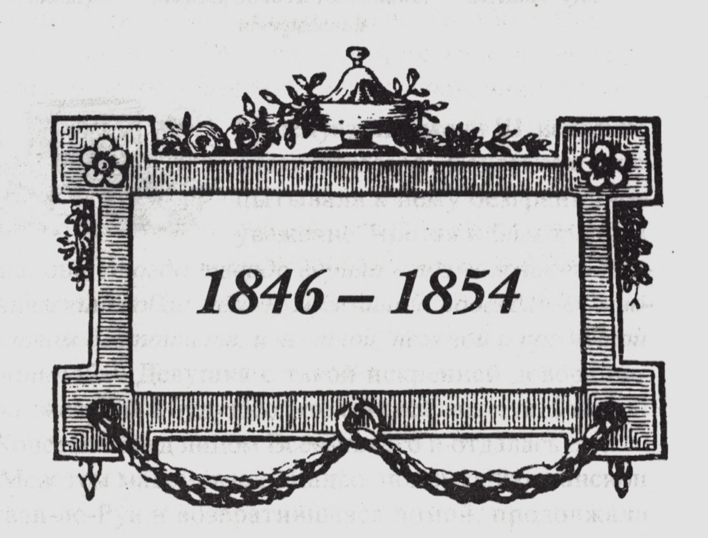
Этой дружбе предстояло сыграть роковую роль в жизни А. Констана.

Надо отдать должное мужеству, с которым он покончил с остатками своей прошлой религиозной жизни. Очередные потрясения могли поколебать и гораздо более крепкую душу, чем была у него, однако он, наоборот, вышел из этого испытания еще более сильным и закаленным.

В известном смысле можно сказать, что в тот момент прежний А. Констан умер, чтобы морально возродиться уже в новом обличье.

Часть вторая

Испытания

Глава VI

Мадемуазель Эжени Ш. и мадемуазель Кадьо. — Брак А. Констана. — Бедность. — Сотрудничество с газетой «Мирная демократия». — «Последнее воплощение». — А. Констан и политика. — «Траур Польши». — Судебный процесс против «Голоса голода». — Новый судебный приговор. — Поэт К. Хилби. — А. Констан выходит на волю через полгода тюремного заключения. — Новые книги: «Рабле в Басметте», «Три злоумышленника», «Сеньор Девиньер». — Мария, дочь А. Констана. — Великое чудо воскресения

Мадемуазель Эжени Ш. искренне восхищалась А. Констаном и испытывала к нему безграничное уважение. Чистая и благородная душа, она «*тогда твердо верила в возможность платонический любви между мужчиной, наделенным множеством достоинств, и честной, нежной и преданной женщиной*»[1]. Девушка с такой искренней доверчивостью смотрела в будущее, что согласилась стать женой А. Констана пред лицом Всевышнего и отдалась ему.

Меж тем мадемуазель Кадьо, покинувшая пансион Шуази-ле-Руа и возвратившаяся домой, продолжала переписываться с А. Констаном. А в один прекрасный июньский день 1846 г., видимо ощутив, что перо уже не в силах выразить все обуревавшие ее чувства, она тайком покинула родительский дом, приехала к А. Констану в маленькую комнатку, которую тот снимал на набережной Эколь[2], да там и осталась.

---

[1] Дневник мадемуазель Эжени Ш…

[2] Набережная Эколь в настоящее время является частью набережной Лувра, что тянется от улицы Понт-Неф до улицы Лувра.

Мадемуазель Кадьо исполнилось тогда лишь восемнадцать лет. Ее отец вместо того, чтобы, сделав все от него зависящее, вернуть дочь домой, потребовал *зарегистрировать брак*, угрожая, что в противном случае подаст в суд за совращение малолетней. Такого бесчестия А. Констан допустить не мог и дал свое согласие. Гражданская церемония состоялась в мэрии X-го округа[1] 13 июля 1846 г.

Тремя месяцами позже, 29 сентября, у Констана родился незаконнорожденный сын, которому никогда не будет суждено носить фамилию отца. Печаль мадемуазель Эжени Ш. усугублялась тем, что она считала мадемуазель Кадьо близкой подругой, всегда чрезвычайно по-доброму к ней относившейся. Впоследствии та заверила ее, что совершенно не догадывалась о ее любви к А. Констану.

Как бы то ни было, из-за совершенной им ошибки А. Констан не имел возможности выполнять свой отцовский долг и «в течение семи лет, пока длился его семейный союз, не мог позаботиться ни о ребенке, ни о его матери»[2].

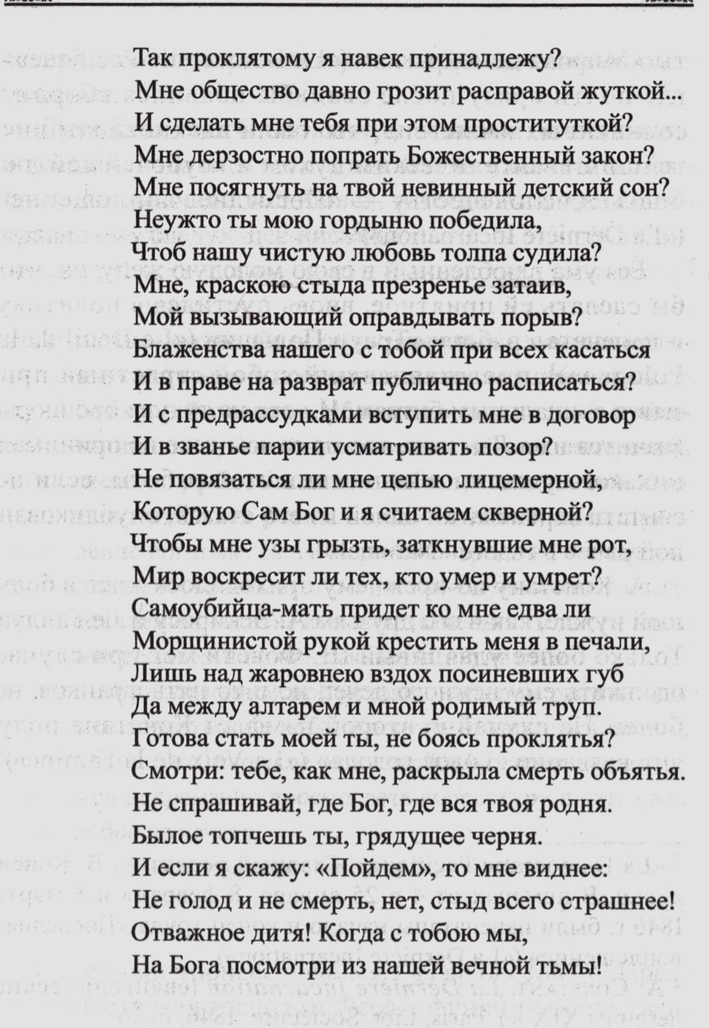
Если судить по следующему стихотворению, *жених* долго сопротивлялся ультимативному требованию отца мадемуазель Кадьо:

К Ноэми

Да, будь моей, в тебе одной мое прощенье;
Ты вся моей мечты живое воплощенье.
О состоянии моем и о родне
Ты не в безумном ли меня спросила сне?
Любовь твоя судьбе моей перечит смело,
О Гименее речь заводит неумело,
А не спохватишься ты, вверяясь мятежу:

---

[1] Ныне мэрия VII округа, улица Гренель.
[2] Дневник мадемуазель Эжени Ш… .

Так проклятому я навек принадлежу?
Мне общество давно грозит расправой жуткой...
И сделать мне тебя при этом проституткой?
Мне дерзостно попрать Божественный закон?
Мне посягнуть на твой невинный детский сон?
Неужто ты мою гордыню победила,
Чтоб нашу чистую любовь толпа судила?
Мне, краскою стыда презренье затаив,
Мой вызывающий оправдывать порыв?
Блаженства нашего с тобой при всех касаться
И в праве на разврат публично расписаться?
И с предрассудками вступить мне в договор
И в званье парии усматривать позор?
Не повязаться ли мне цепью лицемерной,
Которую Сам Бог и я считаем скверной?
Чтобы мне узы грызть, заткнувшие мне рот,
Мир воскресит ли тех, кто умер и умрет?
Самоубийца-мать придет ко мне едва ли
Морщинистой рукой крестить меня в печали,
Лишь над жаровнею вздох посиневших губ
Да между алтарем и мной родимый труп.
Готова стать моей ты, не боясь проклятья?
Смотри: тебе, как мне, раскрыла смерть объятья.
Не спрашивай, где Бог, где вся твоя родня.
Былое топчешь ты, грядущее черня.
И если я скажу: «Пойдем», то мне виднее:
Не голод и не смерть, нет, стыд всего страшнее!
Отважное дитя! Когда с тобою мы,
На Бога посмотри из нашей вечной тьмы!

Финансовое положение молодоженов в день свадьбы оказалось столь плачевным — семья Кадьо не пожелала дать за дочь приданое, — что им пришлось поужинать лишь жареной картошкой, купленной за несколько су на мосту Пон-Неф.

Время от времени А. Констан публиковал статьи, главным образом в воскресном двойном номере газе-

ты «Мирная демократия» («La Démocratie Pacifique»)[1], где почти сразу после свадьбы появился сборник сочиненных им легенд, что были вдохновлены чистейшим евангелическим духом и глубочайшей любовью к человечеству — «Последнее воплощение» («La Dernière Incarnation»)[2].

Без ума влюбленный в свою молодую жену, он, чтобы сделать ей приятное, вновь пустился в политику и напечатал работу «Траур Польши» («Le Deuil de la Pologne»)[3], представлявший собой страстный призыв к социальным битвам. И хотя на титуле брошюры значится имя Ламеннэ, тот на самом деле не принимал никакого участия в написании этой работы, если не считать перепечатки одной из его статей, опубликованной ранее в газете «National»[4].

А. Констану по-прежнему приходилось жить в большой нужде, как и его друзьям А. Эскиросу и Ле Галлуа. Только более удачливый Ш. Фовети мог при случае одолжить ему немного денег, но и то пять франков, не более. Не случайно второй памфлет Констана получил название «Голос голода» («La Voix de la Famine»)[5],

---

[1] «La Démocratie Pacifique». Главный редактор: В. Консидеран. В номерах от 4 и 25 января, 8 февраля и 8 марта 1846 г. были напечатаны начало и конец труда «Последнее воплощение» («La Dernière Incarnation»).

[2] A. Constant. *La Dernière Incarnation* (евангелические легенды XIX в.). Paris, Libr. Sociétaire, 1846, in-16.

[3] F. Lamennais et A. Constant. *Le Deuil de la Pologne. Protestations de la Démocratie Française et du Socialisme Universel* («Траур Польши. Протесты французской демократии и мирового социализма»). Paris, Le Gallois, 1847, broch. in-8.

[4] «Le National» — ежедневная газета, основанная Тьером, Мигелем и Каррелом (1830–1851).

[5] A. Constant. *La Voix de la Famine*. Paris, Ballay aîné, 1846, in-8. На титульном листе имеется следующий эпиграф: *Народ голодает, Франция пребывает в страхе* (Ламартин).

кстати, он-то и привел снова автора на скамью подсудимых.

Друг Констана О. Ле Галлуа вызвался похлопотать и убедить издателя господина Балле напечатать памфлет. Тот вначале колебался, и тогда А. Констан направил ему следующее письмо:

Сударь!

Вы можете обо всем договориться с моим поверенным, которому я поручил заняться изданием «Голоса голода». Я слишком убежден в пользе этой публикации и в глубокой нравственности моих намерений, чтобы страшиться каких-либо преследований. Это защитительная речь в пользу бедных и предупреждение богатым. Неимоверность народных страданий с лихвой оправдывает стилистическую остроту моего сочинения, кстати, всю ответственность за его издание целиком и полностью возлагаю на себя.

Единственное мое условие: автором работы должен значиться не аббат Констан, а Альфонс Констан, кроме того, перед ее отправкой в типографию, я должен непременно просмотреть корректуру и дать свое добро на печать.

Примите, сударь, заверения...

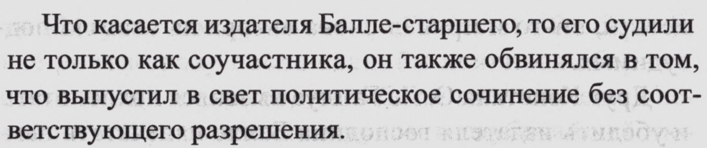
А. Констан

Судебный процесс начался 3 февраля 1847 г.[1] Председательствовал господин Ферей, функции общественного прокурора выполнял господин Брессон.

Обвинение включало два пункта: 1) попытка нарушения общественного порядка путем подстрекательства и разжигания ненависти к различным классам общества; 2) разжигание ненависти к правительству короля.

---

[1] «La Démocratie Pacifique», 10 n⁰ du mercredi février 1847.

Что касается издателя Балле-старшего, то его судили не только как соучастника, он также обвинялся в том, что выпустил в свет политическое сочинение без соответствующего разрешения.

А. Констан решил обойтись без адвоката, а господина Балле защищала госпожа Ножан Сен-Лоран.

Генеральный прокурор, зачитав несколько отрывков из «Голоса голода»[1] и упрекнув обвиняемого в нарушении традиций правоверия, в которых его воспитывали с детства, потребовал от присяжных заседателей вынести обвинительный приговор.

Когда слово предоставили А. Констану, он произнес следующее:

> Господа, да, я принадлежал Церкви, но священником не был[2], никогда не служил мессу и не принимал исповедей. И был облечен лишь диаконским чином, который позволял мне подниматься на амвон и давал разрешение претендовать на епископство. Меня тут представили как дважды отступника. Мне придется обратиться к нескольким эпизодам моей личной жизни, тягостным для меня, но без которых не обойтись[3].

После этих слов А. Констан кратко пересказал события своей беспокойной жизни.

> Во всяком случае, — *добавил он*, — если бы я вознамерился стать священником, не важно каким, пусть даже плохим священником, и не помышлял бы ни о чем, кроме собственных выгод, то вполне мог бы

---

[1] См.: *Éliphas Lévi et son œuvre*.

[2] Следует обратить особое внимание на эти слова А. Констана, которого упорно продолжают называть священником.

[3] «La Démocratie Pacifique», указ. номер.

получить высокий сан и сегодня, возможно, был бы епископом, а не стоял бы перед судом присяжных.

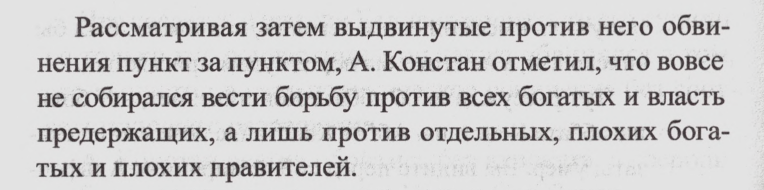
Тут рассуждали об аббате Констане: нет, нет больше аббата Констана. Аббат Констан, с позволения сказать, умер. Вы видите перед собой мирянина Альфонса Констана, рисовальщика, художника, литератора, обычного неимущего человека и друга неимущих[1].

Перечислив затем свои работы, опубликованные после «Библии свободы» и носившие все без исключения теологический и палингенетический характер, он воскликнул:

Но на этот раз, признаю откровенно, мной был написан не палингенетический труд, а памфлет. Я по себе знаю, господа присяжные, что такое голод, мне хорошо известно, что такое быть бедным и, видя, как усугубляется нищета и множатся бедствия обездоленных людей, мне захотелось стать их рупором. Классы неимущих беспредельно несчастны, бремя их тягот воистину невыносимо. Богатым же ничего не ведомо об этом, так не пора ли раскрыть им глаза, пусть обеспокоятся страданиями своих ближних, к коим они столь безучастно сейчас относятся. Именно с этой целью, дабы не допускать впредь человеческих мучений, порождаемых подобным равнодушным отношением, я и предоставил слово голодающему народу, дал услышать голос голода. Это вовсе не я говорю в этом сочинении, а те, кто голодает и вопиет от отчаяния. Теперь вам, господа, не хуже, чем мне, известна идея моей книги. И судить надо не ее автора, не рупор бедствия, а само бедствие[2].

---

[1] «La Démocratie Pacifique», указ. номер.
[2] Ibid.

Рассматривая затем выдвинутые против него обвинения пункт за пунктом, А. Констан отметил, что вовсе не собирался вести борьбу против всех богатых и власть предержащих, а лишь против отдельных, плохих богатых и плохих правителей.

> Когда, в какую эпоху, — *вопросил он*, — сатирику, поэту не дозволялось клеймить пороки своего времени гиперболическими речами?[1]

Развивая последнюю мысль, А. Констан процитировал два стихотворения Ювенала, которые как нельзя лучше соответствовали содержанию его собственной брошюры, заметив, что Ювенала никто и не думал подвергать за них преследованиям.

В ответ на обвинение в том, что, изображая имущие классы врагами, он тем самым подталкивает рабочих к выступлениям против них, он напомнил басню Лафонтена «Старик и осел», где сказано:

> Наш враг — хозяин.
> Я говорю Вам это как француз.

> И Лафонтена, — *добавил он*, — никто не наказал за вложенные в уста осла крамольные речи. Ну что ж, сегодня я выступаю в роли этого осла (оживление в зале), ведь осел является образом бедняка, а я как раз и представляю бедных. Господин главный прокурор заявил, что мою книгу нельзя читать без отвращения, ну что ж, я скажу больше: на меня даже смотреть нельзя без отвращения, ибо зрелище бедности отвратительно. А я как раз и есть пролетарий, бедный Лазарь, чье прикрытое лохмотьями тело изуродовано ранами

[1] «La Démocratie Pacifique», указ. номер.

и язвами! Да, Вы правы, господин генеральный прокурор, я действительно отвратителен[1].

Затем, опираясь на цитаты из Евангелия и святого апостола Иакова, А. Констан убедительно доказал, что его идеи находятся в полной гармонии с учением Христа.

Повернувшись к висевшей за спинами судей картине, изображающей Страсти Христовы, он воскликнул:

> Господин генеральный прокурор, вы говорили о Христе, и я вижу перед собой его изображение. Я убежден, да, я абсолютно убежден в том, господа присяжные заседатели, что эту картину повесили здесь вовсе не с целью запугивать видом казни тех, кто попытался подражать святой свободе слов Господа нашего[2], а для того, чтобы она вселяла уверенность в невиновного и утешала грешника.

После часа обсуждения присяжные вынесли А. Констану простым большинством обвинительный приговор по одному лишь пункту — разжигание социальной ненависти между различными классами общества, а по всем остальным пунктам — оправдательный.

Издатель Балле был признан невиновным.

Суд приговорил А. Констана к одному году тюрьмы и 1 000 франков штрафа[3].

---

[1] «La Démocratie Pacifique», указ. номер.

[2] Ibid.

[3] Суд дал также распоряжение уничтожить все конфискованные экземпляры «Голоса голода» и тех, что могли быть напечатаны в дальнейшем («Moniteur» от 1 августа 1847 г.).

По поводу этого произведения см.: Stein (Lorenz). *Histoire du mouvement social en France* («История социального движения во Франции»), Leipzig, 1851, 2 vol. in-8, t. II. P. 423. Текст весьма пристрастный и во многом лживый.

Хотя книга «Голос голода» и могла показаться предосудительной с точки зрения тогдашних законов, совершенно очевидно, что вовсе не дурными намерениями руководствовался при ее написании автор, а исключительно желанием представить идеал, одно стремление к которому уже есть благо для человечества.

Перед тем как отправиться в заточение в Сен-Пелажи, А. Констан послал рабочему поэту К. Хилби[1] стихотворное произведение[2], в котором постарался показать молодому апологету Марата, сколь опасно возбуждать в людях ненависть:

Во тьме ночной богов и мучеников тени.
Не стоит призраков будить, чей правый гнев
Не пощадит и нас, живыми овладев.

Еще в 1845 г., когда тот же Хилби написал памфлет о продажности газет («Vénalité des Journaux»), А. Констан отозвался сатирой «Продажная печать» («La Presse Vénale»)[3], где посоветовал автору не нападать на журналистов и литераторов, торгующих своим пером:

Ползучих не топчи. Их обходить умей.
Не стоит наступать на ядовитых змей.

---

[1] К. Хилби известен прежде всего своими гневными критическими произведениями. В 1848 г. он опубликовал «Газету санкюлотов» («Le Journal des Sans-Culottes»). Несмотря на утверждения А. Лукаса — A. Lucas. *Les Clubs et les Clubistes* («Клубы и завсегдатаи клубов»), — мы сомневаемся в том, что Хилби являлся другом А. Констана.

[2] Это стихотворное произведение, названное «Констану Хилби, автору "Марата" («A Constant Hilbey, auteur de Marat»), находится на с. 14–16 след. издания: «Séance de la Convention Nationale du 25 sept. 1792. Extrait du journal de Marat («Заседание Национального Конвента от 25 сент. 1792 г. *Отрывок из дневника Марата*»). Paris, 1847, broch. in-8. С предисловием и комментариями К. Хилби.

[3] La Vérité, déc. 1845. P. 167 et suis.

А. Констан прекрасно понимал, к чему это ведет, поскольку в течение долгих шести лет ему не давали свободно выражать свои мысли и печататься в газетах.

Очутившись в тюрьме, он нашел мощную поддержку в лице госпожи Констан.

> Моя молодая жена была беременной, а я, сидя за решеткой, даже не мог обеспечивать ее средствами к существованию… И она голодала, что там греха таить. …И никого… буквально никого это не волновало… Одна, не имея на кого опереться, она постучалась в дверь министерства… Просить милости для себя и своего ребенка[1].

Именно благодаря ее заступничеству А. Констан пробыл в тюрьме всего лишь шесть месяцев (с февраля по август 1847 г.).

Ее ободряющая помощь во многом также способствовала тому, что, еще находясь за запорами Сен-Пелажи, он приступил к работе над книгой «Рабле в Басмете» («Rabelais à la Basmelte»)[2].

Покинув стены тюрьмы, А. Констан возобновил сотрудничество с редакцией газеты «La Démocratie Pacifique», где им были опубликованы восточная легенда «Три злоумышленника» («Les trois Malfaiteurs»)[3] и «Властитель Девиньера» («Le Seigneur de la Devinière»)[4], вторая часть хроник жизнелюбивого кюре Медона[5].

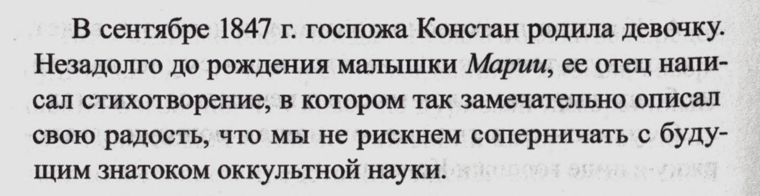
[1] « Le Tribun du Peuple», № 3, mars 1848, col. 1. P. 2.

[2] A. Constant. *Rabelais à la Basmette*. Paris, Libr. Phalanst., 1847, in-16.

[3] A. Constant. *Les trois Malfaiteurs*. Paris, Libr. Phalanst., 1847, in-16.

[4] A. Constant. *Le Seigneur de la Devinière*. Paris, Libr. Phalanst., 1847, in-16.

[5] Эти две части образуют начало «Колдуна из Медона» (Sorcier de Meudon), опубликованного в 1861 г.

В сентябре 1847 г. госпожа Констан родила девочку. Незадолго до рождения малышки *Марии*, ее отец написал стихотворение, в котором так замечательно описал свою радость, что мы не рискнем соперничать с будущим знатоком оккультной науки.

Ребенку, которому предстоит родиться

Спи, милое дитя! Пускай тебе приснится,
Как пальцы Ноэми сплетают колыбель
Из нежных локонов: лишь с виду плетеница,
А для тебя постель.

Спи, милое дитя! Лью тихо слезы эти
Бальзам на волосы возлюбленной моей,
Благоуханные тебе готовя сети,
Дитя моих скорбей.

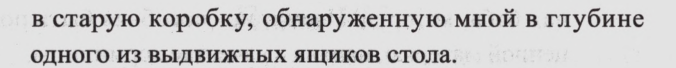
И сердце в сладком сне забьется без опаски.
Присмотрит за тобой, заботливо любя,
Надежда, полная неизъяснимой ласки,
Баюкая тебя.

А. Констан

Мы позволим себе также воспроизвести отрывок из письма Элифаса Леви барону Спедальери[1], строки которого не могут не взволновать читателя:

> Грубая ткань одежды натерла мне кожу, вот и пришлось купить у аптекаря пудру «Lycopode», что-то вроде легковоспламеняющейся цветочной пыльцы, которая, как Вам известно, превосходна для заживления кожных ран. Купленную пудру я положил

[1] См. журнал «Le Voile d'Isis» («Покрывало Изиды»), начин. с № 6–7, июнь–июль 1920 г. Первый том этой переписки, включающей около тысячи писем, находится в типографии.

в старую коробку, обнаруженную мной в глубине одного из выдвижных ящиков стола.

Заметив, что коробка плохо закрывается и пудра просыпается сквозь щель, я решил переложить мою покупку в другую, более плотную коробку, но, когда открыл ее, с удивлением увидел на дне прядь волос.

Это были тонкие, бледно-светлые волосы, какие бывают у детей. Я порылся в своих воспоминаниях, но тщетно. У меня нет привычки сохранять на память чьи-нибудь волосы, да и благоговением перед подобными реликвиями я не отличаюсь. Тем не менее, отношусь к ним с должным уважением, поэтому, достав кончиками ножниц лежавший на дне коробки пучок светлых волос, уже немного осыпанных пудрой «Lycopode», я вознамерился сжечь его. Волосы быстро охватились пламенем свечи, и я был уверен, что от них останется только горстка пепла. Каково же было мое удивление, когда вскоре понял, что выгорела только пудра, а прядь волос осталась нетронутой, как если бы она была из асбеста. Я снова поднес ее к огню, но с нею опять-таки ничего не сталось. Что же это за волосы? — недоумевал я. И внезапно будто что-то кольнуло меня в сердце. Стершееся временем воспоминание ожило, словно все произошло лишь вчера. Ноэми родила мне девочку, которая умерла; несчастная мать попросила срезать прядь волос с лобика бездыханного ребенка.

Ужасные события, произошедшие в дальнейшем между мной и моей женой, заставили меня забыть об этом трагической детали, и прядь волос пролежала с тех пор, то есть в течение восемнадцати лет, в коробке, где я ее и обнаружил.

Я живо припомнил день, когда мне принесли это бедное дитя, скажу умирающим, так как написать мертвым рука не осмеливается, принесла мне его глу-

пая баба, которую Ноэми, не способная быть полноценной матерью, наняла в качестве кормилицы.

Девочка была холодной, сердце не билось, и пульс не прощупывался. Ноэми, не сумевшая ее выходить, пришла в ярость и все рвалась убить ребенка кормилицы (Что за жена у меня была, Бог ты мой!). Чтобы успокоить Ноэми, мне пришлось заверить ее, что малышка не умерла. Я отнес дочку на кровать, а затем, расстегнув свою рубаху, приложил ее бедное тельце к своей обнаженной груди и стал дуть в рот и в ноздри. Внезапно я почувствовал, что тело ребенка както обмякло и будто потеплело. Рядом стояла теплая вода, я начал тихонько лить ее на лобик девочки, а сам кричу: «Maria! si quid est in baptismate catholico regenerationis et vitæ, vive christiana! ego enim te baptizo in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti». Друг мой, не подумайте, будто я рассказываю Вам приснившийся сон: девочка тут же распахнула свои огромные от удивления голубые очи и заулыбалась…

Я вскочил с криком радости и отнес ее матери, которая не могла поверить своим глазам[1].

Мы не станем портить какими-либо комментариями этот рассказ о возвышенной отцовской любви.

Маленькая Мария умерла в 1854 г. в семилетнем возрасте, к великому отчаянию А. Констана, не чаявшего в дочке души. Ее смерть, безусловно, стала одной из причин размолвок, возникших в дальнейшем между ним и его женой.

---

[1] Correspondance, t. IX.

Глава VII

1848 г. — Начало революции. — Революционные песни А. Констана. — Ламартин. — Констан пишет письмо Кабе. — Газета «Народный трибун». — «Гора братства». — Клуб горы. — Госпожа Констан и Женский клуб. — Манифест феминисток. — «Голос женщин». — Июньские события. — А. Констан избегает расстрела. — Смерть монсеньора Аффра. — Шатобриан. — «Завещание свободы». — Социальные сочинения А. Констана

На дворе начало 1848 г. Социалистическое брожение достигает высшей точки. Демократические идеи проникли в умы людей и каждый день вербуют новых сторонников среди рабочего класса.

На многочисленных собраниях ораторы критикуют правительство. Звучат и публикуются самые жесткие заявления — коммунистическая печать, как никогда, могущественна[1]. Не осталась в стороне и литература, писатели того времени запечатлели в живых картинах летопись революции.

> Приспели февральские дни 1848 г., — *вспоминает А. Констан.* — Бунт спровоцировал перестановки в составе правительства, дело было сделано, парижане остались довольны собой, бульвары ярко запылали фонарями.
>
> В тот день на оживленных улицах квартала Сен-Мартен появился странный молодой человек. Впереди него шагали два мальчишки, один из них нес за-

[1] После того как были отменены репрессивные законы о печати, политические печатные издания расплодились в великом множестве.

жженный факел, а другой громкими криками привлекал внимание прохожих. Когда вокруг них собралась многочисленная толпа, молодой человек взобрался на дорожную тумбу и обратился к слушателям с пламенной, но довольно бессвязной речью. Суть ее заключалась в том, что всем надо идти на бульвар Капуцинок, чтобы объявить министрам народную волю.

На каждом перекрестке неистовый юноша вновь и вновь повторял те же призывы, а затем, не выпуская из рук два пистолета, отправлялся во главе толпы дальше, и рядом с ним по-прежнему шествовали два мальчика, тот, что с факелом и глашатай.

Бульвары в этот час были переполнены гуляющими, и множество зевак, из любопытства желающие узнать, чем все это закончится, присоединялись к шествию. И вскоре уже огромная масса людей вышла на Итальянский бульвар.

Между тем в воцарившемся хаосе молодой человек с мальчишками незаметно исчезли, а когда толпа подошла к особняку на бульваре Капуцинок, по ней кто-то выстрелил.

Этот произведенный безумцем (звали его Сорбье) выстрел и стал своего рода сигналом к началу революции.

Всю ночь две двухколесные тележки разъезжали по улицам, собирая трупы при свете факелов; на следующий день Париж покрылся баррикадами[1]...

Что случилось дальше, хорошо известно: король Луи-Филипп отрекся от престола и было создано временное правительство. Вот что А. Констан думал об одном из его лидеров — Ламартине:

Господин де Ламартин — избалованное дитя славы, преисполненное тайного самолюбования. С пренебрежением относясь к земным удовольствиям и посто-

[1] Éliphas Lévi. *Histoire de la Magie*. P. 523–524.

янно возникающим соблазнам, он вечно смотрится в безбрежную лазурь неба. Его манит собственный образ, который, по-видимому, мерещится ему в бесконечности, забирая все силы его таланта, а поэтому он чахнет и хиреет под воздействием этого воображаемого, но зато небесного вампиризма![1]

2 марта 1848 г. А. Констан отправил письмо владельцу газеты «Le Populaire»[2], знаменитому икарийцу Кабе. Разгоревшаяся между обоими полемика еще свежа в памяти, однако А. Констан решает забыть о ссоре и протягивает руку дружбы своему недавнему врагу.

Гражданин Кабе!

В этот час, когда все истинные патриоты обязаны объединиться, я считаю своим долгом сделать шаг Вам навстречу, так как в наших взаимных размолвках я считаю себя более пострадавшей стороной.

Мы оба повинны в том, что имели глупость и несчастье осыпать друг друга упреками и оскорблениями. Вы посчитали даже возможным попытаться обесчестить меня, сославшись на сведения, лживость которых я могу легко доказать, когда Вам то будет угодно. Но сейчас я предлагаю забыть наши жалкие распри и первым забираю назад все обращенные к Вам пренебрежительные и оскорбительные слова, которые я не должен был произносить.

Смею надеяться, что Вы отыщете место на полосах Вашей газеты для следующего письма, которое я отсылаю сразу в несколько изданий:

Гражданин редактор!

Наступило время правды и всеобщей справедливости, когда стране стала небезразлична честь каждого преданного гражданина.

---

[1] A. Constant. *Dictionnaire de littérature chrétienne*. P. 679.

[2] «Le Populaire», № 4, mars 1848.

Обвинения, брошенные в мой адрес отправленным в отставку правительством, даже в большей степени, чем излишний пафос моих первых печатных трудов, незаслуженно создали мне кровавую славу, против чего я и намерен ныне протестовать.

Агрессивный, воинствующий коммунизм всегда представлялся мне не более чем туманной угрозой и жестоким парадоксом, весьма удобным для противопоставления парадоксальному эгоизму эксплуататоров неимущих классов.

Я угрожал ворам во фраках местью воров в рабочих блузах, не оправдывая при этом ни тех, ни других. Просто коммунизм был противопоставлен воровству.

Оказав помощь простому народу в совершении революции, буржуазия лишь возвратила ему долг за то, что прежде тот сделал для нее. И сейчас многие буржуа стали нашими братьями.

Впрочем, я человек женатый, отец семейства, и работаю, чтобы прокормить себя и свою семью. Мне кажется, этого вполне достаточно, чтобы понять, каково мое мнение об основных социальных проблемах.

Во время стихийной манифестации, состоявшейся недавно перед ратушей, я был растроган, увидев лозунги в защиту семьи и материнства. Я не желаю, чтобы мое имя использовалось для пропаганды анархии и вандализма, и готов первым заклеймить позором тех, кто попытается навредить рождающейся на наших глазах Республике или обесчестить ее идеалы.

У народа немало врагов, так пусть же он, сохраняя спокойствие, пристально следит за их происками и поддерживает преданных родине людей для того, чтобы сообща создать подлинно народное Правительство.

А. Констан,

известный под именем аббата Констана[1].

---

[1] «Les Murailles révolutionnaires de 1848» («Революционные бастионы 1848 г.»). Paris, Picard, s. d., in-4, 2 vol., t. I. P. 235–236.

10 марта он дает жизнь сразу двум революционным песням: «Народная Марсельеза» («La Marseillaise du Peuple») и «Народное правление» («Le Règne du Peuple»)[1]; напечатав обе в газете «Le Tribun du Peuple» («Народный трибун»), выпуск которой был почти полностью им подготовлен.

Первый номер «Le Tribun du Peuple»[2], вышедший 16 марта 1848 г., носил следующий эпиграф:

Твое право — мой долг.
Твой долг — мое право.

А вот как выглядело обращение к читателям редактора:

Рабочим избирателям

Неимущие классы должны иметь своих представителей в Национальном собрании.

Однако среди трудящихся бедняков есть такие, чья работа самая тяжелая, вознаграждение мизерное, а жертва наиболее почетная, это социально эмансипированные рабочие, литературные трудящиеся, пролетарии мысли.

Рабочие, братья мои! Я хорошо знаю все ваши проблемы, так как терпел вместе с вами и нужду, и тюрьму, и унижение, и насмешки власти, а посему предлагаю свои услуги в качестве одного из ваших уполномоченных.

Год назад я заступился за вас против угнетателей и был наказан за то, что заставил богатых услышать

[1] 4 страницы формата in-8. Без указания места, даты и издателя.
[2] См. фотографическое изображение этого номера газеты в *Éliphas Lévi et son œuvre*.

голос голода; я защищал слабых против сильных мира сего, я ратовал за справедливость, свободу совести, за соблюдения прав детей и женщин, все мои убеждения отражены в написанных мной произведениях.

Я люблю вас уже давно и буду любить до конца моих дней.

А. Констан,
именуемый *аббатом Констаном*.

С момента своего появления газета «Le Tribun du Peuple» стала объектом горячей любви и анонимной брани.

А. Констан никогда не отвечал на оскорбления в свой адрес; что касается писем с проявлениями поддержки и симпатии, то всегда лично занимался ими.

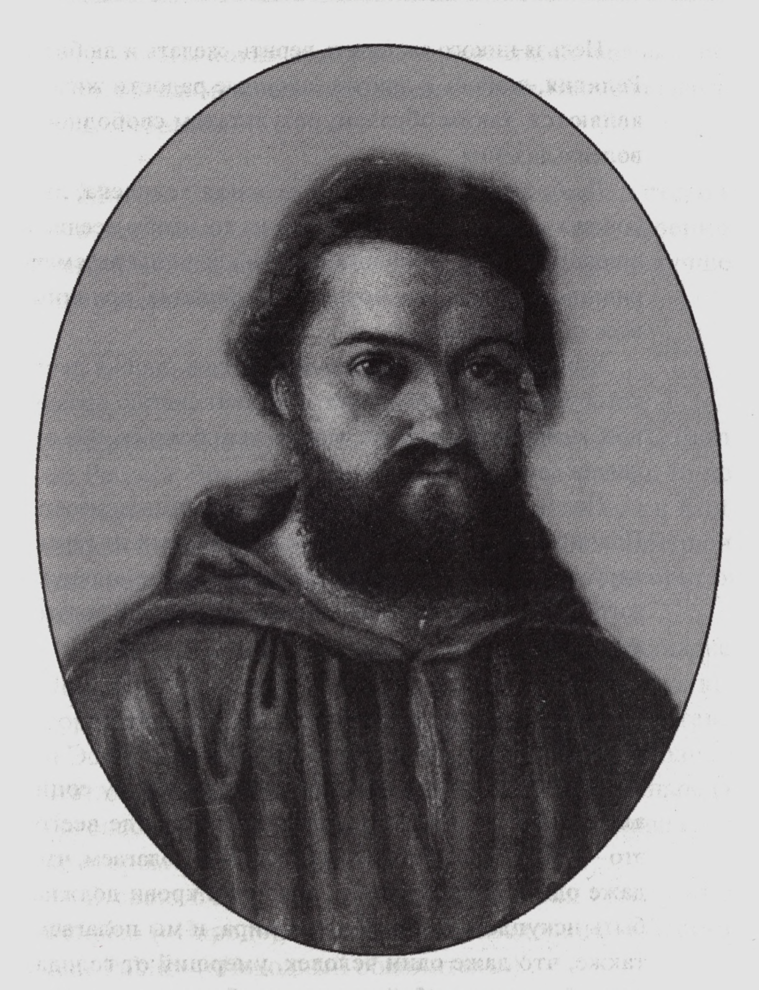
Его деятельная душа не знала окольных путей, допуская лишь логику фактов и принципов и презирая любые искривленные мнения и заблуждения. Его давно сформировавшиеся убеждения были основаны на научных данных и доводах разума. Именно по этой причине он приносил себя в жертву во имя народного благоденствия.

В 3-м номере «Le Tribun du Peuple» он перечислил свои принципы социального устройства общества и политические убеждения:

Социальные принципы

Не признавать прав человека — означает освободить его от исполнения его гражданских обязанностей, под человеком я понимаю не отдельно взятую личность, а все человечество, представленное в его общественном триединстве: мужчина, женщина и ребенок.

Общество дает нам в соответствии с тем, что мы делаем для него, а мы ему даем в соответствии с тем, что оно делает для нас: жизнь за жизнь, добро за добро, война за войну, мир за мир.

Альфонс-Луи Констан
— 1848 —
(Репродукция картины одного из его друзей)

Нельзя никого заставить верить, желать и любить. Религия, любовь и другие законные радости жизни являются, таким образом, результатом свободного волеизъявления.

Любое действие против желания человека, любой акт насилия, направленный на то, чтобы вселить в человека веру, волю или любовь, должны рассматриваться как попытка морального убийства, причины всех преступлений.

Любая мысль, которую подавляют, любая речь, которую сознательно душат, содержат святую правду, ибо, значит, убоялись их, а ложь чего бояться, она отпадает сама собой.

Подчинение несправедливости — несправедливость. Подчинение социальному порядку, который не гарантирует всем без исключения гражданам нормальную жизнь, зато некоторым обеспечивает излишки богатства, есть соучастие в убийстве...

Политические убеждения

Они относятся к наиболее радикальному социализму. Но то, чего мы добиваемся прежде всего, это — благоденствие человечества. Мы полагаем, что даже одна капля безвинно пролитой крови должна быть искуплена слезами всего мира, и мы полагаем также, что даже один человек, умерший от голода, есть обвинение в убийстве всему обществу в целом... Я мечтаю о мире во всем мире, достигнутом любой ценой, за исключением попрания законов справедливости и правосудия. Я требую, чтобы все люди имели равное право на жизнь... Я не пожалею голоса в защиту тех, кого пытаются обмануть, чтобы, усыпив их бдительность, нещадно эксплуатировать. Не позволяйте больше кровопийцам высасывать из вас кровь. Война кровопийцам! Не мстите, но защищайтесь!

Мы хотим еще многое сказать, но вначале необходимо дождаться первых шагов Национального собрания.

Многие утверждали, что А. Констан являлся сторонником незамедлительных действий,[1] — это неверно. Напротив, его жизненное и политическое кредо лучше всего выражает следующий призыв:

Война несправедливости и мир людям![2]

Вышло всего лишь четыре номера «Le Tribun du Peuple», печатного органа трудящихся масс, с 16 по 30 марта 1848 г. Литературный дебют госпожи Констан состоялся в 3-м номере газеты, где был помещен написанный ею аллегорический рассказ «Три брата» («Les Trois Frères»).

Газету «Le Tribun du Peuple» сменила «La Montagne de la Fraternité» («Гора братства»)[3], владельцем которой был О. де Галлуа, друг и издатель А. Констана и Эскироса. Но в ней отыскалось место лишь для одной статьи А. Констана, а именно «Справедливость народа-богоносца» («La Justice du Peuple-Christ»), появившейся во втором номере (7 мая).

В свою очередь, А. Эскирос основал газету «Le Peuple» («Народ»), за которой последовала «l'Accusateur Public» («Народный обвинитель»)[4].

---

[1] A. Chenu. *Les Conspirateurs* («Заговорщики». 2-я часть). Paris, 1850. P. 105 et 111.

[2] «Le Tribun du Peuple». № 1, 16 mars 1848, p. 2, col. 3.

[3] «La Montagne de la Fraternité» — издание представляло собой своеобразную трибуну народных представителей, вслед за ним появилась газета «La Montagne du Peuple fraternel et organisateur». С 5 по 14 мая 1848 г. вышло 4 номера.

[4] Первый номер газеты «Le Peuple» появился 1 марта; «L'Accusateur Public»: с 11 по 25 июня вышло четыре номера.

Наконец три друга основали политический клуб, обосновавшийся на улице Фрепийон, 24 [1], под названием «Общество горы», членами которого были в основном рабочие.

Деятельность народных клубов оказывала огромное влияние на общественное мнение, а проходившие на собраниях бурные дискуссии способствовали кристаллизации народного духа.

Руководство «Общества горы» состояло из А. Констана, председателя, двух вице-председателей — А. Эскироса и О. Ле Галлуа, секретарей Ноэми Констан и Мориса Валетты и казначея Миллььвилля[2]. На заседаниях клуба обсуждались важнейшие вопросы радикального социализма. Отчет об одном из них был опубликован в «Le Tribun du Peuple»[3].

В 1851 г. появилось некое сочинение[4], представлявшее собой вероломную и злобную атаку на учредителя клуба.

Оклеветанный А. Констан ответил в гораздо более любезном тоне:

> До чего же низко должен пасть человек, чтобы, выслушав в одном из клубов мои выступления, напечатать в Бог весть каком памфлете, будто я требую «наделать кровяной колбасы из крови богатеев и кормить ею бедняков». Известно: чем беспардонней клевета, тем большее впечатление производит она на глупцов[5].

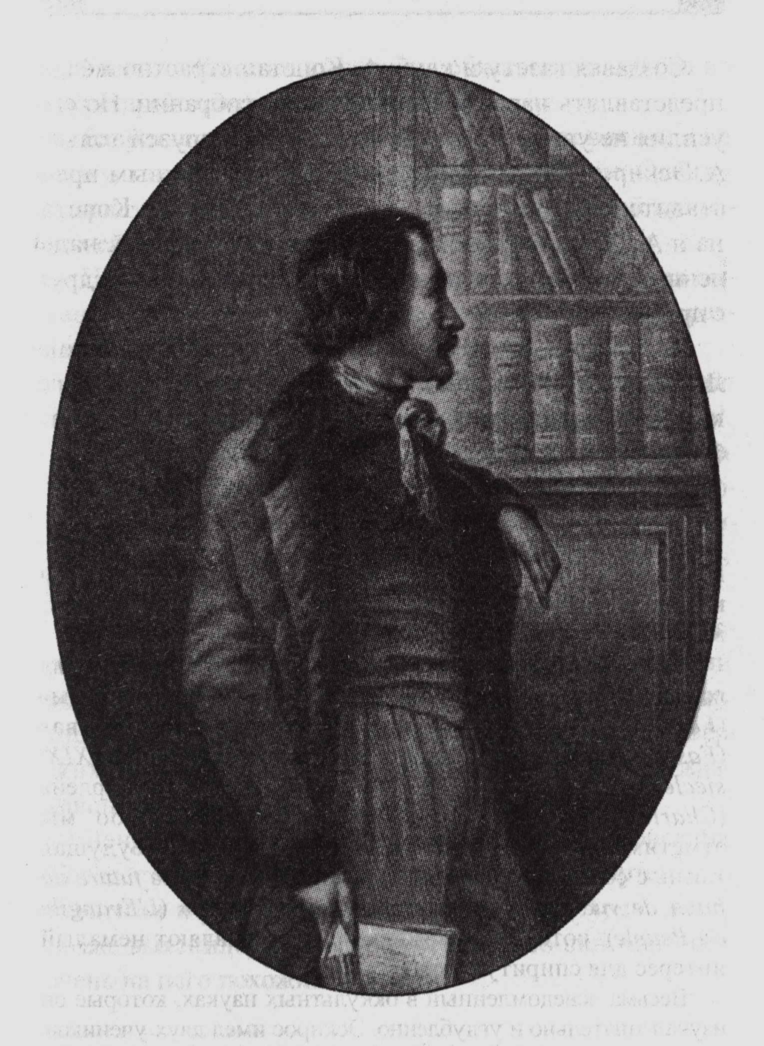
[1] Сейчас — улица Вольта. Улица Фрепийон, которая образовывала первый отрезок улицы Вольта, тянулась от улицы Омер до улицы Фелиппо (в настоящее время начало улицы Реомюр).

[2] «Le Tribun du Peuple», № 4, 26 mars 1848, p. 1, col. 3.

[3] Ibid.

[4] A. Lucas. *Les Clubs et les clubistes*. Paris, Dentu, 1851. P. 183–184.

[5] Éliphas Lévi. *Histoire de la Magie*. P. 152.

Анри-Альфонс Эскирос

Создавая газету и клуб, А. Констан страстно желал представлять народ в Национальном собрании. Но его усилия не увенчались успехом. Из трех друзей только А. Эскирос был избран 13 мая 1819 г. народным представителем. В итоге дружба, соединявшая А. Констана и А. Эскироса, распалась, и эти два человека, наделенные великим сердцем, больше не встречались друг с другом[1].

А. Констан жил в те времена в доме № 4 на улице Лас-Каз. Он и его жена являлись членами Женского клуба, председательствовала в котором госпожа Нибуайе[2].

---

[1] Эскирос был сослан 2 декабря 1851 г. Проехав Бельгию и Голландию, он поселился в Англии, где оставался в течение четырнадцати лет. За это время им было опубликовано шесть книг об Англии и англичанах.

Основными произведениями Эскироса являются «История горцев» (*Histoire des Montagnards*), «Мученики свободы» (*Les Martyrs de la Liberté*), «Народные празднества» (*Fastes populaires*), «Эмиль XIX века» (*Emile du XIX*ᵉ *siècle*), «Голландка» (*Néerlandaise*), «Шарлотта Кордей» (*Charlotte Corday*), «Крестьяне (*Paysans*). Особо мы отметим «Замок д'Исси» (*Le Château d'Issy*), «Будущая жизнь с социалистической точки зрения» (*La Vie future au point de vue socialiste*) и «Евангелие народа» (*L'Evangile du Peuple*), которые, несомненно, представляют немалый интерес для спиритуалистов.

Весьма осведомленный в оккультных науках, которые он изучал тщательно и углубленно, Эскирос имел двух учеников: Делааажа и Огеза. Его мать слыла одной из самых известных в те времена ясновидящих. Умер он в Версале в 1876 г.

[2] Госпожа Эжени Нибуайе, родившаяся в Монпеллье в 1801 г., вначале слыла адептом сенсимонистских доктрин; после распада движения в 1832 г. она занялась политикой, организовав общество «Голос женщин», а затем Женский клуб. После июньских событий женщинам было запрещено быть членами каких-либо обществ и присутствовать на собраниях. Умерла госпожа Нибуайе в Париже в 1863 г.

Госпожа Констан выполняла обязанности одного из секретарей правления клуба.

Разрешение посещать клуб, предоставленное ее мужу, как и аббату Шателю, Полену Нибуайе, Оленду Родригу и некоторым другим, считалось особой привилегией.

На одном из заседаний (6 апреля) возникла идея выдвинуть А. Констана в депутаты, но дальнейшего развития это предложение не имело.

19 апреля появился Манифест, подписанный одиннадцатью женщинами, в том числе и госпожой Констан[1].

Госпожа Нибуайе занялась выпуском газеты «La Voix des Femmes» («Голос женщин»), первый номер которой вышел 19 марта[2]; 29 апреля в ней появилось стихотворение А. Констана, озаглавленное: «Encore! A bas les Communistes!» («Опять! Долой коммунистов!»)[3].

И вот наступили июньские события. Это было скорее стихийное восстание трудящихся классов, нежели политическая борьба, возглавленная какой-либо партией, этот бунт, зародившийся в национальных мастерских, был спровоцирован реакционными силами, жаждавшими увидеть гибель молодой Республики.

День 23 июня мог стать роковым для А. Констана. После стычки, возникшей на улице Сен-Мартен, его схватили и расстреляли на углу улицы Арси, лишь позже выяснилось, что это был какой-то виноторговец, очень на него похожий[4].

---

[1] De Villiers (M.). *Histoire des Clubs de Femmes* («История женских клубов»). Paris, Pion, 1910. P. 303.

[2] Вышло всего лишь 46 номеров этой политической ежедневной газеты социалистического толка (с 19 марта по 20 июня 1848 г.).

[3] Стихотворение было написано по поводу манифестации, направленной против Кабе.

[4] «L'Evénement» от 26 апреля 1866 г. Статья под подписью Жюля Кларти.

24 июня в Париже, будто в осажденном городе, грохотали пушечные залпы. Стремясь остановить кровопролитие, парижский архиепископ монсеньор Аффр поспешил на баррикаду, выстроенную перед въездом в пригород Сент-Антуан, где умиротворяющими речами попытался утихомирить повстанцев, но был сражен пулей. И три дня спустя умер.

Об этом трагическом событии А. Констан написал следующую песню:

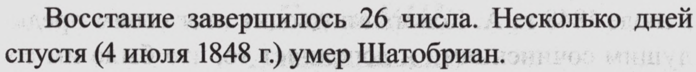
Архиепископ Парижа

На мотив «Старушка добрая...»

Париж в огне. Свирепствует свобода,
Готовая детей своих пожрать;
Идет война по головам народа,
Сплошь демоны — ликующая рать...
Но молится прелат за помраченных,
У алтаря оплакивая грех:
«Я, Господи, умру за обреченных.
Пускай моя прольется кровь за всех».

При нем вражда стихает вековая.
Жизнь за волков отдать сей агнец рад;
Подъемлет крест, бойцов увещевая:
«Зачем в борьбе восстал на брата брат?
И если суд кровавый вы вершите
И видите в неистовстве успех,
Мне голову железом сокрушите!
Пускай моя прольется кровь за всех».

Свирепейший в своем напоре диком
Пред ним поник смиренно, весь в крови,
А матери его встречали криком:
«Святой отец! Ты нас благослови!»
И выходя в бою на край передний,
Где свист свинца и орудийный смех,
Сказал он: «Быть мне жертвою последней!
Пускай моя прольется кровь за всех».

Восстание завершилось 26 числа. Несколько дней спустя (4 июля 1848 г.) умер Шатобриан.

Вот что сказал по этому поводу А. Констан:

> Слишком поэтичный, чтобы стать серьезным историком, слишком мечтательный, чтобы стать солидным философом, Шатобриан смог добыть великую славу лишь благодаря поэзии тайных надежд и веры, а также всемогущим химерам вчерашних дней. Немудрено, что в истории он посвятил себя культу прошлого, в философии — эклектике, сотканной из сожалений и сомнений, а в религии — смутному поклонению, овеянному фантазией и тайной. Лихорадочное и изнеженное воображение, сердце, иссушенное утраченными иллюзиями и неутоленным честолюбием, созидательный и воздушный талант, несколько болезненный художественный вкус, в чем повинны его незажившие душевные раны... к этому присовокуплялись рыцарские воспоминания и взывающая к гармонии меланхоличная, но сочная лексика; он лил слезы на могилах, которые приводил в порядок, поднимая поваленные бурей кресты. Его мысли и стиль находятся в полном соответствии с печалью мира, в котором нет места Богу и которому, возможно, уже почти нет дела до славы. Он описывал страсти, напоминавшие угрызения совести, создав ряд грез, порожденных сумрачным самолюбием и предназначенных для людей со смущенным сознанием и обеспокоенной душой[1].

Мы приближаемся к концу очередного этапа.

В последнем своем труде о социализме «Завещание свободы» («Le Testament de la Liberté»)[2], появившемся

---

[1] A. Constant. *Dictionnaire de littérature chrétienne*. P. 327.
[2] A. Constant. *Testament de la Liberté*. Paris, J. Frey, 1848, in-8.

в июле 1848 г., А. Констан подводит итог своим предыдущим сочинениями и дополняет то, что было им создано с 1840 г.

В наших предыдущих работах мы пытались объяснить свою позицию, а нас обвиняли в противоречиях и в измене ранее сформулированным принципам. Мы не считаем, однако, что противоречили сами себе или отказывались от своих слов, ну если разве что от некоторых излишне жестких выражений, порожденных чрезмерным пылом.

В «Библии свободы» мы приветствовали гений революции, начатой во имя прогресса и будущего.

В «Празднике Тела Господня» мы вернулись к настоящим католическим ценностям и пригласили Церковь, нашу мать-кормилицу, присоединиться к нам и благословить освобождение и объединение всех народов мира.

В «Богоматери», «Успении женщины» и «Освобождении женщины» мы растолковали суть нашей религии, основанной на материнском начале, а в «Последнем воплощении» вернули Христа на землю и восславили дух Евангелия, идущего впереди прогресса.

Отныне наши социальные труды завершены, и мы не просим ни снисхождения к ним, ни строгого суда. Мы написали то, что продиктовали наши ум и сердце; мы исполнили свой долг и считаем, что это вполне достаточное вознаграждение[1].

---

[1] A. Constant. *Op. cit*. P. 218–219.

Глава VIII

Псевдоним госпожи Констан. — Семья художников. — Госпожа Констан увлекается скульптурой. — А. Констан и правление Академии изобразительных искусств. — Заказ на исполнение двух картин. — «Святое семейство». — «Христос в оливковом саду». — Письма господина и госпожи Констан госпоже Легран. — А. Констан и аббат Минь. — «Словарь христианской литературы»

Конец 1848 г. выдался для А. Констана как нельзя более счастливым. Его умная и ловкая жена, в которой он души не чаял, с головой окунулась в парижскую жизнь; в газетах «Le Tintamarre»[1] и в «Le Moniteur du Soir»[2] были опубликованы ее литературные фельетоны под псевдонимом Клод Виньон[3], в то время как сам А. Констан, облаченный в монашеское одеяние — прежние пристрастия заставляли его по-прежнему предпочитать любому другому наряду монашескую рясу с капюшоном, заменявшую ему домашнюю одежду, — уже немного лысоватый и с греческим колпаком на голове, рисовал в залитой солнцем мастерской или занимался мелкими поделками по дому, давая полную волю своей живой фантазии. Он реставрировал, например, этрусские вазы: нам известна одна из них, на которой изображены две каббалистические головы Зоара, вос-

---

[1] «Le Tintamarre» («Суета») — юмористическая еженедельная газета, основанная в 1843 г. Выходила и в 1880 г.

[2] Газета «Le Moniteur du Soir» была закрыта с наступлением Июльской монархии.

[3] Что касается псевдонима госпожи Констан, следует отметить, что имя Клод Виньон принадлежит одному из персонажей «Человеческой комедии» Бальзака, а именно герою второй части романа «Утраченные иллюзии» — «Провинциальная знаменитость в Париже» (*Un grand homme de province*).

станавливал старинную мебель, чинил обложки старых книг и приводил в порядок коллекцию редких рукописей, собранных в тот счастливый период времени, когда у букинистов на набережной еще можно было отыскать весьма ценные раритеты[1].

В этом семейном кругу двух художников по духу, несмотря на всю скромность интерьера их жилища, царила непринужденная и счастливая атмосфера. Госпожа Констан начала брать уроки у знаменитого скульптора Прадье и благодаря этому почетному знакомству А. Констан сумел познакомиться с членами правления Академии изобразительных искусств. Нам удалось отыскать подлинники двух писем на заказ картин, выполненных им в 1849 и 1850 гг. для Министерства внутренних дел.

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

———

Правление Академии изобразительных искусств

———

1 отдел

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА

———

СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО

———

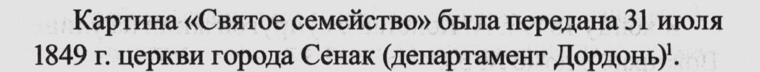
Париж, 31 января 1849 г.

Милостивый государь! Имею честь сообщить Вам, что решением от 30 числа сего месяца г-н Министр поручает Вам выполнить для Министерства внутренних дел за вознаграждение в двенадцать сотен франков картину, изображающую Святое семейство, эскиз которой надлежит подать в правление на утверждение.

С уважением,
Директор Академии изобразительных искусств
Шарль Блан

---

[1] А. Констан сотрудничал с «L'Echo des Feuilletons» (см. 8-й год, 1848 г. P. 224), где было опубликовано несколько его песен.

Картина «Святое семейство» была передана 31 июля 1849 г. церкви города Сенак (департамент Дордонь)[1].

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

———

Правление Академии изобразительных искусств

———

1 отдел

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА

———

Париж, 7 января 1850 г.

Милостивый государь! Имею честь сообщить Вам, что решением от 5 числа сего месяца, г-н Министр поручает Вам выполнить для Министерства внутренних дел за вознаграждение в пятнадцать сотен франков картину, изображающую Христа в оливковом саду, эскиз которой надлежит подать в правление на утверждение.

С уважением,

Директор Академии изобразительных искусств

Шарль Блан

Эта картина была передана 28 мая 1850 г. церкви города Сильванес (Авейрон)[2].

---

[1] Кюре Сенака аббат Ренье написал нам 10 мая 1922 г.: «Увы! Полотна с изображением Святого Семейства больше не существует. В церкви царит такая сырость, что оно не выдержало и, несмотря на все наши усилия, как мы его ни клеили и ни латали, приказало долго жить. Как-то раз расползлось на кусочки, и соединить их уже не представлялось возможным, настолько все прогнило. От полотна осталась одна лишь рама».

[2] Картина «Христос в оливковом саду» существует по сей день. Размеры полотна: 2,5м х 1,8 м, включая раму. Находится она в глубине церкви под витражом, ее поместили в 1910 г. – во время реставрации этого

К концу 1849 г. А. Констан с супругой жили на улице Вожирар, в доме № 33.

Несколько писем, которые мы приводим ниже, лучше всяких долгих объяснений, позволяют представить мирную жизнь семейной четы в то время. Они адресованы госпоже Легран, с которой господин и госпожа Констан возобновили былые дружеские отношения:

> Мы долго не отвечали, милостивая государыня, на Ваше любезное письмо, и Вы вправе, несомненно, обвинить нас в невнимании к себе. Однако не обессудьте, хоть молчание наше воистину затянулось, виной тому были серьезные причины. Вначале мы никак не могли сподобиться сесть за ответ из-за срочных и неотложных дел, а затем несколько дней ушло на столь прозаические и низменные вещи, что даже упоминать о них как-то недостойно. О, этот презренный металл!
>
> Уж раз речь зашла о презренном металле, то ответьте, как устроились Ваши дела? Ваш милостивейший опекун соизволил наконец решить, в каком виде Вы сможете получать пансион? А все эти жабы змеепо-

---

памятника архитектуры специалистами Музея изящных искусств.

Сведения были предоставлены нам господином Э. Кастаном, мэром Сильванеса, за что мы выражаем ему нашу самую глубокую признательность.

Мы намеревались дать репродукцию этой картины, но сырость и плесень погубили ее точно так же, как и «Святое семейство», поэтому нам не удалось получить удовлетворительного фотоснимка.

Данная церковь Сильванеса, исторический памятник XII века, входила в аббатство, принадлежавшее знаменитому братству монахов ордена Сито, основанному Робертом де Молесмом; сохранилась старинная ризница и фрагмент стены монастыря с двойными колоннами.

добные стали вести себя повежливее, чем раньше? А Боннеры — они все такое же воплощение лавочников, как господин Руэлль — землевладельцев… осиянных узами брака?

Особых новостей у нас нет, если не считать того, что песенка «Отъезжающий в Сирию» («Partant pour la Syrie») после 10 числа сделалась патриотической песней, а также того, что у нас тут холод и туман, и все в этом мире, вопреки заявлениям Панглоса[1], идет совсем не так, как хотелось бы, а у Вашей образцовой госпожи Эскирос-Баттаншон[2]… большие неприятности!!!

Фантазия померзнуть вместе с Вами, сударыня, была бы одной из самых приятных, какая лишь могла бы прийти нам в голову, но, к сожалению, с ней придется немного повременить, ибо пока нас удерживают в Париже дела. Тем не менее, мы не отказываемся от этой мысли и вернемся к ней, как только представится возможность. Впрочем, мы надеемся увидеть Вас в Париже еще раньше, в январе — Вы остановитесь, если приедете, в Вашем доме на площади Дю-Пале, не так ли?[3]

Примите заверения, сударыня, в наших самых дружеских симпатиях к Вам и не забудьте передать от нас привет господину Адольфу, когда будете ему писать. Обнимаем Клариссу и не забываем о господине Биссе.

Мари-Ноэми Констан.

14 декабря 1849 г.

Вы скрылись от нас подобно тени, милостивая государыня, и хотя сказали «Я скоро вернусь», не вернулись вовсе. А если в надежде лицезреть Вас на нашем до-

[1] Панглос — имя персонажа романа Вольтера «Кандид».

[2] Госпожа Эскирос была урожденной Адель Баттаншон. Госпожа Констан намекает на ее развод с супругом.

[3] Площадь Дю-Пале-де-Жюстис (в настоящее время улица Лютес).

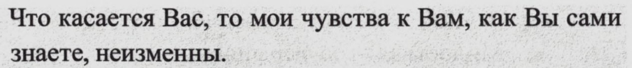
машнем застолье мы зарезали бы жирного библейского или гомеровского теленка, то куда бы мы дели, скажите Христа ради, лишние отбивные? Как бы то ни было, не казните себя, поскольку Вы прощены заранее, как сказал бы господин Прюдом, и сообщайте нам, по крайней мере, ваши деревенские новости. Домашнее хозяйство, домашняя хозяйка и домашний зверинец — все идет как нельзя лучше? Сверчки стрекочут по-прежнему, и о чем они толкуют? О Адольф, где ты с твоей поэзией и твоими латами и когда мы вновь увидим тебя занимающимся первой, но без последних!

Он мне наконец написал, и я заключил из его письма, что он страшно скучает, хотя и пытался доказать мне обратное. Я отвечаю ему дикой мешаниной, которая имеет целью насмешить его, если у него хватит на то снисходительности, и которую я, не зная, как ему переслать, отправляю Вам. Соблаговолите также прокомментировать некоторые вынужденно сокращенные места типа следующего: «но ты хорошо знаешь мои нежные чувства к тебе», ибо разве мог я, милостивая государыня, когда речь идет о моем отношении к столь дорогому мне бедному Адольфу, обращаться к какому-нибудь другому человеку, кроме Вас, способного более красноречиво, чем я, описать мои к нему чувства.

Ноэми передает заверения своего дружеского расположения к Вам. Сейчас она заканчивает прелестную маленькую статуэтку, а я силюсь передать возмущение Иисуса Христа, вошедшего во храм, не для того, чтобы купить там по случаю одежду, а чтобы прогнать оттуда всех торгашей — бедный добрый Господь! — и оставить там лишь священников[1].

Тысяча дружеских приветствий великой экономке Вашего поместья (я имею в виду Клариссу) и передайте господину Биссе выражение моих симпатий.

[1] Нам ничего не известно об этом полотне.

Что касается Вас, то мои чувства к Вам, как Вы сами знаете, неизменны.

А. Констан

1 августа 1850 г.

P.-S. Возможно, после Вашего ответа и в зависимости от Вашего ответа мы скоро решимся на небольшую поездку.

Анна, сестрица Анна, ничего не видать? Трава зеленая, солнце запыленное[1], а госпожа Легран по-прежнему никак не дождется приезда своих друзей. Нам явно всем придется съесть первоапрельскую рыбу совершенно иначе, чем мы думали, ведь, как Вы сами прекрасно понимаете, подобная задержка безмерно огорчает, а нас — в первую очередь. Да будут прокляты все дела… Но… О, мой… Прекрасный май, когда ты возвратишься?

Надеюсь, что мы приедем в Житранкур в мае месяце. Ноэми мечтает о встрече с Милочкой и том, как она будет гулять с ней по полям. Я же грежу о хижине, о той пасторальной жизни, которой дружба и хорошие воспоминания никоим образом не вредят…; мы в самом деле очень давно не видели друг друга, так что наверняка Кларисса повзрослела и стала еще более разумной. Уже сейчас обнимаем ее и шлем ей тысячу дружественных приветов и пусть передаст от нас приветы Баскину и Бамбошу; пока же мы только дружно хнычем.

Ноэми неважно себя чувствует после трудного лета, она шлет Вам самые теплые пожелания.

Итак, до скорой встречи и примите еще раз тысячу проявлений нашего к Вам дружеского расположения.

А. Констан.

Среда, 23 августа.

---

[1] Слова из сказки Шарля Перро «Синяя Борода». — *Примеч. пер.*

Милостивая государыня!

Я беру самую розовую из моих розовых почтовых бумаг, чтобы расспросить о Ваших новостях. Нам здесь ничего не известно о Вас, и если бы не Ваш сын, заходивший к нам накануне, мы могли бы сомневаться, принадлежите ли Вы еще к этому миру!

К сожалению, «Moniteur Parisien» к нему уже не принадлежит.

Тем не менее, у меня еще остается немало мест, где бы я могла пописывать статейки. Одному Богу известно, сколько презренного металла мне это сможет принести.

Однако я должна сообщить Вам новость, которая Вас заинтересует, так как Вы настолько добры, что Вам интересно все, что касается Ваших друзей. А новость эта такова: я сделала скульптуру в человеческий рост (разумеется, ребенка)!

Эту фигуру я отправила на выставку, и, как мне успели сообщить услужливые доброжелатели, ее приняли, что пролило бальзам на мое сердце, учитывая суровость отборочной комиссии, которая в этом году приняла лишь тысячу триста работ из трех тысяч присланных(!)[1].

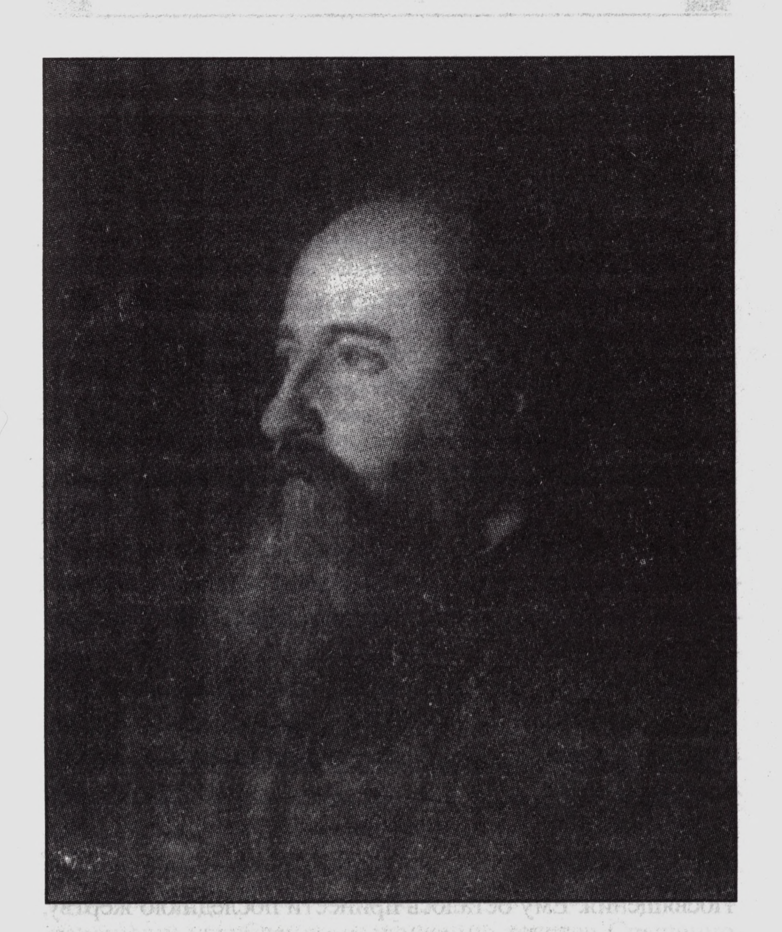
А как идут Ваши дела, милостивая государыня? Как ваши посевы? и т.д., и т.д.

Кларисса, должно быть, сильно выросла? Она уже наверняка совсем взрослая барышня. Мне не терпится ее увидеть.

Я должна сказать Вам, что если бы не все проблемы, которые удерживают нас возле Салона и газет, проблемы, которые на данный момент слишком тяжелы, мы

---

[1] Статуэтка, о которой идет речь, была выставлена госпожой Констан в салоне 1852 г. под названием «Маленький Вакх». Эта замечательная статуэтка находится сейчас в музее Ниццы.

Альфонс-Луи Констан

— 1850 —

(Репродукция картины, принадлежащей госпоже Гебхардт)

могли бы уже в ближайшие дни приветствовать друг друга с утра до вечера!

Но увы! Мы сейчас напоминаем несчастных собак на привязи. Кстати, как поживает Бамбош? И Баскин, о счастливом возвращении которого под материнскую крышу мы узнали из одного из Ваших последних писем?

А Милочка? А отец Варнава? А госпожа Бордо?

Тысяча поцелуев для Вас и для Клариссы от меня и от господина Констана.

Ноэми Констан.

В конце этого 1850 года, А. Констан познакомился с аббатом Минем, который открыл церковную книжную лавку в Монруже, которая сгорела потом при пожаре, случившемся в последние годы империи.

Аббат Минь, памятуя о том, что бывший дьякон едва не стал профессором в Малой семинарии, заказал ему для своей серии книг «Словарь христианской литературы» («Le Dictionnaire de littérature chrétienne»). Появившийся в 1851 г. словарь поражал глубиной содержащихся в нем сведений[1].

Спокойной жизни, однако, не суждено было долго длиться. Тот, кому Невидимый предназначил стать одним из описателей Истины, еще не полностью прошел обряд Посвящения. Ему осталось принести последнюю жертву, самую болезненную из всех, жертву, которая, уничтожив всякую личную эмоциональную связь с миром, должна была заставить его внимать лишь чувствам и страданиям человечества. Его мистицизм, энтузиазм и эстетическое чувство должны были отныне воплощаться в совершенной словесной форме, дабы в полной мере прозвучала оккультная речь. А. Констану предстояло вернуться к благостному и плодотворному одиночеству Посвященных.

---

[1] А. Constant. *Dictionnaire de littérarure chrétienne*. Paris, Migne, 1851, in-4.

Глава IX

А. Констан и мистика. — Теологический след. — Этапы знания. — Учеба А. Констана. — Высшее испытание. — Госпожа Констан и Прадье. — Маркиз де Монферрье. — «Le Moniteur Parisien». — А. Констан и Вронский. — Посвятитель. — Жизнь большого ученого. — Тайна Вронского. — «La Revue Progressive». — Госпожа Констан уходит от мужа. — Ж. М. Рагон. — Первые страницы «Учения и ритуала высшей магии». — А. Констан становится Элифасом Леви. — Магическая цепь

С ранних лет все мистическое влекло любознательного А. Констана и заставляло задумываться. Полученное им позднее теологическое образование будет постоянно направлять его эзотерические исследования и оставит глубокий след на всех написанных им работах.

Не следует забывать о том, что А. Констан всю свою жизнь был редкостным тружеником. Сначала в семинарии, затем в Солеме и наконец в различных библиотеках он по крохам собирал и накапливал Знание.

Проштудировав учения древних гностиков и отцов Церкви, труды Кассьена и других аскетов, А. Констан перешел к углубленному изучению текстов Священного Писания, что должно было неумолимо привести его к апокрифам Ветхого и Нового Завета. Подготовленный таким образом, он приступил к чтению каббалистов. «Каббала денудата»[1] стала его настольной книгой. Напомним, что он хорошо владел еврейским языком.

[1] Chr. Knorr de Rosenroth. *Kabbala Denudata, seu doctrina Hebræorum transcendentalis et metaphysica atque theologia.* Sulbaci et Francofurti, 1677–1684, 3 parties en 2 vol., petit in-4.

Он ознакомился также с учениями Востока, символикой древних культов, с наукой аллегорий и законами гармонии древней литературы; наконец, после набожных сочинений мистиков, прочел Якоба Беме, Сведенборга, святого Мартина, Фабра д'Оливе, Шао, а чуть позже Герреса[1].

Скажем со всей определенностью: А. Констан, являясь основателем новой школы, сам не был ничьим учеником. Своим светлым умом и прекрасно развитой логикой он постигал суть вещей, и по мере того, как углублялась его медитативная мысль, он открывал для себя все новые широкие горизонты, становившиеся для него очередным рубежом для дальнейшего взлета к сияющим высотам.

Можно смело утверждать, что всю свою жизнь А. Констан продвигался вперед по пути Знания, и никогда его мысль не была столь возвышенной, а речь столь познавательна, как на закате лет.

Он приближался к наивысшему испытанию, которое должно было завершить посвящение.

Смерть родителей освободила его от всех земных обязанностей, кроме тех, которые он сам возложил на себя. Его маленькая дочь Мария умерла, а жена вот-вот должна была покинуть его, причем самым жестоким образом и очень болезненным для истинно любящего сердца[2].

Госпожа Констан, как мы уже говорили, стала в начале 1849 г. ученицей Прадье. С восторгом относившаяся к своему учителю, она, как утверждают, даже

[1] Другие источники в области оккультной философии, использованные А. Констаном, указаны в его произведениях.

[2] А. Констан имел от госпожи Констан еще трех детей, в том числе двойню, но все они умерли в младенчестве.

позировала для него[1]; не только подобные странности поведения, но и чрезмерное тщеславие делало совместную жизнь крайне затруднительной и, можно сказать, невыносимой для ее мужа. Последний проступок переполнил чашу его терпения.

Случилось это при следующих обстоятельствах: А. Констан только что познакомился со знаменитым поляком Вронским, но, увы, встреча с ним стала для него не только настоящим откровением, но и косвенной причиной его дальнейших жизненных горестей.

Шурин Вронского, маркиз де Монферрье[2], в то время владелец и управляющий газетой «Le Moniteur Parisien»[3], несмотря на свой почтенный шестидеся-

---

[1] Находящаяся в Лувре скульптура Прадье «Сафо, погруженная в грезы, на скале в Левкадии», законченная в 1852 г., как нам кажется, подтверждает эту мысль. Как и несколько строчек Клода Виньона (псевдоним госпожи Констан), опубликованные в «Салоне» в том же году. Добавим также, что, возможно, она позировала для скульптуры «Психея». Прадье умер в 1852 г.

[2] Александр Сарразен де Монферрье родился в Париже 31 августа 1792 г. В 1814 г. он основал «Анналы магнетизма» («Les Annales du magnétisme»), первый периодический сборник на данную тему, и практически самостоятельно отредактировал первые выпуски. Несколько лет спустя (в 1819 г.) де Монферрье опубликовал под псевдонимом Де Лозанн книгу «Принципы и действия магнетизма» («Des Principes et des procédés du Magnétisme») в 2 т. форматом in-8; его перу принадлежит лишь первый том.

Де Монферрье был членом Парижского королевского академического общества. Умер в 1863 г.

[3] Газета «Le Moniteur Parisien» с 1850 по 1852 г. принадлежала господину де Монферрье. В начале 1852 г. А. Констан и его супруга регулярно в ней печатались. С 23 января по 5 марта А. Констан написал серию статей под общим названием «О нынешнем движении» («Du mouvement actuel») с подзаголовком «О разуме в Европе» («De l'Intelligence en Europe»). Добавим, что будущий автор

тилетний возраст, положил глаз на госпожу Констан и завел с нею флирт, который вскоре переступил за границы приличия.

Случившийся скандал привел к разрыву семейных отношений, но мы расскажем об этом в следующей главе, и помогут нам в этом собственные письма Элифаса Леви.

А пока возвратимся к Вронскому, чье влияние на А. Констана не вызывает никаких сомнений.

Именно он сподвиг А. Констана на создание книги «Учение и ритуал высшей магии», о чем, впрочем, откровенно заявляет и сам автор:

> Мы должны признать, во славу этого ученого, что проведенные им исследования значительно облегчили нам понимание оккультных наук[1].

От себя добавим, что именно этим исследованиям он обязан математической строгостью своих выводов и нередко философской основой приведенных им примеров.

> Ученость Вронского настолько велика, что он был никому не понятен, порой, возможно, даже самому себе, — *утверждает Элифас Леви.* — Являясь фанатичным сторонником оккультизма, он ни в коем случае не желал, чтобы кто-то заподозрил его в знании Каббалы и изучении магии[2]...

«История магии» П. Кристиан был главным редактором политических рубрик этой ежедневной газеты, которая перестала выходить после установления Второй империи.

[1] Éliphas Lévi. *Dogme et Rituel de la Haute Magie*, 1861. P. 147.

[2] Correspondance, t. IX.

Вронский — это псевдоним ученого, настоящая его фамилия — Хене. Родился он в знатной польской семье 24 августа 1778 г. Выбрав с молодых лет военную карьеру, он уже в шестнадцатилетнем возрасте принял участие в польской революции. Во время осады Варшавы прусскими войсками этот молодой артиллерийский офицер выказал чудеса доблести и воинского умения, но в сражении при Мацейовице попал в плен. Освобожденный в 1795 г. после вступления русских в Варшаву, он получил звание майора в царской армии. Стремясь применить в деле свои ярко выраженные природные математические способности, он решил поступить на морскую службу, но слабое здоровье не позволило ему осуществить задуманное.

После смерти императрицы Екатерины Хене получил звание подполковника, но им владела лишь одна-единственная мысль — добиться во что бы то ни стало восстановления политического статуса своей родины.

Узнав, что в Италии формируются польские легионы для борьбы за независимость Польши, он подал в отставку и покинул русскую армию.

В 1797 г. он отправляется во Францию, но, оказавшись проездом в Германии, на время останавливается там, чтобы заняться изучением права.

Юридические тонкости его не удовлетворили, ощутив потребность философских обобщений, он в течение примерно года предавался изучению философии.

В начале 1800 г. Хене добрался наконец до Парижа и, встретившись там с генералом Костюшко, поступил к нему на службу. Получив в силу декрета Директории французское гражданство, он вскоре после этого покидает Париж и направляется в Марсель, где вступает в польский легион.

Хене сулят дипломатическую карьеру, однако он отказывается от предложения, решив полностью посвятить себя философским исследованиям.

Во время своего пребывания в Париже, он познакомился со знаменитым астрономом Лаландом, и тот, по его советам, вроде бы даже внес немалое количество исправлений в свой большой труд по астрономии[1].

Как бы там ни было, именно по рекомендации Лаланда, Хене разрешили посещать обсерваторию Марселя, где тот в течение семи лет (с 1803 по 1810 г.) углубленно занимался математикой. Несмотря на его крепкие связи с крупнейшими учеными своей эпохи, астрономами, геометрами и физиками, первые опубликованные им работы не получили одобрения Института.

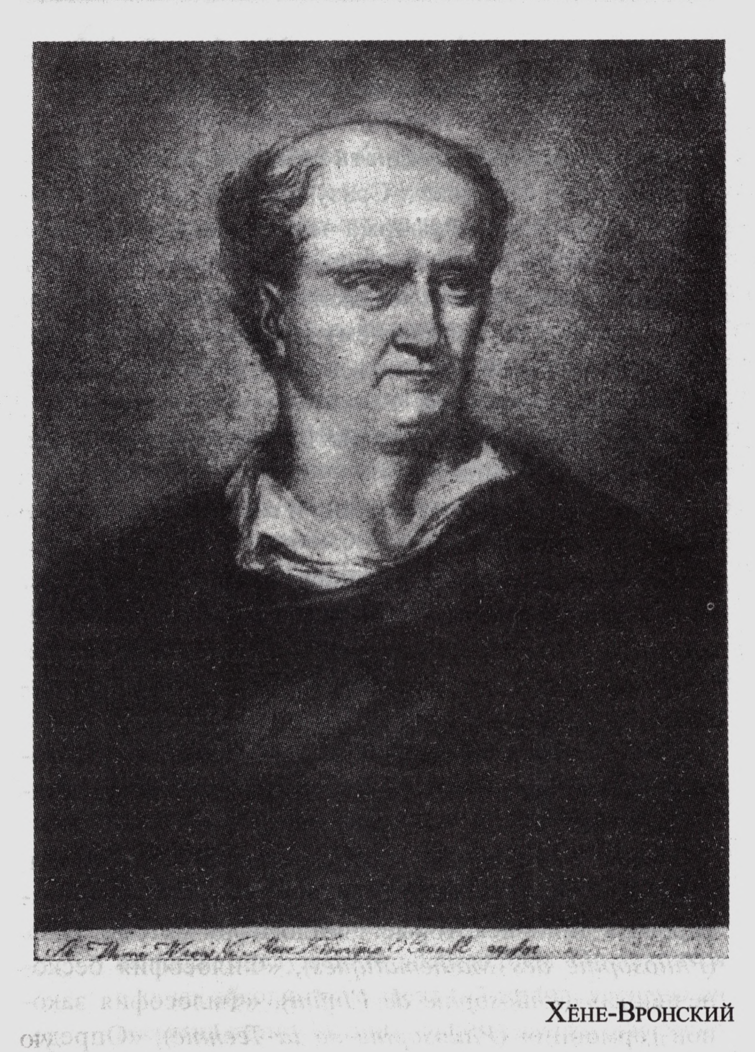
Возвратившись в Париж, он был вынужден с трудом добывать себе средства на пропитание и в конце концов на собственном опыте познал жесточайшую нужду. Его жена, приемная дочь маркиза де Монферрье, занемогла, а в 1811 г. скончалась их дочь.

Чтобы оплатить проживание в небольшом пансионе на Монмартре, он в течение некоторого времени давал частные уроки под фамилией Вронский, которую он взял себе после брака.

Эти скромное занятие кормило его вплоть до 1812 г., когда произошло знаменательное событие. Молодой богатый банкир из Ниццы по имени Арсон, оказавшись в Париже, выразил желание набраться учености под стать Вронскому, об образованности которого был весьма наслышан. За 150 000 франков Вронский обязался давать ему уроки и обучить разным наукам. Однако через несколько месяцев молодой прозелит, по наущению своих приятелей, отказался выплачивать обговоренную сумму. Состоявшийся суд так и не смог определить, на чьей стороне правда. В итоге Арсон вернулся в Ниццу, а Вронский так и остался бедняком.

---

[1] В Национальной библиотеке хранится рукопись Лаланда по астрономии с пометами Вронского.

Хёне-Вронский

Между тем именно благодаря Арсону ему удалось опубликовать часть своих математических трудов.

За плечами уже тридцать семь лет, а нищета попрежнему не отпускает. Сразу же после опубликования (1849) книги «Реформа человеческого знания» (*La Réforme du savoir humain*), Вронскому пришлось продать по весу бумаги все свои оставшиеся произведения. Однако в этот момент ему удалось каким-то таинственным образом получить деньги, позволившие ему спасти часть рукописей.

В 1850 г. он отправился в Метц к графу Дюрютту, где и оставался до конца 1852 г.

После возвращения в столицу и состоялась его встреча с А. Констаном.

К моменту смерти, а случилось это 9 августа 1853 г., финансовое положение Вронского граничило с полной нищетой. Прах его покоится на кладбище в Нейи, где заботами графа Дюрютта ему был воздвигнут скромный памятник.

После себя он оставил 70 рукописей, каталог которых был составлен вдовой при содействии господ Монферрье, Лазара Оже, А. Констана, и др.[1]

Вронский прекрасно владел пером. Мы не станем здесь перечислять все его труды, достаточно процитировать лишь некоторые: «Философия математики» (*Philosophie des Mathématiques*), «Философия бесконечности» (*Philosophie de l'Infini*), «Философия законов гармонии» (*Philosophie de la Technie*), «Определение судеб человечества» (*Révélation des destinées de l'Humanité*), «Абсолютная философия политики» (*Philosophie absolue de la Politique*), «Судьба Франции, Германии и России» (*Destin de la France, de l'Allemagne*

[1] 5 июля 1856 г. вдова Вронского подарила рукописи Императорской библиотеке.

et de la Russie), «Абсолютная реформа человеческого Знания» (*Réforme absolue du savoir humain*); «Сто важнейших страниц историософии, или Наука истории» (*Les Cent Pages décisives de l'Historiosophie, ou Science de l'Histoire*): целый ряд математических трудов самого высокого уровня, которые уже сами по себе составляют памятник, не имеющий аналогов в летописях Науки.

На следующий день после смерти этого удивительного ученого А. Констан напишет:

> Человек, чьи открытия в математике смогли лишь ужаснуть гений Ньютона, заложил в наш век всеобщего и абсолютного сомнения непоколебимую отныне базу науки, одновременно человеческой и Божественной. Он первым осмелился дать определение сущности Бога и, более того, сформулировать в нем закон абсолютного движения и всемирного созидания[1].
>
> . . . .
>
> Сейчас понабегут ловкие посредственности, умеющие присваивать открытия гения. Вронский оставил им богатое наследие. Но какое ему дело до людской несправедливости или уважения! Он сумел обрести нечто несравнимо более ценное, нежели запоздалое восхищение пренебрежительно настроенных современников, он разгадал тайну бытия, и этот алхимик всеобъемлющей науки удостоился в объятиях Всевышнего заслуженного бессмертия. Он покоится в лучах абсолютного света той жизни, которую он посвятил культу Истины[2] посреди нашего сумеречного существования и людского равнодушия.

Хотя Вронский и не имел вредных привычек и не играл в карты, денег у него, как мы уже говорили, никогда

[1] «Revue Progressive», № 6, 1 sept. 1853. P. 388.
[2] Ibid. P. 392.

не водилось, и умер он в нищете. На что же уходили гонорары, которые ему выплачивал Арсон?

Он увлекался различного рода изобретениями, — *свидетельствует А. Констан*, — мастерил математические машины, пытался придать вечное движение восхитительным образом сцепленным друг с другом колесам, это был бесподобный математик; но вот беда — чертовы машины никогда не работали, а все потому, что медь и сталь ничего не смыслят в алгебре, а значит, не понимали всей очевидности демонстрационных сеансов.

Одна из самых его невероятных и окутанных тайной конструкций — *прогноскоп*, гадательная машина, позволявшая, по замыслу ее создателя, вычислять вероятность событий и выстраивать уравнения прошлых, настоящих и будущих фактов с тем, чтобы найти значения всех возможных неизвестных.

Наконец в один прекрасный день он подобно Архимеду воскликнул: «Эврика!» — и позвал к себе рабочих, держа при этом свои замыслы в величайшем секрете: никому из них он не показывал чертежа машины и поручал им делать лишь деталь за деталью, вечерами соединяя их между собой (он был немного механиком). Конструкция получилась чрезвычайно усложненной, но в целом гармоничной, как сам мир.

Машина для предсказаний потребовала значительных денежных затрат. Она представляла собой два металлических шара, помещенных один в другом и двигавшихся по двум крестообразным направляющим рейкам в пределах большого неподвижного круга, на окружности которого находилось множество маленьких выдвижных ящичков, где хранились записи основ отдельных наук; синтезированные характеристики тех же наук были выгравированы на двойном шаре, вращавшемся вокруг двух направляющих

реек. В собранном виде машина напоминала большой небесный глобус, покрытый полированным висмутом и закрепленный на штативе из позолоченной меди. Имелся и поляризующий элемент, снабженный стрелками и резными компасами. С одной стороны машины располагался шар с возвышавшимся сверху треугольником, а с другой — сверкающая магическая звезда. Этот удивительный прибор должен был стоить баснословных денег. На внутреннем шаре, наполовину темного цвета, наполовину светлого, Вронский начертал общие уравнения сопоставляемых наук, а фундаментальные принципы каждой из них его же рукой были выгравированы на большом неподвижном круге.

Тайну своего *прогнометра* (или прогноскопа) Вронский открыл лишь маркизу Сарразену де Монферрье, своему шурину и последнему первосвященнику так называемых тамплиеров. До меня доходили слухи об этой удивительной машине, к которой Вронский относился не менее ревниво, чем Менелай к прекрасной Елене.

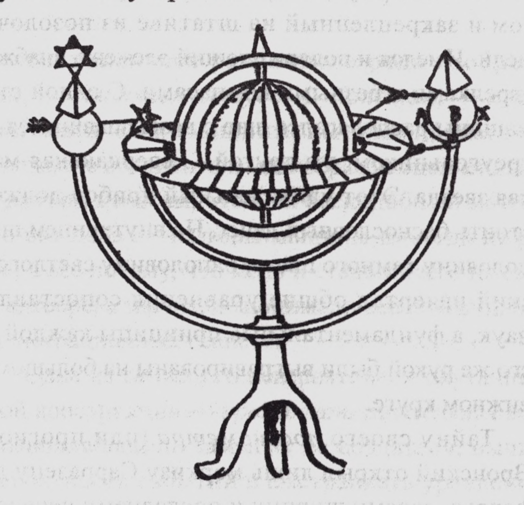
Но, признаться, я немного сомневался в ее существовании. Впрочем, я знал, что Вронский перед смертью разобрал все сконструированные им машины и их медные детали продавал оверньцам[1].

Так, по крайней мере, А. Констан считал до тех пор, пока в 1873 г. не зашел к одному антиквару[2] и к своему

[1] Correspondance, t. IX.

[2] Антиквар приобрел эту машину на распродаже после кончины коллекционера автографов и редкостей по имени Валлетт, которого версальцы расстреляли как федерала в годы Коммуны. Машина, согласно реестру Валлетта, стоила 500 франков, однако антиквар уступил ее А. Констану за пятую часть этой суммы.

удивлению и радости не обнаружил у него эту замечательную машину Вронского.

Прогнометр Вронского

Это был, — *пишет он*, — большой сияющий шар, покрытый таинственными надписями; на одной из его сторон я прочел:

Все науки являются градусами круга, который движется на одной оси.

А на другой:

Будущее располагается в прошлом, а в настоящем содержится не полностью.

Объединенные знания суть лучи прогнометра.

Я нажал на пружину, сделанный из висмута шар открылся и показался другой, внутренний, покрытый записями математических уравнений, сделанных, как я мог видеть, рукой Вронского. У меня хранился один из рукописных шедевров это-

го несчастного великого ученого, который, умирая, назначил меня правонаследником своей религиозной идеи: мессианизма, однако при жизни так ни разу и не позволил мне увидеть и потрогать свой знаменитый прогнометр.

Машина, что и говорить, превосходна... Вот примерно как она выглядит [см. рис.].

По своей форме она напоминает букву «шин», ש. Двойные белые планки, отходящие от основания машины, заканчиваются медными шарами, над которыми располагаются две трехсторонние пирамиды; одна символизирует Божественное знание, а другая — человеческое, у них одинаковые основания и действуют они вместе, но всегда противопоставлены друг другу, ибо гармония порождается аналогией противоположностей.

Если обойти вокруг сферы наук, то Бога все равно не увидишь, тот ускользает от исследований человека и всегда скрыт от него сферой, то есть глубинной сутью вещей. Однако Всевышний поляризует человека и наделяет равновесием даже после самых грубых его ошибок.

Шар, символизирующий божество, разбирается и внутри его можно прочитать:

Все, что должно быть, было, есть и будет.

Вокруг шара закреплены четыре вырезанные и подвижные буквы, A, B, X, Z, что равно יהוה в алгебраических знаках и которое имеет значение אבשת. От этой сферы отходят две сочлененные ветви, снабженные двумя компасами, задающими нужную пропорцию того, что сверху, с тем, что внизу, а также вращающейся сферы с неподвижным зодиаком.

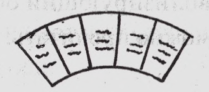
Шар человеческого знания снабжен пирамидой, на острие которой со всех сторон изображен знак Со-

ломона, а стрела, повернутая к шару, заканчивается пентаграммой, символом инициативы и человеческой самостоятельности.

Шар, состоящий из двух сфер, расположенных одна в другой, вращается по двум направлениям: вокруг вертикальной оси и горизонтальной. Для выбора требуемой оси вращения достаточно сдвинуть специальный винт.

Эта философская машина представляет собой целую энциклопедию, а внутренний шар содержит длинные цепочки уравнений, с которыми, вне всякого сомнения, пришлось бы немало повозиться и самым сильным математикам Академии наук.

На колесе, которое на обычных небесных глобусах украшается знаками зодиака, расположены открывающиеся дверцы, и на каждой из них начертано название той или иной науки. Под дверцами дан перечень фундаментальных аксиом каждой из представленных наук. Всего насчитывается тридцать две дверцы с тремя названиями наук на каждой из них. Все аксиомы необычайно тщательно и аккуратно выведены, и такими тонкими линиями, что даже с лупой я прочитывал их не без труда[1].

Несмотря на искреннее восхищение Вронским и его чудесной машиной, в последних своих трудах А. Констан редко хвалит его и даже порой несправедливо критикует, реализуя на практике известное положение: ученик должен превзойти своего учителя.

---

[1] А. Констан наверняка должен был описать ее более подробно, но нам ничего не удалось отыскать в его письмах.

После его смерти машина Вронского стала собственностью графа де Мнишека, в наши дни она нáходится в руках одного известного оккультиста.

Давайте, однако, возвратимся в конец 1852 г. А. Констан только что познакомился с молодым скульптором, учеником Прадье, господином Ф.-Ф. Рубо, чей вдумчивый и возвышенный талант уже набирал силу. Приняв участие в конкурсе, организованном Институтом, темой которого стало выразительное изображение человеческой головы, Рубо, не предупредив А. Констана, изваял его бюст и получил за свою работу премию[1].

Эти годы ознаменовались торжеством материализма во всех областях: литературной, художественной и социальной. Пришедший из Америки спиритизм лишь вводил в заблуждение невежд, направляя их на тупиковый путь. Толпища ясновидящих сомнамбул беспардонно пользовались людской наивностью, да и некоторые писатели пытались играть роль иерофантов.

Выражая в «Revue progressive» свое сожаление по поводу создавшегося положения вещей, А. Констан писал:

> Есть от чего прийти в уныние теням великого Альберта, Парацельса и Жерома Кардана, ведь алфавит оккультных наук превратился теперь в мертвую букву, герметичные ключи не открывают больше тайн восточной философии, традиционные иероглифы утратили свой исконный смысл, книга Тота, классическое завещание Древнего Египта, это символическое резюме первоначальных наук, это вечно меняющаяся шахматная доска человеческих судеб, этот синтез аллегорий Гермеса и вычислений Пифагора, где добро-

---

[1] Франсуа-Феликс Рубо родился в Сердоне (департамент Эн) в 1825 г., умер в Лионе 21 дек. 1876 г. Выставленные им в Салоне работы за период с 1853 по 1875 г. позволили ему занять достойное место среди французских скульпторов. Им, в частности, были созданы четыре барельефа для одного из павильонов Лувра, символизирующие Поэзию, Философию, Живопись и Скульптуру. Ряд его произведений находится в музеях Лиона, Экса и Версаля.

детели и божества олицетворяют числа и объясняют могущественные соединения семидесятидневников и декад; книга Тота, низведенная до уровня интерпретаций уличных цыган, является теперь не чем иным, как колодой старых карт, которой, как мне думается, оказывают слишком много чести, называя ее Таро[1].

«Revue progressive» был основан 15 июня 1853 г. господином де Монферрье. В нем сотрудничали и А. Констан, и его супруга под псевдонимом Клод Виньон. Журнал просуществовал недолго[2].

Господин де Монферрье продолжал играть при госпоже Констан роль Дон Жуана, в то время как А. Констан, с головой ушедший в написание первых страниц «Учения и ритуала высшей магии», не обращал никакого внимания на флирт супруги.

Но как-то раз г-жа Констан ушла и домой больше не вернулась.

Глубоко уязвленный изменой жены, А. Констан, однако, не впал в отчаяние. Чтобы избежать смертельных тисков тоски, он снова взялся за работу. В круг его верных друзей входил и знаменитый масонский автор Ж.М. Рагон, и вот какую хвалебную оценку тот дал ему в своем сочинении «Оккультное масонство» («La Maçonnerie occulte»):

> В глубоком и масштабном труде, над которым работает сейчас *всеведущий* оккультист, перечислены и рассмотрены различные науки, которые включает в себя магизм[3].

---

[1] «Revue Progressive», № 4, 1 août 1853. P. 242.

[2] «Revue Progressive». Науки, ремесла, литература, изящные искусства, театр, индустрия. С 15 июня 1853 по 16 сентября 1853 г. вышло 6 номеров формата in-8.

[3] Ragon J.M. *Maçonnerie occulte suivie de l'Initiation Hermétique* («Оккультное масонство и Герметическая инициация»). Paris, Dentu, août 1854, in-8. P. 84.

Труд «Учение и ритуал высшей магии» вскоре появился в продаже у книжного торговца Гироде.

Именно в этот период времени А. Констан перевел на иврит свое имя и фамилию, которые стали с тех пор его отличительным знаком:

Элифас Леви

Невидимый выбрал того, кто должен был войти в большую магическую цепь, которая началась с Гермеса или Еноха и закончится одновременно с концом света.

Глава X

Элифас Леви уезжает в Лондон. — Жизнь в английской столице. — Встреча с мадемуазель Эжени Ш. и их общим ребенком. — Последняя записка Констана жене. — Дебарролль. — Дружба с хиромантом. — Английские сторонники. — Доктор Эшбернер и Э. Бульвер-Литтон. — Крещение Светом. — Испытания Ключа. — Вызывание духа Аполлония Тианского. — Письмо господину Гупи: «Каббалистические заметки». — Возвращение в Париж. — Элифас Леви остается без средств к существованию. — Жена требует развода. — Утешительный бальзам

Весной 1854 г. Элифас Леви решил отправиться в путешествие, чтобы унять сердечные тревоги, ведь ему никак не удавалось забыть ту, которую он научил всем тем знаниям, что помогли ей впоследствии добиться высокого положения в обществе. Ну и, конечно, ему хотелось всерьез заняться изучением оккультизма.

В Лондон он приехал в мае. Письмо, отправленное госпоже Легран, давнишней благодетельнице, описывает его пребывание в английской столице:

> Милостивая государыня!
>
> Вы, вероятно, обвиняете меня в забвении старой славной дружбы, но, поверьте, совершенно несправедливо: если я не написал Вам до этого уже два или три раза, то лишь потому, что не хотелось беспокоить суетой с письмами, ибо для честных людей иметь лишние франки во Франции — большая редкость, точно так же как шиллинги в Англии. Что Вы нынче поделываете? Пребывает ли в спокойствии душа Ваша? Впрочем, что-то мне в это не верится. А как поживает Адольф? И Кларисса? Передайте им, что я думаю о них и люб-

лю их. Я радуюсь и грущу. Радуюсь, потому что окружен всеми заботами и знаками преданной жертвенной дружбы, а грущу, потому что печально получать в тысячу раз больше, чем ты сам в состоянии дать.

Между прочим, этому потерявшему разум несчастному созданию, так жестоко поступившему со мной в ответ на безумную любовь к нему, известен мой здешний адрес, и теперь она преследует меня клеветническими измышлениями. У нее хватило духа дать посторонним людям, пожелавшим мне написать, адрес своей бывшей подруги, безвинно пострадавшей по ее вине — это ли не оскорбление и это ли не угроза достойнейшей женщине, и все ради похвальбы, что она знает-де этот адрес.

Так что вполне возможно, я скоро вернусь в Париж. Она, без сомнения, продаст мою мебель, и я окажусь почти в таком же положении, как и после возвращения из Эвре. Правда, теперь у меня чуть побольше жизненного опыта, и надо надеяться, что с Божьей помощью и стараниями друзей я сумею быстро выпутаться из неприятного положения.

В Лондоне меня ожидали и развлечения, и почести. Я был зван на ужин к самым знатным особам, завел весьма приятные знакомства, но денег не заработал. Знай я английский язык, мог бы получить кучу золота, давая уроки оккультных наук, мне бы еще толику шарлатанства и наглости, что плохо сочетается с моей природной гордостью.

Дворец Сиденхейма превосходит все семь чудес света, вместе взятые. Это воплощенная мечта из сказок тысячи и одной ночи. Я прочел и услышал о нем столько всего удивительного, что даже боюсь идти смотреть на него: после всего, что пришлось повидать в этой жизни, ко мне постепенно возвращается прежняя юношеская тяга ко всему идеальному и поэтическому.

Забыл Вам сказать, что Ноэми, явившись забрать печальные обломки, оставшиеся после моего кораблекрушения, и в частности написанную мной картину «Магдалина»[1], чтобы все это продать, на что, впрочем, я дал ей свое разрешение, заявила консьержу, что она несчастная женщина, брошенная негодяем-мужем, который оставил ее с невыплаченными долгами. История оборачивается комедией в духе Мольера, даже консьержам есть над чем посмеяться.

До скорой встречи, моя дорогая госпожа! Шлю тысячу приветов моим дорогим детям.

Ваш преданный друг.

А. Констан.

21 июня 1854 г.

Мадемуазель Эжени Ш., о которой шла речь в этом письме, уже несколько лет жила в Лондоне с ребенком, с трудом сводя концы с концами.

После того как все отношения между Ноэми и Элифасом Леви были порваны, он описал свои горести мадемуазель Эжени, испросив и получив от нее прощение.

Ввиду упрямства Ноэми, отправлявшей всю его корреспонденцию мадемуазель Ш., А. Констан был вынужден послать жене еще одно, последнее письмо.

Вот оно во всей своей простоте:

Сударыня!

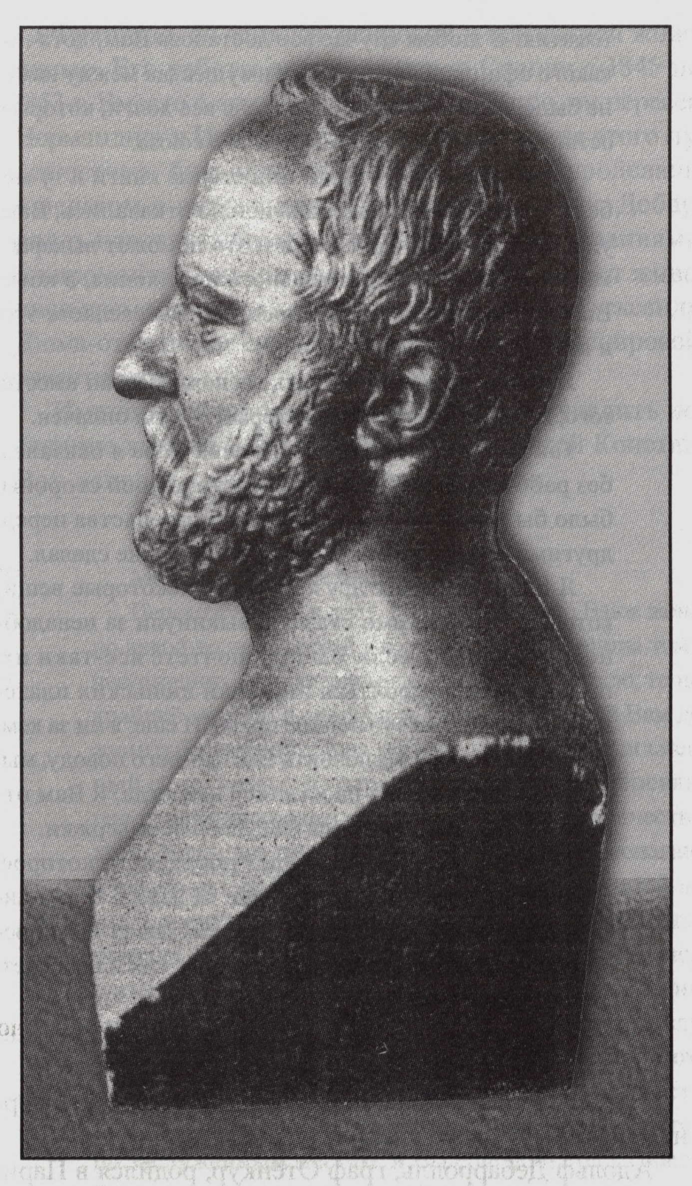
Мой адрес в Лондоне — Гауэр-стрит, 57[2]; именно сюда, а не куда-либо следует направлять мои письма.

Вы взяли на себя бесполезный труд, отправив мне все эти цифры, Вам прекрасно известно, что я не ма-

---

[1] Нам эта картина неизвестна.

[2] Гауэр-стрит в Бедфорд-Сквере — одна из самых больших улиц Лондона. На ней находится университетский коллеж.

Альфонс-Луи Констан
— 1852 —
(Бюст работы Ф.-Ф. Рубо)

тематик. В любом случае все досталось Вам, хотя никакого официального раздела имущества между нами не было, более того, я взял на себя все долги, которые остались после нашего несчастного союза.

Если, отдав кредиторам мои старые книги и ту мебель, от которой Вы первоначально отказались, Вам удастся договориться с ними и это поможет выкарабкаться из того затруднительного положения, в коем Вы оказались, я не сомневаюсь, что Вы сделаете это, и все будет хорошо.

Я подписал новый вексель госпоже Легран вместо того, подписанного Вами, который не был оплачен.

Так как после смерти господина Сера я оказался без работы и без денежных средств, с моей стороны было бы нечестно брать на себя обязательства перед другими кредиторами, поэтому я этого и не сделал.

Я попросил моих друзей спасти некоторые вещи, которые Вы, как сами сказали, выкинули за ненадобностью, однако, если Вы предпочтете все-таки их продать, чтобы добиться отсрочки июньских платежей, я даю Вам на это полное право. И еще: я ни за кем не признаю права беспокоить Вас по моего поводу, мы с Вами расстались, и расстались навсегда, и Вам отныне нет нужды тратиться на судебные издержки.

Это письмо, надеюсь, будет последним, которое Вы получите от меня, да и я тоже не желаю более читать Ваши письма; наш брак умер, так давайте же предоставим друг другу покой и забвение, как и подобает поступать на могиле.

А. Констан.

Уезжая, Элифас Леви оставил в Париже своего верного друга и первого ученика — Дебарролля.

Адольф Дебарролль, граф Отенкур, родился в Париже 22 августа 1801 г. Когда ему исполнилось 17 лет, отец его умер и мать отправила сына в Германию заканчивать учебу. Он прожил там с 1820 по 1823 г. Вернувшись

во Францию, он занялся жанровой и пейзажной живописью. Его работы выставлялись в Салоне с 1845 по 1853 г. Вместе с другим художником, Жиро, он пересек Нормандию и Испанию (1846–1847). Во время этого путешествия, большую часть которого они проделали в пешком и лишь меньшую верхом на муле, Дебарролль повстречал цыган. Пораженный их познаниями в хиромантии, он отныне все свое свободное от живописи время посвящал новой для себя науке. Александр Дюма-отец помог ему впоследствии добиться широкой известности.

Именно Дебарролль взял на себя труд уладить последние хозяйственные вопросы с госпожой Констан. Вот, например, одно из его деловых писем:

9 июля 1854 г.

Мой дорогой Констан!

Перехожу сразу к делу. Начну с того, что Ваша жена, по какой-то непонятной мне прихоти, но причина тому, несомненно, есть, позволила унести если не всю, то по крайней мере большую часть принадлежавшей Вам до женитьбы мебели. Оная мебель: небольшой письменный стол, комод, четыре плетеных стула, деревянная крашеная кровать, а также некоторое количество книг, сотни две или три, находится теперь, я полагаю, в квартале Сен-Жак, в небольшой комнате, снятой на имя мадемуазель Обри... Признаться, я был уверен, что поездка в Англию обещает Вам успех, и расстроился, прослышав, что Вам так и не удалось найти общий язык с местной аристократией, ведь в противном случае Вы сделали бы себе состояние; с Вашим-то огромным талантом Вы быстро приобрели бы известность. Однако в этом мире все в конце концов расставляется по заслуженным местам, и Вы еще добьетесь своего. Приложите немного усилий, приглядитесь, нет ли там какого доходного занятия, ибо у нас это редкость, но если Вы все-таки надумаете возвращаться, то я со

своей стороны сделаю все от меня зависящее, чтобы быть Вам полезным. Вполне возможно, даже скорее всего, что в конце месяца, если ничто не помешает, я уеду, вернее, мы уедем в Швейцарию или, что тоже вероятно, в Италию. Если Вы вернетесь к тому времени, то я сочту за честь предложить Вам свою полностью меблированную и имеющую все необходимое мастерскую, поживите в ней месяца три, как минимум, за это время и подыщете себе, не сомневаюсь, что-нибудь подходящее. Поздравляю с одержанными в Англии победами, но еще больше с открытиями, я бы даже поздравил Вас, стань Вы вновь искренним католиком, пусть даже к вере Вас привело бы чувство ненависти к педантичной строгости культа, плохо соотносимой с Вашей естественной любовью к независимости. Путешествия всегда приносят неоценимую пользу, особенно людям с Вашим умом, так что Вы возвратитесь домой если не более ученым, то уж точно более мудрым; мудрость — это опыт человечества. И именно в чужих странах это становится яснее всего. Я понимаю, утомительно изображать глухонемого в то время, как природа щедро одарила Вас всем необходимым, чтобы Вы могли заставить слушать своих собеседников и завоевать их доверие, но вполне возможно, и к этому я еще вернусь далее, что Вам было бы лучше оставаться там подольше, дабы выучить язык, так как знание иностранного языка — очень важное в жизни подспорье, особенно английского языка, на котором разговаривают во всех странах мира, и такому эрудированному человеку, как Вы, здесь было бы легко делать переводы. Благодаря своему немецкому я получил в этом месяце почти пятьсот франков, работая примерно по пять часов в день. Помимо всего прочего, мне хотелось бы выразить Вам свое восхищение, если Вы полностью излечились от сердечных ран; выздоровление идет быстрее, когда не живешь в одном городе; встречаться можно, особенно когда в минуту слабости, в которой и сам себе не признаешься, дела-

ешь все, что для этого надо. Ваша жена была крайне оскорблена тем, что я с ней не поздоровался, и пожаловалась на это госпоже Обри, когда заходила к ней в последний раз, к счастью, госпожи Паскье в этот момент там не оказалось; однако я действительно в полной чистоте душевной не узнал ее, когда увидел; а она теперь жалуется, что мы повсюду о ней говорим гадости, хотя ничего такого и в помине нет. Я даже, грешным делом, какое-то время полагал, будто Вы переправили ей мое письмо, что само по себе вполне было реально и естественно, настолько она выглядела оскорбленной. Будьте же бдительны, на подобную ловушку часто попадаются, и сохраняйте благоразумие, не позволяйте себе лишнего бахвальства, ибо сердце долго еще будет истекать кровью, я сам прошел через это. Лучше сбегите-ка от нее в Париж, но чтобы по-настоящему, иначе снова сойдетесь, и тогда уже мне будет Вас жаль от чистого сердца. Как сами изволите видеть, я нынче напустил на себя морализаторский тон, видно, моя планида нынче такая, но виной тому, без сомнения, скучная беседа, которую ведут рядом со мной, пока я пишу, хоть и не слушаю и слушать не желаю, а тем не менее действует. Впрочем, для Вас оно и к лучшему, ведь Вы услышали от меня много поучительных и справедливых вещей, а не обычные пустячки, который бы я, несомненно, написал бы; Вы говорите, что Вам предлагают в Париже выгодное дельце, меня бы это чрезвычайно обрадовало бы, ведь, как Вы прекрасно знаете, я всегда желаю Вам успехов во всех Ваших начинаниях.

Госпожа Паскье[1] шлет вам тысячи приветов, а я хочу выразить Вам самые искренние дружеские чувства.

Бесконечно преданный Вам

Ад. Дебарролль.

---

[1] Госпожа Паскье, урожденная Обри, ставшая женой Дебарролля, получила известность как *Парижская посвященная*.

Когда Элифас Леви отправился в Лондон, его имя уже было у многих на слуху.

> У меня имелись с собой, — *пишет он*, — рекомендательные письма для известных особ, с любопытством относящихся к проявлениям сверхъестественного мира. Я повстречался со многими из них и натолкнулся на образцовую вежливость, под которой скрывались равнодушие и легковесность. От меня требовали в основном шарлатанских чудес. Меня это несколько озадачило, ибо, по правде говоря, я не был расположен посвящать случайных людей в ритуальные тайны магии, да и сам боялся ложных иллюзий и усталости; впрочем, подобные церемонии требуют дорогостоящего оборудования, которое трудно собрать воедино. Поэтому я погрузился в изучение высокой Каббалы, и перестал думать об английских адептах[1].

Тем не менее два человека испытывали к нему самую искреннюю симпатию, это был весьма любезный в общении д-р Эшбернер, уважаемый врач и ученый, а также самый известный писатель того времени в Англии госп. Э. Бульвер-Литтон, автор романа «Занони» («Zanoni»).

Знаменитый романист по достоинству оценил широкие познания Учителя и стал его другом.

Элифас Леви, следуя указаниям, полученным от Вронского, уже осуществил решающий ритуал интеллектуального приобщения, оставалось еще пройти крещение Светом. Он принял его в Лондоне.

Учитель сам подробно рассказал в «Догме и ритуале высшей магии»[2] о том, как ему впервые пришлось столкнуться с физической демонстрацией Невидимого.

---

[1] Éliphas Lévi. *Dogme et Rituel de la Haute Magie*. 1861. P. 265.

[2] Ibid. P. 267–274.

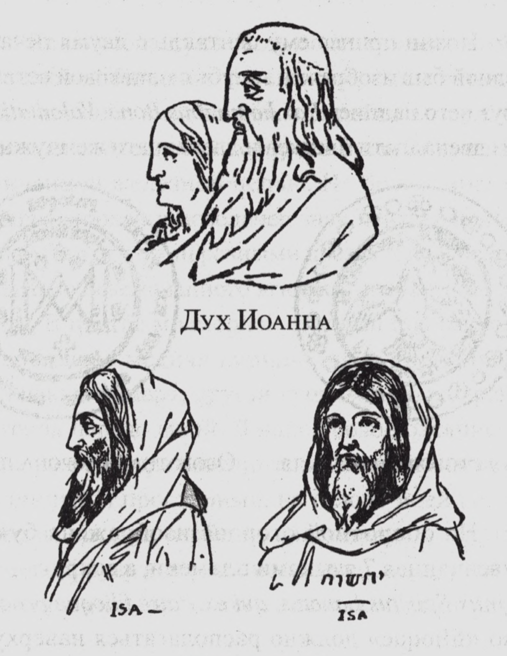
Он всегда отказывался проводить магические эксперименты, но однажды некая дама, подруга господина Э. Бульвера-Литтона, достигшая очень высокой степени посвящения, уговорила его провести ряд сеансов по вызыванию духов.

Эти испытания магического ключа состоялись в период с 20 по 26 июля 1854 г.

Вот их краткое описание согласно дневниковым записям Элифаса Леви, в которых он регистрировал результаты проведения опытов[1]:

Подготовка к ним длилась двадцать один день.

Первыми были вызваны духи Иоанна и Егошуа.

Дух Иоанна

Дух Егошуа

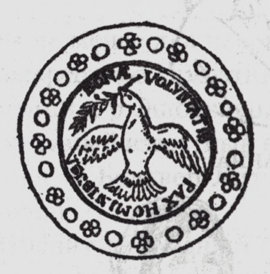
[1] Полностью этот дневник будет воспроизведен в книге *Éliphas Lévi et son œuvre*. См. также: Papus. *Almanach du Magiste* («Альманах мага»). 1894; «L'Initiation», déc. 1910.

На втором сеансе вызывали дух Аполлония, который рассказал ему [Элифасу Леви], где можно отыскать его «Нюктемерон» («Nuctéméron»)[1], указав улицу и площадь [в Лондоне].

На третьем Иоанн объяснил значение семи печатей; Егошуа вначале строго его отчитал, а затем приоткрыл перед ним будущее. Он вручил ему также книгу Рабби Ина, объяснил небесную магию, дал Ключ чудес и велел почтить своим вниманием венец, полярную одежду и ритуалы L.·. E.·. G.·.[2].

В понедельник утром, 24 июля, состоялось новое вызывание духов.

Иоанн принес ему пантакль с двумя печатями: на одной был изображен голубь с оливковой ветвью, а вокруг него надпись *Pax hominibus Bonæ Volontatis* и венок из двенадцати цветков и двенадцати жемчужин.

Лицевая сторона пантакля

Оборотная сторона пантакля

На оборотной стороне изображена буква «М», увенчанная 7 языками пламени, а вокруг — надпись *Unus Spiritus Sanctus, qui ex Patre filioque procedit*. Слово «filioque» должно располагаться наверху и посе-

---

[1] Éliphas Lévi. *Dogme et Rituel de la Haute Magie*. (Издание 1861 г.). P. 385 et suiv.

[2] L'Eglise Evangélique Gallicane — Галликанская евангелическая церковь.

редине надписи. Над монограммой начертано *Unus Pastor*, а внизу ее — *Unus Fides*[1].

Вечером того же дня Элифас Леви попробовал провести полное вызывание духа, речь идет об Аполлонии Тианском.

Утверждают, что его вызывали с целью узнать некую важную общественную тайну[2]. Однако, согласно самому Элифасу Леви, они хотели лишь получить известия об одном из родственников вышеупомянутой дамы, а также узнать, «возможно ли сближение и взаимное прощение» между ним самим и его супругой[3].

> Для вызова духа было подготовлено помещение в угловой башенке: в нем поместили четыре вогнутых зеркала, а также некое подобие алтаря, беломраморная столешница которого была окружена намагниченной железной цепью. На белом мраморе был выгравирован и позолочен знак пентаграммы, тот же знак был начертан разными цветами и на белой шкуре недавно освежованного ягненка, положенной под алтарем. В центре мраморной столешницы располагалась небольшая медная курильница с древесным углем из ольхи и лавра; другая курильница, на треножнике, стояла передо мной. Я надел белое одеяние, напоминающее стихарь католических священников, но более длинный и просторный, на голове моей покоился венец из листьев вербены, вплетенных в золотую цепь. В одной руке я держал новый меч, а в другой — текст заклинания. После того как с помощью заготовлен-

---

[1] *Carnet d'Éliphas Lévi* («Дневник Элифаса Леви»).
[2] R. Guenon. *Le Théosophisme* («Теософизм»). Paris, 1921. P. 299.
[3] Éliphas Lévi. *Dogme et Rituel de la Haute Magie*. 1861. P. 270.

ных углей были разожжены два огня, я начал читать заклинание, сначала тихим голосом, а потом все громче и громче[1].

Это был ритуальный текст из «Философской магии» Патрициуса[2], содержащей догмы Зороастра и труды Гермеса Трисмегиста. Затем Элифас Леви прочитал вслух «Нюктемерон» Аполлония на греческом языке, добавив особое заклинание[3].

---

[1] ÉLIPHAS LÉVI. *Dogme et Rituel de la Haute Magie*. 1861 P. 267.

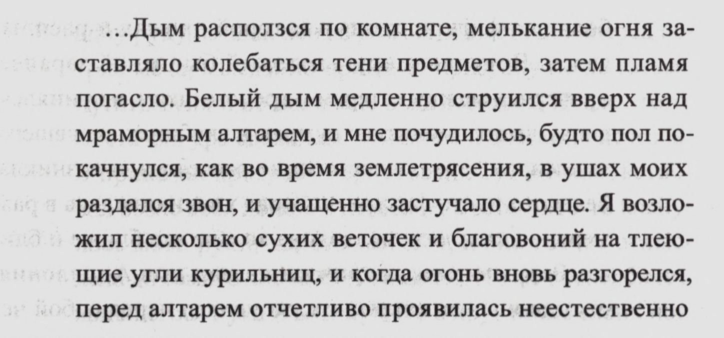
[2] PATRICIUS (FRANÇOIS), *Magia philosophica*. Hamburg, 1573, in-12. Это произведение находится в переводе и будет опубликовано позднее.

[3] ÉLIPHAS LÉVI. *Dogme et Rituel de la Haute Magie*. 1861. P. 189.

Было бы большим самомнением с нашей стороны, если не сказать дерзостью, попытаться определить точный эзотерический смысл формул заговора. Независимо от того, на каком языке они написаны, греческом, латыни или французском, не следует искать значение отдельных слов. Заговор не молитва и включает в себя непереводимые слова, не имеющие ничего общего с обычным языком, разве что внешнюю графическую форму. Кроме того, не следует упускать из виду, что любая идиома имеет несколько смыслов: прямой, фигуральный и эзотерический. Не поддающиеся переводу слова имеют лишь этот последний смысл.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что текст заклинания, опубликованный Элифасом Леви в «Учении и ритуале высшей магии», имеет с греческим вариантом лишь отдаленное сходство, как говорят знающие люди, взявшие на себя труд его перевести.

Я надеюсь, пишет нашему другу Шарль-Брен, молодой лингвист-любитель, чей перевод мы дадим чуть ниже, я надеюсь, что Элифас Леви не искал в варваризмах особого магического значения, так как, добавляет он, оно было бы все равно утрачено при переводе. Аполлоний Тианский был, надо полагать, весьма своеобразным автором, если он предстает перед нами в таком виде.

…Дым расползся по комнате, мелькание огня заставляло колебаться тени предметов, затем пламя погасло. Белый дым медленно струился вверх над мраморным алтарем, и мне почудилось, будто пол покачнулся, как во время землетрясения, в ушах моих раздался звон, и учащенно застучало сердце. Я возложил несколько сухих веточек и благовоний на тлеющие угли курильниц, и когда огонь вновь разгорелся, перед алтарем отчетливо проявилась неестественно

Aux assemblées délibératives (préside) le père de toutes choses, le conducteur Hermès Trismégiste ; à la médecine Asclépios, fils d'Héphaistos ; à la force et à la puissance, Osiris, avec lesquelles soi-même mon enfant (peut-être : avec lequel tu te trouves, mon enfant) ; à la philosophie, Arnabascentis, et à la poésie, enfin Asclépios Imouthès (ou fils d'Imouthès?).

Ceux-ci reconnaîtront, Hermès, les natures secrètes de tous nos écrits et y feront des distinctions, et ils en conserveront, eux-mêmes, une partie mais ils noteront de l'Obélos (peut-être: ils rejetteront) tout ce qui se rapporte aussi au bonneur des hommes.

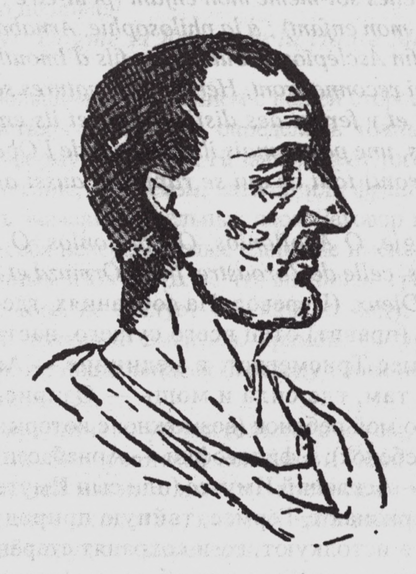
La Magie, O Apollonios, O Apollonios, O Apollonios, tu t'enseignes, celle de Zoroastre, fils d'Ormuzd et c'est là, le vrai culte des Dieux. (Перевод: На собраниях, где принимается решение, (правит) отец всего сущего, наставляющий на путь Гермес Трисмегист; в медицине — Асклепий, сын Гефеста; там, где сила и мощь — Озирис, с которыми самолично мой ребенок (возможно: с которым пребываешь ты, мой ребенок); в философии — Арнабасенис, и в поэзии наконец — Асклепий Имутес (или сын Имутеса?).

Они признáют, Гермес, тайную природу всех наших писаний, и истолкуют их, и сохранят стараниями своими часть из них, но они отметят обелосом (видимо, отвергнут) все, что относится там и к счастью людей.

Магия, О Аполлониус, О Аполлониус, О Аполлониус, ты учишь, та, что от Зороастра, сына Ормуза, настоящему поклонению Богам.

(Сообщение Яна Монгоя, хроникера журнала «Покрывало Изиды»).

большая фигура, контур которой дрожал и расплывался. Вступив в круг, который был мной заранее прочерчен между алтарем и треножником, я принялся вновь читать молитвы: сумрак в глубинах стоявшего за алтарем зеркала постепенно рассеялся, и возникла белесого цвета фигура, которая увеличивалась в размерах и, казалось, подходила ко мне все ближе и ближе. Закрыв глаза, я трижды назвал имя Аполлония и когда я вновь открыл их, то увидел перед собой человека, полностью укутанного во что-то вроде савана, который мне показался скорее серым, нежели белым; безбородое лицо было изможденным и печальным, вид его совершенно не соответствовал моим первоначальным представлениям об Аполлонии.

Человек из видения

Меня охватило ощущение необычайного холода, а когда я открыл рот, чтобы обратиться к призраку, то не смог произнести ни единого звука. Тогда, положив

одну руку на знак пентаграммы, я выставил вперед острие меча, мысленно приказав призраку не пытаться пугать меня и во всем мне повиноваться. После этого жеста фигура сделалась туманнее и внезапно исчезла. Я приказал призраку вернуться, и тут же почувствовал возле себя легкое дуновение, а затем что-то коснулось моей руки, державшей меч, и она тотчас отяжелела до самого плеча. Я догадался, что меч оскорбляет явившегося духа и воткнул его в круг возле своих ног. Человеческая фигура в следующее мгновение возникла снова, но я почувствовал такую великую слабость в членах и силы так быстро оставляли меня, что я сделал два шага назад, чтобы сесть. Стоило мне расслабиться, как мною овладела глубокая сонливость, сопровождавшаяся сновидениями, но, когда я пришел в себя, от них осталось лишь смутное, неясное воспоминание. В течение нескольких дней после этого рука моя была будто налита свинцом и ныла. Дух мне ничего не сказал, но у меня появилось ощущение, что на все вопросы, которые я хотел ему задать, в моей голове сами собой рождались ответы. На вопрос присутствовавшей рядом со мной дамы, внутренний голос ответил мне: «Смерть!»[1].

На вопросы Элифаса Леви тот же внутренний голос безжалостно ответил ему: «Мертвы!»

Он повторил опыт 26 июля. И явления, которые его сопровождали, были почти идентичны[2].

---

[1] Éliphas Lévi. *Dogme et Rituel de la Haute Magie*. 1861. P. 268–270.

[2] «В результате этих двух сеансов мне [Элифасу Леви] открылись две каббалистические тайны, которые могли бы, если бы их все знали, изменить за короткое время основы и законы всего общества». Ibid. P. 271.

> Могу ли я сделать из этого вывод, что действительно видел и касался великого Аполлония Тианского? Я не особенно подвержен галлюцинациям, чтобы верить в это, и достаточно серьезен, чтобы утверждать подобное. Воздействие предварительных приготовлений, аромат благовоний, зеркала, пантакли… — есть от чего взыграться воображению уже подготовленного атмосферой чувствительного человека. Мне не дано объяснить физиологическими законами все то, что я видел и ощущал, могу лишь утверждать, что я действительно все это видел и ощущал, видел ясно и отчетливо, без всяких видений, и этого достаточно, чтобы поверить в реальную эффективность магических ритуалов. Как бы то ни было, я считаю такую практику опасной и вредной; если сделать ее обыденной, здоровье людей, как духовное, так и физическое, окажется под угрозой[1].

Всех, испытывающих искушение заняться магией, Элифас Леви предупреждает:

> Я советую, впрочем, соблюдать крайнюю осторожность людям, желающим заняться такого рода экспериментами: они ведут к переутомлению и нередко даже к чересчур сильным душевным потрясениям, способным стать причиной болезни[2].

Еще находясь в Лондоне, Элифас Леви получил письмо от некоего господина Гупи[3], в котором тот просил его объяснить ряд каббалистических знаков, полученных при помощи медиума. Ответ Элифаса Леви

---

[1] Éliphas Lévi. *Dogme et Rituel de la Haute Magie*. 1861. P. 271.

[2] *Ibid*. P. 273.

[3] Магнетизер Л. Гупи написал несколько книг о спиритизме.

удивил господина Гупи: указанные им каббалистические знаки означали грубое ругательство из пяти букв[1].

В другом письме, направленном тому же лицу, Учитель раскрыл методы, используемые для перевода каббалистических трудов:

> Вы спрашивали меня, благодаря каким ключам мне удается понимать и переводить любой оккультный и магический документ. Таких ключей всего три: 1° многоязычный алфавит, соотнесенный с древними языками; 2° ключ Соломона в соответствии с Тритемием; 3° Колесо рождения и смерти, или колесо розенкрейцеров[2], являющееся иероглифическим синтезом универсального языка, созданного некогда на основе каббалистического алфавита. О каждом из этих ключей я дам несколько кратких, но вполне достаточных сведений, чтобы помочь не только Вам в исследованиях, но и всем любознательным, кого тянет к высокой науке.
>
> Сравнительный анализ алфавитов древних и примитивных языков возводит их все к одному и тому же источнику и ведет к осмыслению иератических знаков и религиозных символов. Каждая буква представляет собой иероглифический синтез, даже их вариации, соответствующие особенностям различных народов, лишь подчеркивают их единство. Во всех этих алфавитах идея числа выражается знаком, обозначающим звук, а от идеи числа неотделимы понятия живого существа, движения и жизни. Составляющие элементы таких знаков просты: это в первую очередь точка и прямая линия, их соединение мы видим в букве «i», соответствующей еврейской «йод», которая обозначает преимущественно единицу — совершенное число десять, а поэтому ее следует рассматривать как

[1] *Merde*, что означает дерьмо. — *Примеч. пер.*
[2] Карты Таро.

первичный знак Слова. «Йод» действительно является материнской буквой всего еврейского алфавита, это первая буква имени Jéhova (Иегова) и производящий знак всех каббалистических знаков. Затем следует черед кривой линии, а также сочетания различных линий; и ни одно из этих сочетаний не возникло случайно: кривая линия заимствована у явленного движения, а соединение линий выражает либо число, либо идею, выражаемую буквой. Как Вы, наверное, уже догадались, из вышесказанного следует, что в любом знаке легко обнаружить ту или иную букву, после чего определить место буквы в соответствующем первичном алфавите и указать ее значение, либо числовое, либо фонетическое, либо философское, т.е. абсолютное. Данный принцип указывает всегда на центр, неподвижность, это не активный принцип; вертикальная прямая линия, это — образующееся сверху вниз движение или наоборот. Горизонтальная прямая линия — единица протяженности, кривая линия есть не что иное, как сегмент круга, и ее значение соответствует созвездиям, заключенным в аналогичном ей секторе неба. Точка в центре круга — это абсолют или солнце; точка в полукруге — это восходящее либо заходящее солнце, расположенное в надире или в зените, в соответствии с положением полукруга. Кривая линия без точки выражает выпуклость или вогнутость, в зависимости от расположения. Соединение двух прямых линий дает угол или пересечение. Углы всегда обозначают либо принцип анализа, либо тенденцию к синтезу.

Буква «А», например, первая в наших современных алфавитах, выражает своей формой начальные геометрические понятия всего сущего: в ней видно двойное движение, выходящее из общей порождающей точки, ее двоичная структура перешла затем в троичную и дала первую совершенную форму

геометрической поверхности, внешне определенную, но не завершенную первичным треугольником, две материнские линии которого продолжаются, не имея завершения, что указывает на всеобщую аналогию всех вещей, возможное аналогичное умножение форм в бесконечности.

Подобные наблюдения могут быть проделаны и с другими буквами, именно через понимание этих первоначальных иероглифов и можно овладеть научными азами осмысления письменности и абсолютными интерпретациями слова, обозначенного буквами.

Всего насчитывается 22 знака первоначального алфавита, и именно из этих 22 знаков в соединении с абстрактными и абсолютными числами каббалисты сформировали то, что они называют тридцатью двумя путями науки. Следуя именно по этим тридцати двум путям, Тритемий рассчитывал свои полиграфические таблицы[1] и обнаружил в скорописи настоящий ключ тайн Соломона, то есть всего каббалистического оккультизма и всего символизма древних.

В алфавитах полиграфии Тритемия каждая буква представляет слово, и это слово определено цифрой; все алфавиты пронумерованы и, взяв за ключ номер того или иного алфавита, можно выявить смысл оккультного писания.

Благодаря этой чудесной работе, Тритемий дал ключ к древним магическим алфавитам, одни из которых составлены произвольно или условно, а другие воспроизводят первичные очертания иероглифического письма. Он переводит их на обычные буквы или цифры; одни состоят из астрономических или химических знаков, другие имеют клинообразную форму и смыкаются с аналогичными ключами,

[1] J. Trithème. *Polygraphie et universelle escriture cabalistique.* Paris, Kerner, 1561, in-4.

используемыми в масонских обществах. Ключ Тритемия позволяет, таким образом, определить смысл любого ряда знаков или букв, лишь бы они были четко очерченными и их можно было бы объединить и сосчитать; затем, когда общий смысл задан, а фраза написана, остается лишь варьировать и изменять эту фразу с помощью чисел, в результате чего ее смысл полностью раскрывается.

Алфавиты Тритемия — это по-настоящему точный инструмент для чтения каббалистических букв, и они могут использоваться для весьма любопытных провидческих экспериментов по ономантии. Достаточно назвать, скажем, имя с тремя, пятью или семью числами по своему усмотрению, чтобы затем, пользуясь трудом Тритемия, получить три, пять или семь страниц текста прорицаний. Книга Тритемия, используемая в подобных целях, может подарить весьма познавательное времяпрепровождение и самым неожиданным образом послужить каждому из ее читателей источником на редкость разумных советов и предостережений.

Этот каббалистический инструмент способен дать совершенно удивительные результаты, если его применить к фантастическим беседам таблиц. Благодаря таблицам с числами и буквами и полиграфией Тритемия, дух или сущность, именуемые таковым, лишаются возможности надсмехаться над людьми и нести всякий вздор. Любой ответ тогда становится провидческим, и ни один шарлатан не будет в состоянии его предугадать.

Не зная основ практической каббалы, не следует искать в таблицах ответы на свои вопросы — все это невежество и мистификация.

Мне остается сообщить Вам, какими способами я расшифровываю наиболее трудные магические

писания, но прежде надо сформулировать несколько правил:

I. Любую магическую запись, со смешанными буквами, принадлежащими к различным языкам, надлежит читать каббалистически.

II. Для каббалистического чтения нужно: 1° сосчитать буквы каждого слова; 2° принять каждую букву за иероглифический знак; 3° истолковать иероглифы с помощью чисел.

III. Если буква повторяется дважды в одном и том же слове, слово, обозначаемое второй буквой, должно быть поставлено в родительный падеж.

IV. К фразе добавляются, в соответствии с ее очевидным смыслом, необходимые союзы и предлоги, отсутствующие в каббалистических документах.

V. Чисто иероглифические буквы, являющиеся плодом фантазии, объясняются их числом с помощью алфавитов Тритемия.

Необходимо различать общепризнанные иероглифические буквы, используемые в различных обрядах посвящения от произвольно созданных, порожденных чьим-то умыслом либо капризом. Среди общепризнанных иероглифических знаков надо в первую очередь назвать астрономические знаки планет, зодиакальных созвездий и движений небесных тел, имеющие множество аналогий в оккультной философии. Так, например, точка в круге обозначает солнце, истину, свет, откровение, разум, Бога. Полукруг с точкой — это полусолнце, это зарождающаяся истина, это полусвет, это откровение; если он расположен справа, влияние его благоприятное, если слева — угрожающее, сверху — имеет Божественную природу, снизу — человеческую. Круг без точки — это время и мир; полукруг — это луна с ее различными аналогиями.

Точно так же обстоят дела и со всеми другими планетарными знаками, чьи значения совершенно необходимо знать в трех степенях науки, чтобы интерпретировать их иероглифические позиции. Эти буквы образуют, собственно говоря, язык судебной астрологии, которая является одной из форм оккультной, единой и универсальной философии. — Затем настает очередь химических знаков, используемых в герметичных книгах и чье тройное значение также нужно хорошо знать. Крест представляет огонь. Крест под прямым треугольником — серу и творчество. Крест на перевернутом треугольнике — освобождение неустойчивых сил и завершение творчества. Каждый металл имеет свой знак, каждый знак — свои различные философские и аллегорические интерпретации. Как вы видите, чтобы уметь хорошо читать магические тексты, нужно обладать глубокими знаниями во всех науках, из которых состоит великая философия древних посвященных.

Преданный Вам

Элифас Леви[1].

Учитель вернулся в Париж в августе 1854 г.[2] Какое-то время он жил в пригороде Пуасонньер, на углу улицы Лафайетт, в художественной мастерской своего друга Дебарролля.

---

[1] Goupy L. *Phénomènes du spiritualisme à expliquer* («Объяснение явлений спиритуализма»). Paris, Dentu, 1857, in-8.

[2] По поводу пребывания Элифаса Леви в Лондоне доктор Химмел, являвшийся управляющим «Magische Blätter» под псевдонимом Р.Х. Лаарса, поведал невероятную историю наведения чар с помощью жабы, в которой участвовал Учитель. Правдивость этого происшествия мы проверить не в состоянии, а потому лишь упомянем о нем (Ср.: Éliphas Lévi. *Der Grosse Kabbalist und seine magischen werke*, Leipzig, Rikola Verlag, 1922, in-16. P. 190–220).

Доктор Ф. Розье

Он сильно нуждался в деньгах. Мадемуазель Эжени Ш. осталась с сыном в Лондоне. В завершение всех несчастий жена предъявила ему иск о раздельном жительстве супругов[1].

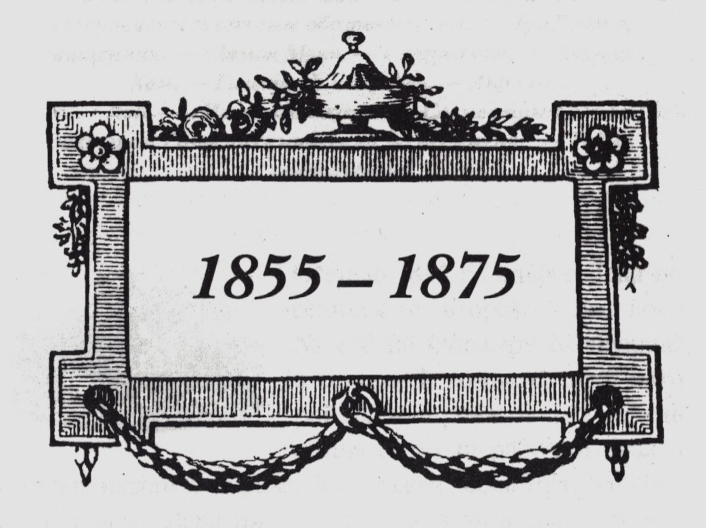
Так закончился второй период жизни Элифаса Леви. Утешительным и живительным бальзамом станет для него учеба.

---

[1] Постановлением Председателя гражданского суда Сены от 21 октября 1854 г. госпоже Констан было разрешено проживать на улице Роше, 76 до окончания рассмотрения судебного дела.

Часть третья

Посвящение в Тайну

Глава XI

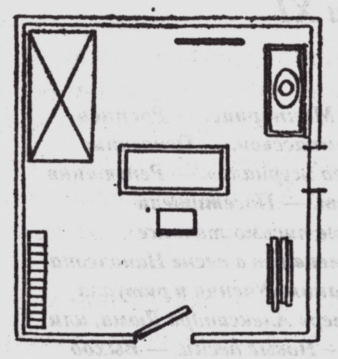
Элифас Леви на бульваре Монпарнас. — Росписи часовни Нотр-Дам-де-Компассьон. — Основание «Философского и религиозного журнала». — Репутация Элифаса Леви растет. — Посетители и друзья. — Последнее письмо госпоже Легран. — Элифас Леви высмеивает в песне Наполеона III. — Тюрьма. — Публикация «Учения и ритуала высшей магии». — «Мушкетер» Александра Дюма, или Приглашение «ко двору». — Новые песни. — Выход в свет газеты «Roger-Bontems». — Элифас Леви становится газетным обозревателем. — Луи Верже, священник. — «Замок Мэн». — Спиритизм. — Данглас Хом. — Газета «L'Estafette». — Анри де Пэн. — «История магии». — Совместный с доктором Розье алхимический эксперимент. — Тайна превращений

Осенью 1854 г. Элифас Леви поселился на втором этаже дома № 120 по бульвару Монпарнас, в скромной комнате, план которой мы воспроизводим. Посреди комнаты стоял рабочий стол и кресло; наверху, справа, изображен мольберт, за которым Элифас Леви писал картины, заказанные ему кармелитками с улицы д'Анфер; слева — кровать; справа от двери — стоящие в беспорядке эскизы и законченные живописные работы, налево располагались стопки книг его растущей библиотеки. Наконец, в правом верхнем углу — комод под красное дерево, украшенный сверху самшитовым венцом. Вот и вся простая меблировка комнаты, где Учитель создавал свои первые шедевры.

Заказы кармелиток с улицы д'Анфер составляли основу его доходов; все эти картины предназначались для

небольшой часовни Нотр-Дам-де-Компассьон[1]; отделка часовни так и не была завершена, а дальнейшие работы и вовсе привели к ее полному разрушению.

В это же время Элифас Леви готовился иллюстрировать произведения Рабле, однако его планам не суждено было сбыться, так как появились иллюстрации Гюстава Доре[2], «что очень жаль, уверяли друзья, уже видевшие несколько предварительных рисунков»[3].

В 1855 г. в сотрудничестве с Ш. Фовети и Ш. Лемоннье он сумел основать и в течение трех лет издавать «Философский и религиозный журнал» («Revue Philosophique et Religieuse»)[4], доступ в который был открыт для авторов самых различных философских школ и систем, лишь бы те ставили перед собой одну благородную цель, а именно: освобождение сознания наукой и свободным разумом. Его первой и бесспорной

---

[1] Часовня Нотр-Дам-де-Компассьон, располагавшаяся на бульваре Монпарнас, 91, не сохранилась. Ранее в ней находилось благотворительное общество Нотр-Дам-де-Шан.

[2] Paris, J. Bry, 1854, in-4.

[3] F. Maillard. *Histoire anecdotique et critique de la presse parisienne* («История парижской прессы в анекдотах и критических заметках»). Paris, Poulet-Malassis, 1859, in-18. P. 28.

[4] Появившийся в мае 1855 г. журнал «Revue» через несколько месяцев стал называться «Revue Philosophique et Religieuse». Среди его редакторов были Мишле, Жоффруа Сен-Илер, Литтре, Ланфрей, Ренувье, Гепен, Геру, Л. Менар, Эрдан, Кантагрель, А. Вайян, Пекер, де Туррей. Журнал перестал выходить в феврале 1858 г. по требованию одного пастора-протестанта после покушения Орсини на Наполеона III.

победой стало привлечение серьезных людей к фундаментальным вопросам науки и философии.

Элифас Леви опубликовал в «Философском и религиозном журнале» большое количество статей по Каббале[1], а также целый ряд стихотворений, что помогало ему сводить концы с концами. Как и публикация «Учения и ритуала высокой магии», которая продолжала выходить из номера в номер[2].

Его слава стала возрастать как в оккультном мире, так и среди непосвященных, хотя сам он об этом совершенно не беспокоился и жил счастливый в приятной для себя атмосфере, среди своих книг и безделушек.

Среди тех, кто приходил с визитом в его жилище на бульваре Монпарнас были А. Мадролль[3] и аббат Шарвоз[4], оба — ученики Пьера-Мишеля Винтра[5]. Аббат

---

[1] После этих статей Элифаса появилось несколько опровержений. Первая, принадлежавшая Л. де Туррею и появившаяся в ноябре 1856 г., касалась статьи «Каббалистические истоки христианства» («Les Origines cabalistiques du Christianisme»), в другой, Кантагреля, речь шла о построении пантакля Соломона и объяснения слова на иврите «Берешит» (окт. 1857 г.). См. также: A. Cantagrel. *Nécessité d'un nouveau Symbole* («Необходимость нового символа»). Paris, Havard, 1858. P. 74–89.

[2] *Revue Anecdotique des Lettres et des Arts* («Художественная литература и искусство в занимательных историях»). Paris, Libr. rue de Seine. 1855. P. 66.

[3] Антуан Мадролль (1792–1861), вначале религиозный писатель, стал затем радикально настроенным демократом.

[4] Аббат Шарвоз, кюре Монтуи, около Тура, опубликовал несколько произведений о Винтра, одно из которых назвал именем своей матери *La Paraz*. Он являлся президентом ложи Священного семистишия Дел Милосердия под именем Аменераэль.

[5] Пьер-Мишель Винтра (1807–1875) был управляющим мельницы при картонажной фабрике в Тили-сюр-Сей (департамент Кальвадос). 5 августа 1839 г. ему было первое видение: явившийся дух назвал себя святым Михаилом.

Шарвоз продемонстрировав Элифасу Леви коллекцию облаток для причастия, чудесным образом отмеченных кровавыми знаками, предложил ему посетить Винтра в Лондоне[1]. Эта встреча состоялась в 1861 г.; она стала толчком для диспута, о котором мы еще расскажем в свое время.

В окружении Элифаса Леви находился и Эмиль Бертран, автор «Triomphans Unitas»[2], ученого труда по трансцендентной философии, опубликованного на латыни и переведенного на французский язык лишь несколько лет спустя[3].

Эмиль Бертран, о котором у нас нет никаких биографических данных, вероятно, являлся учеником Элифаса Леви[4].

С той поры подобных историй у него было еще немало. Часть из них описана аббатом Шарвозом в «Золотой книге» («Le Livre d'Or»). Некоторое время спустя Винтра создал секту «Дела Милосердия». Приговоренный в 1842 г. к пяти годам тюрьмы по сфабрикованному делу, Винтра вернулся в Тили лишь в 1848 г. и основал газету «Eglise du Carmel» («Церковь Кармеля»). Затем он отправился в Англию, где прожил десять лет. Там им были опубликованы «Вечное Евангелие» («L'Evangile Eternel») и «Меч над Римом и его союзниками» («Le Glaive sur Rome et ses complices»). После нескольких поездок в Италию, Винтра отправился в Лион, где и умер.

[1] ÉLIPHAS LÉVI. *La Clef des Grands Mystères*. P. 151–167.

[2] E. BERTRAND. *Triomphans Unitas seu universale generis humant criterium*. Paris, Dentu, 1855, in-12.

[3] E. BERTRAND. *Le XIXe siècle et l'Avenir* («XIX век и будущее»). Paris, Librairie Nouvelle, 1860, in-18, p. 267.

[4] В нашем распоряжении имеются две рукописи этого автора: «Семейная и социальная радуга»» («L'Arc-en-Ciel familial et social») и «Все тайны руки» («La Main expliquée dans tous ses mystères»). Отметим для любознательных, что книга «Что можно прочесть по руке» (A. DE PARA D'HERMÈS. *Ce qu'on voit dans la main.* Paris, Lefebvre, 1875) почти

Подобно тому, как латинский поэт утверждал, что ничто человеческое ему не чуждо, Элифас Леви не отвергал ни одного нового произведения, касающегося эзотерических вопросов. И с предельной щедростью рассказывал о достижениях коллег.

В письме, адресованном госпоже Легран, переехавшей жить в город Доль, Элифас Леви рассказывает ей о выходе труда Эрдана[1]:

> Только что вышла весьма любопытная книга, озаглавленная «Мистическая Франция»[2]. В ней говорится обо всех наших друзьях древних Богов.
>
> Фигурирует в ней и отец Шено, меня тоже в нее засунули, и нашей компании не хватает разве что дорогой богини Флоры, но женщин сюда не принимают, впрочем, о моей несчастной покойнице, я имею в виду Ноэми, два слова все-таки сказали. Вздумай автор посоветоваться со мной, я бы настоял, чтобы следующую фразу выкинули: «Катрин де Бора никогда не расставалась с Мартином Лютером»; бедная женщина! Сколько нереченных страданий, тщеславие дорого обойдется ее гордости; поскольку совершенно неверно то, что она меня бросила, ибо разве можно увлечься Монферрье?

полностью совпадает с нашей второй рукописью. Можно ли это считать простым совпадением?

[1] Эрдан, его настоящее имя Александр-Андре Жакоб, родился в Англе (департамент Вьенн). Бывший семинарист, он взял в качестве псевдонима анаграмму своего имени Андре. Умер в Париже 24 сентября 1878 г.

[2] Первое издание книги «Мистическая Франция», рисующей картины религиозных эксцентричных явлений и событий того времени — Paris, Coulon Pineau, без указания даты (1855) — было напечатано «неографическим» шрифтом (см. на с. 288–292 рассуждения об аббате Констане).

Это письмо оказалось последним, которое он написал госпоже Легран. Немного времени спустя друзья окончательно поссорились из-за финансовых проблем[1]. Между тем именно сын госпожи Легран, М.Е. Паскаль отдаст последние почести Элифасу Леви.

Оставив ненадолго в стороне философию, Элифас Леви взялся за сочинительство песен. Одна из них стоила ему чести быть брошенным за решетку.

Это были написанные под именем Калигулы и посвященные Наполеону III куплеты:

Калигула

Песня, напечатанная в Лондоне
на мотив «Кальпиджи»

Пора нам поразмыслить здраво.
Наш император — Август, право.
Где государствует наш свет,
Там пищи для сатиры нет.
История неповторима,
Но остаются байки Рима.
Пусть не у нас, а в Риме встарь
Калигула был государь.

Калигула был нищий духом,
Весь Рим он ужаснул по слухам;
Сын знаменитого отца,
Завоевавшего сердца,
Отцовскую пятнал он славу

---

[1] Госпожа Легран умерла в 1867 г. Нам удалось отыскать небольшую книгу, принадлежащую ее перу: *Эдмон и Полина, или Справедливое наказание двух неблагодарных детей* (*Edmond et Pauline, ou Juste punition de deux enfants ingrats.* Limoges, Barbou, 1860.) Судя по всему, она является автобиографической. В 1848 г. госпожа Легран затеяла выпуск газеты L'Amour de la Patrie («Любовь к Родине»), но в результате был подготовлен всего один номер (16 апреля).

И превратил порок в забаву,
Преступник, выродок, но встарь
Калигула был государь.

Заслуг возжаждал он военных,
Успехов необыкновенных;
Морочить подданных готов,
Побил он палками плутов
И возвестил, как триумфатор:
«Империю спас император».
И трус, и лжец, однако, встарь
Калигула был государь.

Подверг столицу поношеньям
И всевозможным разрушеньям,
Расширил перечень красот
Он стоками для нечистот
И в гнусности неимоверной
Мир затопил придворной скверной;
В роскошестве и в рабстве встарь
Калигула был государь.

Он повелительную мерзость
Делил на подлость и на дерзость,
Потом, животный мир дразня,
Назначил консулом коня.
Для гордых всадников опека:
Скотина вместо человека.
Жестокость с глупостью; так встарь
Калигула был государь.

Доносчиков причислил к знати
Наемной предводитель рати.
Развратом тешил он свой нрав,
Изгнанников обворовав.
Так деспот властвовал, зверея,
Но поднял на него Херея
Клинок свой мстительный, хоть встарь
Калигула был государь.

Такого рода протест с исконным галльским юмором не мог не раздражить императора. Элифас Леви был вызван в суд исправительной полиции, приговорен к тюремному наказанию и препровожден в Мазас.

Через несколько дней после своего заточения в тюрьму, он обратился к Наполеону III со следующей стихотворной репликой:

Анти-Калигула

Песня, адресованная из тюрьмы
при префектуре
императору Наполеону III

Сир! Песня вас моя задела,
Так что наказан я за дело.
В чудовище былых времен
Узнали вас, и я смущен.
Но гений ваш для нас бесценен,
Поскольку дух ваш современен,
Пускай Калигула был встарь,
При чем тут вы, наш государь?

Под именем Наполеона
Не выводить же фанфарона,
Который кровью залил двор?
Ведь это, согласитесь, вздор.
Вас ваши судьи оскорбили,
Невинный фарс усугубили,
Злодей Калигула, дикарь,
Но вы-то нет, наш государь.

Неужто в цепи заковали
Меня за древний Рим? Едва ли!
Мой подтверждает скромный труд:
Орсини, право же, не Брут.
Насколько нужно быть хитрее,
Чтоб тайно подсказать Херее:
«Калигулу клинком ударь!»
Я не таков, мой государь!

Полиция возлютовала,
Меня за стих арестовала.
Сир, вынесли мне приговор:
Я на цепи сижу, как вор.
Боюсь я, что судья чиновный —
На самом деле враг ваш кровный, —
Так как считает эта тварь:
Калигула вы, государь.

Император простил Элифаса Леви и выпустил его на свободу.

В начале 1856 г. в типографии Гироде закончили печатать «Учение и ритуал высшей магии» (работу над ней начали еще в 1854 г.), после чего Элифас Леви договорился с книгопечатным домом Жермер-Байер об уступке прав на свое произведение[1]. Так появилось первое издание этого труда, ставшего классикой эзотерической литературы.

5 апреля того же года Элифас Леви отправился в редакцию газеты «Mousquetaire» («Мушкетер») Александра Дюма[2], где все всегда делалось с большой помпой. Он имел при себе рекомендательное письмо от своего друга Дебарролля:

Господину Александру Дюма

Дорогой Мэтр!

Уже некоторое время мне положительно везет. Примерно неделю назад я отправил Вам книгу д'Арпантиньи, которая содержит, по моему мнению, одно из самых

---

[1] Элифас Леви уступил литературные права на книгу «Учение и ритуал высшей магии» госпоже вдове Жермер-Байер за сумму в 500 франков за каждое новое издание.

[2] «Le Mousquetaire», газета Александра Дюма, 4-й год издания, № 116.

значительных открытий эпохи: искусство определять характер людей по форме их рук[1].

Сегодня я тоже хочу услужить Вам на свой манер, дав счастливую возможность — а Вы, как никто другой, умеете ими пользоваться! — взять под свою опеку одного человека.

Речь идет о поэте, о настоящем поэте, под стать моему уважению к нему, и великом поэте, если он заслужит Ваше.

Он называет свои стихи песнями; подскажите ему, как надо их ему называть.

До сегодняшнего дня, чтобы добиться успехов в литературе, ему не хватало только рекомендаций.

Отправляя его в Вашу газету, я будто представляю его ко двору.

А теперь пусть он представится сам.

Тысяча комплиментов, дорогой Мэтр, и тысяча заверений моего дружеского к Вам расположения.

Ваш восхищенный поклонник.

А. Дебарролль.

Не вызывает сомнений, что Элифас Леви был допущен «ко двору», так как мы насчитали дюжину песен, написанных им между 30 апреля и 8 июня, в том числе: «Великий покой Вечного Жида» («Le grand repos du Juif errant»), «Право на радость» («Droit à la gaîté»), «Жаба» («Crapaud»), «Гром» («Tonnerre»), «Вечная песня» («L'éternelle Chanson»), «Вишни», («Les Cerises»), «Страх» («Peur»), «Ангелы любви» («Anges de l'amour»), «Исповедь» («Confession»).

---

[1] D'Arpentigny. *La Chirognomonie. La Science de la Main* («Хирогномия. Искусство чтения по руке»). Paris, Coulon-Pineau, без указания даты (1856), in-8. Капитан Казимир Станислас д'Арпантиньи родился в Ивто в 1791 г., а умер ок. 1871 г.

Мы считаем, что нам нельзя слишком отставать от «Мушкетера», и поэтому воспроизводим несколько неизвестных широкой публике строф. Вряд ли наши читатели имеют возможность почитать газету великого романиста Александра Дюма.

Ангелы любви
На мотив «Старушка добрая»

Бог женщину явил мирам впервые,
И у нее была Его краса,
К ней светочи качнулись огневые,
И перед ней склонились небеса;
Но не смягчил Он ею гордых, мрачных,
Как этот сонм зловещий ни зови;
Гордыню тех, кто уз не терпит брачных,
Он отделил от ангелов любви.

Бог сосчитал враждебные фаланги.
«Вы, падшие, вам всем любовь чужда.
Я облеку преградой ваши фланги;
На нет сойдет бессильная вражда.
Покров Марии — вот преграда эта.
Рать злобная, попробуй ткань прорви!
Добро от зла, мрак отделю от света
И демонов — от ангелов любви».

Покаявшись, проходят сквозь преграду;
Туда, где Бог, приводит благодать.
От женщины родятся, чтобы сладу
Не знать с душой, чтоб жить, любить, страдать.
Избранники советуют в дороге:
«Ты небеса в себе восстанови!»
И к праведным в целительной подмоге
Доходит весть от ангелов любви.

Пусть крещены мы женским поцелуем.
Младенчество — наш покаянный плач.
Мы во плоти весь век душой бунтуем.
Гроб для грехов, скорбей и неудач.

Слепит нас прах и горькие утраты,
Хоть сказано: «Ты Бога не гневи!»
Мы в ярости не гневом ли зачаты,
И все-таки мы детища любви.

Чистилище — земля, где в Божьей власти
Мы Божьи, пусть заблудшие сыны;
У врат небес пусть нас сжигают страсти,
Сожженные навек исцелены.
В изгнанье нам не избежать разрухи.
Смерть! Родовой удел наш обнови,
Земные мы, но все равно мы духи,
Спасенные, мы ангелы любви.

Все в радости преобразятся вечной,
Доверившись верховному добру,
Тот, кто грешил в юдоли быстротечной,
И мученик, оплаканный в миру,
И с жертвами преступники едины;
Тех и других, Господь, благослови!
Нас всех прими Ты в светлые глубины,
Где все с Тобой мы ангелы любви.

Мы процитируем также последний и самый важный по смыслу куплет его «Раблезианской песни»:

Когда мы, бедные дурашки,
Порвем последние рубашки,
Нас Бог осудит, бедолаг,
Но как накажет грешных, как?
Как снег, быть может, мы растаем,
Как месяц, убыль испытаем?
Так выпьем же мы на земле,
Как завещал старик Рабле.

Элифас Леви сотрудничал и в газете «Roger-Bontems»[1], которая впервые вышла в свет в январе 1857 г. Некото-

[1] «Le Roger-Bontems» — иллюстрированная газета, издававшаяся Колье, в ней печатались уже известные романы К. де

рые из его песен, по большей части тех же, что были опубликованы ранее в «Мушкетере», способствовали успеху газеты. Заказывались ему и статьи. Вот небольшой отрывок одной из них, с чудесным местным колоритом:

> Как хорош Париж ночью, если смотреть на него с моста Искусств, особенно когда лунный серп висит между башнями Нотр-Дам. Берега реки расцвечены огнями, и вздохи воды, плещущейся о камни, кажется, несут с собой все звуки большого города, смех и плач, арии певцов и заунывное пение слепцов-попрошаек, движение колясок, спешащих от одного праздника к другому, и с одного спектакля на другой[1].

Элифас Леви испытывал большое восхищение перед Дезожье[2], которого он называл отцом французской песни, считая, что многие из его произведений

> являются и навсегда останутся непревзойденными образцами. Какие у него восхитительные глупости! Как тонко он наивен и даже порой глуповат, но тонкость эта граничит с хитростью![3]

Монтепена, Генри де Кока, Пьера Заккона и т.д. Газета выходила по субботам.

[1] Там же. 24 января 1857 г. № 2; Les Echos de Paris, p. 10, col. 3.

[2] Дезожье (М. Ант. М.) (1772–1827) — руководитель «Литературного подвала» («Caveau littéraire»). Написал более 120 водевилей. Неоднократно печатались также его песни и стихотворения.

[3] «Le Roger-Bontems», 17 janv. 1857, № 1, *Roger-Bontems à la recherche d'un propriétaire* («Роже-Бонтан в поисках владельца», p. 3, col. 3.

Работа шансонье не особенно прибыльна, о чем свидетельствует судьба Шарля Жиля[1], покончившего жизнь самоубийством из-за нищеты:

> Бедный Шарль Жиль! Народный певец, щедрый на идеи пролетарий, он пришел в полное отчаяние.
>
> Но разве у радующей сердце поэзии, у всего великого и красивого нет будущего? Разве человечество движется по неверному пути? Разве прогресс приостанавливается? Но страдать устаешь, а бедный Жиль не умел звать на помощь[2].

Случившееся в самом начале, 3 января 1857 г. кровавое событие погрузило жителей Парижа в оцепенение. При торжественной церемонии начала девятидневного молитвенного обета в честь святой Женевьевы в церкви Сен-Этьен-дю-Мон парижский архиепископ, монсеньор Сибур, был убит лишенным сана священником Луи Вержером. В одном из своих произведений Элифас Леви описывает собственную встречу с аббатом Вержером, а также сцену убийства. Страстный поклонник всего инфернального и усердный читатель колдовских книг, Вержер слегка повредился рассудком и сделался убийцей[3].

Элифас Леви был убежденным противником занятий магией. Когда у него появились ученики, он заставил их поклясться, что те никогда не станут проводить

---

[1] Шарль Жиль (1820–1856) — знаменитый шансонье, чьи куплеты славились в то время.

[2] «Le Roger-Bontems», 31 janv. 1857, № 3; «Roger Bontems chez Béranger («Роже-Бонтан у Беранже»), p. 18, col. 2 (См. также статью «Un souvenir à Ch. Gille» («Воспоминание о Ш. Жиле») в «Revue Philosophique et Religieuse», juin 1856. P. 331).

[3] Éliphas Lévi. *La Clef des Grands mystères*. P. 176–193.

даже самых невинных опытов и будут заниматься лишь спекулятивной стороной оккультной философии.

Прожив в доме № 120 по бульвару Монпарнас три года, Элифас Леви к июню 1857 г. перебрался в «замок Мэн»[1]. Его финансовое положение немного улучшилось, что позволило ему сменить прежнюю каморку на более удобное жилище.

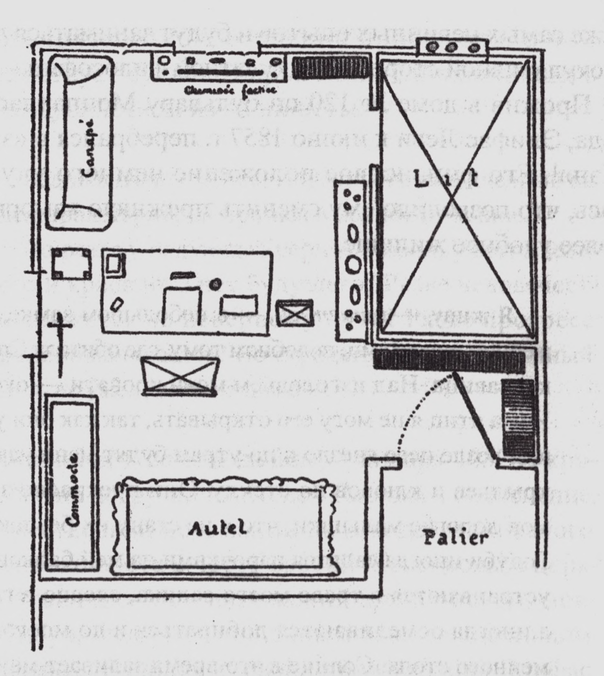
> Я живу, — *пишет он*, — в небольшом замке, окруженном деревьями, подобном тому, где обитала Спящая красавица. Над изголовьем моей кровати — окошко. Из-за птиц я не могу его открывать, так как они устроили возле него гнездо и по утрам будят меня ударами крыльев и клювов по стеклу. Они прекрасно знают, мои дорогие малышки, что я не стану их беспокоить! Голуби иногда садятся парочками на мой балкон; они устраиваются в траве моего садика, словно в гнезде, а иногда осмеливаются добираться и до моего письменного стола. Солнце в это время заливает мою комнату, и все за стеклами полок начинает сверкать, расцвечивая мои безделушки, талисманы и индейских богов. А вокруг чирикает, щебечет и о чем-то болтает великое множество радостных птиц. Они словно молятся вместо меня, и мне остается лишь ответить им «Аминь»[2].

Вот схема этой солнечной комнаты, которую он занимал в «замке Мэн».

---

[1] Так называемый «замок Мэн», расположенный в доме № 19 на проспекте Мэн вовсе не являлся замком, это был частный особняк. Построенный в 1835 г., он был одним из редких образцов «архитектуры Луи-Филиппа», сохранившихся в хорошем состоянии. Сейчас в нем находится Школа сельского инженерного дела.

[2] Correspondance, t. I.

Именно в ней Элифас Леви провел семь лучших лет своей жизни; при ее меблировке и отделке он продемонстрировал все богатство присущего ему воображения и незаурядные мастеровые умения. Бедную, из некрашеной древесины, мебель постепенно вытеснили красивые старинные вещи из дуба; средневековое кресло было приведено в порядок и украшено ловкими руками художника, в результате скромная квартира приобрела эстетический вид, сочетающий в себе гармонию и уют.

В июле 1857 г. в Париже только и говорили, что об опытах Даниэля Дангласа Хоума[1]. Пришла мода на спи-

---

[1] Элифас Леви никогда не присутствовал при экспериментах Хоума; оба питали друг к другу сильную неприязнь. Воспоминания медиума были опубликованы в 1863 г. Для Элифаса Леви они представляли собой «памятник невежеству и неверию».

ритизм. Хоум был любимцем салонов и даже самого императора, который, не удовлетворившись приобщением к тайным ложам, теперь наблюдал за еще бывшими тогда в диковинку чудесами медиума.

Элифас Леви, не жаловавший спиритов, опубликовал в газете «L'Estafette» («Курьер»)[1], статью, озаглавленную «Призраки в Париже», в которой объяснил ряд иероглифов, начертанных «безымянной силой»[2]. Данное им толкование не понравилось Анри де Пену[3], и тот под псевдонимом «Немо» поместил не слишком любезный комментарий в газетах «Courrier de Paris» («Парижский курьер») и «Le Nord» («Север»)[4].

Элифас Леви ответил А. де Пену следующим письмом:

> Сударь!
>
> Я прочел в газете «Le Nord» Ваш фельетон под подписью «Немо», который пусть и не оскорбляет меня лично, но, тем не менее, задевает мою честь. Поскольку Вы величаете себя истым католиком, я по-христиански, от чистого сердца, прощаю Вас за то, что Вы, даже не зная меня, вздумали опорочить мое имя.
>
> Вы назвали меня попом-расстригой, но ведь иереем я никогда не был. После первых духовных званий, я, посчитав себя недостойным священнического сана, решил, что, чем быть плохим священником, лучше зарабатывать себе на жизнь честным трудом; разве можно за это равнять человека с цареубийцами и с аспидами?

---

[1] «L'Estafette», 15–25 juillet 1857.

[2] Éliphas Lévi. *La Clef des Grands mystères*. P. 141–243.

[3] Анри де Пен — литератор и публицист, главный редактор газеты «Gaulois» (1830–1887).

[4] «Le Nord» — международная газета, выходившая в Брюсселе, номер от 19 июля 1857 г.

Я всегда был и остаюсь пусть, может быть, и не самым ярым католиком, но все же самым преданным и искренним, живу в мире с Церковью и нахожусь в прекрасных отношениях с моим кюре, разве после всего этого Вам не следует критически взглянуть на сказанные Вами слова?

Знай Вы меня хоть немного лучше, то, возможно, и полюбили бы и оценили бы по достоинству, а так… к чему сотрясать оружием и стрелять наугад? Разве сие разумно? Разве сие справедливо?

Примите заверения, милостивый государь, в моем искреннем уважении к Вам.

А. Констан.

Истины ради скажем, что письмо это не дошло до своего адресата, Элифас Леви, махнув рукой на оскорбление, не отправил его, и перед нами лишь исторический документ.

Итак, на дворе 1859 г. Выходит «История магии» («L'Histoire de la Magie»)[1] у того же издателя, что и «Учение и ритуал высшей магии»; издание принесло автору тысячу франков[2].

Элифас Леви охотно давал уроки серьезным и образованным людям, которые выражали желание у него учиться, но при этом предупреждал:

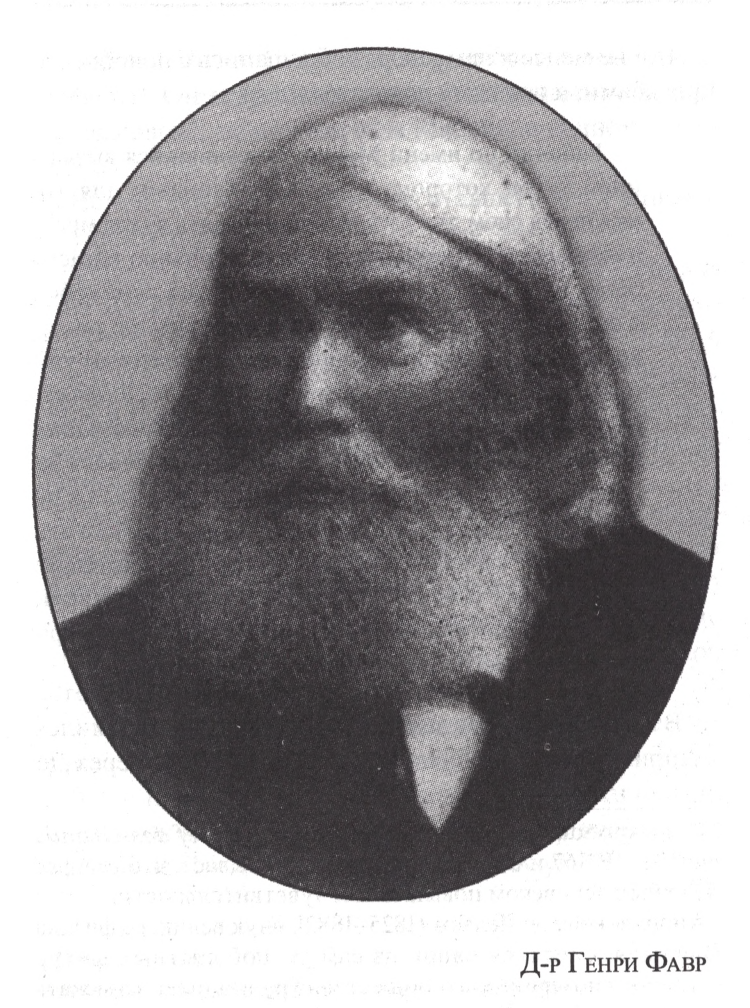
Автор обязан честно признаться, что не читает судьбу, не обучает гаданию, не занимается предсказаниями, не изготовляет какого-либо зелья, не предается колдовству и не вызывает духов[3].

---

[1] Éliphas Lévi. *Hisloire de la Magie*. Paris, Germer-Baillière, 1859, in-8.

[2] Элифас Леви должен был получать 500 франков за каждое новое издание.

[3] Éliphas Lévi. *Hisloire de la Magie*. Предисловие. P. VIII.

Д-р Генри Фавр

Тем не менее к нему не раз обращались с подобными просьбами, и вот тому доказательство:

> Рабочий по имени Морис, баловавшийся вызыванием духов, которому я послал заклинание для чтения перед сном для того, чтобы отгонять духов мрака и приближать к себе духов света, случайно погасил свечу, и бумага с заклинанием осветилась сама собой, и он легко смог прочесть то, что я ему написал; так, по крайней мере, поведал он мне с преувеличенным ужасом и почтением ко мне. В следующую ночь, возле его постели засиял столь яркий свет, что он пробудился и узрел в снопе света отчетливый, выделявшийся более плотной тенью силуэт, который протягивал к нему руку. Бедняга, явно принимавший меня за бога или за дьявола, начал преследовать меня с требованиями поведать ему способы сношений с темными силами, всякого рода откровения и т.д., и т.п. Короче, мне пришлось выставить его за дверь[1].

В этот период времени Элифас Леви познакомился с Анри Делаажем[2], Люком Дезажем[3], а также через Де-

---

[1] Correspondance, t. III. Éliphas Lévi. *La Clef des Grands mystères*. P. 167 и след. Эта история доказывает, что Элифас Леви был человеком повышенной чувствительности.

[2] Анри, виконт де Делааж (1825–1882), внук великого физика Шапталя, считался одной из самых любопытных фигур тогдашнего парижского общества. Трудно было отыскать человека добрее. Его знали все в Париже, и он знал всех. Он напоминал Мюссе с такими же каштановыми волосами и — удивительное дело! — всегда выглядел молодо. Хиромант-любитель, он обладал явным даром магнетизма и беседовал с Бальзаком о Сведенборге. Политик и журналист, он отличался очень живой и при необходимости язвительной речью. Все его произведения посвящены прославлению магнетизма и католичества.

[3] Люк Дезаж, зять Пьера Леру — автор весьма любопытного произведения «Экстаз» (*Extase*, Paris, Henri, 1866: in-8).

барролля с Полем Огезом[1], который брал у него уроки каббалы[2]. Он встретился также с гадальщиком на картах Эдмоном[3], «колдуном сада Мабий», и гипнотизером Каане[4].

Не забудем и доктора Розье, ставшего его учеником и лучшим другом.

Фернан Розье родился в Эбре, около Ганна (департамент Алье), 5 июля 1839 г. Приехав в Париж в возрасте 15 лет, он поступил в лицей Карла Великого. Сдав с успехом экзамены на степень бакалавра наук и литературы и получив научную лицензию, он стал работать фармацевтом. В 1870 г. добился докторской степени по медицине.

Около 1873 г. д-р Розье поступил на работу в обсерваторию секретарем господина Ле Веррье. Но затем им овладела жажда путешествий, и он в течение семи лет плавал в качестве судового врача на кораблях «Трансатлантической компании». Вернувшись в Париж, он окончательно занялся медициной.

Страстный поклонник эзотеризма, доктор Розье стал одним из зачинателей движения, созданного Папюсом в 1885 г. В дальнейшем желание независимости побудило его основать собственную школу и так называемое святилище Святой Филомены по адресу ул. Буси, 13.

---

[1] Поль Огез, так же как Делааж, был адептом магнетизма и католицизма. Среди его произведений назовем «Избранники будущего» (*Les Elus de l'Avenir*. Paris, Dentu, 1856, in-8) и «Проявления духа» (*Les Manifestations des Esprits*. Paris, Dentu, 1857, in-8).

[2] Переписка Дебарролля с Элифасом Леви.

[3] Éliphas Lévi. *Hisloire de la Magie*. С. 517 и след.

[4] Альфонс Каане (1805–1885) — ярый сторонник спиритизма, магнетизма и религии Сведенборга. Написал большое количество интересных работ на эти темы. Руководил газетой «Le Magnétiseur Spiritualiste» («Магнетизер-спиритуалист») (1849–1851).

Доктор Розье умер 3 мая 1922 г. Опубликованные им произведения малозначительны[1], однако близкие покойного намерены издать «курс» его лекций о высокой магии и толковании Евангелия, которые он читал в течение двадцати лет.

Доктор Розье, несомненно, является одним из самых образованных и оригинальных представителей оккультизма XIX века.

Нелишне будет напомнить, что вместе с Элифасом Леви он поставил алхимический опыт. Вот как рассказывает о нем сам доктор Розье:

> Насколько я помню, это происходило в 1859 или в 1860 г., впрочем, неважно, короче говоря — давно. Элифас Леви был удивлен сходством изображений, которые можно разглядеть на поверхности железистого серного колчедана с некоторыми герметическими рисунками. Этот минерал, действительно, состоит из кристаллов, соединенных таким образом, что в целом они удивительным образом напоминают абрикос, можно увидеть все его части, даже черенок. Это сходство минерала с плодом показалось ему знаком свыше. И наводило на еще более далеко идущие мысли: недаром в этом минерале часто находят золото.
>
> Наконец, девиз: *Visita Inferiora Terræ Rectificando Invenies Occultum Lapidem, Veram Medicinam*, первые буквы которого образуют слово «Vitriolum», еще один довод в пользу неслучайности такого сходства: сер-

---

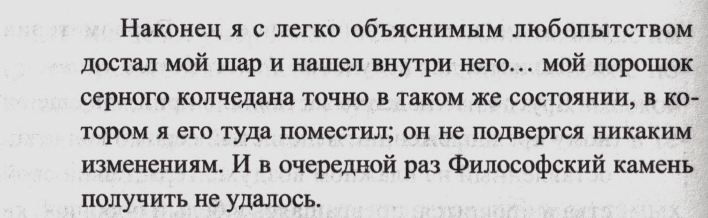
[1] Отметим «Невидимые могущественные силы: Боги, Ангелы, Святые, Эгрегоры, св. Филомена» (*Les Puissances Invisibles*. Paris, Chacornac, 1907, in-8) и «Наводнения 1910 г. и предсказания» (*Les Inondations en 1910 et les Prophéties*. Paris, Chacornac, 1910, in-8). Доктор Розье сотрудничал с «L'Initiation» и «Voile d'Isis».

ный колчедан есть не что иное, как Первоматерия, необходимая для получения *Философского камня.*

Другое наблюдение заставляло прийти к еще одному предположению: железистый серный колчедан, оставленный на влажном воздухе, теряет свои свойства и крошится, превращаясь в белый порошок, являющийся смесью железного купороса и свободной серной кислоты; я это проверил на собственном опыте, но с печальным результатом: мои съестные запасы раскрошилась в ящике стола, где они лежали вместе с бельем, да и белье было совершенно испорчено, изъеденное серной кислотой, маслом *Vitriole*.

Как бы там ни было, это свойство заставило Элифаса Леви предположить, что рассматриваемое вещество способно также давать Огонь. При его сжигании действительно выделяется тепло, в данном случае имело место медленное сжигание, значит, оно должно было давать слабое тепло. А слабое тепло способно дать слабый огонь.

Вследствие всех этих умозаключений и руководствуясь указаниями Элифаса Леви, я достал довольно большое количество серного колчедана, часть его истер в порошок и заключил в стеклянную сферу, которую затем *герметично* (?) закрыл. Для этого я использовал льежскую пробку и сургуч. Стоило бы вытянуть горлышко шара с помощью лампы, которые используют художники по эмалям, однако нужных инструментов у меня под рукой не оказалось. Шар был погружен до горлышка в массу мелко раздробленного серного колчедана, и на длительное время я оставил его в покое, до тех пор, пока серный колчедан не превратился в магму, состоящую из железного купороса, серной кислоты и остатков не подвергшегося воздействию химической реакции серного колчедана, на это ушло несколько месяцев.

> Наконец я с легко объяснимым любопытством достал мой шар и нашел внутри него… мой порошок серного колчедана точно в таком же состоянии, в котором я его туда поместил; он не подвергся никаким изменениям. И в очередной раз Философский камень получить не удалось.
>
> Я много раз повторял этот опыт, меняя его условия, однако так ничего и не вышло; что, впрочем, надо сказать, меня не слишком удивило.
>
> И все-таки однажды Элифасу Леви показалось, что порошок приобрел черноватый оттенок. Мы, кажется, приблизились к «Голове Ворона»[1]. Должен честно сознаться, что особой радости не испытал, поскольку никаких признаков Головы Ворона[2] не разглядел.

Хотя Элифас Леви, по словам доктора Розье, изучал герметизм теоретически, несравнимо более с философской точки зрения, нежели с практической, совершенно очевидно, что ему был известен секрет превращений.

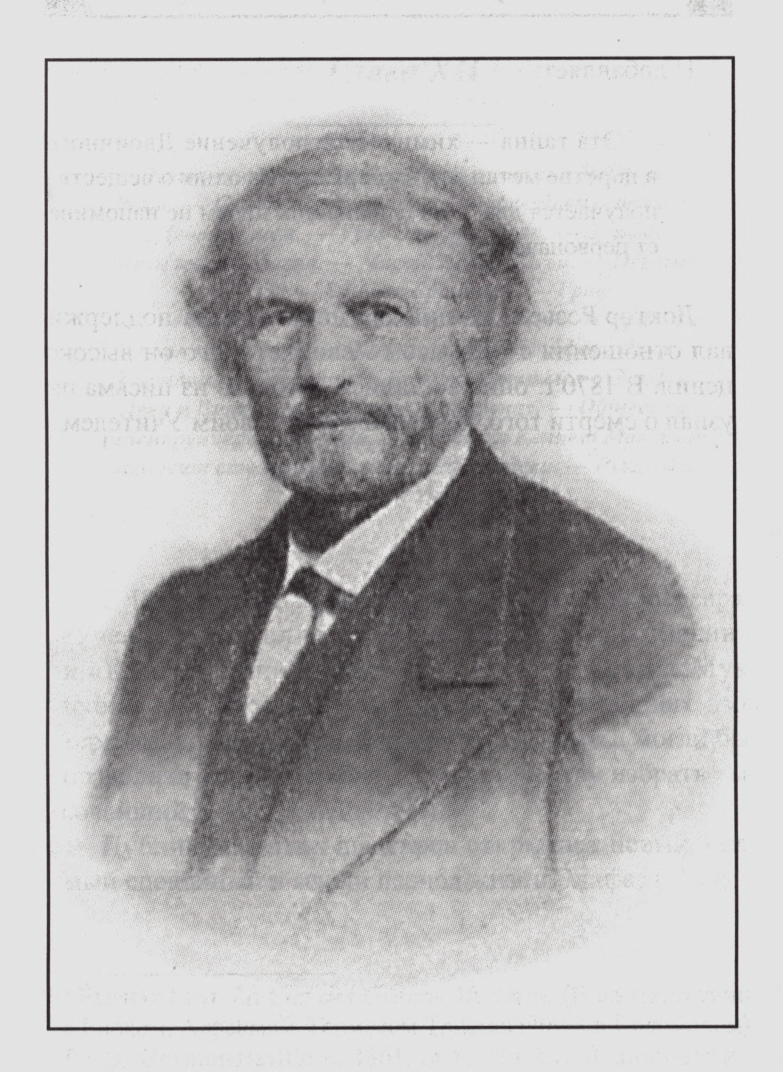
> У меня есть, — *признается он сам*, — чрезвычайно любопытные рукописи по герметическим знаниям, и мне прекрасно известны тайны науки Гермеса. Я видел, как возникает тайный огонь, я видел, как образуются два металлических семени, белое, напоминающее ртуть, и красное, будто тягучее масло, похожее на плавящуюся серу.
>
> Знаю, что таким образом можно получить золото, но будьте уверены, я никогда не стану этим заниматься[3].

---

[1] «Черный, чернее черного»: *Nigrum, nigro, nigrius.*

[2] «L'Hyperchimie» («Гиперхимия»), 5-й год издания, № 10, окт. 1900 г., с. 3. Эти слова в виде письма были воспроизведены в «Проклятых науках» Поля-Редоннеля и Жолливе-Кастело: *Paul-Redonnel et Jollivet-Castelot.* Les Sciences Maudites. Paris, la Maison d'Art, 1900, in-8. P. 47–48.

[3] Correspondance, t. I. По поводу алхимии см. главу XIX «Учения и ритуала высшей магии», названную «Философский

Ад. Дебарролль

И добавляет:

> Эта тайна — химическое получение Двоичного в царстве металла и минералов. Из одного вещества получается два, и ни одно из них ничем не напоминает первоначальное[1].

Доктор Розье в течение одиннадцати лет поддерживал отношения с Элифасом Леви, которого он высоко ценил. В 1870 г. они расстались, и только из письма он узнал о смерти того, которого считал своим Учителем.

камень», где рукой мастера указан метод, которые применяли алхимики, чтобы овладеть теорией и постичь осуществление Великого Делания.

[1] Correspondance, t. I.

Глава XII

«Ключ великих тайн». — Воспоминания доктора Розье. — Салон Ш. Фовети. — Элифас Леви ссорится с Дебарроллем. — Рука Элифаса Леви. — Элифас Леви и астрология. — Масон Элифас Леви. — Первые ученики. — Братья Браницки. — Граф де Мнишек. — Госпожа де Бальзак. — Вечера в замке Борегар. — Вторая поездка Элифаса Леви в Лондон. — Господин Э. Бульвер-Литтон. — Элифас Леви и Винтра. — «Колдун из Медона». — Общество розенкрейцеров в Англии. — Господин Кеннет Маккензи наносит ответный визит Элифасу Леви. — Рукописи и рисунки Учителя

С 1853 по 1861 г. Элифас Леви создал три шедевра: «Учение и ритуал высшей магии», «История магии» и «Ключ великих тайн» («La Clef des Grands Mystères»)[1] — уникальные книги в истории западного эзотеризма, которые, будь они до конца поняты, могли бы позволить католическому священничеству избрать высочайший путь духовной жизни[2].

Публикация этих шедевров открывает новый и самый спокойный и ясный период жизни Элифаса Леви.

---

[1] Éliphas Lévi. *La Clef des Grands Mystères*. (В соответствии с Енохом, Авраамом, Гермесом Трисмегистом и Соломоном). Paris, Germer-Baillière, 1861, in-8. Элифас Леви получил 1000 франков за первое издание книги, выпущенное тиражом 1500 экземпляров. Последующие издания должны были приносить ему по 300 франков.

[2] Элифас Леви, представивший свои книги официальным органам Парижа, получил следующий ответ: «Мы не одобряем, но и не осуждаем. Ваши книги нельзя назвать еретическими или святотатственными, они экстравагантны», что означает «вне традиционной линии».

Без всякой рекламы, без лишнего шума простым нанизыванием причинно-следственных звеньев к нему приходит известность, а с ней и люди, желающие обрести свет истины под его руководством, они просят обучить их, дать тот или иной совет.

Его интеллектуальная деятельность становится чрезвычайно интенсивной; никакие ментальные трудности его больше не пугают, и все огромное поле Науки, казалось, только и ждет, когда он вспашет его и засеет ростками знания.

Вот восхитительные слова, сказанные им по этому поводу; они показывают, каких высот достиг он в жизни; и с какой силой его учение приблизилось к Сфинксу.

> Я как вырытая в песке ямка, которую ребенок намеревается заполнить водой, пустив в нее все море. Идеи преследуют меня, играют мной, и я часто напоминаю тех больных, которых вынуждают пить больше воды, чем их желудок способен вместить.
>
> Смену дня и ночи я перестал замечать; наступает вечер, а мне кажется, что это тучи закрыли солнце, оттого и потемнело, ибо думаю, что все еще тянется утро. Порой я начинаю сопротивляться и даже близок к отчаянию. Какое искушение сбежать от тирании разума и скрыться, подобно Ионе, где угодно, но только не в животе кита. О, как бы мне хотелось пожить хоть несколько часов ни о чем не думая![1]

Ученики Элифаса Леви, с которыми нам удалось поговорить, поведали нам немало волнующих историй об этом периоде его жизни. Обычно занятия проходили вдали от города, в поле, начинавшемся сразу же за воротами Парижа, или в какой-нибудь рощице возле кабака; за внешне простой и веселой речью словоохотливого Учителя скрывались глубокие истины. Как неоднократ-

[1] Correspondance, t. III.

но повторял нам доктор Розье, Элифас Леви превосходно умел представлять слушателям разные грани одной и той же истины; он свято уважал свободную волю, личное мнение каждого человека и человеческую индивидуальность, поэтому когда выдвигал какую-нибудь идею, всегда сравнивал ее с другой, противоположной по смыслу. Например, он был антиреинкарнистом[1], если мне будет позволено применить столь варварский термин, но при этом никогда не упускал случая закончить свое выступление шуткой, заявляя со смехом, что является реинкарнацией Рабле.

Его круг общения состоял из плеяды щедрых и отважных умов, друзья встречались два раза в неделю у Фовети[2].

Шарль Фовети жил в особняке № 13 на улице Мишодьер со своей женой, госпожой Максим, которая в одно время считалась соперницей Рашель в театре[3].

---

[1] Éliphas Lévi. *La Science des Esprits*. Paris, Germer-Baillière, 1865, in-8. P. 132.

[2] Шарль Фовети родился в Узесе (Гард) 10 августа 1813 года, умер в Асньере 11 февраля 1894 г. Фовети был связан с движением сенсимонистов (1830–1845), в 1845 г., вместе с А. Констаном он основал журнал «La Vérité» («Истина»), почти единолично предоставил средства для создания газеты «Représentant du Peuple» («Представитель народа») и был, наряду с Прудоном, ее основным сотрудником. В 1848 г. он создал газету «La Montagne» («Гора»), а во времена Второй империи «Revue Philosophique et religieuse» («Философский и религиозный журнал»), выходивший с 1866 по 1870 г., «La Solidarité» («Солидарность») и, наконец, в 1876 г. — «La Religion Laïque et Universelle» («Светская и универсальная религия»). Незадолго до своей смерти опубликовал «Научное доказательство существования Бога» («Démonstration scientifique de l'existence de Dieu». Nantes, 1894, in-16). Автор «Светской и универсальной религии» был отважным метафизиком и необычайно сердечным человеком.

[3] У нас имеется экземпляр книги «Три гармонии» со следующим посвящением: «Мадемуазель Максим. А. Констан».

Эти собрания представляли собой в высшей степени любопытное зрелище. На них собирались выразители самых противоположных мнений в литературе, в социализме и в философии: Литре, Консидеран, ле Реклю, Пьер Леру, Луи Менар, Дебарролль, Кобе, Луи Лука, Александр Вейль, Годен, Ш. Ренувье, доктор Фавр, Леон Бише, Шаве, Эден Ню, Б. Малон и другие. Подвергались обсуждению самые сложные метафизические проблемы, и разговоры этих представителей интеллектуальной элиты непременно заканчивались жаркими и яростные спорами, однако никогда не выходившими за рамки дозволенного.

По поводу этих собраний существует следующий анекдот: однажды, выходя из салона Фовети, Элифас Леви услышал, как Александр Вейль заявил о том, что, будь он министром народного просвещения, то запретил бы чтение Данте и Горация. Подобное соединение двух авторов показалось Элифасу Леви странным, как и сама идея, и он поинтересовался у Вейля — почему? — Да потому, ответил ему автор книги «Mismorimes»[1], что первый слишком труден для чтения, а второй — тривиален. Элифас Леви ничего больше спрашивать не стал и, пожав плечами, удалился.

Один из вечеров выдался особенно задушевным. Ш. Фовети объяснял принципы своей «Всемирной религии» («La Religion Universelle»); Дебарролль щедро раздаривал сокровища своего пылкого вдохновения, и ему внимала его будущая жена — госпожа Клементина Паскье, та самая, которую он называл «Парижской посвященной»[2], — со своей матерью, госпо-

---

[1] A. Weill. *Mismorimes. Hymnes de l'âme* («Гимны души»). Paris, Dentu, 1860, in-12.

[2] Ad. Desbarrolles. *Les Mystères de la Main* («Тайны руки»). Paris, Libr. du Petit Journal, 1869. См. последнюю страницу этой книги. Можно отметить, что виньетка

жой Обри. Доктор А. Фавр[1] постоянно иронизировал над всем подряд, за исключением тех минут, когда он выстраивал свои тезисы неистового социализма; Луи Лукас доказывал Элифасу Леви свои теории, и тот молча выслушивал его парадоксы, иногда лишь позволяя себе удовольствие прочесть в ответ какое-ни-

---

обложки представляет Дебаролля, читающего линии руки «Парижской посвященной». Госпожа Дебаролль была женщиной в высшей степени справедливой, с элегантной и правильной речью, чей тонкий и изящный взгляд не замедлил проникнуть в хиромантическую науку раньше, чем это сумел сделать ее муж. Она умерла в 1869 г.

[1] Доктор Анри Фавр был рьяным лаватерьянцем и адептом астрологии. Родился в Пуатье 10 февраля 1827 г., умер 23 мая 1916 г. в Рош-Премари (департамент Вьенн).

Это был приятный человек с яркой индивидуальностью. Наделенный удивительной ясностью ума, почти удвоенным зрением, он угадывал малейшие сердечные секреты, проникал в тайну души и с одного взгляда обнаруживал самые хитрые телесные недуги. Его блестящая речь иногда воспринималась с трудом из-за его необычной фразеологии.

Как врач он интересовался динамическим управлением электричества. Его перу принадлежит «Etude sur le développement de la série naturelle», 1852, 2 vol. in-16. В 1863 г. возглавил журнал «La France Médicale».

Как литератор он написал книгу «Бальзак и настоящее время, подробный анализ произведений “Человеческой комедии”» (*Balzac et le temps présent, analyse judicieuse des œuvres de* La Comédie humaine. Paris, 1888).

Как христианский оккультист, он публиковал под псевдонимом Старый кельт (Un Vieux Celte), настоящую космогоническую драму под названием «Небесные битвы» (*Batailles du Ciel*. Paris, Chamuel, 1892, 2-й том. in-8), затем уже под своей фамилией — обширное теософическое исследование Библии (1872), и своего рода автобиографию «Семейные ларцы » (*Les Coffrets de Famille*. Paris, Rudeval, 1905, in-16).

будь стихотворение наизусть, так как у него была феноменальная память.

Суровая принципиальность Элифаса Леви не позволяла ему долго поддерживать дружеские отношения. Так и дружбе с Дебарроллем вскоре пришел конец. Дебарролль был вплотную занят укреплением собственной репутации, а заодно и состояния, так что, как нам думается, с вполне заслуженной иронией, великий каббалист как-то раз назвал его «учителем фехтования»[1].

> Это отнюдь не серьезный специалист оккультных наук, — *утверждает он, говоря о хироманте*, — а просто умный человек, играющий с периферийными областями знания и никогда не проникающий в его глубины[2].

И дал ему весьма жесткую оценку во второй части своей книги «Легенды и символы» («Les Fables et Symboles»)[3].

Дебарролль дал понять, что Элифас Леви многим обязан ему в своих научных изысканиях. Это совершенно не соответствует истине, наоборот, именно под руководством Элифаса Леви Дебарролль изучал каббалу.

После периода очень близких дружеских отношений Элифас Леви и Дебарролль, люди совершенно разные по характеру и темпераменту, полностью охладели друг к другу. Практичный и сообразительный Дебарролль упрекал Элифаса Леви за то, что тот не умел зарабатывать деньги; однако наш ученый не понимал, что на нем делают состояние.

---

[1] Дебарролль слыл искусным фехтовальщиком.

[2] Correspondance, t. I.

[3] Éliphas Lévi. *Fables el Symboles.* Paris, L'Auteur, 1863, in-8. P. 388 et 389.

Дебарролль был единственным учеником Элифаса Леви в хиромантии[1]; в благодарность за то, что тот руководил его первыми шагами в этой науке, Дебарролль опубликовался в своем труде «Тайны руки» («Les Mystères de la Main»), анализ руки Учителя, в каких-то моментах весьма точный, а в некоторых абсолютно ошибочный.

Мы воспроизводим его дословно:

> *Хирогномия*. Рука короткая, толстая и жирная: способность к чувственным наслаждениям, расположение скорее к синтезу, чем к анализу, понятие общего.
>
> Очень короткий большой палец: нерешительность, недостаток твердости, энтузиазм, упадок духа, равнодушие.
>
> Гладкие пальцы: впечатлительность, самопроизвольность суждения, артистическое чувство.
>
> Остроконечные пальцы: любовь к чудесному, стремление скорее к жизни мечтательной, чем реальной, экзальтация, экстаз.
>
> Философский узел: тяга к разъяснению причин, сомнение, борьба между увлечениями веры и потребностью дать самому себе отчет, потребовать у веры доказательств; склонение, по причине короткого большого пальца, то к одному, то к другому чувству; любовь независимости, вследствие наличия философского узла, более логики, выражаемой двумя первыми суставами большого пальца, чем воли.

---

[1] В предисловии к первому изданию «Тайны руки» можно прочитать следующее: «Хиромантия, эта странная, долгое время непризнаваемая наука, была восстановлена в правах ученым, наделенным огромной эрудицией — Элифасом Леви. Он приобщил к оккультным наукам знающих людей... Но в хиромантии лишь мы вправе называться его учеником». Из последующих изданий эти строки были изъяты.

Мы могли бы продолжить этот хирогномический анализ, однако госп. А. Констан, как хиромант, заслуживает в первую очередь хиромантических выводов.

Поэтому взглянем на эту руку с таковой точки зрения.

Хиромантия. 1. Очень развитый бугорок Юпитера, — важный бугорок в руке: очень большая гордость, честолюбие, обращенное к научному величию, как означают все ярко выраженные линии руки, религиозная восторженность, вследствие порывов, побеждаемая философским узлом.

2. Жизненная линия, изломанная при рождении: болезненное детство, опасность смерти, продолжительная болезнь в молодых летах.

3. Треугольник, кольцо Соломона, который присоединяется и снова изламывается у линии жизни, но сохранен линией другой руки: жизнь, с младенчества посвященная сокровенным наукам. Циркуль и наугольник: роковое и неодолимое влечение к магическим наукам.

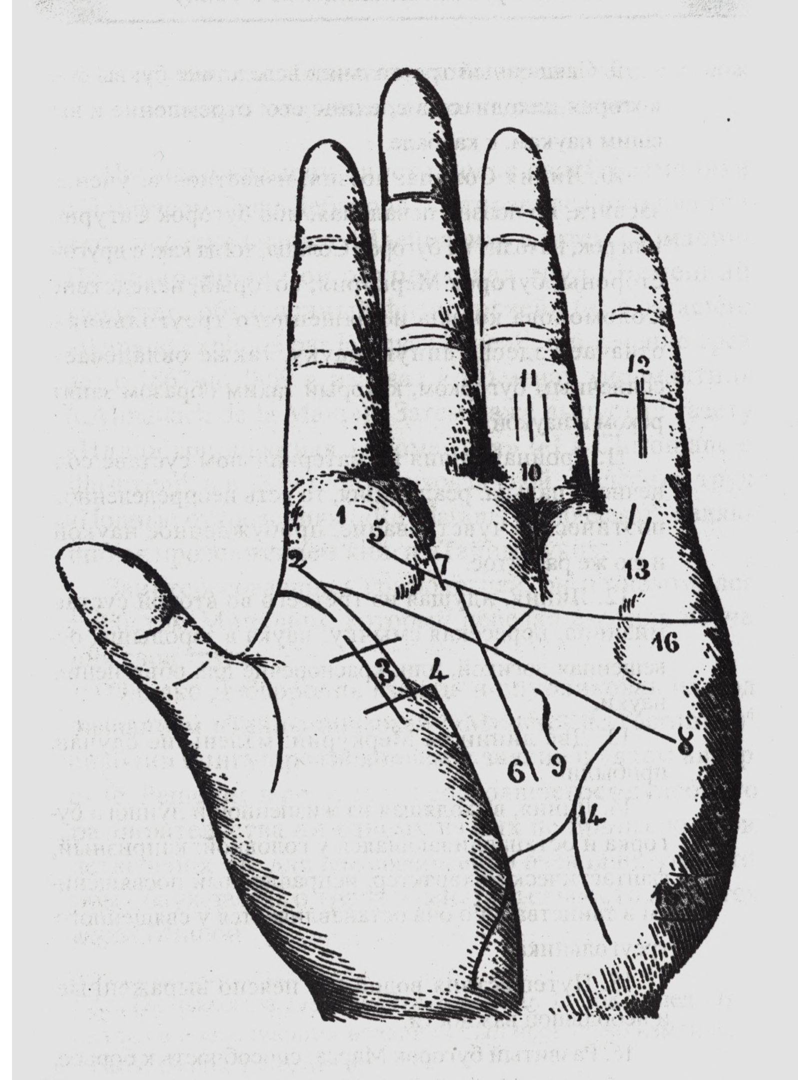
4. Измененное существование, новая жизнь, выходящая из треугольника: простуда груди (воспаление легких), смертельная болезнь, большая опасность смерти.

5. Богатая и длинная линия сердца: наклонность, расположение любить, множество привязанностей; она выходит из бугорка Юпитера — это знак честолюбия, гордости.

6. Линия Сатурна (счастья), останавливающаяся у линии сердца: счастье, разрушенное привязанностью.

7. Порез на линии сердца: нравственная рана, сердечное страдание.

8. Длинная головная линия, несколько нисходящая к Луне: суждение, слишком часто управляемое миражами кипучего воображения.

Рука Элифаса Леви

9. Священный треугольник вследствие буквы *йод*, которая находится в средине его: стремление к высшим наукам, к каббале.

10. Линия Солнца: поэзия, известность, ученая заслуга, но поэзия печальная, ибо бугорок Сатурна, или рок, находит на бугорок Солнца, тогда как, с другой стороны, бугорок Меркурия, который, вследствие Соломонова кольца и священного треугольника, означает здесь тайную науку, также овладевает солнечным бугорком, который таким образом занят роком и наукой.

11. Тройная линия на материальном суставе солнечного пальца: реализация, то есть неопределенное поэтическое чувствование, пробужденное наукой и ею же развитое.

12. Линия, идущая из третьего во второй сустав мизинца, пересекая смычку: наука в зародыше, освещенная логикой, или: красноречие для объяснения науки.

13. Две линии на Меркурии: маленькие случаи прибыли.

14. Линия, выходящая из жизненной и лунного бугорка и останавливающаяся у головной: капризный, фантастический характер, исправленный посвящением в таинства, ибо она останавливается у священного треугольника.

15. Путешествия водой, но неясно выраженные и небольшой важности.

16. Развитый бугорок Марса: способность к борьбе, сила сопротивления, даже беззаботность и инерция, особенно возбужденная гордостью, ибо Юпитер господствует в руке. Вторая рука представляет различие только в линии сердца, которая, окружая указательный палец (Юпитера), составляет то, что называют кольцом Соломона, то есть прорицание в герметических и посвящение в сокровенные науки; даже без

изучения их. Это новое удостоверение того, что можно назвать непреложным предопределением[1].

Немного времени спустя после своей размолвки с Элифасом Леви Дебарролль отправился путешествовать, посетив вначале Швейцарию, а затем Германию. По возвращении он опубликовал труд «Немецкий характер, объясненный физиологией» («Le caractère allemand expliqué par la physiologie»)[2], и в течение трех лет с 1867 по 1869 г. издавал «Альманах хиромантии» («Almanach de la Main»)[3]. Затем даже выпустил газету «Иллюстрированная хиромантия» («La Chiromancie illustrée»)[4], а в 1879 г. опубликовал свой последний труд «Полные откровения» («Révélations complètes»)[5], являющийся продолжением книги «Тайны руки».

Заинтересовавшись графологией, он познакомился с аббатом Мишоном, который передал ему для изучения свои труды.

Однако Дебарролль взял да и опубликовал их под названием «Тайны почерка» («Mystères de l'écriture»)[6], снабдив книгу предисловием и заявив о своем авторстве. Решение в результате состоявшегося судебного разбирательства ни одному из них не принесло удовлетворения. Но для нас совершенно очевидно, что автором обсуждаемого труда в действительности является аббат Мишон[7].

---

[1] Ad. Desbarrolles. *Les Mystères de la Main.* С. 368 и след. Этот анализ в последующих изданиях был несколько изменен.

[2] Paris, Dentu, 1866, in-16.

[3] Paris, Librairie du Petit Journal, 3 vol. in-12. С гравюрами.

[4] «La Chiromancie illustrée», еженедельное издание. С 3 июня 1869 до 18 августа 1870 г. вышло 57 номеров формата *in-folio*.

[5] Paris, L'Auteur. (Новое издание.) Paris, Vigot, 1922, gr. in-8.

[6] Paris, Dentu, 1872, in-16.

[7] Abbé Michon. *La Graphologie* («Графология», 2-й год издания). 1873, in-folio. E. de Vars. *Histoire de la Graphologie* («История графологии»). Orléans, Baschet. 1874, in-16.

Дебарролль умер 13 февраля 1886 г., в Париже, в доме № 95 на бульваре Сен-Мишель.

Если хиромантию[1] Элифас Леви изучил весьма основательно, то об астрологии этого сказать нельзя. Эта наука интересовала его лишь с точки зрения каббалы. Так, он решил провести опыт, используя метод Кардана, и сделанные им выводы оказались весьма убедительными[2].

По настоянию друзей Ш. Фовети[3] и Кобе, которые оба посещали ложу Великого Востока, Элифас Леви стал масоном[4]. Он был посвящен 14 марта 1861 г. в ложе Роза Совершенной Тишины, в которой Кобе являлся почетным членом. Церемония состоялась в присутствии большого количества братьев.

В своей речи во время посвящения Элифас Леви, к немалому удивлению всех присутствующих, не слишком склонных к парадоксам, сделал следующее заявление:

> Я пришел, чтобы вернуть Вам утраченные традиции, дать точное понимание ваших знаков и эмблем,

---

[1] Элифас Леви не оставил никаких рукописей о хиромантии, за исключением нескольких писем, касающихся этой темы.

[2] Éliphas Lévi. *Dogme et Rituel de la Haute Magie*. 1861. P. 315 и след.

[3] Ш. Фовети был президентом ложи Renaissance par les Emules d'Hiram.

[4] «Несмотря на то что мы получили посвящение только от Бога и наших трудов, мы воспринимаем секрет Высокого Масонства как наш собственный. Достигнув трудами своими научного уровня, взывающего к молчанию, мы полагаем, что сердца наши скреплены скорее убеждениями, нежели клятвой. Причастность к науке обязывает ко многому, и мы никогда не обесчестим свое имя перед царственной короной розенкрейцеров. Eliphas Lévi. *Histoire de la Magie* (1860). P. 406.

а кроме того, указать цель, ради которой Ваше общество было создано[1].

Он пытался, впоследствии, доказать своим единомышленникам, что масонская символика заимствована у каббалы, но безуспешно — ему не поверили.

Тем временем мадемуазель Эжени Ш. и ее сын возвратились в Париж; услышав об этом, Элифас Леви выразил желание заняться обучением ребенка. Мать вначале согласилась, но затем между ними возникла ссора по вопросу денег, и до самой своей смерти он уже больше ни разу не увидел ни мадемуазель Эжени Ш., ни их общего сына[2]. Последний, узнав от одного из своих друзей о кончине отца, все-таки пришел проститься с ним, лежащим на смертном одре.

Учитель много работал; ему писали не только со всей Европы, но из других частей света. Благодаря ему немало образованных людей, принадлежавших к высшему кругу аристократии, приобщились к оккультным наукам.

Среди его первых учеников назовем братьев Браницки, принадлежавших к знаменитому польскому роду, их дед был видным генералом в армии Августа III.

Элифас Леви познакомился с братьями Браницки, настоящими панами как по крови, так и по духу: граф Александр попросил у него экземпляр недавно вышедшего второго издания «Учения и ритуала высшей магии»[3]. Элифас Леви незамедлительно удовлетворил его просьбу, и граф в благодарность вручил ему пятьсот франков и пригласил к себе в гости.

---

[1] Caubet. *Souvenirs* («Воспоминания»). 1860–1889. Paris, Cerf, 1893, in-18. P. 4.

[2] Ссора произошла в 1867 г.

[3] Éliphas Lévi. *Dogme et Rituel de la Haute Magie*. (Второе, дополненное издание с 24 иллюстрациями.) Paris, Germer-Bailliere, 1861, 2 vol. in-8.

Браницки жили в Вильнев-Сен-Жорж, в роскошном замке Борегар, принадлежавшем вдове великого романиста Оноре де Бальзака.

Элифас Леви быстро стал завсегдатаем дома и другом зятя мадам де Бальзак, графа Жоржа де Мнишека, видного энтомолога и человека редкого ума. Принадлежавший ему замок в Волыни считался в то время польским Версалем. Со свойственной людям такого размаха щедростью он оказал помощь Элифасу Леви.

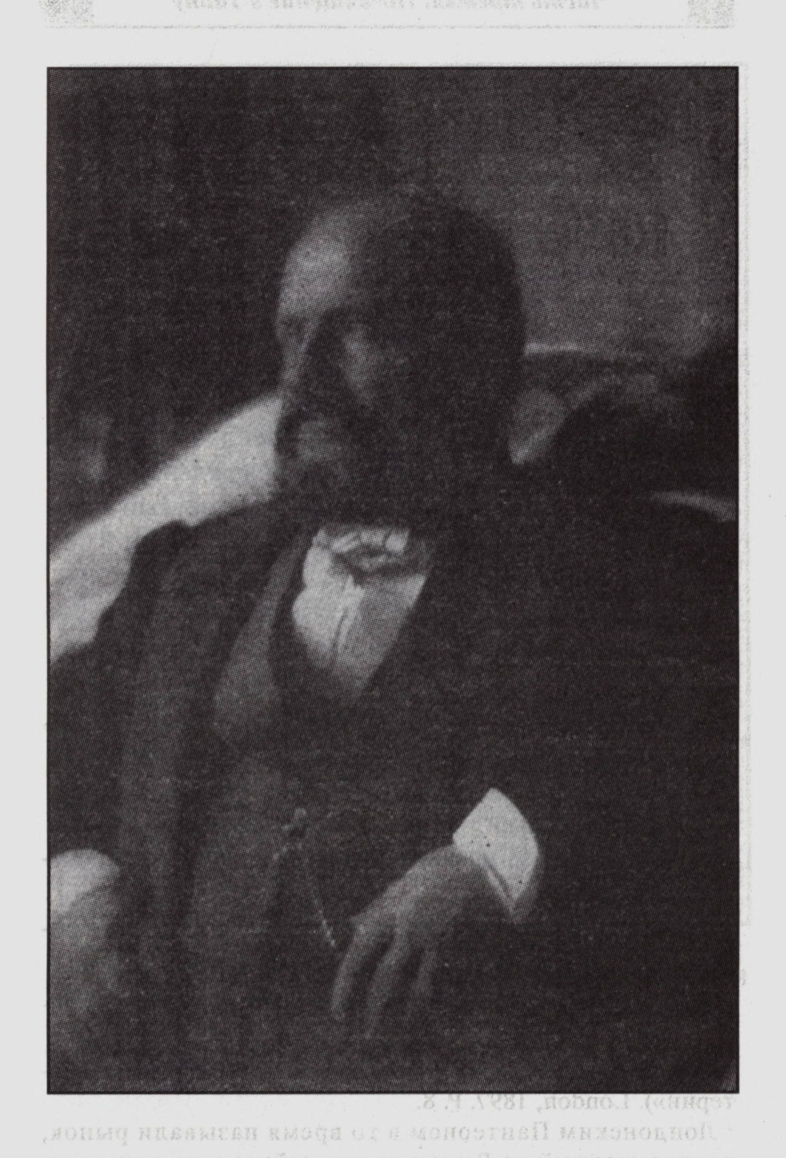
Поскольку двое из братьев Браницки, Александр и Константин, были сведущи в Высокой науке, особенно Александр, практикующий герметист, в замке Борегар имелась специальная лаборатория, где Элифас Леви вместе с Александром Браницки провел ряд экспериментов, результаты которых оказались весьма впечатляющими.

Раз в неделю Элифас Леви приезжал в замок Борегар ужинать. Ему всегда оказывали там теплый прием, с симпатией относясь к нему как к человеку и с глубоким почтением как к Учителю.

Когда молодая графиня Ж. Браницки собралась выйти замуж, Элифас посвятил ей следующие строки:

Иные промахи оставляют
шрамы навсегда.
Слова мадемуазель Браницки

Вы молоды, знатны, богаты и красивы.
Вам свадьба предстоит, и, значит, брак счастливый.
Все небом вам дано. Что я в придачу дам?
Лишь выскажу я то, что Бог не скажет вам,
Что даже ангелов низвергла в прах гордыня,
Что покаянием прославлена святыня;
Что стыдно по лбу бить, коль в шрамах он поник,
Что сломанный топтать нехорошо тростник,
Что легче б вам жилось, не будь вы так суровы,
Что для дарителя дары всегда готовы,

Элифас Леви
— 1861 —
(По фотографии, сделанной доктором Розье)

Что лоб со шрамами бывает умудрен,
И добродетелью, и знаньем озарен,
Что с Магдалиной был Воскресший спозаранку,
Что ласково Христос наставил самарянку,
Что покаяние ему дороже тех,
Которым якобы еще неведом грех.
Лишь переводчик я смиренный слов Христовых.
Вам низко кланяюсь, не чая мыслей новых.
Обеты Господу даю на благо Вам,
Не примете вы их, что знаю я и сам.

Вторая поездка Элифаса Леви в Лондон состоялась в мае 1861 г.; он поехал туда в сопровождении графа Александра Браницки с целью нанести ответный визит Бульверу-Литтону, жившему в своем владении Кнебворт, возле Лондона.

Граф Браницки познакомился с лордом Литтоном, когда приезжал к нему в 1856 г. вместе с медиумом Хомом.

Элифас Леви преподнес автору «Занони» по одному экземпляру всех трех своих опубликованных трудов, снабдив их дружеской и восторженной дарственной надписью.

Согласно Уэйту[1], Элифас Леви и Бульвер-Литтон устроили сеанс вызывания духов на вершине лондонского Пантеона[2].

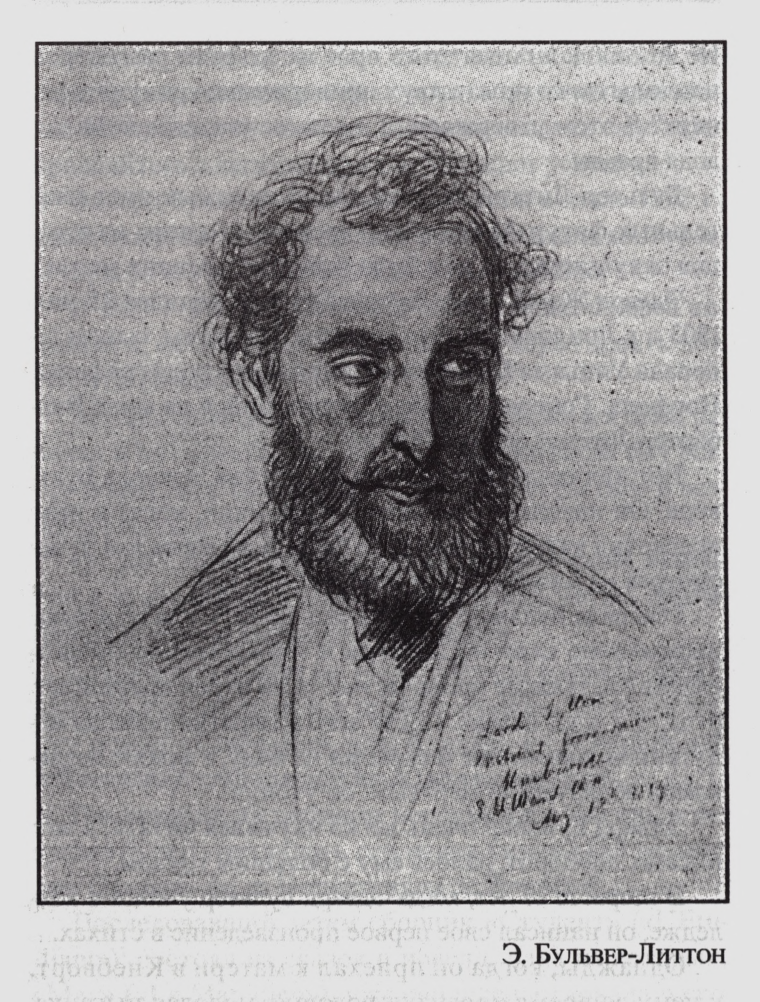
Напрашивается любопытный вывод. Магический роман лорда Литтона «Странная история» («Une Etrange Histoire»)[3] появился через год после визита Элифаса Леви.

---

[1] A.E. Waite. *The Mysteries of Magic* («Магические мистерии»). London, 1897. P. 8.

[2] Лондонским Пантеоном в то время называли рынок, расположенный на Регент-стрит, сейчас в нем располагается кафе.

[3] Первый перевод на французский язык романа «Странная история», сделанный Амедеем Пишо, публиковался в журнале «La Revue Britannique» («Британский журнал») в номерах с ноября 1851 г. по август 1862 г. Второй, адаптированный,

Э. Бульвер-Литтон

Не возникла ли идея этого произведения из разговоров и совместного опыта двух приверженцев оккультных наук? В этом утверждении, несомненно, есть немалая доля правды.

Бульвер-Литтон являлся одной из самых привлекательных фигур Англии того времени и одним из столпов оккультизма. В нем было что-то от древних магов.

Эдвард Жорж, граф Литтон-Бульвер, родился 25 мая 1803 г. в Лондоне. Он был третьим, младшим, сыном генерала Уильяма Бульвера из старинного рода графства Норфолк. Генерал Бульвер, женившийся на мисс Варбартон Литтон, умер в 1807 г.

Вот любопытный анекдот из детства Эдварда Бульвера. Он находился на руках своей няни, когда к ним подскочил какой-то человек с безумным взглядом и, посмотрев на мальчика, спросил, чей это сын.

Генерала Бульвера, призналась няня. Тогда мужчина неожиданно схватил малыша и торжественно провозгласил следующее пророчество: «Сей отрок превзойдет отца, его ждет слава». После чего возвратил ребенка испуганной кормилице и скрылся из виду, а вскоре незнакомца обнаружили мертвым: он утонул.

Эдвард Бульвер очень легко научился читать, а вот письмо, наоборот, далось ему с большим трудом.

В возрасте 17 лет, когда Эдвард Бульвер учился в колледже, он написал свое первое произведение в стихах.

Однажды, когда он приехал к матери в Кнебворт, к нему во время прогулки подошла молодая цыганка и, взглянув на его руку, заявила: «Вам предстоит учиться многим странным вещам». Потом, по его просьбе, она

принадлежащий мадмуазель М. Паскаль, публиковался в «Le Théosophe» («Теософ»), 1911, но не был доведен до конца. Третий перевод, М.Ж. Тюиля, печатается с июля 1920 г. в журнале «Voile d'Isis». Он выйдет отдельным изданием в 2-х книгах в издательстве братьев Шакорнак.

отвела его в табор, однако через несколько дней Эдвард Бульвер вынужден был уехать: так повелели звезды. На прощание молодая цыганка сказала ему: «Отправляйтесь с легким сердцем, Вас ждет успех!»

Эдвард Бульвер покинул Кембридж в июле 1825 г., удостоившись золотой медали в поэтическом конкурсе. И карьера его развивалась более чем успешно.

В 1827 г. Бульвер женился, однако брак, по всей видимости, не оказался счастливым, и через девять лет супруги развелись.

За годы семейной жизни он много, не жалея себя, работал и путешествовал. Литература принесла ему все, что может дать творчество художнику: страстное и всепоглощающее наслаждение.

Он знал латинский, греческий, французский, немецкий и итальянский языки; ему нравилось читать оригинальные тексты классиков философии.

Скорее всего, еще до 1833 г. Эдвард Бульвер начал изучать оккультизм, и в первую очередь астрологию. Его роман «Годольфен, или Клятва» («Godolphin, ou le Serment»)[1] стал плодом этих первых занятий.

Постепенно он целиком погрузился в магию, в результате чего появилась его новая книга «Последние дни Помпеи» («Les Derniers jours de Pompeï»)[2].

Последовавший затем сборник «Студент» («L'Etudiant»)[3] состоял из сказок и новелл, одна из которых, «Маг» («Le Magicien»), уже свидетельствовала о его глубоких познаниях в алхимии.

---

[1] Лондон, 1833. Первый перевод на франц. яз. сделан мадемуазель Собри. Paris, Dumont, 1836, 2 vol. in-8.

[2] Лондон, 1834, Первый перевод на франц. яз. сделан А. Пишо, Paris, Fournier, 1835, 2 vol. in-8.

[3] Лондон, 1835, Первый перевод на франц. яз. сделан А. Пишо, Paris, Fournier, 1835, 2 vol. in-8.

К 1842 г. тяга к оккультному вытеснила все другие его увлечения, при этом он более тяготел к магии, чем к каббале.

Эдвард Бульвер изучил высокую Науку, обращаясь к самым удивительным тайнам, и быстро проник в духовный мир, вполне способный, по его утверждению, «разрушить всю метафизику»[1].

Написанный им в это время роман «Занони»[2] считается одним из главных его шедевров, однако основная часть этого произведения, над замыслом которого автор очень долго размышлял, появилась за четыре года до этого в «The Monthly Chronicle» под названием «Зиччи» («Zicci»).

В «Занони» немало отрывков, преисполненных подлинной красоты, а его герой Меджур — подлинный символ чистоты и духовного совершенства.

Эдвард Бульвер не верил в спиритизм. Он видел в нем лишь загадочное ясновидение, передающееся от одного человеческого мозга к другому, что же касается духов, то в них ему виделось некое соответствие феям или ангелам[3].

Считается, что рассказ «Дом с привидениями» («La Maison hantée»)[4] обязан его пристрастию ко всякого

---

[1] Письмо лорду Уолполу, июнь 1853 г.

[2] Лондон, 1842. Первый перевод на франц. яз. сделан мадемуазель Собри. Bruxelles, 1842, 2 vol. in-8, 2 vol. in-12. Оба издания снабжены предисловием, которое в изданиях издательства «Hachette» 1858, 1862 и 1882 гг. было снято. Наш коллега Э. Нуррье, переиздав последнюю из перечисленных книг (в переводе Шелдона) под редакцией П. Лорена, снабдил ее предисловием, комментарием и украсил двадцатью оригинальными рисунками Р. Ланца: Paris, 1924, in-16. Комментарий к «Занони» принадлежит мадемуазель Х. Мартино. Впервые он был включен в 1853 г. в английские популярные издания.

[3] Lette à son fils («Письмо сыну»), juin 1853.

[4] Londres, 1857. Перевод на франц. яз. Р. Филипон. Paris, Chamuel, 1894, in-8.

рода странным таинственным жилищам, которые он заселял игрой своего богатого воображения.

В Кнебворте Эдварда Бульвера обзывали «старым колдуном», отчасти справедливо, так как он обладал обширными оккультными способностями[1].

Его лучшим произведением, наиболее ясным и глубоким, безусловно, следует назвать роман «Странная История» («Une Etrange Histoire»)[2], появившийся в 1862 г. Впервые он был опубликован на страницах «Ail the year round». В нем можно найти немало очень точных описаний практической магии.

Став в 1861 г. великим Магистром общества розенкрейцеров Англии, а это звание выше, чем звание venerable, он всегда хранил в том, что касалось его отношений с этим обществом, полное молчание.

Свое последнее оккультное произведение «Будущая раса» («La Race future»)[3] Бульвер-Литтон опубликовал в 1871 г. без указания имени автора. В нем описывается история воображаемой расы, живущей под землей, которая не только достигла высокого уровня цивилизации, но и обладает некой мистической силой, именуемой *Вриль*. Это понятие, аналогичное «астральному свету», было вдохновлено автору чтением произведений Элифаса Леви.

Бульвер-Литтон тихо угас 18 января 1873 г. в городе Торке. Тело его покоится в часовне Сейнт-Эдмундс в Лондоне.

Так завершилась жизнь адепта братства розенкрейцеров, таинственного общества, которое существует и по сей день, не имея никакого названия, способного выделить его из других обществ.

---

[1] Taudriadelta. *Un magicien moderne* («Современный маг»). Перевод на франц. яз. Г. Тамоса опубликован в журнале «Le Voile d'Isis» № 46, oct. 1924. P. 673.

[2] См. сноску на с. 277.

[3] Перевод на франц. яз. Рауля Фрари. Paris, Dentu, 1888, in-16.

Будучи в Лондоне, Элифас Леви неоднократно посещал Эжена Винтра[1] жившего на Мэрил-бон-роад, в доме № 33[2].

Первая их встреча состоялась 4 мая 1861 г. Аббат Бретон, приведший Элифаса Леви к Винтра, оставил мужчин наедине, однако их разговор не вышел из рамок вежливого обмена любезностями. Но на следующее утро Учитель пришел снова, уже в сопровождении графа Браницки, и у них состоялась с Винтра долгая беседа. Шестого числа они присутствовали на «Жертвах», прославленных Пьером-Мишелем.

По словам аббата Бретона[3], Элифас Леви пришел в восхищение как от разговора с Винтра, так и от молитв обряда на горе Кармель. Однако сам Учитель опровергает подобные утверждения:

> Винтра, хотя и неграмотный рабочий, наделен очень странной, непостижимой уму властью. Он в одно мгновение считывает сознание подходящих к нему людей и легко воспроизводит мысли даже тех, кого видит впервые. Когда я пришел к нему, то увидел перед собой кривошеего человека с ханжеским выражением лица... Но стоило ему услышать мой голос, как все его тело тотчас преобразилось: он выпрямился, поднял голову и открыто взглянул на меня, после чего заговорил, используя мой тон и мои жесты, да так, словно

---

[1] См. с. 237.

[2] Элифас Леви нанес визит Винтра по совету аббата Шарвоза («La Clef des Grands Mystères». P. 159).

[3] В «Annales initiatiques» («Анналы посвящения»), № 18, 1924, опубликовано письмо аббата Бретона с рассказом о состоявшейся встрече. Мы, однако, убеждены, что Элифас Леви не примкнул к движению, возглавляемому Винтра и этот документ намеренно искажает ход событий (См.: *La Science des Esprits*. P. 289–302 и Stanislas de Guaita. *Le Temple de Satan* («Храм Сатаны»). P. 436–445).

прекрасно знал все то, что знаю я сам. Он извергал из себя слова как сомнамбула, будто находясь под гнетом моего влияния. На следующий день я свел его с одним из моих друзей, и тот даже заподозрил, что Винтра его передразнивает, разузнав о нем все заранее, настолько точно он воспроизводил его манеру говорить, и это при том, что мой друг еще рта не раскрыл[1].

Элифас Леви *купил* у Винтра его труд «Вечное Евангелие» («Evangile Eternel»[2]), «прелюбопытный, чуть ли не колдовской документ, полный самых причудливых отражений Науки, порожденных беспорядочным движением астрального света»[3].

Эти несколько строк Элифаса Леви доказывают, что Винтра был не пророком, а медиумом.

Вернувшись в Париж, Учитель возобновил свою работу, и вскоре появился его роман «Колдун из Медона» («Le Sorcier de Meudon»)[4]. Этот роман, частично основанный на реальных событиях, поскольку опирается на историю жизни самого Элифаса Леви, содержит на своих страницах не только описание величественной науки Магии, но и много полезных практических советов. Автор посвятил его госпоже де Бальзак в память о восхитительных вечерах, которые он провел в замке Борегар[5].

[1] Correspondance, t. I.

[2] Londres, Trubner et Cie, 1857, in-8.

[3] Correspondance, t. I.

[4] Paris, Librairie Nouvelle, 1861, in-16. Одна часть издания представлена под именем А. Констана; другая — Элифаса Леви. Договор предусматривал выплату издателю 10% со стоимости каждого проданного экземпляра книги.

[5] Мы держали в своих руках экземпляр книги «Ключ к великим тайнам», с посвящением госпоже де Бальзак и ее дочери, герцогине де Мнишек (Bibl. de M.M.).

После своего возвращения из Лондона Учитель постоянно присутствовал на масонских собраниях, проходивших на улице Каде. Но 24 мая ложа *Роза Совершенной Тишины* была закрыта вследствие того, что президент ложи Кобе выступил с осуждением действий принца Мюрата, занимавшего тогда должность Гроссмейстера ордена[1].

Некоторое время спустя после того, как ложа возобновила свою деятельность, а именно 21 августа 1861 г. Элифас Леви получил степень Мастера. Когда на следующий месяц его пригласили выступить, он произнес большую познавательную речь о тайнах инициации[2]; когда же еще один брат, господин Ганеваль[3] выразил желание сделать несколько замечаний по поводу услышанного, Элифас Леви запротестовал и покинул собрание. На следующий день Кобе[4] попробовал уговорить Элифаса Леви пересмотреть свое решение, однако тот отказался и больше в ложе не появлялся[5].

---

[1] Поскольку полномочия принца Мюрата заканчивались в октябре 1861 г., было созвано законодательное собрание для проведения новых выборов. Они состоялись 23 мая. Гроссмейстером был избран принц Ж. Наполеон, что вызвало острую полемику. Декретом принца Мюрата выборы были перенесены на октябрь, а префект Сены подписал постановление о закрытии лож. В октябре выборы не состоялись. Императорским декретом от 11 января 1862 г. во главе французского масонства был поставлен маршал Маньян.

[2] Эта речь, вероятно, воспроизведена в главе «L'Etoile Flamboyante» («Горящая звезда»), включенной в книгу *Le Livre des Splendeurs* («Книга великолепий»). P. 169.

[3] Профессор Л. М. Ганеваль был членом ложи «La Renaissance par les Emules d'Hiram».

[4] Жан-Мари Лазар Кобе стал муниципальным советником V[e] округа и вице-президентом Муниципального совета Парижа. Издавал газету «Le Monde Maçonnique» («Масонский мир») с 1873 по 1879 г.

[5] Ввиду отказа Элифаса Леви присутствовать на заседаниях ложи, его без всяких формальностей просто исключили из

> Я перестал быть франкмасоном, — *рассказывает он*, — потому что франкмасоны, отлученные Папой от церкви, считали себя вправе отвергать католицизм; вот и пришлось отойти от них, чтобы соблюсти мою свободу совести и не участвовать в чинимых ими гонениях, возможно, и простительных, если даже не законных, но, без всякого сомнения, страдающих непоследовательностью, ибо сама суть масонства заключается в терпимости ко всем религиозным культам[1].

В декабре 1861 г., 3 числа, Учителю нанес визит «научный депутат», член Общества розенкрейцеров Англии, господин Кеннет Маккензи, специально приехавший из Лондона для встречи с ним[2].

Итак, господин Маккензи отправился в дом № 19 по улице Мэн:

> Я обнаружил, — *расскажет он позднее*, — на одной из дверей небольшую табличку с начертанными на ней еврейскими буквами «Элифас Леви»; в каждом из ее углов была изображена одна буква, все вместе образующие священное слово «Inri»; надпись на еврейском языке была выполнена в трех цветах: красном, желтом и синем.

списка ее активных членов. (См.: *Pinon. Annuaire Maçonnique de tous les Rites* («Масонский обзор всех ритуалов»). Paris. 1861–1842. P. 121). После 1885 г. ложа Роза Совершенной Тишины активной деятельности не проявляла.

[1] ÉLIPHAS LÉVI. *Le Livre des Sages* (Посмертное издание). Paris, Chacornac, 1912, in-8. P. 13.

[2] Рассказ об этой встрече, продиктованный господином Маккензи одному из братьев общества, появился в майском номере «The Rosicrucian and the Red Cross», 1873 г., а затем в переработанном виде — в декабре 1921 г. в «The Occult Review».

> Я постучал, дверь мне открыл сам Элифас Леви... Передо мной стоял человек среднего роста и крепкого телосложения, с загорелым лицом, его маленькие с проницательным взглядом глаза ярко сверкали, излучая добродушие; над тонкими, четко очерченными губами тянулась полоска усов; густая черная борода скрывала нижнюю часть лица. Одет он был просто и строго. Приветствуя меня, он снял сдвинутую на лоб фетровую шляпу, и я увидел, что он почти лыс.

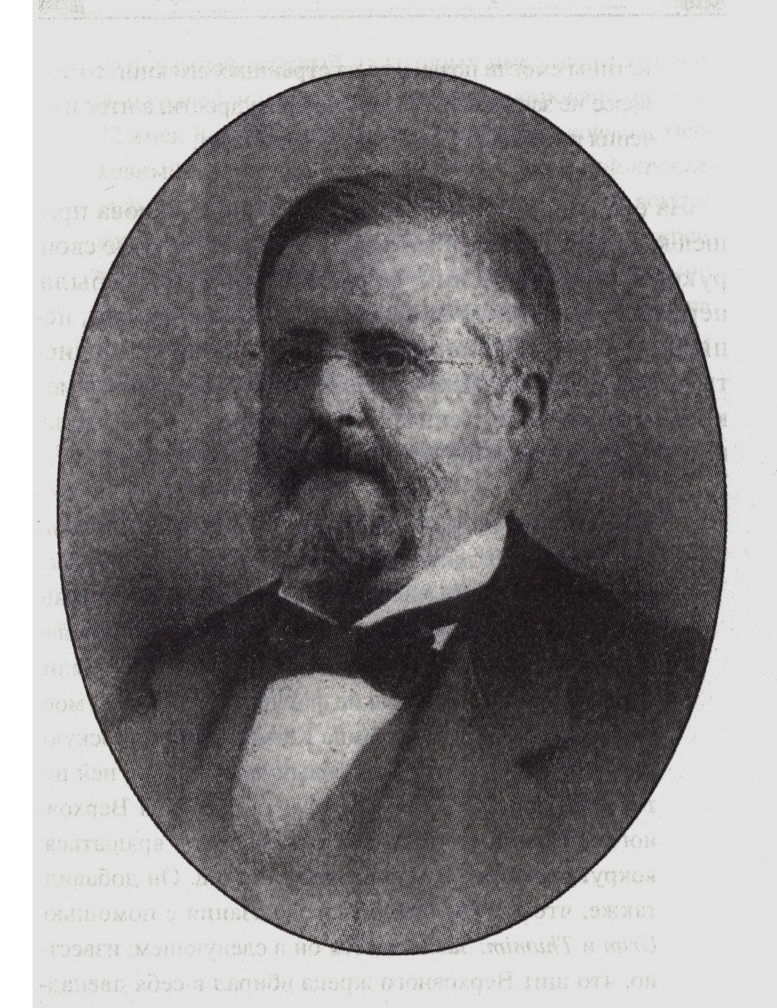
Когда господин Маккензи представился и объяснил цель своего визита, Элифас Леви ответил, что для него большое удовольствие принять его у себя и что он счастлив узнать о высокой оценке его трудов в Англии[1].

Когда речь зашла о Таро, господин Маккензи поинтересовался у Элифаса Леви, собирается ли тот по-прежнему опубликовать полное описание карт, как им было обещано в «Учении и ритуале высшей магии», на что Элифас Леви ответил ему, что он действительно имеет такое намерение.

> Тогда он показал мне тетрадь, в которой его рукой были нарисованы 22 главные карты, в соответствии с самыми авторитетными оригинальными источниками, — *продолжает свой рассказ господин Маккензи.* — Эта тетрадь содержала также большое количество эмблем теургии и черной магии, почерпнутых из «Ключей Соломона». Он добавил, что подобная реконструкция Таро потребовала от него более двадцати лет тяжелого труда и что, если некоторые великие

---

[1] «Мой гость, — *свидетельствует Элифас Леви*, — был весьма образован, но мало увлечен магическими и магнетическими экспериментами, — *а затем добавляет:* — Англичане любопытны до инфантильности и понимают исключительно факты и внешние проявления». Correspondance, t. I.

Барон Н.-Ж. Спедальери

истины смогли появиться на страницах его книг, то это вовсе не заслуга его собственной мудрости, а итог изучения различных комбинаций карт Таро[1].

На следующий день господин Маккензи снова пришел к Элифасу Леви, и тот показал ему остальные свои рукописи. Одна из них, форматом ин-кварто, была переплетена в богатый переплет, а все страницы, исписанные синими чернилами, украшали каббалистические рисунки, выполненные в трехцветной гамме: красный, желтый и синий. Эта рукопись содержала комментарий по книге Иезекииля и по Апокалипсису[2].

Наш разговор, — *добавляет господин Маккензи,* — коснулся также предметов для гадания, называющихся *Urim* и *Thumim*, а также щита Аарона. Элифас Леви достал из небольшой папки рисунок, изображавший Ковчег Союза, во всех четырех углах листа были нарисованы символические фигуры. Он обратил мое внимание на то, что вершина Ковчега имеет плоскую поверхность и достаточно большую, чтобы на ней не только поместился щит Аарона, то есть щит Верховного жреца, но и чтобы тот мог свободно вращаться вокруг своей оси в любом направлении. Он добавил также, что постиг способ предсказания с помощью *Urim* и *Thumim*. Заключается он в следующем: известно, что щит Верховного жреца вбирал в себя двенад-

---

[1] *Les Clavicules de Salomon* («Ключи Соломона», восстановленные, дополненные и снабженные комментариями Элифаса Леви, профессором высшей магии). 1860. Рукопись, in-4, pl. chagr. viol. tr. r. (Bibliothèque de M. P. Ш.).

[2] Описание соответствует рукописи, опубликованной нашим коллегой М.Э. Нурри под заголовком *Les Mystères de la kabbale ou l'Harmonie occulte des deux Testaments* («Тайны Каббалы, или Оккультная гармония двух Заветов»), Paris, 1920, gr. in-8.

цать камней, каждый из которых имел шесть сторон, или граней, и на каждой было выгравировано одно из 72 имен Бога. Поместив щит на вершину ковчега, Верховный жрец произносил молитву с просьбой просветить его разум, а затем начинал вращать щит вокруг его оси, когда же тот останавливался, Верховный жрец смотрел, как четыре животных отразились в камне людей, относительно которых был задан вопрос, и на этой основе в сочетании с выпавшим Божественным именем провозглашал свои предсказания.

В заключение Элифас Леви заявил, что вся Каббала полностью сокрыта в *Urim* и *Thumim*[1].

Господин Маккензи от всей души поблагодарил Учителя и отправился в обратный путь в Лондон, находясь под сильнейшим впечатлением от состоявшейся встречи[2].

---

[1] *Urim* и *Thumim*, то есть «Свет» и «Тьма» — названия двух застежек с крупными жемчужинами, украшавших щит. Расположение этих застежек определяло окончательный смысл предсказаний оракула.

[2] Kenneth R.H. Mackenzie. *The Royal Masonic Cyclopædia of History, Rites, Symbolism, and Biography* («Королевская масонская энциклопедия истории, ритуалов, символов и биографий»). London, 1877 in-8. P. 450.

Глава XIII

Элифас Леви и барон Спедальери. — Переписка Элифаса Леви с учеником. — Ж. А. Вайан. — А. Берте. — Поэма, посвященная Виктору Гюго. — Будни Элифаса Леви; посетители его музея. — «Легенды и символы». — Спиритический круг. — Луи Лукас. — Противники Учителя. — Польская революция. — «Обращение Польши к Франции». — А. Пеццани и лионская «Правда». — Аббат Гетте. — Э. Ренан. — Воспоминания Хоума. — Пьер Леру. — П. Кристиан

Среди представителей интеллектуальной элиты, которые в течение долгих лет гордились своей учебой у Элифаса Леви, надо особо выделить барона Спедальери.

Барон Никола-Жозеф Спедальери, родившийся в 1812 г. в городе Бронте (Сицилия), принадлежал к старинному сицилийскому роду. Он был сыном барона Жоашима-Мари Спедальери и Мари-Каролин де Грефер. Отец его обладал обширными виноградниками и большими винными складами около Адерно (Катания), городка у подножия Этны. Один из его братьев служил офицером в итальянской армии.

Весьма сведущий в науке магов, изучению которой предавался с двадцатилетнего возраста, он начал учебу с чтения «Неизвестного философа» («Philosophe Inconnu») святого Мартена. Среди посвященных, встретившихся барону в ходе его многочисленных поездок, оказался и неаполитанский аббат, который ввел его в общество мартинистов Неаполя, а на их собраниях, говорят, можно было наблюдать любопытнейшие явления[1].

---

[1] Мартинисты Неаполя находились в психической связи с *магнетическим обществом* Авиньона, членом которого

Примерно в тридцатилетнем возрасте барон Спедальери поселился во Франции, которую потом считал своей второй родиной.

На редкость эрудированный, обладающий обширной библиотекой, он бегло говорил и на французском и на английском языках.

В июле 1861 г. Спедальери обратил внимание на стоявшую в витрине лавки марсельского книготорговца книгу «Учение и ритуал высшей магии», а когда купил ее и прочел, захотел встретиться с автором.

Проницательность, свойственная всякому настоящему адепту, позволила Элифасу Леви быстро распознать у своего нового ученика столь ценные качества, как преданность делу, увлеченность и неподдельное усердие.

Их отношения начались с того, что Учитель отправил тому, кому в ближайшее время предстояло стать его лучшим и самым искренним другом, копию рукописи «Большие ключи и ключики Соломона» («Les Clefs majeures et Clavicules de Salomon»)[1] и описание небольшого ритуала, также рукописное, вложенное в экземпляр латинского издания «Трактата о вторичных причинах» аббата Тритемия[2], своего рода оккультный комментарий к «Ключам Соломона»[3].

был доктор Бийо, автор «Переписки о витальном магнетизме» с Делезом (Correspondance sur le magnétisme vital. Paris, 1839, 2 vol. in-8). С помощью опытных медиумов общество Авиньона получало свежесрезанные цветы, относящиеся к флоре острова Крит. Когда Элифас Леви узнал об этих фактах, он живо заинтересовался ими.

[1] Рукопись была опубликована в 1896 г. (Chamuel, in-16). Готовится новое издание.

[2] Trithème (J.). *De Septem Secundeis*. Coloniæ, Birckmann, 1567, in-16 (Первый перевод на франц. яз. осуществлен Грийо де Живри). Paris. Chacornac, 1898, in-16.

[3] Рукопись Элифаса Леви имеет следующее название: *La Clavicule prophétique des Sept Esprits par J. Trithème, maître*

Переписка между Элифасом Леви и бароном Спедальери началась 24 октября 1861 г. и закончилась 14 февраля 1874 г. Эти письма превосходны от первой до последней строчки, так как представляют уникальный, очень ясный, точный и живо написанный курс каббалы, включающий в себя не только занимательные истории, оценочные описания различных людей и фактов, сделанные с редким чувством юмора[1], но и пояснительные иллюстрации.

> У меня есть двенадцать учеников, — *пишет Элифас Леви барону*, — но все находятся не в Париже. Из этих двенадцати четверо, считая Вас, — мои преданные друзья. Один из этих четырех — доктор из Берлина, еще двое — польские вельможи. Из всех четверых Вы дальше всех продвинулись в изучении теософии; доктор из Берлина добился наибольших успехов в каббале, один из польских вельмож — первоклассный ученый в герметической философии, другой с пылом предается науке, и та превратила его из обывателя, жившего ради собственного удовольствия, в человека долга и разума[2].

---

de Cornélius Agrippa, avec le Rituel magique des Clavicules de Salomon («Пророческий ключ семи духов Ж. Тритемия, учителя Корнелиуса Агриппы, с магическим Ритуалом Ключей Соломона». Эта рукопись была переведена на английский язык: *The Magical Ritual of Ihe Sanctum Regnum...* и издана У. Уинном Уэсткоттом: W. Wynn Westcott. Londres, Redway, 1896, in-16. Мы расскажем об этом издании в книге «Éliphas Lévi et son œuvre».

[1] Эта внушительная переписка включает более 1000 писем и составляет 9 томов. К этой переписке мы постоянно обращаемся в нашем исследовании. Журнал «Le Voile d'Isis» начал публиковать ее в июне–июле 1920 г. Первый том появится в 1926 г.

[2] Correspondance, t. I.

> Доктора из Берлина, о котором здесь идет речь, звали Новаковски. Поляк по происхождению, доктор Новаковски пришел в оккультную науку благодаря дервишам и потом поддерживал постоянные контакты с самыми учеными раввинами. «Это крупный каббалист и посвященный высокого уровня, — говорит о нем Элифас Леви. — Я дал ему переписать мои неизданные и самые тайные рукописи». «Вельможами» были граф Александр Браницки и граф Жорж де Мнишек.

Как только где-нибудь появлялся новый труд по оккультизму, Элифас Леви сразу же сообщал об этом барону Спедальери.

Так, рассуждая о «Магическом ключе вымысла и факта» («Clef magique de la Fiction et du Fait») Ж.-А. Вайяна[1], автора книги «Цыгане»[2] («Les Rômes»), он писал:

> Это новый труд ученого, который мог бы стать посвященным, если бы не занимался профанацией науки. Он вознамерился снять покрывало с великой Изиды. Этот человек начисто лишен здравого смысла, но знания его огромны, и его работа чрезвычайно важна для нас. Этот автор является одним из наших противников[3]. Я уже цитировал его в своих работах[4], ибо, несмотря на то что он невежествен в иерархических вопросах, я высоко ценю его исследования[5].

---

[1] Vaillant J.A. *Clef magique de la Fiction et du Fait*. Pans, Dentu, 1861, in-12. С фронтисписом и 16 литогравюрами.

[2] Vaillant J.A. *Les Rômes: Histoire vraie des vrais Bohémiens* («Цыгане: Истинная история настоящих цыган»). Paris, Dentu, 1857, in-8. С рисунками.

[3] См.: Vaillant J.A.. *Magie et Sagie* («Магия и Мудрость»). «La Revue», nov. 1855 г. P. 396 и след.

[4] Éliphas Levi. *Histoire de la Magie*. 1860 г. P. 320.

[5] Correspondance. T. И. Ж.-А. Вайян, основатель бухарестского колледжа-интерната, профессор литературы в нацио-

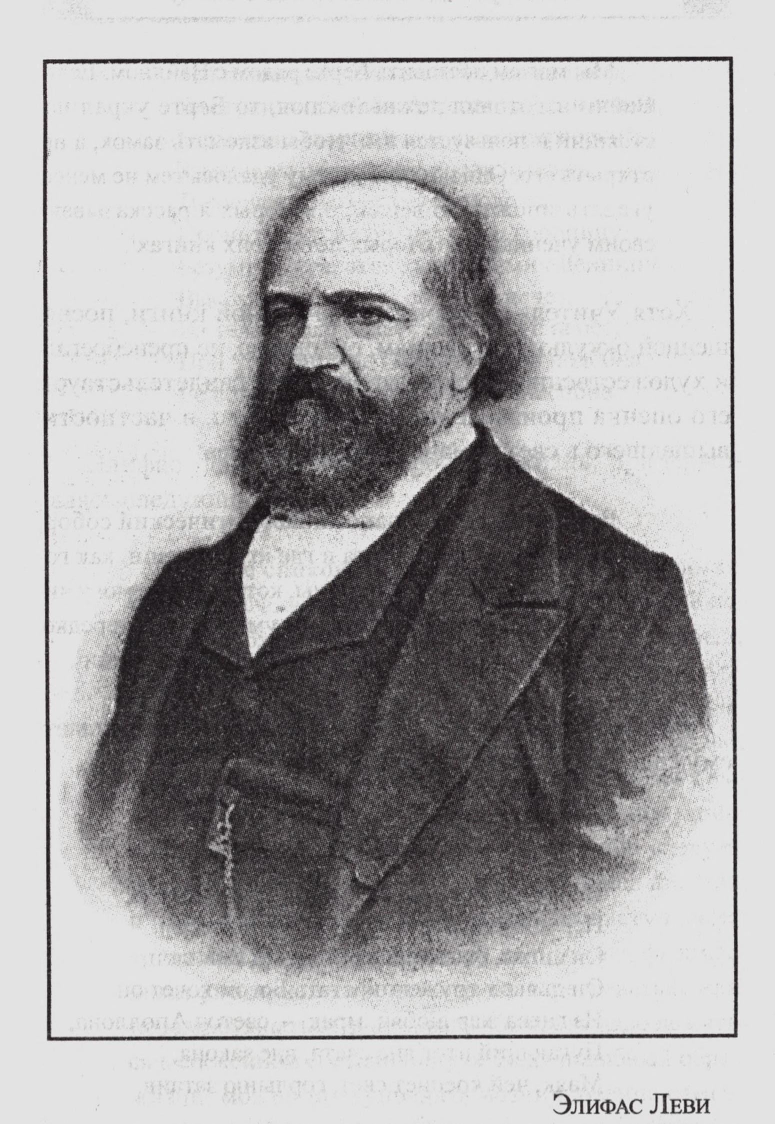
Также он отметил появление труда Адольфа Берте[1] «Апокалипсис блаженного Жана, представленный без покрова тайны» («Apocalypse du bienheureux Jean, dévoilé»)[2]. Вот что о нем пишет Элифас Леви:

нальной школе им. св. Савы в Бухаресте, долгие годы жил среди цыган, изучая их быт и традиции. Помимо вышеупомянутых произведений, им создана «Библия цыганской науки» (Bible de la Science Bohémienne. Paris, Impr. Prève et Cie 1851), единственная книга формата in-4, «Румыния» (La Romanie. Paris, Bertrand, 1844, 3 vol. in-8), «Грамматика, разговорная речь и словарь языка цыган» (Grammaire, dialogues et vocabulaire de la langue des Bohémiens. Paris, Maison-neuve, 1868, in-8). Он оставил после себя также рукопись «Новая наука» («La Science Nouvelle») в 10 частях формата in-folio, представляющую собой дополнение и развитие всех его трудов.

[1] Адольф Берте родился в Сен-Пьер-д'Албиньи (департамент Савуа) 16 декабря 1812 г., сын Берте Есташа, местного нотариуса. После учебы в Малой семинарии Сен-Пьер-д'Албиньи, в коллеже иезуитов Шамбери и в университете Турина, получил в 1837 г. звание доктора права. Поселившись в Сен-Пьер-д'Албиньи, он в течение нескольких лет работал нотариусом, после чего получил должность в суде Шамбери и до 1867 г. являлся председателем бюро юридической помощи. Начиная с этого времени он забросил свою адвокатскую деятельность и занялся изучением наук, что заложило фундамент его будущих трудов. Холостяк, Берте проводил свои отпуска в Сен-Пьере, где у него было несколько домов и где он умер 23 ноября 1875 г.

Под псевдонимом Крестьянин Сен-Пьера (Le Paysan de Saint-Pierre), он опубликовал в 1870 г. в Шамбери труд «Папизм и цивилизация перед судом Вечного Евангелия» (Le Papisme et la Civilisation au tribunal de l'Evangile éternel, 2 vol, in-8). Фронтиспис этой книги имеет немало общего с изображением Археометра («Archéomètre») Сент-Ива д'Альвейдра. Берте оставил рукопись с объяснением Книги Бытия.

[2] Bertet A. *Apocalypse du Bienheureux Jean apôtre, surnommé le Théologien, dévoilé* («Апокалипсис блаженного Иоанна

Элифас Леви
— 1862 —

> Мы можем поставить Берте рядом с Вайяном. Если Вайян изготовил ложный ключ, то Берте украл настоящий и пользуется им, чтобы взломать замок, а не открыть его. Однако последнему удалось тем не менее угадать множество вещей, о которых я рассказываю своим ученикам и которых нет в моих книгах[1].

Хотя Учитель не пропускал ни одной книги, посвященной оккультным знаниям, он, однако, не пренебрегал и художественной литературой, о чем свидетельствует его оценка произведений Виктора Гюго, в частности вышедшего в свет романа «Отверженные»:

> Его произведение напоминает готический собор, пронизанный лучами света и где играют тени, как говорит он сам. Но есть страницы, которые я не могу читать без слез, то восхищения, то умиления, а нередко он вообще поднимается до пророческой интуиции[2].

Восхищенный гением поэта, Элифас Леви посвящает ему следующее стихотворение (1862):

Виктор Гюго

На грифе в небеса взлетал он Прометеем;
Перед чудовищным огнем благоговеем.
Он ангел, он сатир; он людный Вавилон,
Он дьявол-труженик; стать Богом хочет он.
Из гнева жар любви, мрак — светоч Аполлона,
Пугающий итог вне счета, вне закона,
Маяк, чей крепнет свет, гордыню затаив,

апостола, прозванного Теологом, представленный без покрова тайны»). Paris, A. de Vresse, 1861, in-8. Второе издание вышло в 1870 г. в Шамбери с идентичным текстом, изменено лишь название и добавлено предисловие.

[1] Correspondance, t. I.

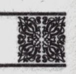
[2] Correspondance, t. III.

Чей пламенеет глаз и свой сжигает риф;
Тем грандиознее бесформенный сей гений;
Гармонию творит в нем хаос потрясений,
Замешены цвета в его крови, в огне,
Трепещет у него слеза на полотне,
Пронизывает ад он, как свою гробницу
Безумной красотой своей затмив Денницу.
Высокая мечта, чей образ не исчез,
Из тела в тело впасть обречена с небес,
При этом, истине Божественной подобна,
Ее вовлечь в свое паденье не способна.

Элифас Леви вел очень простую жизнь, придерживаясь следующих правил:

> Полное спокойствие разума, безукоризненная чистота тела, всегда ровный темперамент, скорее немного сдержанный, нежели слишком вспыльчивый, хорошо проветриваемое и сухое помещение — где ничего не валяется и ничего не напоминает о грубых потребностях жизни (мне было бы столь же стыдно, если бы у меня нашли ночную вазу, как если бы я вышел на улицу без штанов), регулярные приемы пищи в соответствии с аппетитом, по принципу: следует лишь утолить голод, но не переедать. Пища простая и питательная; работу заканчивать до наступления усталости; регулярно и в меру заниматься физическими упражнениями; никогда не перегреваться или перевозбуждаться по вечерам, ибо спать надо ложиться в спокойном состоянии духа. Ведя подобный образ жизни, можно предупредить возникновение самых различных болезней, но если они все-таки пытаются заявить о себе в виде недомоганий, то бороться с ними легко, благодаря таким простым и приятным средствам... как бокал подогретого вина для расслабления или охлаждения организма, несколько стаканов меда с водой в качестве слабительного, а также настой бу-

рачника или молока для излечения насморка. Терпение и веселое настроение доделают все остальное[1].

Что касается его отношений в обществе, то он пишет:

Окружающий мир добр по отношению ко мне. Когда я прохожу по улице, маленькие дети улыбаются. В моей келье я тоже вижу лишь доброжелательные лица. Все дышит в ней глубоким покоем. Солнце кажется в ней красивее, чем где-либо, и сияет с каким-то радостным умиротворением. Земля и вовсе стала бы для меня настоящим Эдемом, если бы рядом не страдали мои братья[2].

В том же доме, что и Учитель, жил издатель М.Л. Шауер, опубликовавший переписку неизвестного философа с бароном Кирхбергером фон Либисдорфом[3] и фрагменты его книги, посвященной Числам[4].

Элифас Леви получил от него оба эти произведения: он никогда не вникал особенно глубоко в труды святого Мартена, упрекая того в чрезмерной склонности к «пассивному мистицизму, который созерцает Слово вместо того, чтобы проникать в его активную жизнь, в чем и заключается возмужалость души»[5].

---

[1] Correspondance, t. I.

[2] Correspondance, t. II.

[3] Saint-Martin L.Cl. de. *Correspondance inédite* (Неизданная переписка с Кирхбергером, бароном де Либисдорфом (1792–1797), собранная и опубликованная Л. Шауером и Альп. Шюке). Paris, Dentu, 1862, gr. in-8.

[4] Saint-Martin (L.Cl. de). *Des Nombres* («Числа»). Посмертно изданный труд. Вслед за ним вышел и другой: *Eclair sur l'Association Humaine* («Краткое освещение человеческого товарищества». С предисловием Матте). Paris, Dentu, 1861, gr. in-8. Второе издание: Paris, Chacornac, 1910, in-8. С предисловием Седира.

[5] Correspondance, t. I.

22 марта 1862 г. Элифас Леви потерял одного из самых близких своих друзей, франкмасона Рагона[1], скончавшегося в возрасте 82 лет.

В мае зашла речь об организации научной экспедиции в Египет, работу которой должен был возглавить Учитель, но этот проект не получил дальнейшего развития.

К осени того же года у Элифаса Леви началась, как решили вначале, крапивная лихорадка, поскольку в то время в Париже наблюдалась эпидемия; болезнь сопровождалась ревматическими болями и только шесть недель спустя стало понятно, что это вовсе не крапивница, а ветряная оспа.

Дни Элифаса Леви были полностью посвящены научным исследованиям, и лишь по утрам он прини-

---

[1] Жан-Мари Рагон де Беттиньи родился 25 февраля 1791 г. в Брей-сюр-Сене (департамент Сен-е-Марн). В 1813 г., в то время казначей городской казны Брюже (бывший департамент Лис), был принят в масоны. После 1814 г. стал руководителем одного из отделов Министерства внутренних дел и с 1818 по 1819 г. управлял масонскими архивами «L'Hermès» («Гермес»). Под псевдонимом шевалье Мари Венецианский он входил в орден неотамплиеров; большое количество произнесенных им там исторических и догматических речей были опубликованы под названием «Hierologies» («Иерологии») (1834). Рагон — основатель и автор устава ложи «Trinosophes» («ТриНОСОФЫ»). Целый ряд принадлежащих его перу обрядовых произведений и масонских трудов были признаны классическими. Назовем лишь некоторые из них: «Философский и толковый курс древних и современных обрядов инициации» (*Cours philosophique et interprétatif des Initiations anciennes et modernes*. Paris, Berlandier, 1841); «Месса и ее тайны» (*La Messe et ses mystères*. Paris, Berlandier, 1844); «Масонское правоверие» (*Orthodoxie Maçonnique*. Paris, Dentu, 1853). Рагон умер в тот момент, когда он заканчивал работу над «Праздниками посвящения» (*Les Fastes Initiatiques*).

мал гостей, которых становилось все больше и больше. По сути дела, все практикующие оккультисты приходили к нему за советом; барон Спедальери направлял к нему мартинистов, прошедших посвящение.

Во второй половине дня Элифас Леви иногда отправлялся к букинистам, присмотреть какую-нибудь очередную редкость, или же восстанавливал приобретенные им этрусские вазы и индийские статуэтки. Он устроил у себя дома неплохой музей, которым занимался «с радостью старого ребенка».

29 августа 1862 г. вышла его книга «Легенды и символы»[1], посвященная символам Пифагора, апокрифических Евангелий, Талмуда и т. д., упорядоченным им и прокомментированным. В отличие от остальных его книг, эта книга не стала объектом ни преследований, ни оскорбительных выпадов в его адрес.

Он издал ее самостоятельно с помощью учеников. Ему хотелось раздать все книги по своему усмотрению. Половину типографских расходов оплатил барон Спедальери[2].

Книга эта создавалась необычным образом, она написалась как бы сама собой.

> На меня внезапно снизошло просветление, — *рассказывает он.* — Я увидел книгу целиком. Я ее будто читал, держа перед глазами, да так ясно, что казалось: ее можно сфотографировать. Но поскольку такое, увы, неосуществимо, я принялся быстро, без передышки и без правки, записывать текст, восхищавший меня и пугавший своей глубиной в соединении с простотой[3].

---

[1] ÉLIPHAS LÉVI. *Fables et Symboles*. Paris, l'Auteur, 1862, in-8.

[2] Стоимость печати оценили в 1600 франков, однако вследствие ошибки в подсчетах Элифас Леви заплатил 2000 франков. В качестве компенсации издатель предложил ему бесплатно опубликовать его последующую книгу, но без всяких денежных выплат за первое издание.

[3] Correspondance, t. I.

Вот каковы были планы Элифаса Леви после окончания работы над рукописью «Легенды и символы»:

> Эта большая книга («Легенды и символы») вместе с тремя другими, которые должны последовать за ней, составят, если это будет угодно Богу, новый курс оккультной философии. Дух снизошел на меня, как говорит пророк: Erruit super me spiritus domini. Лень убеждала меня схорониться в животе кита, но пришлось волей-неволей выйти оттуда, чтобы проповедовать истину. Многострадальная валаамова ослица, я имею в виду свою старую и обрюзгшую телесную оболочку, притомилась от всех тягот и испытывала великое искушение пасть от меча ангела. Как бы там ни было, ей придется двигаться вперед и, более того, что-то изрекать. Ибо да сбудется воля Господня!.. Я восхищен и напуган великими деяниями, которые она заставляет меня творить, и если бы Вы только могли знать, сколь ничтожны мои собственные заслуги, ибо я по своей натуре эгоист, эпикуреец, человек чувства. Я всего лишь труп, оживленный Святым Духом. Мне хотелось бы мечтать о чем-нибудь, спать, петь, ничего не делать, но неведомая сила будоражит меня: и я беру перо и пишу чудесные вещи, о которых сам не подозревал еще накануне. Пишу не без внутренней дрожи и иногда, когда перечитываю рукопись, будто впервые что-то узнаю с восторгом, смешанным со страхом[1].

Чтобы собрать необходимый для работы материал, Элифас Леви время от времени посещал самые сомнительные, казалось бы, дома с точки зрения подлинности практикуемых в них сеансов магии.

> Я отправился инкогнито в круг людей, которые занимаются столоверчением. Молодой человек с болез-

[1] Correspondance, t. I.

ненным лицом конвульсивными движениями записывал карандашом мысли присутствующих людей и отвечал на различные вопросы. Когда я подошел к нему, он воскликнул, что мое присутствие плохо на него воздействует. Я велел ему успокоиться и ответить на мой вопрос. «Что Вы от меня хотите?» — произнес он наконец. «Назовите мое имя!» Рука его на несколько мгновений замерла в нерешительности, а потом он написал немного дрожащими большими буквами: Rivoel (Ривоэль). Как не поразиться подобному совпадению? То же имя назвал и другой медиум, а они никак не могли договориться друг с другом[1]. Я поинтересовался у медиума, что означает это имя. Он быстро написал:

«Ты что, разучился читать, глупец?»

И ниже — подписью:

Осфаль.

Словно некий луч осветил мое сознание, и я прочел слово задом наперед, получилось — Leo Vir. А ведь на гравюре Лаватера, представляющей Альфоса Мафона, напророченного Габлидоном[2], в качестве эмблемы того дано изображение посвященного: он сидит, опершись на льва. Я намеренно воздерживался объяснять все это собравшимся почитателям магии, и им казалось, будто меня тяготит тяжесть оскорбления, нанесенного мне так называемым духом[3].

---

[1] Вторым медиумом был А. Берте.

[2] Габлидон — так звали духа, диктовавшего медиуму Лаватеру поучения, которые тот затем опубликовал; это был якобы еврейский каббалист, умерший до рождения Иисуса Христа. Поучения изданы ок. 1776 г. на немецком языке под названием «Записки Лаватера об известном ему духе Габлидоне». Французский перевод существует в рукописи.

[3] Correspondance, t. II.

В 1863 г. в Париже в возрасте всего лишь 47 лет умер Луи Лукас, замечательный ученый, почти неизвестный в наши дни[1], хотя и оставивший после себя несколько произведений высокой научной ценности. Бесспорно, он является одним из тех, кто продвинул далеко вперед интуицию и практическое использование явлений движения.

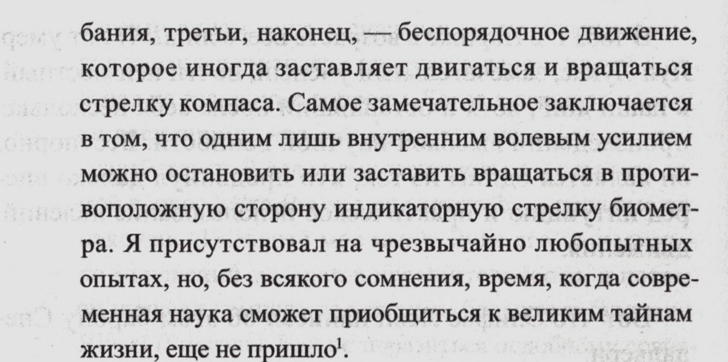
Вот что Элифас Леви написал об этом барону Спедальери:

> Святая Наука понесла большую потерю в лице Луи Лукаса, моего соседа и друга, одного из выдающихся химиков, посвященных в тайны Гермеса, и изобретателя *биометра*[2]. Этот прибор, включающий в себя *нейтрализованный* компас — то есть такой, которому придали нечувствительность к воздействию электрического поля, что достигается с помощью того же электричества, — и присоединенный к контрольным шкалам посредством нейтральной цепи, также не реагирующей на обычный электрический поток, убедительно доказывает правоту наших теорий о существовании магнетизма или особого намагничивания живых существ. Лица, которые прикасаются к образуемой им цепи, тотчас обнаруживают свои магнитные свойства и большую или меньшую жизненную сбалансированность.
>
> Одни придают его игле медленное и размеренное движение, другие сообщают ей неравномерные коле-

---

[1] Благодаря исследованиям Папюса оккультисты открыли для себя Луи Лукаса. Однако, справедливости ради, следует уточнить, что сам Папюс узнал о нем из переписки Элифаса Леви с бароном Спедальери. Имя Лукаса не упоминается ни в одном официальном издании.

[2] То есть измерителя жизни.

бания, третьи, наконец, — беспорядочное движение, которое иногда заставляет двигаться и вращаться стрелку компаса. Самое замечательное заключается в том, что одним лишь внутренним волевым усилием можно остановить или заставить вращаться в противоположную сторону индикаторную стрелку биометра. Я присутствовал на чрезвычайно любопытных опытах, но, без всякого сомнения, время, когда современная наука сможет приобщиться к великим тайнам жизни, еще не пришло[1].

Луи-Жан Лукас, сын фабриканта из Гонде-сюр-Нуаро (департамент Кальвадос), родился 25 марта 1816 г. Окончив учебу в коллеже Каена, он в 1836 г. приехал в Париж, где три года спустя получил степень лиценциата в области права, а на следующий год поступил на работу в коллегию адвокатов. Родители предоставили ему полную свободу действий, и Луи Лукас с головой ушел в учебу. Первый написанный им труд «Революция в музыке» («Une Révolution dans la Musique») был опубликован в 1849 г.[2]; решив заняться журналистикой, он основывает вместе с Гранье де Кассаньяком газету «Le Dix Décembre» («Десятое декабря»), но, женившись, в скором времени покидает ее, чтобы полностью посвятить себя науке. Результатом его восьмилетних исследований стала опубликованная в 1854 г. книга «Новая химия» («La Chimie nouvelle»)[3], в которой он в частности доказывает, что:

---

[1] Correspondance, t. II.

[2] L. Lucas. *Une Révolution dans la Musique* («Революция в музыке»). Paris, Paulin et Lechevallier, 1849, in-16. В 1854 г. эта книга была переиздана за счет средств автора под названием «Новая акустика» (*L'Acoustique Nouvelle*).

[3] L. Lucas. *La Chimie nouvelle* («Новая химия»). Paris. L'Auteur, 1854, in-16.

Луи Лукас

> В соответствии с идеями древних ученых, вещество едино и приобретает различные формы только благодаря молекулярной поляризации и *ангуляциям*, отличным от его магнетического излучения. Следствие этого открытия заключается в том, что все существа представляют собой особые магниты с притягивающим и отталкивающим действием[1].

Для пропаганды своих научных идей Луи Лукас занялся изданием газеты «Le Novateur» («Новатор»), печатного органа работников промышленности, литературы, наук и искусств. Занявшись в дальнейшем конкретной герметической проблемой, он написал «Алхимический роман» («Le Roman alchimique»)[2]. В 1858 г. Лукас приобрел особняк Варен, расположенный на улице Вожирар, и там, в устроенной им лаборатории, продолжил занятия химией и биологией. Неумеренная работа подорвала здоровье Луи Лукаса, и 9 января 1863 г. он умер, успев выпустить первый том «Новой медицины» («La Médecine nouvelle»)[3], своего последнего произведения, оставшегося незавершенным[4].

Подобно Элифасу Леви, Луи Лукас был учеником Вронского. Его работы представляют собой первую попытку научного синтеза оккультных наук с экспериментальными.

Весной 1863 г. Элифас Леви подвергся нападкам со стороны Гужено де Муссо, являвшегося, наряду с Эвдом де Мирвиллем, убежденным противником всех психи-

---

[1] Éliphas Lévi. *Fables et Symboles*. P. 443.

[2] L. Lucas. *Le Roman alchimique, ou Les deux baisers* («Алхимический роман, или Два поцелуя»). Paris, Lévy 1857, in-16; 2e éd, Paris, Delahays, без указания даты, in-16.

[3] L. Lucas. *La Médecine nouvelle* (Первый том). Paris, Dentu, Savy, 1862, in-16.

[4] Второй том опубликован в октябре 1863 г. теми же издателями на средства доктора Анри Фавра, друга Луи Лукаса.

ческих феноменов[1]. Известны направленные ему впоследствии ответы Учителя, точные и преисполненные внутреннего достоинства[2]. Никакая полемика не могла уже поколебать ясность и невозмутимость его духа.

В апреле 1863 г., когда разразилась польская революция, Россия развязала против поляков оголтелую военную кампанию. Перед лицом угрозы страшной опустошительной войны польская колония в Париже, к которой принадлежали самые близкие и преданные друзья Элифаса Леви, попросила Учителя помочь написать им открытое письмо. Опубликованное анонимно «Обращение Польши к Франции»[3] представляло собой смелую обвинительную речь против России и призыв к народу и правительству Франции прийти на помощь Польше. Документ был представлен на рассмотрение Наполеону III. Император, взяв дело в свои руки, составил совместно с правителями Англии и Австрии ноту протеста русскому царю, но она не принесла желаемого результата, и Польша была вновь поставлена на колени.

Братьев Браницки ждало разорение, их имения на Украине превратились в поле боевых действий.

Графа Александра, попавшего в русский плен, сослали в Саратовскую губернию[4]. Старший Браницки, Кса-

---

[1] Gougenot des Mousseaux. *La Magie au XIXe siècle* («Магия XIX века, ее действующие силы, истина и ложь»). Paris, Dentu, 1861, in-8. P. 137. E. de Mirville. *Des Esprits et de leurs manifestations fluidiqucs* («О духах и их флюидных манифестациях). Paris, Vrayet de Surcy, 1863, t. III. P. 408–412.

[2] Éliphas Lévi. *Histoire de la Magie*. 1860, P. 390; La Clef des Grands Mystères. 1861. P. 272; La Science des Esprits, 1865. P. 286.

[3] «Appel de la Pologne à la France par un Polonais». Paris, Impr. Martinet, 1863, broch., in-8, p. 24 с. Элифас Леви получил тысячу франков за эту работу.

[4] Александр Браницки позднее принял австрийское гражданство. Вернув себе отнятое в России имущество, он незадолго до своей смерти передал его сыну.

вье[1], дрался на дуэли с сыном маркиза Виелопольски[2], а граф Константен, несмотря на болезнь, был вынужден уехать в ноябре в Египет, где он пробыл четыре года.

Элифас Леви потерял в лице Константена Браницки не только самого умного и эрудированного из его учеников, но и прекрасного друга, не менее преданного, чем барон Спедальери[3].

Получив от последнего подшивку спиритических газет Лиона, Элифас Леви был неприятно удивлен, найдя в одном из номеров газеты «La Vérité»[4] большое количество собственных идей, украденных у него и искаженных, и даже две страницы — без всяких купюр — вступления к «Истории магии»[5], скопирован-

---

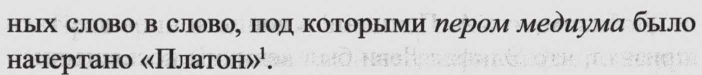
[1] Ксавье Корсак-Браницки родился в Варшаве в 1818 г. Уйдя в отставку с должности флигель-адъютанта императора Николая I, он решил эмигрировать, но не успел — его приговорили к пожизненным каторжным работам в рудниках Сибири, а имущество, составлявшее 15 миллионов, конфисковали. В 1854 г. его переправили во Францию, где он получил французское гражданство и навсегда остался предан своей новой родине. Получив в 1865 г. должность администратора французского Земельного кредита, Ксавье Браницки умер в 1879 г. во время путешествия в Египет. Его перу принадлежит труд «Славянские национальности» (*Les Nationalités Slaves*. Paris, Dentu, 1879, in-8).

[2] Маркиз Виелопольски был объявлен предателем родины за то, что призывал поляков отказаться от всякой идеи борьбы за свободу с оружием в руках и советовал подчиниться России, более того, сам подал тому пример. Дуэль его сына закончилась безрезультатно.

[3] В том же году в результате кораблекрушения барон Спедальери лишился части своего имущества.

[4] La Vérité — спиритическая газета. Выходила по воскресеньям. Ответственный издатель: Ж. Эду, медиум. Lyon, 1863–1866, 2 vol. in-folio.

[5] Éliphas Lévi. *Histoire de la Magie*, 1860. Вступление, с. 7 и 8.

ных слово в слово, под которыми *пером медиума* было начертано «Платон»[1].

Выпуск газеты «La Vérité» был почти полностью подготовлен лионским адвокатом Андре Пеццани, взявшем себе сразу несколько псевдонимов: Филалетес, Эрдна и Реа.

Между Элифасом Леви и А. Пеццани состоялся обмен письмами, причем последний даже не понял, о какой статье шла речь. В результате вывод Учителя оказался таков:

> Этот человек — звезда без орбиты. Он сумасшедший, причем сошел с ума добровольно. Он живет во лжи, упиваясь этим, и никогда не откажется ни от испытываемых им приступов восторга, ни от собственного тщеславия[2].

В статье под заголовком «Элифас Леви, Парацельс и другие» («Eliphas Lévi, Paracels et autres»)[3] лионский адвокат называет Учителя «софистом и плагиатором».

> Что позабавило меня, — *комментирует Элифас Леви и добавляет*: — Этот несчастный Пеццани питался моими книгами; он взял несколько общих обзоров высокой науки и разбавил их водой, разумеется, испортив при этом. А затем возжелал бросить в огонь и меня, и мои книги[4].

---

[1] «La Vérité», n⁰ 12, Dimanche 11 mai 1863, p. 4, L'Eternité des Peines («Вечные муки»).

[2] Correspondance, t. III.

[3] La Vérité, n⁰ 3 à 5, mars 1864.

[4] Correspondance, t. III.

Добавим, что А. Пеццани[1] в конце концов все-таки признал, что Элифас Леви был великим посвященным и что он многое почерпнул из его трудов[2].

Вот несколько выдержек из писем Элифаса Леви, которые позволят читателю понять социальное окружение Учителя.

В мае 1863 г. в Париж приехал аббат Гетте[3], знаменитый реформатор восточной Церкви:

> Я увидел господина Гетте. Именно таким я его себе и представлял. Полагал, правда, что у него более открытый и честный характер, но это оказался сектант, желающий переделать католицизм, лишив его католической основы, и создать христианство без власти, тело без головы, религию без традиции, церковь без верховного правителя, то есть создать Израиль без Иерусалима[4].

---

[1] Андре Пеццани, ученик Ж. Рейно и де Баланша, родился в Лионе в 1818 г. В качестве адвоката он защищал известную ясновидящую, госпожу Монгрюэль, так называемую Современную Сивиллу. Сотрудничал с газетами «La Vérité» в Лионе, «L'Union» («Союз») в Бордо, «L'Avenir» («Будущее») в Париже, «La Solidarité» («Солидарность») Ш. Фовети и наконец с лионской «La Tribune Universelle» («Международная трибуна»), возглавляемой Страда. Его перу принадлежит немало произведений, в том числе: «Принципы, стоящие над моралью» («Principes supérieurs à la Morale». Paris, Durand. 1859, 2 vol., in-8); «Множественность существований души» («La Pluralité des existences de l'Ame»). Paris, Didier, 1865, in-16. Последняя книга включает в себя ряд статей, опубликованных в лионской «La Vérité». А. Пеццани умер в 1877 г. в родном городе.

[2] A. Pezzani. *La Philosophie de l'Avenir* («Философия будущего»). Paris. Didier, 1869, in-16. P. 14.

[3] Аббат Владимир Гетте родился в Блуа в 1816 г. Бывший кюре Сент-Дени-сюр-Луар (департамент Луар-и-Шер), он был священником Русской православной церкви. Умер в 1883 г.

[4] Correspondance, t. III.

Примерно в то же время еще один отступник Сен-Сюльписа опубликовал свой первый манифест неверия, но совершенно в иной сфере:

> «Жизнь Иисуса» Ренана[1] — шедевр глупости. Он превращает Спасителя в своеобразного теофилантропа, неискреннего и нелепого. Это распятие с белым шарфом Сен-Жюста и накладным воротничком аббата Шателя[2].

А теперь по поводу шотландского медиума Дангласа Хоума, опубликовавшего свои мемуары[3]:

> Трудно придумать что-то более наивно-невежественное и более искренне легковерное, чем труды этого автора, а также более забавное, чем его откровения[4].

О Пьере Леру[5]:

---

[1] E. Renan. *Vie de Jésus* («Жизнь Иисуса»). Paris, Lévy Frères, 1863, in-8.
[2] Correspondance, t. III.
[3] D.D. Home. *Révélations sur ma vie surnaturelle* («Откровения о моей сверхъестественной жизни»). Paris, Dentu, 1863, in-16.
[4] Correspondance, t. III.
[5] Пьер Леру (1797–1871). Стипендиат города Парижа, учился в лицее Ренна. Готовился поступать в Политехнический, но раздумал. Решив зарабатывать себе на жизнь, стал фактором в типографии. В определенной мере ему принадлежит изобретение монотипа. Сенсимонист, основал газету «Le Globe» («Земной шар»), затем «La Revue des deux Mondes» («Журнал двух миров»), «La Revue indépendante» («Независимый журнал»), «L'Eclaireur» («Дозорный»), и т.д. Социалист, был избран 8 июня 1848 г. в Учредительное собрание. Высланный в 1851 г., 12 апреля 1871 г. вернулся умирать в Париж. Среди его трудов можно назвать: «О человечестве» (*De l'Humanité. Paris*, Perrotin 1840, 2 vol. in-8); интерпретацию Книги Иова в виде философской драмы (*Livre de Job*. Paris, Dentu, 1860, gr. in-8); и своеобразную

> Этот человек верит, что ему принадлежат идеи других, потому что, присваивая, он всегда немного их портит. Перед нами теолог, считающий, будто он понимает человека-Бога, но не понимает Бога-человека. Это человек Circulus и даже sterculus[1], так как он сделал совершенно фекальную интерпретацию некоторых отрывков книги Иова. Это наконец философ, чрезмерное самолюбие и эгоцентризм которого мешают ему воспринимать человечество как нечто действительно божественное. Он может написать хорошие страницы, но никогда — хорошую книгу[2].

О П. Кристиане, авторе книги «Красный человек Тюильри» («L'Homme rouge des Tuileries»)[3]:

> Книга Кристиана написана с талантом, и я нахожу ее гораздо выше труда учителя фехтования Дебарролля. Но в основе своей она столь же несерьезна, и за исключением того, что было им почерпнуто из бесед со мной и из моих книг, она содержит смесь гадания на картах, гадания на имени и судебной астрологии[4].

Элифас Леви, как мы видим, был довольно суровым критиком.

Точно так же, как Дебарролль и Адольф Берте, П. Кристиан считал себя другом Учителя.

П. Кристиан, чье настоящее имя Жан-Батист Питуа, родился 15 мая 1811 г. в Ремирмоне (департамент Вогезы)[5]. Он был внуком главного егеря города и племян-

---

автобиографию «Восстание Самареза» (*La Grève de Samarez*, Paris, Dentu, 1863–1805, 4 vol. gr. in-8).

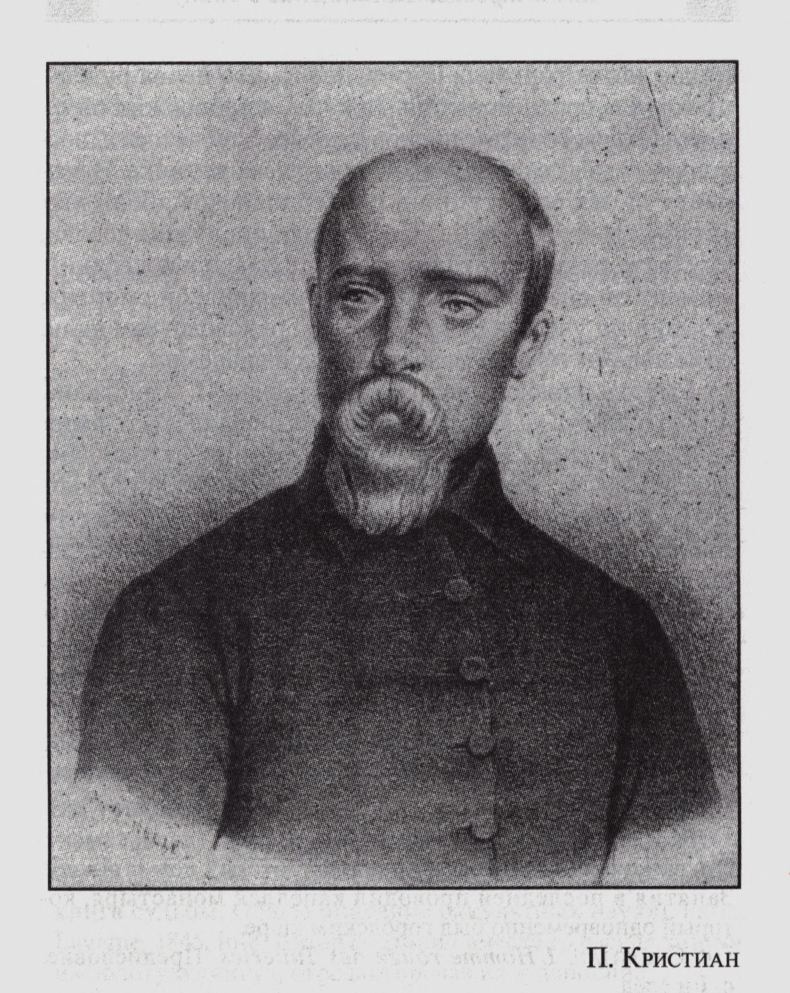
[1] Бог золотарей.

[2] Correspondance, t. III.

[3] P. Christian. *L'Homme rouge des Tuileries*. Paris, l'Auteur, 1863, in-16.

[4] Correspondance, t. III.

[5] Согласно регистрационным книгам гражданского состояния Ремирмона, П. Кристиан являлся незаконнорожденным ребенком, однако можно предположить, что его отца звали Кристиан.

П. Кристиан

ником книготорговца Питуа-Левро. Его первая учеба проходила среди монахинь Аркура[1], а продолжил он ее в маленьком братстве писцов Королевской часовни, поскольку семья готовила его к карьере священника. В возрасте 18 лет он вступил в цистерцианское аббатство Нотр-Дам-де-ла-Трапп. После года послушничества, ему было разрешено принять обет, однако в последний момент он спасовал, испугавшись «мирской смерти», и закончил учебу в Страсбурге под руководством дяди, служившего тогда ректором местной академии.

Смерть близкого человека заставила П. Кристиана в 1836 г. уехать на Мартинику, где он оставался в течение трех лет. В 1839 г. он вернулся во Францию, и господин де Сальванди, министр народного просвещения, взял его на работу в библиотеку министерства, поручив ему привести в порядок архив старых книг и рукописей, доставленных из ликвидированных монастырей. То, что он прочел в них по оккультным наукам, возбудило его любопытство и побудило всерьез ими заняться. А дружеские отношения с Оноре де Бальзаком способствовали его увлечению астрологией[2].

П. Кристиан опубликовал свои первые работы под псевдонимами Гортензиус Фламель[3], Сивилла[4] и Фре-

---

[1] Община госпитальных монахинь Аркура (департамент Эр) включала в себя богадельню, сиротский дом и школу. Занятия в последней проводил капеллан монастыря, который одновременно был городским кюре.

[2] P. Christian. *L'Homme rouge des Tuileries*. Предисловие, с. I и след.

[3] Hortensius Flamel. *Le Livre rouge* («Красная книга, краткое объяснение магизма, оккультных наук и герметической философии»). Paris, Lavigne, 1842, in-32 (Переиздана в 1910 г.); *Le Livre d'Or* («Золотая книга, определение человеческих судеб»). Paris, Lavigne, 1842, in-32. *Dernières prophéties de Mlle Lenormand* («Последние пророчества госпожи Ленорман». С комментариями). Paris, 1843, in-32. Имеется в продаже во всех книжных лавках.

[4] Une Sibylle. *Mémoires et prophéties du petit homme-rouge* («Воспоминания и пророчества маленького красного человечка»). Paris, Lavigne, 1843, in-32. Виньетки на дереве.

дерик де ла Гранж[1]. Позднее он стал подписывать свои работы Люссидес[2].

В 1814 г. он в качестве историографа вошел в состав экспедиционного корпуса маршала Бюжо, отправившегося в Африку.

В 1848 г. возглавил Центральный клуб якобинцев[3] и основал «Le Journal des Jacobins» («Газета якобинцев»), продержавшуюся очень недолго.

В 1853 г. П. Кристиан женился на итальянке, близкой к семье Вальтера Скотта.

Его первая астрологическая работа «Carmen Sibyllum», написанная стихами, была опубликована в 1854 г. В ней он предсказал рождение императорского сына за два года до этого знаменательного события[4]. С той поры он сделался дворцовым астрологом и желанным гостем светских салонов.

Элифас Леви познакомился с П. Кристианом ок. 1852 г., когда тот был главным редактором политической рубрики газеты «Le Moniteur Parisien», владельцем которой являлся маркиз Монферрьер[5].

Живший по соседству с Элифасом Леви П. Кристиан много беседовал с ним и пользовался его бескорыстными уроками.

---

[1] A. Frédéric de la Grange. *Le grand Livre du Destin* («Большая книга судьбы. Общее описание оккультных наук»). Paris, Lavigne, 1845, in-8. Автор соединил вместе «Красная книгу» и «Золотую книгу», отредактировав их и дополнив.

[2] Almanach Prophétique («Альманах пророчеств»). Paris, Pion, 1868. P. 102 и след.

[3] Центральный клуб якобинцев, у которого революционным было разве что название, находился на улице Арп в бывшем дворце Терм (в настоящее время здесь располагается сад Клюни).

[4] P. Christian. *Carmen Sibyllum* (Предсказание рождения сына Наполеона III с помощью арканов египетской магии, сеанс проводился 3 апреля 1854 г.). Paris, Dufour, 1854; 2e éd. 1856, in-8.

[5] См. с. 193.

Именно Элифас Леви посвятил его в тайны магии, рассказал о сефирот и Таро. В своей книге «Красный человек в Тюильри»[1] П. Кристиан заявляет следующее, намекая на Элифаса Леви и на самого себя.

> Только два человека в Париже умели читать будущее как открытую книгу.
>
> Для этих двух людей не существовало невидимого мира. Невидимое существует пропорционально развитости наших органов чувств.
>
> Первый из них, молчаливый, как орел в гнезде, обдумывал в сверкающей ауре своего гения планы, продиктованные предначертанной ему славной миссией.
>
> Второй, одинокий Маг, постаревший в изучении бесконечных истин, размышлял об алгебре небес.

Первый — Учитель; второй — его ученик.

Согласно Элифасу Леви, П. Кристиан был анонимным автором книги «Спиритический Сатана» («Satan Spirite»)[2].

А в 1871 г. вышло в свет последнее произведение П. Кристиана «История магии» («L'Histoire de la Magie»)[3]. Умер он в 1881 г.[4]

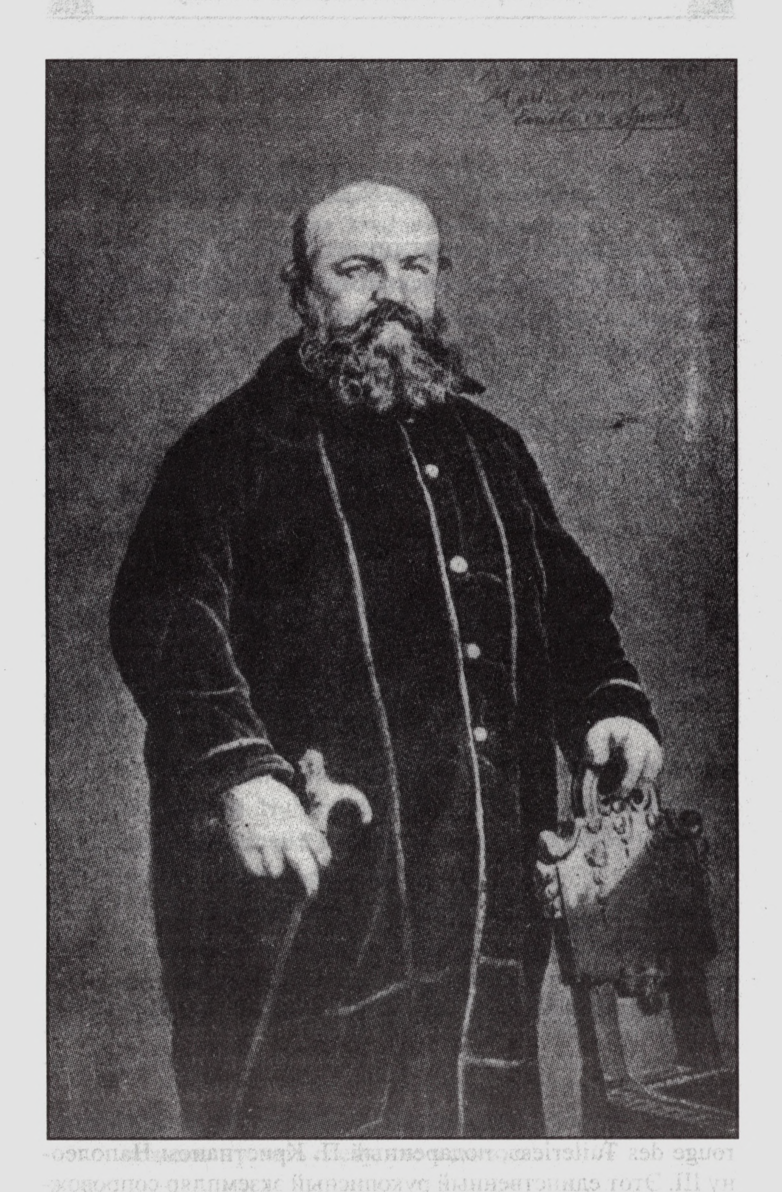
---

[1] P. Christian. *L'Homme rouge des Tuileries*. P. 6.

[2] Auréolus Magnus. *Satan Spirite*. Paris, Dentu, 1864, in-16.

[3] Paris, Furne, 1871, in-8. С многочисленными высокого качества гравюрами и портретами.

[4] П. Кристиан является автором многих трудов по истории: «Исторический Париж», написанный в сотрудничестве с Ш. Нодье (*Paris Historique*. Paris, Levrault, 1838–1839, 3 vol. in-8); «Герои христианства» (*Les Héros du Christianisme*. Paris, Dufour, 1855–1858, 8 vol. gr. in-8); им были выпущены также книга сказок «Волшебная мораль» (*La Morale merveilleuse*, Paris, Belin-Leprieur, 1844, in-8) и подарочное издание «Цветы небес» (*Les Fleurs du Ciel*, Paris, Hangard Maugé, 1860, gr. in-8). Он был перевод-

Элифас Леви
— 1864 —
(По картине Э. де Спешта)

Отношения между Элифасом Леви и П. Кристианом всегда оставались дружескими.

Ученики устремлялись в дом Учителя, как бабочки на свет.

В октябре 1863 г. плотник из Виль-франш-де-Руерга по имени Эли обратился к Элифасу Леви с просьбой разрешить ему ходить на уроки. Первые тайны оккультизма открыл ему барон Спедальери.

Месяц спустя барон Спедальери отправил к Учителю нового ученика — господина Гострье, шляпных дел мастера, проживавшего по адресу: Лион, набережная Орлеана, д. 6. Однако занятия этого ученика продолжались недолго, поскольку в дальнейшем мы не находим его следов.

Наконец, пренебрегая немного хронологическим порядком, назовем самого молодого ученика Учителя — Оливье Тиссо, чья семья дружила с бароном Спедальери. Господин Тиссо покинул Францию около 1870 г.

чиком английских книг: В. Ирвинга, Оссиана; немецких: Хофманна; итальянских: Макиавелли. Его перу принадлежат также несколько театральных пьес, созданных в сотрудничестве с Л. Алеви.

Для библиофилов отметим экземпляр книги «L'Homme rouge des Tuileries», подаренный П. Кристианом Наполеону III. Этот единственный рукописный экземпляр сопровождался рисунками, выполненными пером и чернилами разных цветов. Переплет из кожи зеленого цвета, украшенный гербом императора, снабжен шелковой подкладкой с кружевом и золотыми пластинами.

Глава XIV

Элифас Леви покидает «замок Мэн». — Скитания в поисках новой квартиры. — Последний кров Учителя. — Как Элифас Леви работал над своими трудами. — Гийом Постэль. — Монета Парацельса. — Элифас Леви, магнетизер. — Элифас Леви, литературный критик. — Госпожа Л. Хатчинсон. — Эмиль де Спешт. — Расторжение брака. — «Художник». — Элифас Леви и Таро. — Сочинитель песен. — Сотрудничество с «Ларуссом». — Джулиано Капелла. — «Наука духов». — Дружба с госпожой де Бальзак. — Холера в Марселе. — Братья Даванпор. — Жюль Кларети. — Зуав Жакоб. — Эжен Ледо. — Консультации Элифаса Леви. — Тайны сумасшествия

Начало 1864 г. складывалось не слишком благоприятно для Элифаса Леви. Мы помним, с каким наслаждением занимался он интерьером комнаты, которую снимал в доме № 15 по улице Мэн:

> Этот дом, — *пишет он*, — был изящен, как небольшой замок. Ну что ж! под предлогом, что мой сосед, протестантский пастор, нуждается в моей комнате, меня *заставили* выехать...
>
> Пришлось бегать по городу в поисках новой квартиры. Жить в Париже тому, у кого худой кошелек, сейчас совершенно не по карману; если ты захочешь выбрать приличный дом, то тебе предложат лишь чердак за шестьсот–восемьсот франков...
>
> И все это тогда, когда мне просто необходима спокойная обстановка, чтобы работать... У меня столько поводов пускать слезу, что я смеюсь[1].

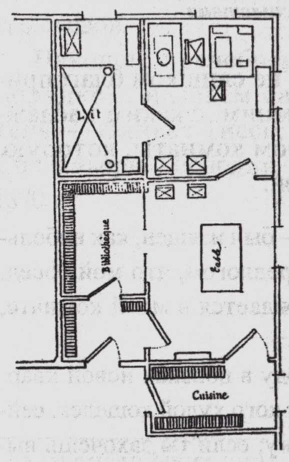
В апреле он наконец-то поселился в доме № 102 на бульваре Монпарнас.

---

[1] Correspondance, t. IV.

Между тем скитания Элифаса Леви на этом еще не закончились.

> Пришлось отказаться от квартиры на улице Севр, которая мне понравилась, и подыскивать себе новое жилье, потому что дом был куплен Обществом святого Винсента де Поля. Общество, будто одобрив мой вкус, отказалось от приобретения другого дома и купила тот, в котором я находился, не преминув тотчас распрощаться со мной через судебного исполнителя, причем назвав меня во врученном мне документе Элифасом Леви, хотя я снял квартиру под именем Констана[1].

В итоге 15 мая он снова поменял место жительства и переехал в дом № 155 на улице Севр, где и провел остаток жизни.

Дом, в котором поселился Учитель, находился в глубине двора, окруженного низкой стеной, и из окон его маленькой квартиры на третьем этаже — три смежные комнаты и кухня — открывался замечательный вид на окружающие сады[2].

Расположенная на предыдущей странице небольшая схема дает довольно точное представление об его жилище, которое он с удовольствием стал превращать в музей: старые гобелены, тщательно отобранные и ред-

[1] Correspondance, t. IV. Что касается выселения Элифаса Леви, то это была не намеренная травля, а простое совпадение.

[2] В то время Плезанс считался почти загородом и большую часть его территории занимали сады и огороды.

кие предметы искусства, старинная резная дубовая мебель — и все это он сам мастерски реставрировал.

Кухня служила ему мастерской и кладовкой, а первая комната — прихожей. Во второй комнате, превращенной в гостиную, стоял огромный книжный шкаф, полки которого были заполнены ценными рукописями и книгами в роскошных переплетах. Стены украшали картины на холсте и деревянных досках, среди них выделялся портрет молодого улыбающегося Рабле с очень выразительным лицом, нарисованный хозяином квартиры[1]. Две подставки со стойками, этажерки. На подставках — бюсты Вольтера и Руссо; на этажерках — многочисленные предметы из фарфора и дерева.

Третья комната представляла собой одновременно рабочий кабинет и спальню. Освещенная ярким светом из окна, часто открытого настежь, эта комната была самой веселой и нарядной в квартире.

Элифас Леви не отказал себе в удовольствии поставить в алькове деревянную кровать из красного дерева с балдахином и витыми колоннами. Постель была покрыта роскошным стеганым одеялом из пурпурового бархата, с двойным рядом золотой вышивки; из той же ткани были и шторы, с золотой бахромой. К этому великолепному ложу с мягкой, украшенной золотом подушкой пурпурного цвета вела ступенька, также покрытая бархатом.

Ту же ткань мы видим и в рабочем кабинете. Около окна стояли широкое деревянное кресло с резьбой, с подушечками с золотым шитьем, и большой дубовый письменный стол, на котором были аккуратно разложены бумаги. Позади кресла, на маленьком столике, стоял прогнометр Вронского; напротив, на стене, висело изображение святой Софии[2]. Здесь Элифас Леви жил и принимал гостей.

---

[1] Нам не удалось найти следов этой картины.

[2] Это была написанная согласно христианским канонам

Весь 1864 г. был посвящен работе над книгой «Наука духов» («Science des Esprits»).

Работая над своими произведениями, Элифас Леви вначале тщательно обдумывал текст, а затем на одном дыхании записывал его.

Мы имеем значительную часть рукописей Учителя; правка встречается в них крайне редко: возникшая мысль тотчас облекалась в словесную форму, отличавшуюся удивительной точностью и благородством. И никогда легкость стиля, словесное изобилие не вредят глубине содержания.

Его наставления неисчерпаемы для медитации, но, кажется, что никогда написанные им фразы не раскрывают до конца свой высший смысл перед любознательным читателем. Именно внутренняя сила, порожденная восторженным рвением исследователя, и придает глубину и живость повествованию. Священник-юпитерьянец всегда доминировал в нем, стоило ему только начать говорить или писать; и разум ученика невольно заряжался этой внутренней энергией ученого, преодолевающей всякую нерешительность или апатию.

Элифасу Леви словно удалось создать некую магическую цепь с великой наукой, и в ответ в нем раскрылись удивительные способности. Его особая власть находила выражение в самых обычных житейских ситуациях. Вот тому несколько примеров.

Элифас Леви питал большую симпатию к уважаемому и набожному ученому Гийому Постэлю, автору книги «Ключ к скрытым истинам» («Clé des Choses cachées»)[1]; он очень ценил его работы и заботливо их

Богоматерь, Учитель лишь изменил немного фон, добавив ряд символических украшений. Картина позднее оказалась у барона Спедальери.

[1] Postel (G.). *Absconditorum Clavis, ou Clé des Choses cachées dans la Constitution du Monde* («Абскондиторум Клавис, или Ключ к скрытым истинам в устройстве Мира». Paris,

собирал, о чем и написал барону Спедальери в феврале 1862 г.[1] Каково же было его удивление, когда, решив через несколько дней после отправки этого письма покопаться в груде старых книг и пожелтевших от времени гравюр в лавке букиниста, он сразу же наткнулся на редчайший портрет Гийома Постэля с длинной бородой и в подбитом мехом сюртуке. Следует отметить, что Элифас Леви говорил о внешнем сходстве между ним самим и Постэлем; мы сличили их портреты и можем подтвердить правоту его слов, что в какой-то мере объясняет то почти сыновье чувство восхищения, которое Элифас Леви испытывал к Постэлю.

В другой раз он разбил этрусскую вазу, которой очень дорожил, тем более что имел парную к ней; вечером того же дня, один из его учеников, ничего не ведавший об утреннем происшествии, принес ему похожую вазу, случайно найденную им у одного из антикваров. Или такой случай: ему понадобилась *Естественная таблица* Неизвестного философа[2], и он отправился искать ее у букинистов. Уже в первом магазине, в который он зашел, отыскалась нужная книга в формате *in-octavo*.

И наконец вот некоторые подробности его сновидения, представляющего поразительный пример чрезвычайно четкого видения в астральном свете.

Элифас Леви был убежден в том, что Парацельс занимался картами Таро, и удивлялся, что не находил в его произведениях[3] никаких указаний на книгу Гермеса.

Chacornac, 1899, in-16. С портретом автора. Первый перевод на французский язык принадлежит господину Грийо де Живри.

[1] Correspondance, t. I.

[2] L.Cl. de Saint-Martin. *Tableau naturel des rapports qui existent Dieu, l'Homme et l'Univers* (Сен-Мартен. «Естественная таблица отношений между Богом, Человеком и Вселенной»). Edimbourg, 1783, 2 parties en un vol., in-8.

[3] Paracelse. *Opéra omnia*. Genève, de Tournes, 1658, 3 vol. in-folio (Первый перевод на франц. яз. сделан Грийо де Живри). Paris, Chacornac, 1913–1914, 2 vol. in-8 (sur 32).

И вот как-то вечером, рассматривая при свете лампы магические архидоксы[1] великого оккультиста, он, утомленный работой, заснул... и ему приснилась лаборатория герметиста. Величественная фигура человека внезапно возникла перед ним… это был Парацельс.

После того как Элифас Леви поведал ему о своих бесплодных поисках, тот вытащил из маленького кошелька, подвешенного к поясу, и протянул ему медную монету.

ЛИЦЕВАЯ СТОРОНА ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

Это было ключ к Таро.

Но где достать эту монету? Парацельс жестом приказал Элифасу Леви следовать за ним и неподалеку от Нового моста, склонившись к земле, показал ему место… между двумя мощенными булыжником улицами.

На следующий день Элифас Леви отправился к указанному во сне месту. Проходя мимо набережной Конти, расположенной поблизости от Нового моста, он увидел лоток продавца монетами и там среди множества других монет обнаружил именно ту, которую искал[2].

---

[1] Ibid, t. II. *Les Sept livres de l'Archidoxe Magique* («Семь книг Магического Архидокса». Первое издание сопровождалось параллельным тестом на латыни. Предисловие доктора Марка Авена). Paris, Dujol, 1909, in-8.

[2] «Occult Review» («Оккультный журнал»), décembre 1921.

Изображения на монете представляют собой подлинный синтез священной науки[1].

Элифас Леви, занимавшийся углубленным изучением теории астрального света, должен был стать первоклассным гипнотизером. Впрочем, практическая магия и феноменология никогда особо не привлекали его, не отличался он и сильной физической волей, наконец, мягкий характер не способствовал тому, чтобы он предавался суровым упражнениям *йогов*. Однако он слыл отличным терапевтом. У нас имеются свидетельства того, как оказанная им врачебная помощь приводила к почти что чудодейственным результатам[2]. Так, в диалогах, завершающих вторую часть книги «Легенды и символы»[3], он описывает сцену, как движением рук сумел успокоить зубную боль маленького ребенка: история эта реальная.

В марте 1864 г. барон Спедальери взялся излечить девушку, страдающую хореей. Вот какие советы давал ему Элифас Леви; в строках этого письма можно увидеть синтетическое описание всей теории оккультной терапии; речь идет о том, чтобы ввести больную девушку в состояние магнетического сна:

> Между лицами одного пола вполне может устанавливаться магнетическое равновесие, это происходит в тех случаях, когда один из них имеет сильную

[1] Представленное нами на соседней странице факсимиле талисмана имеет некоторые отличия — с точки зрения каббалистического алфавита — с тем, что был описан Элифасом Леви в его книге «Dogme et Rituel de la Haute Magie». 1861. P. 359–361. Это, заметим, нисколько не умаляет его ценности (см. также статью «Чудесная монета» Э. Каритаса: E. Caritas. *Une médaille merveilleuse* in «Mystéria», juillet, 1913. P. 46–47).

[2] См. с. 224.

[3] Éliphas Lévi. *Fables el Symboles*. P. 386–388.

личность, а другой — слабую. Госпожа Спедальери обладает достаточной вирильной энергией, к тому же Вы будете присутствовать во время оздоровительной процедуры. Когда она почувствует слабость, Вы можете укрепить ее силы, положив правую руку на левое плечо. После наступления гипнотического сна, больная сама начнет Вами руководить и объяснит, что еще необходимо будет совершить.

Во время гипнотического сеанса важно следить за тем, чтобы ладони рук были постоянно направлены в сторону объекта Вашего воздействия; убирая руки, нельзя направлять ладони на себя, а только в стороны. Нелишне держать возле себя какое-нибудь животное, наделенное гипнотическими чарами, например кошку или жабу, на них и направятся тогда болезнетворные испарения. Так рекомендуют поступать колдовские книги, а с точки зрения науки не всеми колдовскими советами следует пренебрегать. Сделайте также по возможности две фотографические карточки Вашей больной (во время гипнотического сна) и пришлите мне, чтобы я их замагнетизировал, одну из них я оставлю себе, а другую отошлю Вам. Напишите только мне точно день и час процедуры, и я мысленно соединюсь с Вами, нас станет трое, и тогда никакая опасность не будет угрожать[1].

Во время гипнотического сна, как известно, с пациентом надо говорить спокойным, ласково-нежным тоном:

Дитя мое, я кладу руку на ваш лоб и говорю: успокойтесь, ибо Бог любит вас, спите и Спаситель позаботится о вас.

Примите боль, не ища ее, смягчите в себе порыв жертвенности; забудьте о себе и тихо думайте только о Боге и о других[2].

---

[1] Correspondance, t. III.
[2] Ibid.

В эти годы Учителем были проведены еще несколько врачевательных сеансов:

> Вы знаете, как я обожаю детей; у меня есть маленькая соседка одиннадцати лет, которую зовут Мария, со светлыми волосами и розовым личиком, она любит меня даже сильнее, чем свою куклу. Эта дорогая мне малышка слаба грудью и часто кашляла чуть ли не всю ночь. И вот, после недавних холодов, мать ее, которая кладет дочку спать подле себя, пробудилась от ее кашля. Еще сонной, ей показалось вдруг, что я стою возле их постели, и тогда она обратилась ко мне: «Вы, кто излечивает страдающих, сделайте так, чтобы моя дочурка больше не кашляла». И я ответил (во сне, разумеется): «Да будет так! Я не желаю, чтобы она больше кашляла». Мать окончательно проснулась, и дочь ее больше не кашляла ни в ту ночь, ни в какую другую из последующих: теперь она хороша, как роза, и резва, как белочка...
>
> Несколько дней спустя я в одно мгновение вылечил ту же даму (мать маленькой Марии) от головной боли, мне было достаточно лишь подуть ей на лоб и взять в руки обе ее ноги.
>
> Подобные явления сильно меня волнуют: я хотел бы лечить таким образом всех страждущих, но я прекрасно понимаю, что эта власть исходит не от меня![1]

Когда осенью 1864 г. Элифас Леви совершил поездку в Марсель, чтобы проведать своих близких друзей, он вылечил баронессу Спедальери, но, видимо, неверно установленная связь между ним и пациенткой сказалась на его самочувствии, и в течение нескольких дней после его возращения домой его мучил сильный жар.

Некоторое время спустя после этой поездки, а точнее — к концу октября, Элифас Леви смог отдать в ти-

[1] Correspondance, t. III.

пографию «La Science des Esprits» («Наука духов»). Отметим, что первое издание этого труда не принесло ему никаких денежных доходов[1].

Мы отобрали из его писем несколько критических суждений о литературных произведениях.

На «Ад» («L'Enfer») Огюста Калле[2]:

> Эта книга весьма и весьма интересна, впрочем, хорошего и плохого в ней ровно поровну, как в земных Элоимах, не добившихся равновесия, и самое печальное заключается в том, что, хотя замысел книги и превосходен сам по себе, собрание лиц в указателе портит все впечатление.
>
> Я вынужден также осудить книгу от имени науки, так как она написана изобретательным невеждой. Кале утверждает, будто внушающий ужас ад, каким его представляли в Средневековье, заимствован у евреев, однако у евреев это всего лишь одна из догм, их одиннадцатый по счету символ, в котором даже речи не идет о потусторонней жизни.
>
> Книга Калле, таким образом, обречена на недолгую жизнь, о чем можно лишь сожалеть, поскольку в ней немало очень хороших страниц и счастливых мыслей[3].

На труд Р.П. Пайю «Магнетизм» («Le Magnétisme»)[4]:

---

[1] Элифас Леви уступил издательству «Байер» рукопись «Науки духов» с условием выплачивать ему по 50 сантимов. за каждый экземпляр второго и всех последующих переизданий.

[2] A. Callet. *L'Enfer* («Ад»). Paris, Lévy frères, 1861, in-12.

[3] Correspondance, t. III.

[4] X. Pailloux. *Le Magnétisme, le Spiritisme et la Possession* («Магнетизм, спиритизм и одержание бесом»). Paris, Lecoffre, 1863, in-12.

Я только что прочел или, вернее, пролистал жалкую книгу этого жалкого отца-иезуита. Автор сам признается, что для объяснения явлений, требующих данных новой науки, он заимствовал доводы святого Фомы, объясненные Суаресом, а это примерно то же самое, что объяснять фотографию категориями Аристотеля, приукрашенными комментариями Ианотуса де Брагмардо. Отец Пайю так же соотносится с шевалье Гужено де Муссо, как шевалье Гужено с маркизом Мирвиллем[1].

Об анонимном труде аббата Мишона «Проклятый» («Le Maudit»), в спорах о котором было пролито в свое время столько чернил[2]:

Будь я спиритом, несомненно, счел бы, что эта книга написана медиумом, вдохновленным Верже. В ней

---

[1] Correspondance, t. III.

[2] Abbé J. H. Michon. *Le Maudit* («Проклятый»). Paris, Lacroix, 1864–1865, 3 vol. in-8. Жан-Ипполит-Мишон родился 21 ноября 1806 г. в Рош-Фрессанж (департамент Коррез), а умер 8 мая 1881 г. в замке де Монтозье (департамент Шарент). Учился в коллеже Ангулема, а теологией занимался в Сен-Сюльписе. Посвященный в сан священника ок. 1840 г., он стал почетным каноником Бордо и Ангулема, когда разразилась революция 1848 г. Наделенный неуемной жаждой деятельности, обладающий пылким воображением и природным красноречием, он отказался от преподавания, чтобы посвятить себя роли проповедника. Объехал Францию, Восток и часть Европы. Несмотря на свои широкие, либеральные и независимые взгляды, он избежал каких-либо карательных мер по отношению к себе, несмотря на то что в своих трудах и речах на религиозные темы нередко нарушал установленные Римом рамки допустимого. Всем было известно, что «господин аббат» написал «Проклятого» и последовавшие за ним продолжения. Его литературный багаж весьма значителен, однако бессмертие ему обеспечили труды по графологии.

есть дух уничижения, дыхание ненависти, несущее зло, и нигде нельзя встретить настоящего проявления сердечности. Здесь сухо, как в душе никудышного священника, и царит язвительность, подобная сарказмам безбожника. Но вместе с тем встречается немало хороших страниц и описаний, особенно когда речь заходит о пейзажах. Аббат Джулио меня не заинтересовал. Образ Луизы плохо прочерчен; капуцин шаржирован (и т.д. и т.п.). В итоге с точки зрения литературы это — дурной роман; с точки зрения морали, это — дурная книга и дурные поступки[1].

На немецкую философию Гегеля:

У Гегеля можно лицезреть множество лучей настоящего солнца, увиденных через скрюченный и потемневший телескоп[2].

На труд «Вечная жизнь» («La Vie Eternelle») отца Анфантена[3]:

Я прочел небольшую книгу... Мне были уже известны страдающие неполнотой стремления сенсимонизма и эгоцентрическая личность его основателя. Но автор наделен врожденным чутьем универсальной души, и некоторые куски показались мне просто замечательными, при надобности я охотно их процитирую[4].

---

[1] Correspondance, t. III.

[2] Correspondance, t. IV.

[3] B. Prosper Enfantin. *La Vie éternelle, passée, présente, future* («Жизнь вечная, прошлая, настоящая, будущая»). Paris, Dubuisson, 1864, in-16.

[4] Correspondance, t. IV.

На Мишле и его книгу «Библия человечества» (*La Bible de l'Humanité*)[1]:

> Я только что прочел новую книгу Мишле «Библия человечества», противопоставленную, без сомнения, Библии Божественной.
>
> Это поэтические и преисполненные фантазией рассуждения о Священном Писании, текст которого автор приукрашивает и искажает, как ему вздумается. Сей страдалец постоянно мучается от чувственных искушений демона, которые лишают его ясности рассудка. Так, в «Песни Песней» он видит гений сирийской Венеры со всеми страстями Лилит и Астарты. Я процитирую лишь один момент из его интерпретации: *ab uno disce omnes*[2]. Супруга или скорее возлюбленная говорит своему любимому: «О, если бы ты был мне брат, сосавший груди матери моей! Тогда я, встретив тебя на улице, целовала бы тебя, и меня не осуждали бы».
>
> Мишле убирает вторую часть библейского стиха, и видит в этом порыве столь незаинтересованной и чистой любви лишь стремление к инцесту и к чудовищным проявлениям разврата. Он рассуждает о Мирре, а думает о сладострастных детоубийцах Капреи, что я могу еще сказать? И это человек, чьи книги читают и восхищаются, и ни у кого даже в мыслях нет упрятать его в психиатрическую больницу.
>
> Подобно Ренану, он испытывает инстинктивное неприятие к высшему посвященному евангелисту, ясновидцу Патмоса. Мы услышим немало россказней, если этот сладострастный старик попытается истолковать нам Апокалипсис! Да убережет его Бог от этого, как и его читателей!

---

[1] Paris, Chamerot, 1864, in-12.
[2] По одному узнай все (*лат.*) — *Примеч. пер.*

> Среди всех этих пошлостей попадаются, впрочем, и заметы свежего разума. Он очень интересно говорит о книгах Индии и находит в них великую тайну взаимного создания человека и Бога. Его рассуждения смелы, и по праву, однако иногда он к тому же бывает и красноречив[1].

В этот период времени несколько женщин попросили Элифаса Леви давать им уроки; среди них назовем госпожу Л. Хатчинсон, жену консула Англии.

Госпожа Хатчинсон в течение целого года, причем два раза в неделю, получала от Учителя бесплатные уроки.

> Элифас Леви, — *говорит она*, — единственный из всех известных мне людей, достигший *глубокого умиротворения*. Хорошее настроение никогда не покидало его, веселость и живость не иссякали. Его блестящий раблезианский ум, необычайно глубокий для тех, кто понимал философский смысл произносимых им речей, нравился также и простолюдинам, видевшим в них лишь забавные шутки и также попадавшим под очарование этого удивительно доброжелательного человека. Какими бы качествами души ни отличались люди, обращавшиеся к нему, он никогда не отвергал их, а, наоборот, приближал к себе, безошибочно определяя, каких высот духа те способны достичь. Говорил много и был предельно откровенен, но при этом крайне сдержан и никогда не позволял себе ни одного нескромного слова; его сознание было подобно алтарю священника.
>
> Глубоко привязанный к католической религии, он говорил мне неоднократно: «Католицизм — единственная религия, таинства которой действительно помогают».

[1] Correspondance, t. IV.

> Приобщая меня к святой Науке, он раскрывал мне лишь то, что считал доступным для моего ума, никогда не доводя меня до усталости, до умственного напряжения. Как только замечал мое воодушевление перед какой-нибудь отдельной идеей, он тут же предлагал рассмотреть противоположную точку зрения, создавая тем самым некое равновесие. Достижение умственного равновесия представлялось ему столь важной целью, что порой я даже восставала против очевидных противоречий. Но он лишь многозначительно улыбался в ответ, намеренно заставляя меня блуждать между Разумом и Верой, прекрасно понимая, что зерна знания, посеянные в моем сознании, теперь обязательно дадут всходы и без его помощи[1].

Совершенно очевидно, что педагогический метод Учителя основывался на самообучении ученика. Элифас Леви умел придавать этому общему методу особый, своеобразный характер: каждый постулат он рассматривал двояко, с двух противоположных точек зрения, обрисовывая несколькими точными, динамичными фразами суть обоих полярных взглядов на рассматриваемый им вопрос, затем легко переходил к другой проблеме и так в течение часа; он продвигался таким образом от аксиомы к аксиоме без всякой подготовки и долгих объяснений; когда же понимал, что ученик оглушен обилием сведений, проявляет признаки нетерпения и начинает слушать его рассеянно, то разражался долгим веселым смехом бога-олимпийца и восклицал: «Ну что же, на сегодня, пожалуй, хватит! А завтра я попрошу вас все мне это пересказать». И уводил ученика обе-

---

[1] L. Hutchinson. *Notice sur le Mage Eliphas Lévi* («Заметка о маге Элифасе Леви»), «L'Initiation» («Посвящение»), n⁰ 11, août 1890, p. 127–136.

дать[1]. И тут же на смену сосредоточенности, неизменно сопровождавшей его инициатическую речь, приходила бьющая через край веселость, он так и сыпал игривыми, но без пошлости, шутками, остроумными репликами, позволял себе вызывающие смех гостя поступки.

Такая резкая смена настроения являлась еще одной особенностью его педагогического метода; это было искусное применение закона чередования и восстановление психического равновесия, нарушенного длительным умственным напряжением.

> Однако даже во время этих задушевных бесед Элифас Леви, хоть и отдавался веселому расположению духа, всегда сохранял внутреннее достоинство, ибо неукоснительно следовал своему принципу «Не ходи сам, пусть к тебе придут»[2], он был хозяином, а не рабом собственного веселья; и радовался жизни, как хотел и сколько хотел[3].

Покинув столь приятное обеденное застолье, ученик с большим усердием и пылом размышлял об утренних головоломках и на следующий день убедительно доказывал Учителю, что его умело построенные уроки приносят свои плоды.

Элифас Леви не был богат и жил исключительно на деньги, заработанные от уроков каббалы, причем давал он их лишь тем, кого считал способными их воспринимать, так как чрезвычайно строго относился к распространению Истины, убежденный в том, что неверно понятая идея Добра способна привести к плачевным результатам.

---

[1] Элифас Леви никогда не ел у себя дома, а отправлялся в ресторан «2 Edmonds», 134, бульвар Дю-Монпарнас.

[2] *Noli ire, fac venire.*

[3] L. Hutchinson. *Op. cit.*, p. 134.

Я находилась как-то раз у него, — *пишет госпожа Хатчинсон*, — когда к нему явился посетитель с нарушенной психикой и неуравновешенным характером и попросил дать ему совет. Вначале вам нужно исповедоваться, услышал он в ответ[1].

Однажды, когда госпожа Хатчинсон страдала от кровяных излияний, Элифас Леви возложил ей руки на живот, и этого оказалось вполне достаточно для быстрого излечения.

Его красивая седая борода ниспадала на черный бархатный халат. Он был невысокий и слишком крупный для своего роста, с неправильными чертами лица, но в голубых глазах его сверкали ум и жизнерадостность; за высоким и широким лбом угадывался целый мир возвышенных мыслей; линии губ выказывали доброту и решительность. Воля и радость читались на этом лице[2].

Элифас Леви иногда отвлекался от работы, позируя перед своим молодым другом Эмилем де Спештом[3], тот рисовал его в полный рост, опирающимся на спинку стула.

Семья молодого художника состояла в близких, дружеских отношениях с Учителем. Мадемуазель Спешт даже служила у него какое-то время секретарем.

---

[1] L. Hutchinson. *Op. cit*. P. 128.

[2] Ibid. P. 132.

[3] Эмиль де Спешт, немец по крови, родился в Сен-Дени 30 ноября 1843 г. Ученик Конье и Барръя, он 9 октября 1861 г. поступил в Школу изящных искусств, и в 1865 г. состоялся его дебют в художественном салоне.

Какое бы ощущение глубокого умиротворения ни исходило от Элифаса Леви, восхищавшее всех, кто был с ним знаком, и неважно, каким оно было, подлинным или только видимым, в сердце его по-прежнему таилась глубокая рана: воспоминание о Ноэми Кадьо. Мысль об ушедшей к другому жене никогда его не покидала. Отголосок этого стойкого и спрятанного в самой глубине души воспоминания постоянно звучит в его произведениях[1].

Именно это воспоминание и толкало его заниматься искусством, философией, литературой. Эта женщина была его творением, и поэтому он любил ее с удвоенной силой. «Доброе согласие, — говорил он, — семь лет длится». (Трудно сказать, не следует ли здесь считать число «семь» символическим.)

С 1853 г. Элифас Леви и его жена жили порознь. Госпожа Констан направила суду Сены иск о раздельном проживании супругов и разделе имущества, на что Учитель ответил прошением о признании брака недействительным, и сделал это не для того, чтобы получить свободу, которой он все равно не мог воспользоваться, а для того, чтобы успокоить собственное сознание и дать свободу молодой женщине.

Сердце госпожи Констан представляло собой, должно быть, весьма сумрачную бездну, ибо вот отрывок из письма, написанного Элифасом Леви в августе 1863 г.:

> На днях произошло событие, сильно порадовавшее меня и в то же время всколыхнувшее во мне болезненные чувства. На днях мне по почте пришло письмо. В нем лежала фотография женщины… женщины, от которой я вот уже десять лет слышу лишь одни оскорбления. Это самое красивое и самое безрассудное

---

[1] Éliphas Lévi. *Fables et Symboles.* P. 413; «Les Portes de l'Avenir» («Двери будущего»), Pensée 103.

создание на свете. На фотокарточке были карандашом начертаны два слова: *Вспоминаю и сожалею*. Я тотчас отправился по адресу, где она жила; мне сказали, что вот уже несколько недель, как она уехала из Парижа, но куда, никто не знал. На конверте была наклеена парижская марка, да и мой адрес написан ее рукой.

Я возвратился к себе и постарался успокоиться. Мне сейчас, как никогда, нужна ясность мысли и спокойствие, чтобы не оттолкнуть от себя эту мятущуюся душу, которая, возможно, хочет вернуться ко мне. Она вспомнила обо мне, могу ли я, в свою очередь, обрести спокойствие духа и щедрое забвение?[1]

В начале 1865 г. он смог полностью сбросить с себя все подобные заботы. Постановление гражданского суда от 25 января гласило:

На основании того факта, что, как явствует из предоставленных суду документов, г-н Констан, несмотря на рукоположение в сан архидьякона в 1835 г., сочетался браком с м-ль Ноэми Кадьо 13 июля 1846 г. в городе Париже, о чем свидетельствует регистрационная запись служащего отдела гражданского состояния бывшего 10-го округа, данный брак между г-м Констаном и м-ль Ноэми Кадьо, согласно статьям 6 и 26 учредительного закона Конкордата Жерминаль года X, запрещающим, в соблюдение принятому во Франции законодательству, католическим священникам, дьяконам и архидьяконам заключать гражданские семейные союзы, отныне считать недействительным и аннулированным.

Элифас Леви получил наконец долгожданный покой и мог отдаться любимым занятиям. Его раблезианский

---
[1] Correspondance, t. III.

дух, впрочем, плохо сочетался с весьма скудным питанием; приходилось приспосабливаться и сокращать до минимума свои личные потребности; его «сейф» представлял собой закатанные в рулон пятьдесят луидоров, которые он беззаботно тратил до тех пор, пока от них ничего не оставалось, лишь тогда он начинал беспокоиться о пополнении денежных запасов.

Он был милосердным и добрым; все его любили, но особенно маленькие дети. В квартале, где он жил, не было человека, который бы не знал «художника». Самой частой конечной целью его прогулок были лавки антикваров: в них можно было найти и редкие безделушки, и монеты шестнадцатого века, и немецкие колоды Таро...

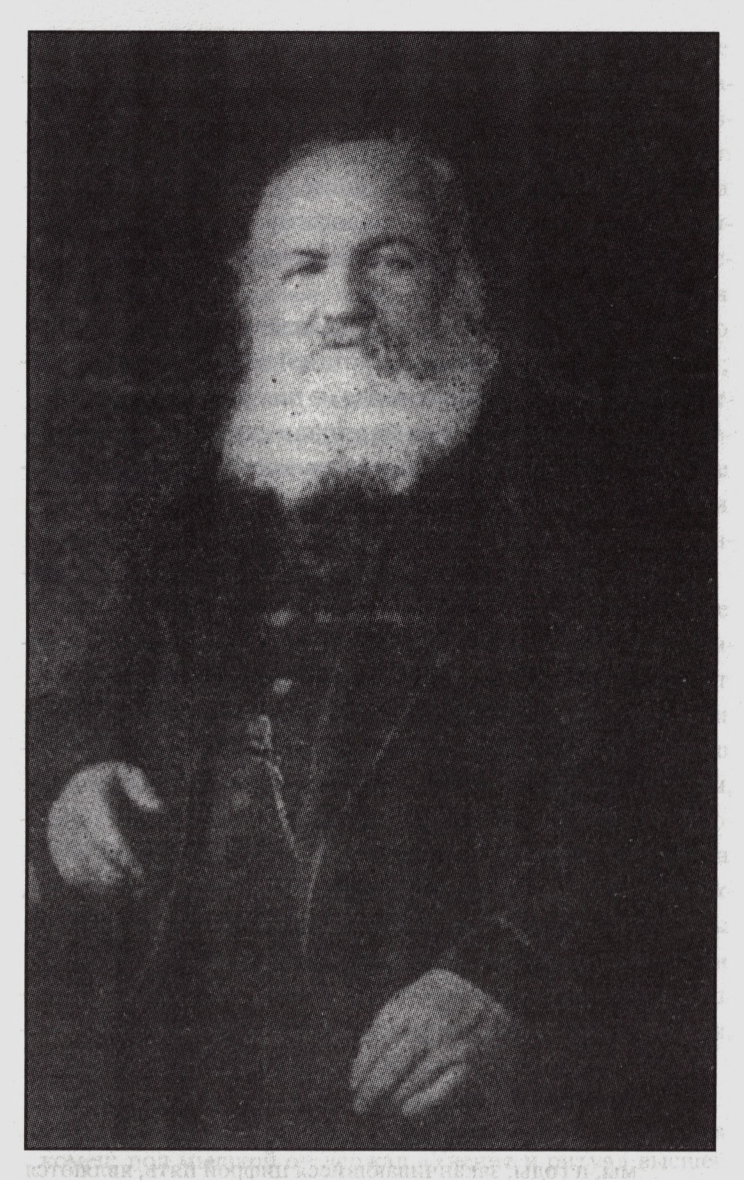
Элифас Леви научился мастерски заставлять разговаривать карты. За долгие годы он постиг все тайны этого превосходного инструмента для гадания; и нередко несколько разложенных на столе карт служили ему темой для лирических импровизаций и самых удивительных откровений. Он часто повторял, что, когда сидел один, без книг, в тюремной камере, колода карт Таро заменяла ему целую библиотеку, с ее помощью он составлял в уме книги, способные удивить ученых и смутить философов. Он признавал, впрочем, что требуется немалая интуиция, чтобы разбираться в картах Таро и пользоваться ими с толком[1].

Элифас Леви умел писать стихи по любому поводу, чаще всего веселые. Большая часть его песен полна истинного галльского задора[2].

---

[1] У нас есть несколько колод карт Таро, принадлежавших Элифасу Леви, две из них снабжены его рукописными примечаниями. Мы описываем их в книге «Eliphas Lévi et son œuvre».

[2] См.: *Éliphas Lévi et son œuvre*.

Элифас Леви
— 1872 —

У него был особый талант смущать претенциозных особ. Как-то раз на семейном ужине, куда его пригласили, некий краснобай адвокат декламировал историю, будто бы им сочиненную. Внезапно Элифас Леви, воспользовавшись моментом, когда рассказчик подыскивал фразу поэффектнее, продолжил его повествование стихами из старого фаблио XV века, которым и воспользовался адвокат!

В то время (лето 1865 г.), издатель Ларусс поручил Учителю написать несколько статей по Каббале для своего большого словаря, но не все из них вошли в него.

Иногда Элифаса Леви навещали странные визитеры. Об одном из них подробно рассказано в письме, адресованном барону Спедальери.

> Между тремя и четырьмя часами второй половины дня, — *пишет он*, — я услышал, как кто-то постучался ко мне семью короткими ударами с небольшими паузами, вот так: оо-о-оо-оо. Я открыл дверь, в комнату быстро вошел очень хорошо одетый и благовоспитанный на вид молодой человек, с легкой, немного саркастической улыбкой, и небрежным тоном сказал мне: «Дорогой господин Констан, я счастлив, что застал вас дома». С этими словами он зашел в мой кабинет, как если бы находился у себя дома, и уселся в кресло. «Милостивый сударь, — отвечаю ему, — простите, но я не имею чести вас знать». Он рассмеялся: «Еще бы, ведь вы видите меня в первый раз, по крайней мере, в этом виде, — что касается меня, то я прекрасно вас знаю. Мне известна ваша прошлая, настоящая и будущая жизнь; она подчинена неумолимому закону чисел. Вы человек пентаграммы, и годы, заканчивающиеся цифрой пять, являются для вас судьбоносными. Оглянитесь назад и посудите сами: в 1815 г. началась ваша духовная жизнь, ранее этой даты ваши воспоминания не заходят. — В 1825 г.

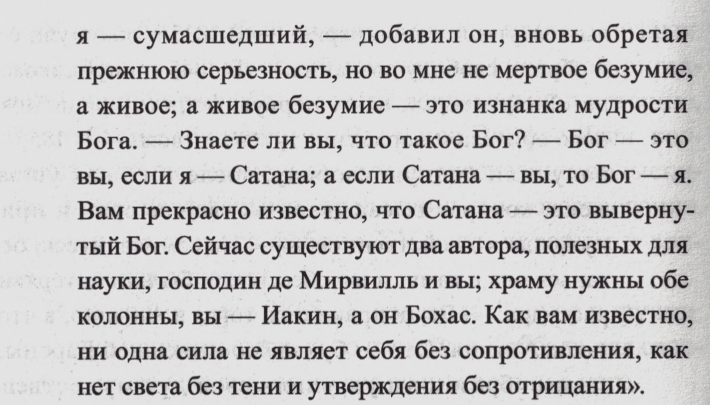
вы поступили в семинарию. — В 1835 г. покинули ее и обрели свободу сознания. — В 1845 г. опубликовали «Богоматерь», вашу первую попытку религиозного синтеза и порвали с духовенством. — В 1855 г. получили полную свободу, после того как ушла жена, которая высасывала из вас все соки и принуждала к двойственности. — Не сомневайтесь, останься она с вами, и вы обессилели бы или потеряли рассудок. — Вы отправились тогда в Англию; а что такое Англия? Это — буква *йод* нынешней Европы; таким образом вы укрепили свой дух мужественным и деятельным началом. — Именно там вы узрели Аполлониуса, печального, бритого и такого же страдающего, как и вы сами, ибо увиденный вами Аполлониус — это вы и есть, он вышел из вас и возвратился в вас, там и остается до сих пор.

Вы еще увидите его в нынешнем 1865 г., но уже красивого, сияющего и торжествующего. Естественный конец вашей жизни намечен (если не произойдет какого-нибудь несчастного случая) на 1875 г.[1], а если вам удастся преодолеть этот срок, то проживете до 1885 г. — Аполлониус, когда вы встретились с ним, опасался острия меча, и вы точно так же боитесь холодного оружия, так как сейчас принимаете меня за сумасшедшего; ведь он уже приходил к вам однажды, тот, который пытался вас убить[2]. И сейчас вы с беспокойством спрашиваете себя, не собираюсь ли я закончить свою экстравагантную речь чем-нибудь подобным (тут он принялся смеяться). Разумеется,

---

[1] Все замечания и предсказание верны.

[2] Это не вымысел. В 1862 г. к Элифасу Леви явился незнакомец; под мышкой он держал «Учение и ритуал высшей магии», а в рукаве — спрятанный кинжал. Полтора года он разыскивал Учителя. Тот мягко взглянул на него и заговорил с ним, после чего «этот человек ушел, дрожа от волнения».

я — сумасшедший, — добавил он, вновь обретая прежнюю серьезность, но во мне не мертвое безумие, а живое; а живое безумие — это изнанка мудрости Бога. — Знаете ли вы, что такое Бог? — Бог — это вы, если я — Сатана; а если Сатана — вы, то Бог — я. Вам прекрасно известно, что Сатана — это вывернутый Бог. Сейчас существуют два автора, полезных для науки, господин де Мирвилль и вы; храму нужны обе колонны, вы — Иакин, а он Бохас. Как вам известно, ни одна сила не являет себя без сопротивления, как нет света без тени и утверждения без отрицания».

Незнакомец замолчал на мгновение, и я спросил:

— Вы спирит?

Он ответил важным тоном:

— Спириты — скорпионы, высасывающие мертвенный яд под надгробными плитами. Они притягивают к себе мертвых, но воскресить их не в силах. Вскоре вся земля будет покрыта бродячими мертвецами. Мы живем в эпоху смерти. Луи-Филипп был Меркурием без крыльев на лбу; — они находились у него лишь на ногах, и он скрылся. — Наполеон III — это Юпитер без звезды; после него явится хромой Сатурн, король дураков и священников. Господин граф Шамбор... — Несколько мгновений он молча размышлял, а потом пристально взглянул на меня и спросил:

— Почему вы не хотите стать римским папой?

Я рассмеялся в ответ и сказал:

— Потому что не желаю ничего безрассудного.

— Ах, — воскликнул он, вам надо разорвать еще одну пелену, ибо вам пока неведомо ваше всемогущество… — осекся и поправился: — Наше всемогущество. Мы с вами вдвоем уже создали и разрушили немало миров, а вы не осмеливаетесь мечтать о том, чтобы управлять одним миром. Приготовьтесь тогда к поражению, к гибели слабых, к распятию этого несчастного человека, которого звали Иисусом Христом.

— Но скажите все-таки, наконец, кто вы? — сказал я, поднимаясь со своего места.

— Вы отрицали мое существование, — отозвался он: — Меня зовут — Бог. Глупцы величают Сатаной, а для обывателей я — Джулиано Капелла. Моей человеческой оболочке двадцать один год; она родилась в Бордо, у родителей-итальянцев.

Пока молодой человек говорил, голова моя налилась необычной тяжестью, мне стало казаться, что лоб вот-вот разорвется от внутреннего давления. — Я с удивлением взирал на моего собеседника. Его лицо напоминало портреты лорда Байрона с небольшими отличиями; пальцы его удивительно белых рук унизывали кольца, глаза саркастически поблескивали, взгляд был уверенным, губы — ярко-красными, зубы — ровными[1].

Джулиано Капелла продолжал разговаривать с Элифасом Леви тем же тоном. Он рассуждал о действии человеческой воли на материю, уверяя, что одной лишь работой мысли можно влиять на законы природы, избавляться от силы тяготения, повертывать вспять естественное движение.

Разговор шел, как можно судить, на чрезвычайную интересную тему, что свидетельствовало о любопытном явлении вдохновенного и очень четкого в своей логике безумия.

Гость попросил у Элифаса Леви разрешения прийти снова, однако Учитель, которого эта затянувшаяся и довольно фантастическая история успела раздражить, ничего не ответил и, не чувствуя никакой симпатии к столь странному человеку, вежливо выпроводил его за дверь. Капелла, собиравшийся отправиться, по его словам, в опасное путешествие, больше в доме не появлялся[2].

---

[1] Correspondance, t. V.

[2] Отыскать след незнакомца оказалось невозможным. Мы встретились с большим количеством людей, которые

Вследствие непредвиденных задержек «Наука духов», последний напечатанный при жизни Элифаса Леви труд, появилась только в июне 1865 г. Публикация этого произведения подтвердила высокую репутацию Учителя среди оккультистов того времени.

В августе 1865 г., в то время как на его друга Спедальери обрушились всевозможные превратности судьбы, сам Элифас Леви заболел гриппом и был вынужден несколько дней провести дома.

Чтобы поправить здоровье, Учитель отправился в замок Борегар, где проживали госпожа де Бальзак с детьми и граф де Мнишек с женой, они всегда одаривали его столь теплой и щедрой дружбой, что он считал их почти своей семьей. Лишь с графом у него не было особенно близких отношений, хотя Учитель и дал ему несколько уроков каббалы.

Госпожа де Бальзак подарила Элифасу Леви великолепный экземпляр «Истории Библии» Краусса[1], принадлежавший ранее автору «Человеческой комедии». Как известно, эта Библия представляет собой собрание прекрасно выполненных небольших по размеру гравюр. На оборотной стороне каждой гравюры Учитель в четверостишиях резюмировал суть каждой главы, посвятив свой комментарий госпоже Анне де Мнишек[2].

бывали в гостях у Элифаса Леви или просто были знакомы с ним, в том числе и с одним из последних розенкрейцеров, живших в Париже, но разузнать хоть что-нибудь о Капелле так ничего и не удалось. В жизни главных действующих лиц оккультизма, этих мощных центров магнетического притяжения, случаются иногда лакуны, которые нечем заполнить.

[1] Krausse (Ulric). *Historischer Bilderbibel*, Augsburg, 1705, in-folio. Альбом из 165 листов, на каждом из которых сверху имеется текст на немецком языке, а внизу — великолепные разнообразные рисунки.

[2] Éliphas Lévi. *Le Catéchisme de la Paix* («Катехизис Мира». Посмертное издание). Paris, Chamuel, 1896, in-8. См.: P. 123–175.

В сентябре 1865 г. в Марселе свирепствовала эпидемия холеры. Вот что по этому поводу Элифас Леви писал барону Спедальери и какие советы ему давал:

> Холера — это гнилостное электричество, в каком-то роде миазмы развращенного мира, земля потеет смертью; холера не поражает тех, чья духовная жизнь активна, а материальная жизнь вполне уравновешенна.
>
> Соблюдайте абсолютное спокойствие и пейте по возможности свежую воду, как учил мэтр Франсуа. Соблюдайте правила гигиены, и пусть ваше жилище будет всегда сухо и хорошо проветрено. Держите дома лимоны, запах этих плодов противостоит гнилости. Избегайте всего того, что может разогреть или охладить кровь. По вечерам и утрам совершайте сухие обтирания тела и каждый день занимайтесь в меру физическими упражнениями. Самое лучшее, что можно сделать в нынешней ситуации, это совсем не думать о холере и жить так, как будто ее вовсе не существует[1].

Когда братья Даванпор приехали в Париж, Элифас Леви присутствовал как-то вечером в небольшом замке Женвилллер на проводимых ими опытах. Он ушел оттуда с убеждением, что видел «невероятных шарлатанов».

Достигнув уже критического возраста, Учитель стал часто жаловаться на невралгические боли в голове, которые заставляли его жестоко страдать и лишали его способности заниматься чем бы то ни было.

Летом 1866 г. Элифасу Леви нанес визит барон Спедальери. Для Учителя стало большой радостью вновь увидеть своего «апостолического викария».

---

[1] Correspondance, t. V.

Среди модных книг того времени особый, буквально бешеный успех имел роман «Дело Клемансо» Александра Дюма-сына[1].

> Эта книга, — говорит Элифас Леви, — хорошо написана и содержит немало замечательных страниц о любви, браке, искусстве и религии. Это в какой-то мере роман о моей супружеской жизни с гораздо менее счастливым исходом, чем у меня. Автор будто рассказал всю эту историю в обобщенном свете[2].

В августе 1866 г. Учитель познакомился с Жюлем Кларти. Получивший от редакции газеты «L'Evénement» («Событие»)[3] задание написать репортаж о спиритуалистических кругах, будущий администратор театра «Комеди Франсез», тогда еще находившийся в самом начале своей литературной карьеры, отправился к Элифасу Леви. Романист пришел в восторг от обширных знаний Учителя. «Это замечательный человек, — напишет он, — образованный как раввин... Он способен говорить на иврите и знает санскрит»[4]. По словам Жюля Кларти, Элифас Леви предсказал ему, что он умрет в восемьдесят лет[5]. Предсказанная продолжительность жизни оказалась несколько преувеличенной, но она вполне объяснима тем удовольствием, что испытал Кларти, узнав, что доживет до таких преклонных лет. По нашим сведениям, они больше никогда не встречались друг с другом.

---

[1] *Mémoires de l'accusé* («Воспоминания осужденного»). Paris, Calmann Lévy, 1866, in-12.

[2] Correspondance, t. VI.

[3] Номер от 26 августа 1866 г.

[4] Jules Claretie. *La Débâcle* («Разгром»). Paris, Libr. centrale, 1870, in-12. P. 102–103.

[5] Жюль Кларти родился в 1840 г., а умер в 1913 г.

В те времена процветал некий зуав Жакоб[1]; Элифас Леви говорит о нем с оттенком тонкой насмешки:

> Сейчас в Париже только и шумят, что о чудесных исцелениях зуава Жакоба, который, как рассказывают, изгоняет созданные воображением больного недуги на военный манер: Слушайте мой приказ! Строем налево, вперед шагом... ма-арш! И паралитики делают над собою усилие и начинают ходить, но некоторые (те, что обладают здравым смыслом, а их всегда меньшинство), видя, чего они сумели добиться усилием воли, прилагают новые усилия, стараясь добиться больших успехов. Священники и врачи нещадно нападают на честного вояку, еще бы, ведь он умаляет значимость их профессии и дискредитирует лавки всяких чудес и снадобий. Получается, что, как во времена дьякона Париса, в этих местах запрещается совершать чудеса, но не Богу,
>
> Вперед, зуавы, шагом марш!
> Из вас иначе выйдет фарш.
>
> Это слишком революционно[2].

Другим популярным персонажем столицы являлся Эжен Ледо, физиономист и астролог[3]. Однако, хотя

[1] Анри-Огюст Жакоб родился в Сен-Мартен-де-Шан (департамент Сена-е-Луара) 6 марта 1828 г., умер в Париже 13 октября 1913 г. Бывший музыкант зуавов армейской гвардии, он начал заниматься целительством в 1866 г. Его благодеяния были поистине бесчисленны. Он опубликовал несколько очень любопытных произведений и возглавлял теургический журнал: «La Revue Théurgique» (с мая 1888 г. по апрель 1889 г.).

[2] Correspondance, t. VII.

[3] Эжен Ледо родился в Париже 3 ноября 1822 г., умер в конце 1904 г. Ученый-физиогномист, он в течение тридцати

Учитель слышал о нем уже давно, у него никогда не возникало желания взглянуть на него.

Жизнь Элифаса Леви в 1867 г. протекала в невозмутимых научных занятиях; по утрам к нему часто приходили читатели и просто любознательные или обеспокоенные чем-то люди, чтобы попросить у него совета и помощи в том или ином деле.

> На днях ко мне пришли два земледельца с острова Джерси, спрашивали меня о том, какими способами можно снять порчу, жертвой которой себя считали. Они враждуют с тремя соседями, которые балуются черной магией, и терпят от них и люди их, и имущество их тысячи бед. Падает скот, без всякой видимой причины гибнет урожай. Я дал им знак микрокосмоса со священными письмами Иегошуа, а также заговоренную фотографию; они пообещали описать мне результаты этого нового опыта[1].

Вот письмо, которое земледельцы прислали ему неделю спустя:

> Мы обещали Вам описать все, что произойдет после нашего возвращения. Мы делаем это с полным доверием, так как обращаемся к человеку, которому можно без опаски открыть свое сердце.

лет изучал систему Лаватера. В 1984 г. он опубликовал у издателя Удена «Traité de physionomie humaine» («Трактат о человеческом лице»), gr. in-8. (Повторное издание вышло в 1905 г. в 2 т. в формате in-8). В романе Гюисманса «Là-Bas» («Там, внизу») Эжен Ледо изображен в образе Жевинжея.

Ледо был также сильным гипнотизером и отличным астрологом. Помимо хорошей техники, он обладал и удивительным даром ясновидения. Множество рукописей и астрологических заметок хранится у его сына.

[1] Correspondance, t. VII.

В первую очередь надо Вам сказать, что после того, как мы ушли от Вас в пятницу, два различных влияния воздействовали на моего отца, и борьба между ними была столь яростной, что он почувствовал себя вконец обессиленным. Это продолжалось всего лишь несколько мгновений. Он мысленно обратился к Вам за помощью, и добро победило. Это повторялось еще неоднократно и повторяется до сих пор каждый день, но уже не так сильно, как первый раз.

Что касается воздуха, то если до нашей поездки к Вам мы дышали тяжелым, будто уплотненным и болезнетворным воздухом, то сейчас, после нашего возвращения, мы дышим полной грудью и воздух стал легким и душистым. Это длилось до третьего дня до новолуния[1].

Авторы письма добавляли, что в некоторые дни при определенных фазах луны они все еще чувствовали подавленность и просили у Элифаса Леви снова помочь им.

В другой день к нему пришли двое посетителей: молодой человек и почтенный старик со словами благодарности: ваши книги, сказали они, сделали нас чище и лучше, а главное — спасли наш разум, уведя от мира духов и видений. Оба были сильно взволнованы.

Я протянул руку, приветствуя их, — говорит Учитель, — старик схватил ее первым со слезами на глазах и поцеловал. Они уходили, благодаря и благословляя меня, а я даже не подумал о том, чтобы узнать их имена.

Вот нечто более радующее душу, чем даже похвала в газетах и литературные успехи[2].

---

[1] Correspondance. t. VII.
[2] Ibid, t. VII.

В начале 1868 г. Элифас Леви задумал написать новое произведение о черной магии, о тайнах сумасшествия и разврата, а также о болезнях, называемых одержимостью:

> Труд, который я предпринял, состоит в том, чтобы примирить разум с естественным религиозным чувством во всех возвышенных душах. Я пришел не сокрушать старые храмы; наоборот, мне хочется открыть широко двери и впустить в них солнечный свет[1].

Первые две части книги были закончены в июне 1868 г. Это был предварительный вариант работы «Великий Аркан» («Grand Arcane»). Учитель перевел и прокомментировал трактат «Идра Рабба», Книгу Еноха, Бытие, труды Санхоньятона и «Легенду о Кришне», отрывок из Бхагаватама[2].

Элифас Леви написал этот труд специально для барона Спедальери и отправил ему, чтобы тот ознакомился и снял копию. К посылке он добавил небольшую рукопись «Ключ Соломона» («Clavicule de Salomon»), которая принадлежала ему уже в течение нескольких лет.

Поток посетителей к Учителю не иссякал, а так как встречал он их со свойственным ему радушием и снисходительностью, то вскоре стал жертвой переутомления. У него возобновились головокружения и невралгические боли, после чего ему пришлось отказаться от приема не только случайных гостей, но даже и своих учеников. И только к концу 1868 г. он почувствовал себя лучше.

---

[1] Correspondance, t. VIII.

[2] Часть этой работы была опубликована в «Книге великолепий» (*Le Livre des Splendeurs*. Paris, Chamuel, 1894, in-8).

Глава XV

Последние произведения Элифаса Леви: «Книга великолепий», «Великий Аркан», «Книга мудрецов». — Доктор Дежарден. — Ментальные вызывания духов. — Одержимая. — Эварист Байель. — Епископ-ученик. — Элия Соловейчик. — Монсеньор Дюпанлу. — Элифас Леви, великий иерофант. — Последний Вселенский собор. — Война 1870 г. — Осада Парижа. — Коммуна. — «Двери будущего». — Поездка в Германию. — Госпожа М. Гебхард. — Смерть госпожи Спедальери. — «Le Gremoire Franco-Latomorum». — Новая немецкая философия. — Дарвин и Бюхнер. — Э. Бюхнер. — Теофиль Готье. — Свадьба госпожи Клод Виньон

Элифас провел 1869 и 1870 гг. в глубоких раздумьях, однако если его разум обрел предельную свободу и окреп, полностью избавившись от всего мелкого и относительного, то его физическое здоровье, напротив, сделалось шатким. Но благостная аскеза и состояние внутреннего умиротворения помогли ему написать свои последние произведения:

Я думал, что напишу книгу, а получилось сразу три. Та большая работа, к завершению которой я приближаюсь, сама собой разделяется на три отдельные части.

Первая, содержащая догматическую книгу Зоар с несколькими новыми комментариями, будет называться «Высокая наука иудаизма» («La Haute Science du Judaïsme»). Я опубликую ее для евреев и, возможно, у издателя, принадлежащего к их религии.

Вторая часть, озаглавленная «Последнее слово оккультных наук» («Le dernier mot des Sciences Occultes»,

скорее всего, будет предназначаться для моих учеников.

В последнюю, наконец, войдут мои «Диалоги» и «Афоризмы», и она, по всей видимости, не увидит свет при моей жизни[1].

Ряд учеников приходили каждый день брать у него уроки; среди них госпожа баронесса Ричард де Сосса, граф Константен Браницки, возвратившийся из Египта, и молодой Хуан Пабло Брисс.

Книги его успешно продавались, несмотря на молчание одних и глухую враждебность других, и благодарные читатели писали ему со всех концов света:

Я то и дело получаю новые свидетельства дружеского ко мне расположения со стороны неизвестных мне учеников. На днях ко мне приходил капитан, командующий карабинерами императорской гвардии, человек на редкость симпатичный, с открытым и честным лицом. Он прочел мои книги и пришел поблагодарить меня за доставленное ему удовольствие[2].

В апреле 1869 г. алжирский гипнотизер доктор Дежарден, переехавший жить в Париж, пришел повидать Элифаса Леви. Доктор впервые обратился к Учителю в 1864 г. по поводу продажи энного количества экземпляров «Легенд и символов». Чем закончилось это книготорговое дело, не известно, зато мы знаем, что Дежарден, живший до этого в Марселе, вылечил госпожу

---

[1] Correspondance, t. VIII. Эти три книги появились под следующими названиями: 1) *Le Livre des Splendeurs* (см. выше); 2) *Le Grand Arcane*. Paris, Chamuel, 1896, in-8. 2 édition: Paris, Chacornac, 1921; 3) *Le Livre des Sages*. Paris, Chacornac, 1913, in-8.

[2] Ibid, t. IX.

баронессу Спедальери от весьма опасного заболевания. Этого чудесного исцеления было вполне достаточно, чтобы Элифас Леви заинтересовался доктором.

Дежарден открыл в Париже в доме № 12 по улице Бланш медицинское терапевтическое учреждение, получившее название «Электромагнитный институт», и там, под псевдонимом Красный Доктор, давал открытые сеансы магнетизма.

Элифас Леви пришел в ужас от увиденного им в институте варварского зрелища.

> Это — настоящие пытки. Доктор вводит своих пациентов в состояние каталепсии, после чего протыкает их руки черными булавками, зажигает серу на их ладонях, отравляет несчастных людей различными веществами, заставляя их извиваться в страшных судорогах, душит с помощью несуществующих веревок и добивается того, что глаза страдальцев вылезают из орбит. Ирокезский шарлатан вряд ли смог бы выступить лучше перед кругом краснокожих[1].

Несмотря на предложения Дежардена, Учитель не захотел больше с ним встречаться[2].

---

[1] Correspondance, t. IX.

[2] Доктор Р.-А. Дежарден рано увлекся изучением магнетизма; в возрасте 20 лет он проводил немало лечебных курсов, но был осужден за нелегальное занятие медициной. После этого начал изучать медицину в тулонском госпитале Сент-Эспри под руководством хирурга Лонга. Совершил путешествие в Нубию, Африку и Египет.

Став врачом, он основал журнал «L'Indépendance Scientifique et Littéraire» («Научная и литературная независимость»); под именем Поля де Регла опубликовал большое количество трудов по медицине, а также книг о Турции и странах Леванта. Его перу принадлежит также очень обстоятельный труд об Иисусе Назаретянине (*Jésus de Nazareth*. Paris, Carré, 1891).

Некоторое время спустя Элифас Леви отправился в один спиритический кружок, вычитав из газеты своего друга Фовети[1] имя и адрес некой мадемуазель Лезюер, прослывшей необыкновенным медиумом. Мадемуазель Лезюер жила в доме № 30 по улице Де-Бонди.

В тот вечер сеанс был посвящен ментальным вызываниям духов.

> Несколько человек сели напротив медиума, положив руки на стол, и принялись *мысленно* вызывать духов. Буквы на столе указали имена вызванных духов, и все присутствующие заявили, что *стучащая ножка* ни разу не ошиблась.
>
> Я внимательно наблюдал за происходящим, полагая, что мадемуазель Лезюер читала по глазам (по глазам присутствующих), на каких буквах ей следует задержаться, или, возможно, отмечала легкое сжатие рук или их непроизвольное дрожание, предупреждавшее ее о том, когда нужно остановиться во время скачков стола. Решив поэтому не смотреть на медиума во время сеанса и держать руки полностью расслабленными на вещей столешнице, я спросил, могу ли я также занять место за столом.
>
> Мне велели думать о духе какого-нибудь умершего человека. Я остановил свой выбор на молодом семинаристе, умершем в канун Рождества, то есть почти (как говорится) святою смертию. Я очень любил его, а проститься с ним не смог, начальство не позволило... Стол ответил мне сильными ударами, означавшими «нет». Дух не мог явиться! Удивлению мадемуазель Лезюер и всех присутствующих не было предела. Впервые вызванный дух проявил подобное упрямство.

[1] «La Solidarité» («Солидарность», 3-й год). № 13, 15 juin 1869. P. 151.

Медиум с необычайно серьезным, а потому уморительным видом обратилась к своему любимому духу, которого она величает *mon chéri*, и *chéri* ответствовал, что вызываемый мною дух находится в кругу, где ему запрещено разговаривать!!.. Выходит, мой несчастный друг даже в ином мире все еще пребывает в семинарии. В чистилище!

— Подумайте о другом духе, призывает меня мадемуазель Лезюер.

Я вспомнил тогда покойную подругу Дебарролля, госпожу Клементину Паскье (Clementine Pasquier). Стол объявляет, что она не только может явиться, но уже и находится среди присутствующих в комнате духов. Стол снова приходит в движение, и я замираю в ожидании. А... В... С… Стол останавливается.

— Первая буква имени, данного при крещении — «С», — говорит мадемуазель Лезюер.

— Верно, — киваю я и спрашиваю, какова первая буква фамилии.

Стол вновь задвигался. Пока он вращался, мне приходит на ум, что Паскье — это фамилия мужа покойной, а ее девичья фамилия — Обри (Aubry). Стол замирает на мгновение на букве «Р», а затем доходит до конца алфавита, что отсылало вновь к букве «А».

— Дух ошибся, — произнесла мадемуазель Лезюер. — Это, видимо, дух еще не опытный в общении с живыми. *Mon chéri*, не соблаговолите ли помочь ему?..

Меня это крайне удивило.

— Давайте начнем заново, — предложил я, мысленно окончательно останавливаясь на имени Паскье.

На этот раз стол без всяких колебаний показывает на букву «Р»!..[1]

---

[1] Correspondance, t. VIII. Этот анекдот доказывает, что ментальные вызывания духов суть феномены передачи мысли на расстоянии.

Другой любопытный анекдот, опять-таки связанный со спиритизмом:

> В собрание клерикальных спиритов, где находились господа Мирвилль, Гужено де Муссо, Эмиль де Боншоз, Леон Фавр (брат знаменитого адвоката) и т.д., привели женщину, которая, как считалось, была одержима бесом. Она богохульствует и корчится на полу, как Урсулина де Лудун, затем вскакивает, увлекая за собой кровать и т.д., и т.п. После проведения ритуала экзорсизма женщина принялась оскорблять священников и называть Богородицу и святых самыми непарламентскими словесами. Обратились к духу медиума, который заявил: «Я — атмосфера идей, я — движение и застой, свет и тень, разум и головокружение. Эта женщина находится во власти тени, и бес, овладевший ее телом, называется головокружением». У него спросили: «Можно ли ее вылечить?» — «Да, но это по силам только одному человеку». — «И кто он?» —«Учитель». — «Какой Учитель?» — «Тот, которого вы не понимаете». — «Но кто же это?» — «Элифас Леви!»
>
> Собрание пребывает в полном изумлении. Одни шокированы, другие полны любопытства! Наконец решают отправить ко мне делегата от их кружка, дабы узнать, возможно ли иметь со мной дело и не соглашусь ли я за оговоренное вознаграждение явить свою великую силу. Я смотрю на гонца (типа господина Шапеляра) и спрашиваю, читал ли он в «Деяниях апостолов» ответ святого Петра Симону, занимавшемуся волхованиями, который предлагал деньги апостолу, чтобы приобрести власть изгонять бесов: «Серебро твое да будет в погибель с тобою!»
>
> Господин рассыпался в извинениях, но мы договорились, что я встречусь с больной. Опасаюсь я, как бы

мне не прослыть в скором времени вторым воплощением зуава Жакоба[1].

Истины ради скажем, что продолжения эта история не имела.

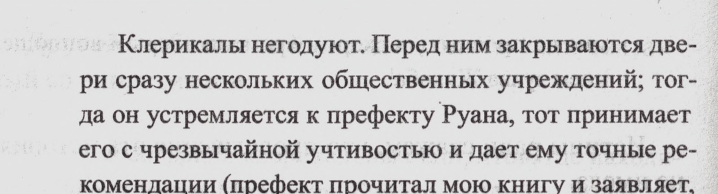
Незадолго до наступления зимы Элифаса Леви поджидало весьма приятное событие — он увиделся с одним из своих товарищей молодости, актером Эваристом Байелем. Напомним, что этот славный провинциальный актер делил с аббатом Констаном кошелек и кров, когда того отринула Церковь, бросив без всяких средств на парижскую мостовую[2]. Вот в каких взволнованных словах описывает он эту встречу:

> Этот славный малый, с золотым сердцем и кипучей жаждой деятельности, прочитал написанные мной книги и теперь, став моим восторженным учеником, жаждет во что бы то ни стало разрекламировать мои труды. Он настойчиво добивается разрешения читать мои стихи на театральных подмостках Руана и Эльбефа. Его отталкивают, ему грубят, захлопывают перед ним двери театра; а он договаривается с бродячим актером и декламирует мои «Легенды и символы» в кружках и в кафе. Успех — огромный! И аплодируют ему, не жалея ладоней.
>
> Но моему бедному другу нет до этого никакого дела: он видит во мне первого поэта мира; и ведет себя как проповедник, пропагандируя мои идеи. Его пытаются заставить замолчать, ему угрожают, но он — признанный мастер гимнастики и, глядя на его ловкие телодвижения, задумался бы сам Трестайон[3].

[1] Correspondance, t. VIII.

[2] См. с. 62.

[3] Так звали грозного разбойника, помощниками которого были Серван и Труфеми, их шайка, получившая название «les verdets», в 1815 г. сеяла панику на юге Франции.

Клерикалы негодуют. Перед ним закрываются двери сразу нескольких общественных учреждений; тогда он устремляется к префекту Руана, тот принимает его с чрезвычайной учтивостью и дает ему точные рекомендации (префект прочитал мою книгу и заявляет, что является моим сторонником).

Мой друг возвращается и властно распахивает все закрывшиеся перед ними дотоле двери. Тотчас пробегает слух, что он принадлежит к верхушке полиции и находится под защитой евреев (из-за имени Элифаса Леви). Крупные коммерсанты Эльбефа кланяются теперь перед ним до земли и ссорятся из-за того, кто первым пригласит его к себе в гости. Короче, он хочет проделать подобное и в Париже[1].

Старинный друг Учителя, «вообразивший себя врачом и надеявшийся прожить двести лет», исчез в один из дней, не оставив и следа.

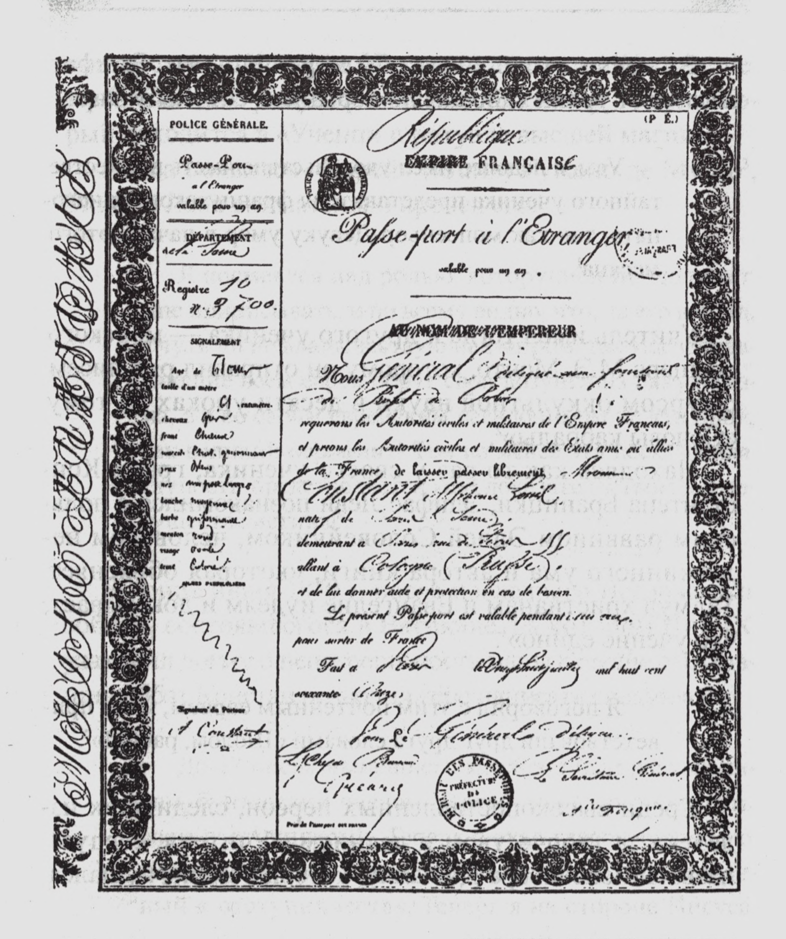
Зима 1869–1870 гг. выдалась особенно суровой, и Элифас Леви, как никогда раньше, почувствовал на себе безжалостный нрав холодов.

Несколько важных особ попробовали открыть перед ним доступ к общественных собраниям, но из этого ничего не вышло. Ему стало известно также, что несколько епископов Франции изучали его труды и один из них, монсеньор Девуку, епископ Эвре, брал уроки у одного еврействующего каббалиста по имени Номмес.

Этот каббалист нанес мне визит; по его словам, епископ полностью погрузился в символические объяснения Евангелия и его энтузиазм, который он не сумел скрыть от окружающих, заставляет духовенство относиться к нему с подозрением[2].

---

[1] Correspondance, t. VIII.
[2] Ibid.

POLICE GÉNÉRALE.

Passe-Port à l'Etranger valable pour un an.

DÉPARTEMENT de la Seine

Registre 10 N. 3700.

SIGNALEMENT

Age de
taille d'un mètre ... centimètres.
cheveux
front
sourcils
yeux
nez
bouche
barbe
menton
visage
teint
Signes particuliers

Signature du Porteur
A. Constant

Prix du Passeport

(P É.)

République

~~EMPIRE FRANÇAISE~~

Passe-port à l'Etranger

valable pour un an.

~~AU NOM DE L'EMPEREUR~~

Nous Général Délégué aux fonctions de Préfet de Police

requérons les Autorités civiles et militaires de l'Empire Français, et prions les Autorités civiles et militaires des Etats amis ou alliés de la France, de laisser passer librement Monsieur Constant Alphonse Louis

natif de Paris (Seine)

demeurant à Paris

allant à Cologne (Prusse)

et de lui donner aide et protection en cas de besoin.

Le présent Passe-port est valable pendant

pour sortir de France

Fait à Paris le ... mil huit cent soixante onze.

Pour le Général délégué

Le Chef du Bureau

PRÉFECTURE DE POLICE

Паспорт А.-Л. Констана,
выданный для поездки в Германию

Во время этого визита было решено, что Элифас Леви даст уроки каббалы по переписке епископу Эвре.

> Увы, я недолго имел удовольствие иметь в качестве тайного ученика представителя французского епископата, так как монсеньор Девуку умер в начале этого месяца[1].

Учитель имел тогда и другого ученика — морского офицера М.Э. Монто, которому он отправил ряд писем с курсом оккультной науки в десяти уроках на тему «Основы каббалы»[2].

Находясь как-то раз у своего ученика, графа Константена Браницки, Элифас Леви познакомился с польским раввином Элией Соловейчиком, человеком недюжинного ума и автора книги, «которая объясняет Талмуд христианам и Евангелие иудеям и доказывает, что учение едино»[3].

> Я поговорил с этим почтенным евреем, и мы приветствовали друг друга словами «Шолом, рабби!»[4].

Среди высокопоставленных персон, следивших издалека за творчеством и деяниями Учителя, следует назвать монсеньора Дюпанлу, который не погнушался

---

[1] Correspondance, t. VIII. Монсеньор Девуку, археолог и историк, родился в Лионе в 1804 г., а умер в Эвре в марте 1870 г.

[2] «L'Initiation», с декабря 1890 г. по февраль 1891 г. Эти письма были воспроизведены в «Книге великолепий». P. 229 и след., а также в труде Папюса «Каббала» (*La Kabbale. Paris*, Chacornac, 1903. (2-е изд.) P. 37 et suiv.

[3] Soloweyczyk Elie. *La Bible, le Talmud et l'Evangile* («Библия, Талмуд и Евангелие». Перевод с иврита Л. Воге). Rabbin. Paris, Archives Israélites, 1870, in-8. Пока вышел только первый том: *Saint-Mathieu* («Святой Матфей»). Он посвящен графу Ксавье Браницки.

[4] Correspondance, t. VIII.

дать в своей «Истории Иисуса Христа» («L'Histoire de Jésus-Christ»)[1] рисунок ковчега, подобный тому, который находится в «Учении и ритуале высшей магии»[2].

Когда появился «Еврей» («Juif») Гужено де Муссо[3], Элифас Леви внимательно прочел его:

> Я посмеялся над ролью, которую он продолжает мне приписывать, и по всему видно, что, на его взгляд, я чуть ли не владычествую над миром, так как заправляющие всем евреи берут свои лозунги из оккультизма, а я со своим еврейским псевдонимом не кто иной, как великий иерофант! Тем не менее эта неска́занная глупость представляется мне доказательством всемогущества истины[4].

В конце июня 1870 г. после последнего Вселенского собора, состоявшегося в Ватикане, на котором Пий IX узаконил догму о непогрешимости папы *ex cathedra*, бывший аббат Констан позволил себе написать следующее:

> До 13 числа нынешнего месяца я был раскольником, бунтарским членом Церкви, меня могли назвать даже отступником!.. Теперь я стал гласом будущего и выполнил свой долг, покинув Вавилон, приговоренный к отступничеству. Теперь я на стороне Иисуса

---

[1] Dupanloup (Mgr). *Histoire de N.S. Jésus-Christ* («История Господа нашего Иисуса Христа»). Paris, Pion, 1870, in-4. См. с. 267. Рисунок перед первой главой принадлежит Э. Рейберу.

[2] Éliphas Lévi. *Dogme et Rituel de la Haute Magie*. P. 358.

[3] Gougenot des Mousseaux. *Le Juif, le Judaïsme et la Judaïsaion des Peuples chrétiens* («Еврей, Иудаизм и Иудаизация христианских народов»). Paris, Plon, 1870, in-8; 2-éd. Paris, Watelier, 1886. P. 499–527: *Les deux cabales, ou la Science des Traditions* («Две интриги, или Наука традиций»).

[4] Correspondance, t. VIII.

Христа и апостолов! Я получил отпущение грехов! Я реабилитирован! Я свободен! Осанна![1]

Элифас Леви догадывался, что втихомолку готовилось против Франции:

Франция в настоящее время подобна мухе, уверившейся, что одолела льва, но вокруг которой пять или шесть крупных пауков тянут и заплетают в сеть свои нити. И что бы ни делала теперь, она станет лишь слабее. Победит ли, потерпит поражение, она так или иначе истощит запасы своих человеческих и денежных ресурсов и не в силах будет восстановить к себе доверие. На каких серьезных союзников ей рассчитывать? Россия не забыла еще Севастополь; Австрия — Сольферино; Испания, которая бьется как раненая змея, по-прежнему находится в когтях иезуитов; Англия никогда не простит нам того, что ей пришлось вытерпеть при Наполеоне I; Италия ненавидит нас из-за оккупации Рима. Франция осталась в одиночестве и больше ни во что не верит[2].

Предчувствия его не обманули, и 27 июля 1870 г. была объявлена война между Францией и Германией.

Мы вступаем в одну из тех великих и роковых эпох, когда надо в полной мере осознать возвышенную речь Христа: Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее. Это преимущественно религиозная по духу эпоха, так как истинно живые души соединяются друг с другом путем самопожертвования. И тогда эгоисты уходят в тень, страсти, раздирающие противоборствующие

---

[1] Correspondance, t. VIII.

[2] Ibid.

стороны, утихомириваются: спасение ближних своих, честь родины — вот то, что заставляет сердца людей биться в унисон.

Всеобщая солидарность не является больше тогда пустым словом. И каждый чувствует, что умирает с теми, кто умирает, и борется плечом к плечу с теми, кто выжил. Каждый готов, согласно евангелическим заповедям, отдать все, чем обладает, в том числе и свою собственную жизнь, дабы жить коллективной жизнью. Вера в бессмертие великого человеческого братства раскрывается во всем своем могуществе.

Война убивает тела и воскрешает души; она покрывает землю трупами и пробуждает к действию живых, и они дружно поднимаются при звуке трубы, как описано в аллегорической картине Страшного суда.

Война подобна любви; она смешивает кровь с кровью и заставляет раскрываться души. Нации учатся познавать себя на поле битвы и братаются в смерти. Погибающий во имя долга становится мучеником, а мученики возносятся на небо и обнимаются там как братья! Наши воины и воины Германии убивают друг друга для того, чтобы заключить на небе мир и вечный союз.

Значит ли это, что война желанна? Нет, разумеется, так как война — страшное бедствие. Но это неизбежное бедствие в мире, разделенном эгоизмом, наказанием за который она и является.

Война прекратится, когда люди, добившись мира с самими собой, смогут жить в мире с другими.

Война — это орел Прометея, чья зияющая рана по-прежнему кровоточит, ибо нет еще лекарей. Когда воюющее человечество, представленное Аладеном, свершит свои двенадцать подвигов, оно убьет орла и освободит Прометея[1].

---

[1] Correspondance, t. VIII.

Жизнь Учителя во время осады Парижа сделалась невыносимо тягостной, так как разрыв связей столицы с провинцией не позволял его ученикам посылать ему субсидии[1], и нередко его единственным средством к существованию было скромное жалованье солдата национальной гвардии, чей мундир ему доставляло удовольствие носить. Вечером он отправлялся в публичные собрания, и жаром своих речей, страстных и проникнутых убежденностью в правоту дела, приободрял сограждан, подогревая их патриотизм и вселяя в них надежду.

Когда Коммуна сошла на нет и версальцы вошли в Париж, из окна Элифаса Леви прозвучал выстрел по войскам, проходившим по улице Севр. К нему в квартиру ворвался офицер, угрожая расстрелять его. Учитель невозмутимо заявил ему: «Посмотрите на мои чистые руки, посмотрите на меня, я — ученый, старик; ищите, устройте обыск, здесь нет ни ружья, ни пороха». Тон, с которым это было сказано, убеждал в искренности сказанных слов, да и солдаты ничего не нашли — офицер удалился.

Лишения, которые выпали на долю Элифаса Леви во время осады города, окончательно подорвали его здоровье; он так никогда уже и не сможет полностью поправиться, но веселость духа и умственные способности останутся при нем неизменными.

Пережитые события навели его на некоторые размышления, которые он высказал в книге, получившей название: «Двери Будущего, или Последние слова ясно-

---

[1] Замок Борегар, владение госпожи де Бальзак в Вильневе-Сен-Жорж, был разграблен немецкими войсками. Помимо коллекций и драгоценных предметов, а также алхимической лаборатории, немцы уничтожили портрет Учителя, где он был изображен опирающимся на книгу *in-folio,* выполненный неизвестным художником-аристократом, другом семьи Браницки. В наше время в замке находится мэрия Вильнева-Сен-Жорж.

видца» («Les Portes de l'Avenir, ou Dernières paroles d'un voyant»[1].

После поражения Коммуны Учитель, начисто лишенный всяких денежных средств, в течение длительного времени пользовался радушным гостеприимством госпожи Мэри Гебхард, одной из своих верных учениц, жившей в Германии, в городе Эльберфельд.

Достаток, царивший в доме госпожи Гебхард, и щедрый прием, оказанный Элифасу Леви, дали повод недоброжелателям обвинить его в чревоугодии, и совершенно незаслуженно, так как с юных лет он был приучен к умеренности в еде. Если и пользовался благами жизни, которые его благородная подруга была счастлива предоставить ему под своим кровом, то следует признать, что он нисколько не злоупотреблял гостеприимством хозяйки дома и отвечал ей самой искренней благодарностью.

Среди бумаг Элифаса Леви мы нашли паспорт для этой поездки в Германию, точнее в Кельн, выданный 28 июля 1871 г. и действительный в течение одного года. А на самом деле он пробыл в Германии около двух месяцев.

Госпожа Мэри Гебхард, ирландка по национальности, являлась женой консула Германии в Персии, чьим девизом было: «Работать, чтобы приобретать, приобретать, чтобы отдавать, отдавать, чтобы приближаться к Богу»[2].

---

[1] ÉLIPHAS LÉVI. *Les Portes de l'avenir* («Двери Будущего»). Произведение печаталось в журнале «Le Voile d'Isis» с июля 1906 г. (№ 9) по октябрь 1907 г. (№ 24).

[2] Родившаяся в Дублине в 1832 г. госпожа М. Гебхард была единственной дочерью английского майора Томаса Л'Эстранжа (выходца из ирландской протестантской семьи, приехавшей в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем). Его мать, урожденная Сара Эган, католичка, какое-то время воспитывала его в монастыре Сакре-Кер в Париже.

После смерти господина Л'Эстранжа его жена и дочь отправились в Канаду, где у майора имелась земля в собственности, и познакомились там с М.Ж. Гебхардом,

Еще молодая и наделенная скульптурной красотой женщина — Минерва, называет ее Элифас Леви, — была матерью девяти детей, трое из которых умерли. При этом отличалась исключительным умом и стремлением к постижению истины.

Ее первая встреча с Учителем произошла в 1863 г. Между тем еще за два года до этого госпожа Гебхард мечтала познакомиться с Элифасом Леви, чьи произведения упорно штудировала.

Их отношения (1869–1874) носили искренний дружеский характер[1], но в основном ограничивались эпистолярными рамками[2]. Тем не менее госпожа Гебхард каждый год проводила неделю в Париже для того, чтобы побеседовать с Учителем[3].

В короткой заметке, озаглавленной «Мои личные воспоминания об Элифасе Леви» («Mes Souvenirs per-

---

промышленником Эльберфельда, ставшим впоследствии торговым советником.

[1] Госпожа Гебхард имела в Эльберфельде в «специальной оккультной комнате» портрет Элифаса Леви, написанный маслом. Мы очень признательны М.Ж. Гебхард за разрешение воспроизвести данный портрет.

[2] Элифас Леви писал госпоже Гебхард раз в неделю, а та отвечала ему раз в месяц. Учитель составил для своей ученицы две серии лекций под названием «Приоткрытые истины храма» («Le Voile du Temple déchiré»). Большая часть этих лекций была опубликована в «The Theosophist» («Теософисте») с февраля 1884 г. по апрель 1887 г. и в «L'Aurore» («Аврора») с декабря 1886 г. по апрель 1887 г. Отметим, что вторую часть этих лекций составляют главы VI–XIII третьей книги «Великого Аркана».

Госпожа Гебхард получила от Элифаса Леви оригинал рукописи «Парадоксы высокой науки» (*Les Paradoxes de la Haute Science*). Эта рукопись была издана в Мадрасе в 1883 г. и переиздана в 1922 г. под названием «The Paradoxes of the Highest Science». (См.: «Éliphas Lévi et son œuvre»).

[3] В последний раз она посетила Элифаса Леви в январе 1874 г.

sonnels sur Éliphas Lévi»)[1], госпожа Гебхард высказывается следующим образом:

> Я нашла в нем то, что не встречала больше ни у кого, — по-настоящему глубокое знание оккультных областей знания. — Уверена, что не сыскать ни одной книги, посвященной мистицизму, которую бы он не прочитал. Он обладал необыкновенной памятью и удивительной легкостью речи; при этом его язык и манера говорить отличались восхитительной изысканностью и точностью. Его можно было слушать часами, покоряясь красноречию его рассказов об оккультной стороне природы. — К столь замечательным качествам надо еще присовокупить доброжелательность, благородство и искренность его характера.
>
> Я всегда уходила от него с чувством, что душа моя сделалась возвышенней от общения с ним и более восприимчивой к благородным вещам; в действительности, я считаю Элифаса Леви самым искренним другом, который когда-либо у меня был, ибо он преподал мне самую высокую истину, которую человеку только дано осознать[2].

Вернувшись из Германии, Элифас Леви с горечью узнал о кончине верной подруги жизни барона Спедальери. Судьба последнего после этого горестного события круто изменилась. Скорбь от утраты любимого человека была столь велика и так потрясла его, что он сделался материалистом и атеистом.

Стараясь утешить друга, Учитель послал ему письмо в стихах, представляющее собой подражание следующему стихотворению Малерба:

---

[1] The Theosophist («Теософист»), janvier 1886. Эта заметка, весьма точная по многим аспектам, содержит рассказ о приключении, заимствованном из романа «Spiridion» («Спиридион») Жорж Санд и приписываемый госпожой Гебхард Элифасу Леви.
[2] Госпожа Мэри Гебхард скончалась в Берлине в 1892 г.

Ты будешь, Дюперье, томиться скорбью вечной,

правда, не столь тщательно отделанное по форме, зато бесконечно более возвышенное по вложенным в него чувствам:

Не стану смаковать я горькие доктрины:
Жизнь — пытка будто бы и нас бросает в дрожь;
В рожденье выкидыш мне видеть нет причины,
Как и в надежде ложь.

Неужто бытие для нас всегда ничтожно,
Для мыльных пузырей, хоть в нас бессмертный дух,
Поскольку все равно не лопнуть невозможно,
Когда пузырь набух?

Кончина бытия? Какое заблужденье!
Для смерти колыбель — неведомый предмет.
Тому, что умерло, вновь предстоит рожденье:
Небытия-то нет!

А совращенные обманами земного
Не ведают любви в отчаянье сердец;
Боясь открыть глаза, во власти сна дурного
Терзается гордец.

При этом ангелу он крылья повреждает;
И слезы для него лишь тлен, а не роса;
Грязь якобы земля; себя он убеждает:
В небытии краса!

Жизнь вечная во всех прожилках, в каждой клетке;
Поверили цветы, что нет весне конца.
У птицы под крылом грядущее на ветке
Похоже на птенца.

Уверен ручеек в своем истоке чистом,
Кузнечику жара всегдашняя мила,
Но как, скажите, быть с тщеславным эгоистом,
Кто вне добра и зла

Мнит стоиком себя, выносит через силу
Свет оскорбительный, во тьме найдя приют;
Как слизистый моллюск, он тащится в могилу,
Не слышит, как поют;

И не расслышит он, как пчелы над цветами
Жужжаньем говорят: вот вам назавтра мед;
Что Небо детскими возвещено устами,
Он тоже не поймет;

Ни колокольный звон, посланье выси горной,
Не трогает его, ни память прошлых дней,
И не желает знать он веры чудотворной,
Хоть жизнь и счастье в ней.

Небытие — вот бог, жестокий, хоть бесстрастный;
К неверному ведет неверная стезя.
Кумиры разбивать свои привык несчастный,
В тоске друзьям грозя,

Но может ли друзей иметь безверье злое,
Когда кощунством он позорит естество,
Грядущее дерзнув отвергнуть и былое,
И Бога самого?

Зачем же тяжкий бред, ведущий вас к руинам,
Как будто Бог совпал с бессмысленной судьбой?
Попробуйте, прозрев, стать вновь христианином,
То есть самим собой.

Супругу вспомните свою, чья безупречность
На лоне Божием не сводит с мужа глаз;
Тревожится она в слезах за вашу вечность,
Ревнуя к смерти вас.

Юпитер — это плоть и тщетное стремленье,
Дух вечный — Прометей, чья область — высота,
И, значит, никогда, поверьте, преступленье
Не победит Христа.

Удрученный смертью супруги, барон Спедальери впал в глубокую печаль и с той поры обменивался с Элифасом Леви лишь редкими письмами.

В декабре 1871 г. Учитель закончил работу над рукописью книги «Le Gremoire Franco-Latomorum», посвященной в первую очередь символическому объяснению обрядов франкмасонства, высокой науке Хирама и тайнам храма Соломона[1].

В 1872 г. в Германии, «стране серьезных экстравагантностей», по выражению Элифаса Леви, родилась новая философия, в сопровождении новой религии:

> Философия называется *философией бессознательного*; религия — *монической*. Их творца зовут Эдуард Гартманн.
>
> Книга Гартманна еще не переведена на французский язык[2], но в Германии она уже неоднократно переиздавалась, если судить по заявлению «Revue Scientifique» («Научного журнала»), в котором я и прочитал подробнейший анализ этого труда. Наконец немецкий гений нашел решение важной проблемы: окончательная победа добра. Это приведет к гибели всех существ и уходу *ens* в *non ens*, однако все это не ново и повторяет один в один философию и религию Будды[3].

Если Учитель остался равнодушным к произведению Гартманна, то выводы английского ученого натуралиста и физиолога Дарвина[4] его, напротив, покорили уже с давних пор, правда с некоторыми оговорками.

---

[1] Эта рукопись формата in-4 объемом в 144 страницы с рисунками принадлежит М.П., живущему в Швейцарии.

[2] Работа Гартманна появилась в Париже только в 1877 г. в издательстве «Байер» (в 2 книгах формата in-8.).

[3] Correspondance, t. IX.

[4] Darwin (Ch.). *La Descendance de l'Homme et la sélection sexuelle* («Человеческий род и половой отбор»). Paris, Reinwald, 1872, 2 vol. in-8.

> Так, — *говорит он*, — я отвергаю два его постулата и не верю, чтобы серьезная наука могла их допускать:
>
> 1. Что два вида животных, параллельно существующие в настоящее время, могли произойти один из другого.
>
> 2. Что, зародыш человека и некоторых животных столь похожи друг на друга, как семя большинства растений, никогда из зародыша обезьяны не родится человек, точно так же, как из желудя никогда не вырастет яблоня[1].

Схожа ситуация и с его отношением к теории немецкого материалистического философа Бюхнера[2] (чьи исследования живо заинтересовали Элифаса Леви, хотя он опять-таки скептически отнесся к уподоблению человека и обезьяны).

Вот, согласно Элифасу Леви, резюме данного труда:

> Как мы произошли? — Из обезьяны.
>
> Кто мы? — Развитые обезьяны.
>
> Куда мы идем? — В сторону реабсорбции всемирной материей.
>
> Каков наш идеал? — Более совершенная, чем мы, раса обезьян.
>
> Почему? — Никаких «почему» не существует, вот почему Бюхнер никогда не объяснит, почему он так стремится быть животным.
>
> Как мы произошли из обезьяны? — Через промежуточный вид, ныне не существующий, или через феноменальное возникновение аномалии.

Итак, окружающий нас мир есть материя. Все, что существует, существует без всякой причины. Сущест-

---

[1] Correspondance, t. IX.

[2] Buchner L. *L'Homme selon la Science* («Человек с точки зрения науки» — перевод Ш. Летурно.) Paris, Reinwald, 1872, in-8.

вование вселенной лишено всякого смысла, а жизнь человека — это существование животного, наделенного большими или меньшими претензиями — подобные парадоксы не надо опровергать, достаточно просто посмеяться над ними[1].

В том же году в Париже вышел труд «Наука религий» («La Science des Religions») Эмиля Бюрнуфа[2]:

> Эта книга, — *утверждает Элифас Леви,* — примечательна большим количеством верных суждений. Однако в целом автор витает в облаках, хотя сквозь них частенько и пробиваются сверкающие молнии; великолепные куски у него чередуются со страницами галиматьи[3].

Когда умер Теофиль Готье[4], Элифас Леви написал:

> Это был пустой, но прелестный писатель. Баловень фантазии, бабочка, порхающая над диковинными цветами, увлеченный поклонник всего блестящего, странного и бесполезного[5].

Чтение произведений современных ему писателей и общение с самыми разными людьми хоть и отнимали у Учителя довольно много времени, но не мешали его основной работе. Новая рукопись, над которой он трудился, получила название «Евангелие науки» («L'Evangile

---

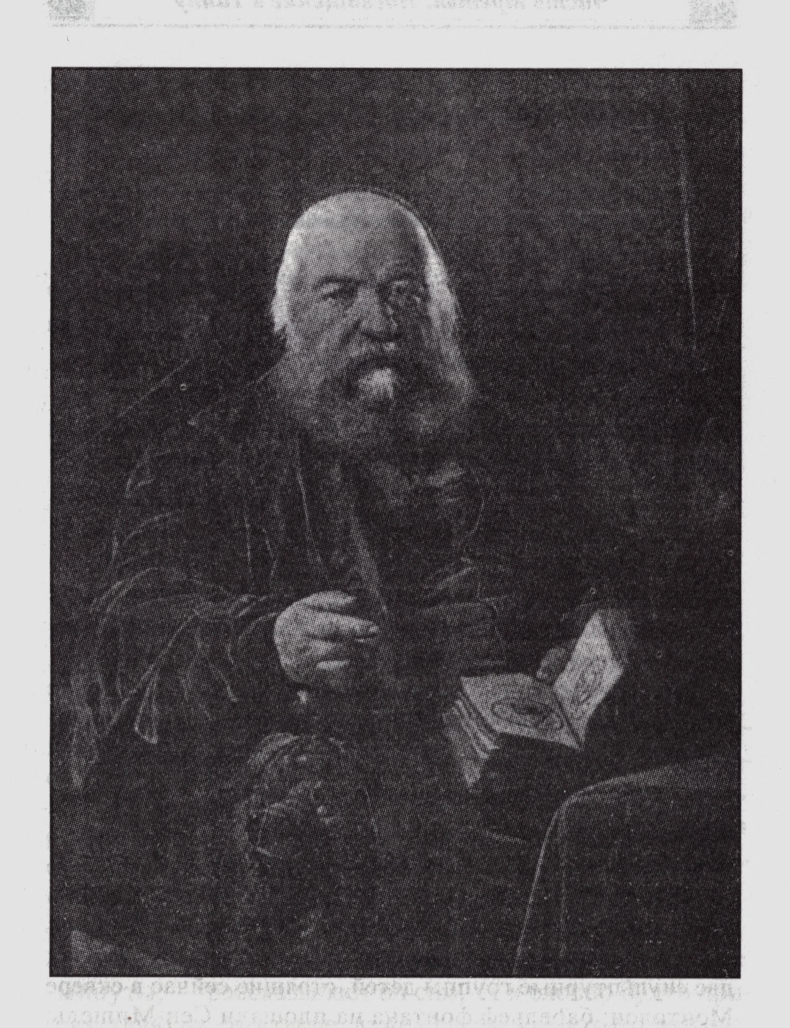
[1] Correspondance, t. IX.

[2] Burnouf (E.). *La Science des Religions* («Наука религий»). Paris, Maisonneuve, 1872, in-8.

[3] Correspondance, t. IX.

[4] Ш. Готье (1811–1872). Одна из самых оригинальных фигур романтизма. В своих рассказах «Спирит» («Spirite»), «Аватара» («Avatare»), «Жеттатура» («Jettatura») и «Роман мумии» («Le Roman de la Momie»), он касается оккультизма.

[5] Correspondance, t. IX.

Элифас Леви
— 1874 —
(По картине Ш. Ревеля. Салон 1875 г.)

de la Science»)[1]. В ней рассматривались идеи Вронского, изложенные Элифасом Леви более простым языком.

Осенью 1872 г. он с полным равнодушием узнал о повторном браке своей бывшей супруги — госпожи Клод Виньон[2] с депутатом от Марселя Морисом Рувье[3].

> Свершилось, — *написал он*, — теперь я абсолютно свободен, и воспоминание о моем браке не лежит на моем сердце пушечным ядром[4].

Моральные страдания остались позади, наступил черед физических.

---

[1] Рукопись in-8 квадратной формы в 224 страницы. Принадлежит М.П. из Швейцарии.

[2] Императорским декретом от 26 августа 1865 г. госпоже Ноэми Кадьо было милостиво разрешено добавить к собственной фамилии мужнину и величаться отныне Кадьо-Клод Виньон. Госпожа Клод Виньон была автором большого количества романов, опубликованных издателем Кальманом-Леви. Талантливый скульптор, она создала немало работ и в этой области, в частности четыре горельефа: «Суд» («La Justice»), «Сила» («La Force»), «Осторожность» («La Prudence»), «Воздержанность» («La Tempérance») (паперть церкви Святого Таинства на углу улиц Турен и Сен-Клод); две скульптурные группы детей, стоящие сейчас в сквере Монтолон; барельеф фонтана на площади Сен-Мишель; скульптуру «Грешник» («Le Pécheur») в Люксембургском музее; в музее Шато-Тьерри хранится также бюст Жана де Лафонтена ее работы, а в Ницце — скульптурное изображение Вакха-ребенка. Госпожа Кадьо-Клод Виньон умерла в 1888 г. Ее могилу на кладбище Пер-Лашез украшает бюст собственной работы.

[3] Свадьба была сыграна 3 сентября 1872 г. в мэрии IX округа. Господин Рувье стал министром торговли (Кабинет министров Гамбетты, 1881–1882).

[4] Correspondance, t. IX.

Глава XVI

Болезнь Элифаса Леви. — Доктор Ваттле. — Новые рукописи: «Евангелие науки» и «Религия науки». — Последний ученик: Жак Шарро. — Госпожа Юдит Готье. — Катулл Мендес. — Парнасцы. — Элифас Леви и Виктор Гюго. — Разрыв отношений между Учителем и бароном Спедальери. — Помощник графа де Мнишека. — Последние рукописи Элифаса Леви: «Мудрость древних», «Книга еврея Авраама», «Катехизис Мира». — Роковой год: 1875. — Адольф Паскаль. — «Видение Иезекииля». — Завещание Элифаса Леви. — Отец Лежен. — 31 мая 1875 г. — Кладбище Иври: речь Х. Дейролля. — Продажа особняка Друо. — Граф де Мнишек и рукописи Элифаса Леви. — Барон Спедальери и кюре монастыря Сент-Франсуа-Ксавье. — Сестра Учителя. — Сын Элифаса Леви

Состояние здоровья Элифаса Леви продолжало оставаться очень неважным, несмотря на все заботы, которыми он был окружен. Давно уже мучившая его болезнь сердца постоянно прогрессировала. Друзья свели его с доктором Ваттле, чьи рекомендации принесли больному некоторое облегчение.

Учитель был подвержен приступам сонливости, напоминающим обмороки или состояние транса. «В такие минуты, — рассказывает он сам, — я словно будто присутствую на спектакле, даже слышу, как кто-то разговаривает со мной, а потом внезапно прихожу в сознание».

> Я мысленно готовлюсь, — *добавляет он*, — к старости бедного Иова или короля Лира, и, можно сказать, уже окончательно с этим смирился... Мои ноги теряют гибкость, зубы шатаются, глаза слабеют, сонливость преследует меня даже на улице, такое ощущение, будто вся моя жизнь превратилась в борьбу со смертью... Но Всевышний знает, что я не впал ни

> в отчаяние, ни в печаль. Мне сладко дышится, и все вокруг утешает меня.
>
> Я уверен в том, что добро реально существует, и чувствую себя свободным от всего, что сковывает независимость мысли. Мои неразлучные спутницы — истина, справедливость и доброта. Маленькие дети улыбаются и подходят ко мне, когда я сижу на скамьях скверов и парков. Я никогда умышленно не творил зла и никому не навредил. Я по-прежнему люблю все то, что любил всегда: науку, поэзию, природу, религию, свободу, солнце, деревья, траву, цветы и т.д., и явственно ощущаю ответную любовь...
>
> Ну же, ну же, падайте, сухие листья, падайте, весна все равно вечна, ибо она всегда возвращается!..
>
> Прощайте… прощайте… и здравствуй, все новое: одно уходит, другое приходит. Только мои волосы и зубы никогда уже не вернутся![1]

Короткие передышки между приступами болезни Элифас Леви использовал для писем, для встреч с многочисленными учениками и посетителями, приходившими к нему за консультацией, для работы над своими последними трудами.

Когда в 1873 г. было закончено «Евангелие науки», Учитель перечел его и отредактировал[2], чего никогда не делал прежде. А все потому, что именно эту книгу Элифас Леви считал своей лучшей: «Мной написано, — сказал он, — Евангелие человечества, такое, какое Наука может и обязана принять».

Элифас Леви напишет затем «Религию науки» («La Religion de la Science»), труд, в котором он объяснил, как он понимает союз разума и веры[3].

---

[1] Correspondance, t. IX.

[2] Рукопись не полностью написана рукой Элифаса Леви. Глава XII и последующие переписаны мадемуазель Спешт, после чего Учитель внес в текст свои исправления.

[3] Рукопись в 50 страниц формата in-8. Принадлежит М.П. из Швейцарии.

Немало горя принес ему разрыв отношений с лучшим другом. Душевная болезнь, не отпускавшая барона Спедальери после смерти жены, еще более усилилась, да так, что его дружба к Учителю переросла в неприязнь.

К счастью для Элифаса Леви, у него оставались два ученика, которым он давал заочные уроки: госпожа Мэри Гебхард и Жак Шарро.

Простой рабочий Ж. Шарро сумел благодаря упорному труду достичь высокой степени посвящения; барон Спедальери, которому он часто писал, примерно в 1863 г. передал свою переписку с ним Элифасу Леви и тот был немало удивлен прочитанным: «Он толкует Евангелие как старый раввин; его письма представляются комментарием Сведенборга к Апокалипсису».

Несколько лет спустя, в 1868 г., Спедальери вручил Шарро свой рукописный экземпляр «Ключей Соломона»[1]; тот тщетно ждал получить его из рук Учителя, который отказывался давать ему уроки. Чтобы получить желанную рукопись, Ж. Шарро даже приехал в Париж, но встреча закончилась ссорой. Шарро потом утверждал, что Элифас Леви не только обманул его, но даже навел на него порчу, стеснив ему дыхание. В результате он начал посещать, причем за немалые деньги, уроки П. Кристиана, но в конце концов признал свою вину перед человеком, которому был обязан приобщением к Священной науке, и летом 1872 г. состоялось их примирение.

Элифас Леви дал свое согласие учить Ж. Шарро и в течение примерно трех лет (с 25 октября 1872 г. по 9 марта 1875 г.) ежемесячно посылал ему письменные уроки. В них речь в первую очередь идет о Таро, магических квадратах и, в частности, дается весьма

---

[1] Рукопись была опубликована в 1894 г. под названием «Большие ключи и ключики Соломона» (*Clefs Majeures et Clavicules de Salomon*).

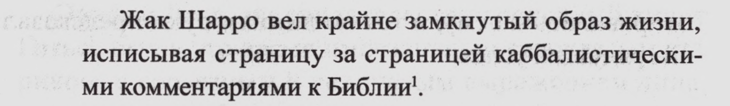
любопытное описание символики одежд и культовых предметов Моисея[1].

Жак Шарро был личностью неординарной. Бледное изможденное лицо, впалые щеки, поросшие седой бородой; от него исходило одновременное ощущение энергии и добра. Он производил впечатление анахорета, человека с глубокой духовной жизнью, наделенного подлинным мистицизмом. Левое веко его оставалось всегда опущенным, полностью скрывая глаз, зато взгляд сверкающего правого глаза был таким проницательным и искренним, а лицо дышало таким спокойствием и ясностью, что весь облик его оставлял неизгладимое впечатление.

Он жил в пригороде Лиона, на улице Вийетт, в старом доме, и из окна его скромной квартиры открывался вид на холм Фурвьер.

Жилище Шарро напоминало монашескую келью. Тесная с высоким потолком комната, со всех сторон уставленная полками со старыми книгами, последние разложены по четким группам и разделены карточками, на которых крупными буквами выведено: «Демонология», «Астрология», «Каббала», «Алхимия», «Магия»... Над печью висела картина, изображавшая *печать Соломона* с каббалистическими знаками и буквами вокруг; на верхней части двери — огромная пентаграмма. Рабочий стол, заваленный рукописями, стулья, плетеное кресло, в глубине комнаты кровать из переплетенных ремней, сверху над ней сцена Вознесения, репродукция гравюры Перруджио из Лионского музея, — так выглядело обиталище старого каббалиста.

[1] Эти письма находятся у нас, и мы опубликуем их в приложении к переписке Элифаса Леви с бароном Спедальери (Рукопись формата in-8, объемом в 133 страницы).

Жак Шарро вел крайне замкнутый образ жизни, исписывая страницу за страницей каббалистическими комментариями к Библии[1].

. . . .

Он умер 11 октября 1911 г. в возрасте восьмидесяти лет[2].

Одна из наших самых известных писательниц — госпожа Джудит Готье приобрела за несколько лет репутацию загадочной кудесницы.

В ноябре 1873 г. госпоже Дж. Готье понадобились для одного из ее романов на восточную тему сведения о каббале халдеев. Прослышав об Элифасе Леви, она

---

[1] J. Bricaud. *Annales Initiatiques* («Анналы посвящения»), déc. 1921. P. 88 et 89. Ж. Шарро организовал в Лионе небольшое общество розенкрейцеров.

[2] Мы обладаем следующими рукописями Ж. Шарро: «Explication kabbalisique ou traditionnelle des Hiéroglyphes contenus dans l'Amphithéâtre du savant et sage Henri Khunrath» («Каббалистическое или традиционное объяснение иероглифов, содержащихся в амфитеатре ученого и мудреца Генриха Кунрата») , in-folio, 202 страницы (См. «Le Voile d'Isis», 1914. «La Rose-Croix pentagrammatique» («Пентаграммическая роза-крест»); и предисловие к небольшой работе доктора Алленди «Table d'Eméraude» («Изумрудный стол»). Paris, 1920); «Alphabet sur la Haute Science kabbalistique et traditionnelle ou Sacrée» («Алфавит Высокой каббалистической и традиционной или Священной науки»), in-4, 900 страниц; «Introduction à la Sainte Science» («Вступление в Священную науку»), in-4, 78 страниц, а также «Commentaires de l'Apocalypse de Saint-Jean» («Комментарии к Апокалипсису святого Иоанна»), 9 тетрадей in-4.

Ж. Шарро имел в своем распоряжении рукопись Элифаса Леви «Les Mystères de la Kabbale» («Тайны каббалы»), которую ему доверил барон Спедальери (См.: J. Esquirol. *Cherchons l'Hérétique* («Поиск еретика»). Paris, Stock, 1903. Автор описывает Шарро в персонаже под именем Гивр). Добавим также, что автор в книге Эскироля имеет черты Ж. Брико.

отправилась к нему, и тот по линиям руки предсказал ей грядущий успех.

> На днях, — *пишет Учитель,* — ко мне приходила дама в траурном облачении, красивая как Венера Милосская, а, быть может, еще красивее, ведь ей не приходилось испытывать столь сильного потрясения, как мраморной богине, стоившего ей рук.
>
> Это была госпожа Джудит Мендес, урожденная Теофиль Готье, поэтесса и сочинительница фантастических романов, подобно своему отцу. В разговоре со мной она величает меня учителем, говорит, что с восторгом читает мои книги, и просит давать ей уроки.
>
> Более того, она пожелала тотчас похитить меня, в результате чего я очутился в доме Катулла Мендеса, в кругу молодых литераторов (таких, право, молодых, что некоторые из них еще и не родились в качестве оных), печатающих свои произведения у Лемерра (Сули-Прюдомма среди них не было, его уже причисляют к старым)... Молодежь сия приняла меня уважительно, я бы даже сказал с пиететом. Господин Катулл Мендес заявил, что мои труды содержат поразительную науку и первоклассные художественные красоты. Короче, все меня поздравляют и приглашают снова прийти в гости… В будущий четверг за мной должны заехать и отвезти к Виктору Гюго, который в настоящий момент находится в Париже[1].

Именно Катулл Мендес представил Элифаса Леви Виктору Гюго; великий поэт, по всей видимости, был знаком с трудами каббалиста и оценивал их по достоинству; кроме того, он похвалил рапсодический талант Учителя, который, рассказывая потом об этой встрече, добавляет, что его стихи одобрили также в разное время Альфред де Виньи, Эрнест Легуве и Жюль Лакруа.

---

[1] Correspondance, t. IX.

Элифас Леви, по свидетельству госпожи Джудит Готье[1], был в это время импозантным седовласым стариком, с серьезным и величавым выражением лица; словоохотливый и всегда красноречивый, он никогда ни в чем не переступал меры; иронический склад ума заставлял его часто шутить, и когда он был в хорошем настроении, анекдоты, к большой радости его слушателей, сыпались как из рога изобилия.

1874 год нелегко дался постаревшему Учителю; его мучил весьма серьезный бронхит с регулярными спазмами удушья и постоянный жар — недомогание почти не давало ему покоя; поскольку все ночи он проводил в кресле, днем его одолевала сонливость. Он быстро потолстел, и ноги стали опухать, развилось нечто вроде слоновьей болезни.

Однако его интеллектуальная жизнь не затихала ни на один день.

> Дух мой, хвала Господу, по-прежнему на высоте, я не утратил ни веры, ни любви к поэзии, ни энтузиазма. Телесные недуги ничто, пока сознание ясно[2].

Элифас Леви давал еще уроки Феликсу Ренодо[3] и художнику Шарлю Ревелю[4] и помогал им разными советами.

---

[1] Госпожа Юдит Готье, «чаровница эпистолярного стиля», умерла в 1917 г.

[2] Correspondance, t. IX.

[3] Феликс Ренодо был в те времена супрефектом.

[4] Уроженец Лиона, Шарль Ревель — бывший ученик Школы изящных искусств Лиона, а также К. Бонфона. Его дебют состоялся в Салоне 1864 г. Портрет Элифаса Леви, перед титульным листом настоящего издания принадлежит именно Ревелю. Этот портрет был написан в 1874 г. и на следующий год выставлен в Салоне (из собрания госпожи Б.). Мы воспроизводим также другой схожий поясной портрет, принадлежащий М.П.Ш.

Он попытался даже возобновить отношения со своим старым другом бароном Спедальери. И письмо от 23 января тому подтверждение:

> Я по-прежнему надеюсь, — *пишет он*, — что мы возобновим наши регулярные занятия и доведем все-таки до конца прерванный курс. Альбом[1], над которым я работаю, послужит ему дополнением и атласом[2].

Но из этой попытки ничего не вышло; через месяц они окончательно разорвали отношения: учитель и ученик больше не понимали друг друга.

Барон Спедальери отправился в длительную поездку за границу и возвратился во Францию уже после кончины Элифаса Леви.

Лишившись после ссоры с бароном Спедальери материальной помощи, Учитель нашел поддержку в лице зятя госпожи де Бальзак, графа Жоржа де Мнишека.

В знак благодарности он посвятил своему новому ученику книгу «Книга еврея Авраама» («Le Livre d'Abraham le Juif»)[3].

Наконец работа над его последней рукописью «Катехизис Мира» («Le Catéchisme de la Paix»)[4] была завершена в январе 1875 г.:

> Я только что поставил финальную точку в небольшой книженции, которую намерен опубликовать, искренне полагая, что она окажется полезной.

---

[1] *La Sagesse des Anciens* («Мудрость древних. Сборник символических фигур с текстами и объяснениями Элифаса Леви, профессора оккультных наук»). Paris, 1874, in-4 (Собрание госпожи Б.).

[2] Correspondance, t. IX.

[3] *Le Livre d'Abraham le Juif* («Книга еврея Авраама, найденная, дополненная и прокомментированная Элифасом Леви»). Paris, 1874, in-4 (Из собрания М.П.Ш.).

[4] Éliphas Lévi. *Le Catéchisme de la Paix* («Катехизис Мира»). Paris, Chamuel, 1896, in-8.

> Друзья, которым я ее прочел[1], были тронуты до слез. Я отправлю ее в типографию, как только соберу достаточно денег, ибо, без всякого сомнения, придется печатать за свой счет, издатели преисполнены ко мне суровой недоброжелательности[2].

Однако приближался конец его страданий. Наступил роковой год[3].

С первых недель 1875 г. Элифас Леви почти перестал выходить на улицу; а с марта месяца из-за обострения болезни и вовсе оказался запертым в четырех стенах. От малейшего шага грудь схватывало болью, гангрена все сильнее разъедала ступни ног, вдобавок ко всему обнаружилась водянка. Лежать в постели стало совершенно невыносимо, и он днем и ночью оставался теперь в кресле, где ему и предстояло умереть.

> Бог испытывает меня болью, как Иова, и ночи мои наполнены физическими страданиями, но смиренно принимаю все, что бы ни происходило со мной, не проклиная ни день моего рождения, ни тех из моих друзей, кто покинул меня. Да исполнится воля Божья![4]

К счастью, несколько верных друзей продолжали заботиться о нем с редкой самоотверженностью. Доктор Ваттле лечил его совершенно бесплатно, мадемуазель Анна Борне, которую он знал уже много лет[5], служи-

---

[1] Граф Ж. де Мнишек и граф Константин Браницки.

[2] Переписка с Ж. Шарро.

[3] Напомним, что пророчил ему Джулиано Капелла: «Естественный конец вашей жизни падает на 1875 год». См. с. 341

[4] Переписка с Ж. Шарро.

[5] Мадемуазель Анна Борне была дочерью поэта Жака Борне, который в свое время был достаточно известен. Ок. 1862 г. Элифас Леви, благодаря любезному вмешательству своего друга Спедальери, пришел на помощь семье поэта.

ла ему бесценной сиделкой до тех пор, пока бронхит не приковал ее саму к постели.

На смену ей пришел близкий друг Элифаса Леви господин Эдуар-Адольф Паскаль, сын госпожи Легран[1], друг Флоры Тристан, той самой, что в те времена, когда аббат Констан, находясь за стенами Сен-Пелажи, писал «Библию свободы», смягчала ему тяготы заключения. После освобождения аббата Констана госпожа Легран пригласила его пожить в своем доме, и именно он дал первые жизненные наставления ее детям, Адольфу и Клариссе. Адольф Паскаль навсегда сохранил к нему самые теплые дружеские чувства.

Почувствовав себя хуже, проживавший всегда в одиночестве Элифас Леви попросил друга разделить с ним кров. Адольф Паскаль лечил его с редкой самоотверженностью, смягчая по мере своих сил физическую и душевную боль Учителя до тех пор, пока сам, больной от усталости, не позвал двух сиделок, которые и оставались при больном до трагической развязки.

Все свидетели в один голос признают стоическое мужество, с которым Элифас Леви переносил ужасные страдания. Почти до последнего вздоха он сохранял ясность ума.

> Не стоит переживать, — *писал он Ж. Шарро.* — Я был очень серьезно болен, но опасность уже миновала. Здоровье мое еще плохо, но я на верном пути к выздоровлению. Как только смогу, напишу Вам[2].

Одна из бывших его учениц, госпожа Хатчинсон, вернувшись из путешествия и узнав о его болезни, тотчас примчалась к нему.

---

[1] После замужества мадемуазель Легран стала госпожой Паскаль. Однако муж, недовольный расточительностью жены, запретил ей пользоваться своей фамилией, и в результате госпожа Паскаль вернула себе девичью. Однако дети сохранили фамилию отца.

[2] Последнее письмо Элифаса Леви, адресованное Ж. Шарро (9 марта 1875 г.).

Кресло его стояло возле кровати. На завешенной старым гобеленом стене выделялось очень красивое изображение Христа, на которое он часто посматривал... Был удивительно спокойный и благостный. Знал, разумеется, что должен умереть, однажды, показав мне на Христа, произнес: «Он сказал, что пришлет Утешителя: Духа, так что теперь я жду Духа, Святого Духа!» — взгляд его принял какое-то экстатическое выражение, раньше я никогда не замечала у него такого. Нельзя передать словами религиозный свет и глубокую веру, которые выразил его взгляд[1].

Смерть, уже ожидаемая им, явилась к нему, когда он переводил Библию в стихах на французском языке; страница этого пробного, но вполне достойного сочинения дошла до нас. Вот она:

Видение Иезекииля

...На мне рука Господня, и дано
Изведать мне, как Дух ведет по Божьей воле:
Простерто страшное передо мною поле,
И человеческих костей оно полно.

Лежали на земле, белевшие средь праха,
Так сухи, что смотреть на них нельзя без страха
И Бог спросил меня вблизи или вдали:
«Как думаешь, ожить они бы не могли?» —
«Ты ведаешь, Господь!» — «Грядущим движим часом,
Костям ты возвести неколебимым гласом:
"Сухие кости! Так вам говорит Господь:
Я возвращу вам дух, верну вам вашу плоть.
Вы снова станете живыми существами,
И убедитесь вы, что я, Господь ваш, с вами"».

---

[1] «L'Initiation», 16[e] vol. № 11, août 1892. P. 135.

Как повелел мне Бог, пророчествовал я.
И шум послышался, и дрогнула земля.
И кости поползли, образовав суставы,
И нервы вновь сплелись, как ветвие дубравы.
Змеились жилы: в них текла живая кровь,
И на костях уже круглилось мясо вновь;
Но кожа без души — лишь полог неуместный,
И мне Господь сказал: «Огонь зови небесный,
На них ты призови дух четырех ветров,
И оживут, Моих сподобившись даров».

Как Бог мне повелел, я говорил недвижным,
И, одушевлены порывом непостижным,
Все встали, колоскам трепещущим под стать,
Необозримая до горизонтов рать.

Он позаботился и о завещании, которое составил 26 мая с целью избавить от ненужной канители, связанной с тем, что окружили его трогательными заботами во время болезни. Вот какова была его последняя воля.

Писано в среду 26 мая 1875 г.

Во имя справедливости и правды составлено мое завещание.

Я завещаю господину графу Жоржу де Мнишеку и передаю в его собственность мои рукописи, книги и научные приборы, в том числе и двойную металлическую сферу, содержащую краткое изложение всех наук.

Я желаю, чтобы никто не касался моих рукописей, за исключением графа де Мнишека, графини, его супруги, графа Браницки и госпожи Гюстав Гебхард, проживающей по адресу 64, Кенигштрассе, Эльберфельд.

Мой друг Эдуар Паскаль, заботившийся обо мне с превеликой самоотверженностью, пока я болел, пусть выберет из моих не научных книг, а также предметов искусства и всякого рода редкостей все то, что доставит ему удовольствие.

Моей сестре Полине Буссле, которую я был вынужден лишить наследства из-за своего шурина, я завещаю все мои картины и предметы культа.

Я повелеваю также, чтобы вся моя одежда, нательное белье были отданы сестрам с улицы Сен-Жак.

Все остальное, что останется после этого: мебель, редкости, гобелены, вазы, медные блюда и т.д., должно быть продано, а полученные деньги разделены между лицами, что ухаживали за мною в последние дни моей жизни, при этом я имею в виду не нанятых работников, а своих друзей.

Такова моя последняя воля, под которой я, находясь в здравом уме и крепкой памяти, и подписываюсь.

Альфонс-Луи Констан.

29 мая, во второй половине дня, ему нанесла визит еще один ученица — госпожа Жобер. Учитель, чей смертный час уже близился, смог лишь пожать ей руку.

Выйдя от него, дама посчитала своим долгом зайти в священнический дом монастыря Сен-Франсуа-Ксавье и попросить послать священника по указанному ею адресу. Однако господин Паскаль счел неприемлемым принять пришедшего наместника прихода, не испросив предварительного согласия умирающего.

Мадам Жобер отправилась тогда на улицу Севр, где под номером 33 находилась часовня отцов-иезуитов, и также договорилась о приходе священника. Отца, который согласился пойти, звали Лежен, он был проездом в Париже.

Отец Лежен, надо отдать ему должное, проявил немало терпения при выполнении своего поручения.

30 мая он явился к умирающему, но его не приняли.

Утром 31 мая отцу Лежену удалось добиться долгого разговора (?) с Элифасом Леви, в результате которого тот получил, видимо, отпущение грехов.

Такой ход событий вполне вероятен, так как Учитель говорит:

> На смертном одре я, вероятно, буду действовать сообразно требованиям этого торжественного момента. Вряд ли мне придет в голову звать священника, но, если он окажется рядом, я приму его с почтением. Чистосердечно изложу ему свои убеждения, и, если он сочтет, что мне можно отпустить грехи, я буду рад, что поступил подобным образом, особенно, что утешу тем самым какую-нибудь простую правоверную душу[1].

Вскоре после ухода отца Лежена у Элифаса Леви началась агония, и в 2 часа ночи великий каббалист освободился от всех земных страданий.

Господин Паскаль с должным уважением принял его последний вздох и захотел лично выполнить последние обязанности к покойному, после чего сфотографировал его на смертном одре[2].

Церковная служба состоялась 2 июня 1875 г. в церкви Сен-Франсуа-Ксавье, на бульваре Инвалидов, а погребение — на кладбище Иври.

Людей возле могилы собралось немного, зато все пришли по зову сердца[3]. В воцарившейся тишине слово взял друг Элифаса Леви и графа Мнишека господин Анри Дейролль[4]:

> Господа!
>
> Человеку более достойному, чем я, и имеющему на это больше прав надлежало, конечно, выразить те чувства, что обуревают всеми нами в этот последний миг прощания с Учителем и нашим общим другом;

---

[1] Correspondance, t. IX.

[2] Половину суммы, ушедшей на изготовление фотографии, дал барон Спедальери.

[3] Погребальное шествие попало по дороге на кладбище в сильнейшую грозу, и только несколько самых верных друзей смогли в результате присутствовать на похоронах.

[4] А. Дейролль, натуралист, являлся президентом ложи «Шотландский улей» («La Ruche Ecossaise»).

однако моя почтительная любовь к нему не позволяет мне сейчас молчать перед разверстой могилой и не назвать хотя бы некоторые из его многочисленных заслуг, благодаря которым он приобрел столько искренних и верных друзей.

Это был неутомимый труженик и честный человек. Осознав всю тщету своих усилий в стремлении развеять обуревавшие его сомнения, он предпочел отказаться от священнического сана, ради которого учился и с помощью которого мог бы благодаря своим недюжинным способностям достичь немалых высот в обществе, он отказался от него, поскольку сомнения, порожденные начальными занятиями наукой, не позволяли ему отныне выполнять священнический долг с той полнотой искренности, которой требовала его совесть. Однако он на всю жизнь сохранил дух милосердия, вскормленный в нем Церковью, и этот едва ли не единственный сохранившийся в нем религиозный завет не смогли оспорить ни наука, ни его пытливый разум. Тем не менее самая заветная его мечта, в которую он вложил столько любви и надежд, заключалась в том, чтобы попытаться примирить науку и религию; и да осуществится когда-нибудь его мечта!

Не знающее границ милосердие нашего друга было вознаграждено, и тяжесть последних дней его жизни была облегчена многочисленными проявлениями внимания и дружбы со стороны тех, кого он знал и любил. И хотя ему пришлось столкнуться и с проявлениями человеческой неблагодарности, что омрачало его дни, проводимые в трудах, и бессонные ночи, то он, безусловно, давно уже всех простил и дурное забыл.

В свой последний час он может без страха предстать перед судом своих современников, ибо всегда, во всяком своем поступке, руководствовался благородным принципом: поступай с людьми так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой.

Неутомимый в работе, он оставил нам замечательные книги по одной из самых трудных наук, в коей

лишь единицы были его предшественниками, а последователей будет, возможно, и того меньше. Требовался столь возвышенный ум, как его, чтобы пройти по тернистому пути, сокрытому для большинства мраком, и осветить его и подарить свет своим ученикам; он считал, что выполнил поставленную им перед собой задачу, ибо смог сделать нечто полезное, то, что останется и после него.

Прощайте, Констан, честная и чистая душа, преисполненная милосердия и источавшая его на своих ближних! Покойтесь с миром, и пусть искренняя скорбь друзей служит свидетельством пустоты, возникшей в их сердцах после вашего ухода.

Прощайте! Прощайте! Или, вернее, до свидания!

Простой деревянный крест отметил местонахождение могилы.

В приписке к завещанию Элифас Леви назначил исполнителем своей последней воли Э. Паскаля. Однако допущенные при составлении завещания ошибки потребовали долгой судебной волокиты. Комнату опечатали.

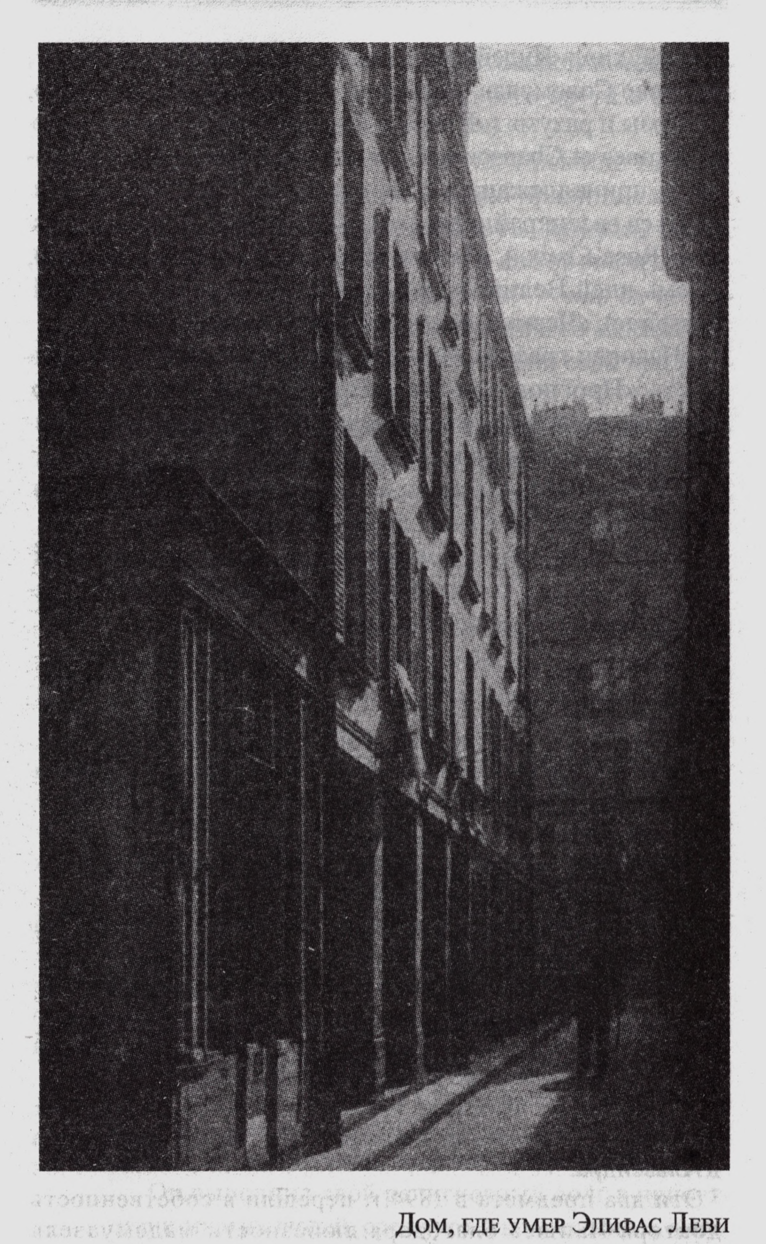
Все, что не было указано в завещании, было продано в отеле Друо[1], часть полученных денег пошла на оплату похорон и места на кладбище.

Вот, согласно инвентарному списку, рукописные произведения Учителя, что были переданы в собственность графа де Мнишека: «Мудрость древних», «Универсальный ключ ключей Соломона» («La Clavicule Universelle des Clavicules de Solomon»)[2], «Евангелие науки», «Рели-

---

[1] Общая сумма выручки составила 2815,50 франков.

[2] Элифас Леви. *La Clavicule universelle des Circules de Salomon, ou Le Grimoire des Grimoires* («Универсальный ключ ключей Саломона, или Гримуар гримуаров»). Рукопись небольшого формата in-8, с переплетом из старинной кожи. Это рукопись, служившая Учителю настольной книгой, была написана в 1854 г. (собрание госпожи Л.).

Дом, где умер Элифас Леви

Улица Севр, 155

гия науки», «Иудейское Солнце» («Le Soleil Judaïque»)[1], «Кольцо Соломона» («L'Anneau de Salomon»)[2], «Немрод», «Рифмы и разум» («Rimes et Raison»)[3], «Гимны и песни» («Hymnes et Chansons»)[4], так же как и следующие рукописи, принадлежащие Элифасу Леви: «Ключ Мудрости братьев розенкрейцеров» («La Clef de Sapience des Frères de la Rose-Croix»), «Тайна тайн» («Le Secret des Secrets»), «Семь дней Великой Тайны» («La Septmaine du Grand Mystère»), «Черный псалтырь» («Le Psautier noir»)[5].

Наконец граф де Мнишек получил в свою собственность «Прогнометр» Хене-Вронского и книги, около трехсот, на полях большинства которых имелись примечания, сделанные рукой Учителя.

Господин де Мнишек собирался издать рукописи Элифаса Леви, но планы его не осуществились[6].

Э. Паскаль получил из рук Элифаса Леви магический меч и тетрадь, в которой были описаны сеансы вызывания духов, проведенные в Лондоне и Париже[7].

---

[1] Так называлась в рукописи «Книга великолепий».

[2] Мы знаем эту работу лишь по копии, сделанной бароном Спедальери (Рукопись формата in-folio в 16 стр.).

[3] Эта рукопись не была найдена.

[4] A. Constant. *Recueil d'hymnes et de chansons* («Сборник гимнов и песен»). Рукопись формата in-8.

[5] Все эти рукописи будут описаны в книге «Eliphas Lévi et son œuvre».

[6] Граф Ж. де Мнишек умер в 1885 г. После его смерти рукописи Элифаса Леви были проданы и разошлись по рукам, и только благодаря стараниям Станисласа де Гуайта и М. Р. П. большинство из них были найдены.

Графиня де Мнишек, урожденная Анна де Ганьска, была кузиной графини Келлер, жены маркиза Сент-Ива д'Альвейдра.

[7] Эти два предмета в 1894 г. перешли в собственность доктора Папюса благодаря любезности мадемуазель Вольска и А. Лежэ, которые оба знали вдову госпожу Паскаль.

Между тем вернувшийся из длительной поездки барон Спедальери узнал о кончине своего друга и Учителя. Горе его было огромным.

20 ноября 1875 г. он отправил Э. Паскалю письмо с просьбой сообщить ему, насколько правдивы слухи относительно обстоятельств смерти Элифаса Леви. Паскаль ответил ему, что Хозяин соборовался, «*но я смею заверить Вас*, — добавляет он, — *что он не отрекался от своего прошлого и до последнего вздоха был великодушен и сохранял в полной ясности свой прекрасный ум*».

Мы имеем также письмо кюре монастыря Сен-Франсуа-Ксавье, в котором священник отвечает на просьбу барона Спедальери рассказать ему о случившемся.

Париж, 21 ноября 1875 г.

Господин барон!

В ответ на письмо, которое я имел честь получить от Вас, должен с удовлетворением сообщить Вам, что господин Констан умер утешительной смертью, как настоящий христиан.

Предупрежденный задолго некой милосердной особой о тяжелом состоянии господина Констана, к нему за несколько недель до кончины явился отец-иезуит, и уже во время первого своего визита был принят с подобающим почтением. В дальнейшем, по мере того как состояние больного ухудшалось, посещения духовника сделались более частыми, а прием — еще радушнее.

Господин Констан не замедлил исповедоваться священнику, пришедшему к нему со словами христианского успокоения. После исповеди он причастился, сохраняя всю ясность ума и полноту воли, а неделю спустя, перед кончиной, получил соборование.

Он выполнил свой религиозный долг в присутствии многих людей, среди которых находился и его друг, тот, хотя и не разделял всех нынешних идей своего, как он говорил, Учителя, все же содействовал

приходу священника и специально поблагодарил за ту умиротворяющую атмосферу, коей он окружил господина Констана в последние дни его жизни.

Пусть и запоздалое, но искреннее возвращение этой души к бесконечно милосердному Богу, я надеюсь, принесет ему прощение всех его ошибок.

С уважением,
Л. Рокетт.
Кюре Сен-Франсуа-Ксавье.

Э. Паскаль указал на неточности, содержащиеся в данном документе: «*Элифас Леви*, — пишет он, — *не мог причаститься, сохраняя всю ясность ума и полноту воли, так как обряд происходил в день его смерти, а он уже с утра не был способен разговаривать вследствие кровоизлияния в мозг и лишь движением глаз мог выражать свою волю. И никогда не было других свидетелей его последних часов, кроме меня, я постоянно находился с ним наедине*»[1].

Барон Спедальери от всей души поблагодарил Э. Паскаля за его рассказ, сожалея лишь о том, «что такой человек и мудрец, как Элифас Леви дал почву для тенденциозных слухов»[2].

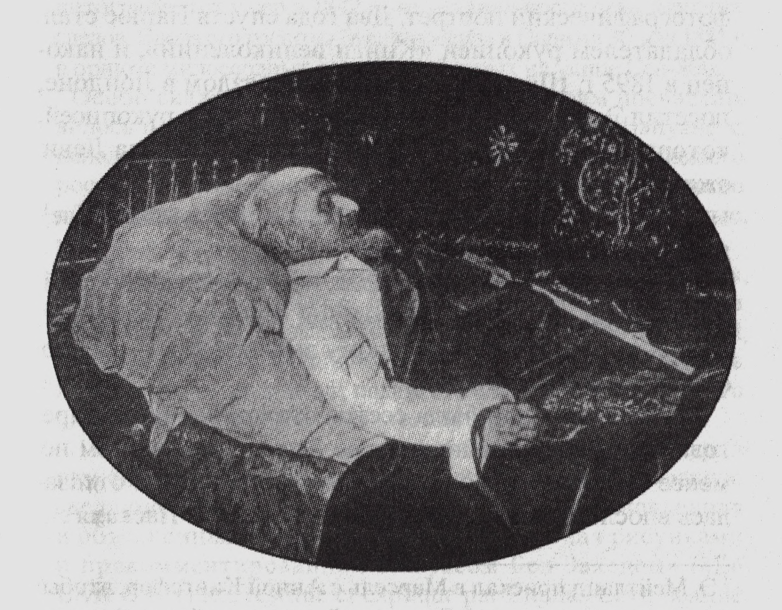
Учитель подарил своему ученику нескольких рукописей с указанием опубликовать их через двадцать лет после его смерти. Это были «Тайны Каббалы»[3], «Великий Аркан», «Книга Мудрецов», «Двери Будущего».

---

[1] В ответ на просьбу барона Спедальери касательно его переписки господин Паскаль ответил: «Все, что не относилось к рукописям М. Констана, было сожжено у нотариуса, который может подтвердить, что все ваши письма были уничтожены».

[2] Письмо от 27 декабря 1875 г.

[3] Барон Спедальери отдал позднее рукопись Ж. Шарро.

Элифас Леви на одре смерти

— 1875 —

Выдержки из писем Элифаса Леви были опубликованы Спедальери в журнале «The Theosophist» («Теософист») (1831–1884). В 1884 г. барон вручил Э. Мейтланду[1] следующие произведения: «Великий Аркан», «Книга Мудрецов» и «Двери Будущего»[2], а также фотографию портрета Элифаса Леви работы Спешта.

Когда Папюс в 1892 г. отправился в Лион, барон Спедальери подарил ему сделанный при жизни Учителя фотографический портрет. Два года спустя Папюс стал обладателем рукописи «Книги великолепий», и наконец в 1895 г. Шамюэль, находясь проездом в Лондоне, посетил Э. Мейтланда и сделал копии с трех рукописей, которыми тот обладал. Произведения Элифаса Леви ожидала вторая жизнь.

Барон Спедальери умер 10 декабря 1898 г. в Марселе[3] в доме 36 на бульваре Мадлен.

Умер человек большого сердца, исключительно добрый и любезный, всегда испытывавший огромное уважение[4] к своему — по его собственному выражению — «вечно оплакиваемому Учителю».

У Элифаса Леви была сестра старше его на четыре года. Их отношения никогда не были тесными. Тем не менее она присутствовала на похоронах брата и отказалась впоследствии от завещания в пользу Э. Паскаля[5].

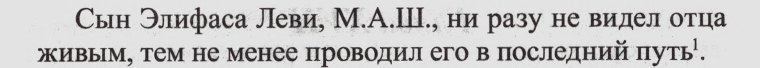
[1] Э. Мейтланд приехал в Марсель с Анной Кингсфор, чтобы встретиться с госпожой Блаватской, вернувшейся из Адиара. На встрече присутствовал майор Курм.

[2] В настоящее время эти рукописи находятся в собственности английского Общества розенкрейцеров. Все они написаны рукой Учителя, за исключением «Великого аркана», заботливо переписанного бароном Спедальери.

[3] Le Lotus Bleu («Голубой лотос»), № 11, 27 janvier 1899. P. 380.

[4] Мадемуазель Лапорт, племянница барона, унаследовала библиотеку дяди. Тот не оставил никаких записей, за исключением нескольких копий рукописей Элифаса Леви.

[5] Полина-Луиза Констан родилась 18 декабря 1806 г. в Париже. В 1840 г. она вышла замуж за господина Буссле, типографщика-

Сын Элифаса Леви, М.А.Ш., ни разу не видел отца живым, тем не менее проводил его в последний путь[1].

литографа, тот умер в 1842 г., не оставив после себя никаких следов. Вдова его госпожа Буссле умерла в Париже 30 мая 1881 г. в приюте милосердных сестер для бедных на улице Сен-Жак.

[1] Особо скажем о М.А.Ш. Весной 1914 г. нам посчастливилось познакомиться с ним. Жил он на улице Шануанесс, неподалеку от Нотр-Дам. Это был красивый старец, среднего роста, с седыми волосами; нас сразу поразило его сходство с Элифасом Леви. Лицо его дышало добротой и мягкостью, и он был чрезвычайно любезен с нами.

Узнав о цели нашего визита, М.А.Ш. широко улыбнулся, поскольку, по его словам, он относился к отцу с большим уважением. М.А.Ш. показал нам большое количество рукописей, которые он самостоятельно установил по записям Элифаса Леви. Затем, открыв шкаф, показал нам почти все книги своего отца в роскошных переплетах того времени.

На память о нашей дружеской беседе М.А.Ш. подарил нам бюст Элифаса Леви и одну из его рукописей, имевшую следующий заголовок: «Книга Гермеса, восстановленная и объясненная Элифасом Леви, дополненная рисунками и прокомментированная Элифасом Бен Заxедом» («Le Livre d’Hermès, restitué et expliqué par Eliphas Lévi; dessiné et commenté par Eliphas ben Zahed»). Она состояла из 294 страниц формата *in-folio*, исписанных изящным почерком, с 47 рисунками в тексте и дополнительным альбомом в картонном переплете, содержавшим изображения 78 карт Таро в рамках; прекрасные нарисованные сепией карты имели буквы, выполненные в две краски.

К сожалению, наши отношения не имели продолжения из-за жестоких событий, которые потрясали в этот момент весь мир, а в 1910 г. мы со скорбью узнали о смерти М.А.Ш.

В 1919 г. мы познакомились с сыном М.А.Ш. Мы очень обязаны ему за предоставленные нам ценные сведения о жизни своего деда, и сердечно благодарим за то, что он согласился помочь нам в нашей работе.

Глава XVII

Памятная церемония: 2 июня 1878 г. — Верный друг. — Прощание Шарля Фовети. — Братская могила: 1881 г. — Magni nominis umbra! — Заключение

2 июня 1878 г., через три года после смерти Учителя, состоялась памятная церемония[1]: на кладбище Иври собрались друзья, верные памяти Элифаса Леви. И снова господин Анри Дейролль произнес на могиле трогательную речь. Кратко описав жизнь Учителя, он завершил свое выступление предельно искренними словами:

> И теперь, дорогой Учитель и друг, от имени всех ваших учеников, приобщенных вами к истине, от имени всех ваших друзей, как присутствующих, так и отсутствующих, я хочу обратиться к вам со славословием. Слава апостолу свободы, которому в борьбе за ее воцарение пришлось испытать немало горя! Слава ученому, сумевшему многое постичь и пожелавшему просветить человечество! Слава борцу, который, безжалостный ко всякого рода заблуждениям, оставался всегда доброжелательным и терпимым и помогал бедным, слабым и страждущим!

Шарль Фовети, всю жизнь гордившийся своей дружбой с Элифасом Леви, единственный из всех газетчиков посвятил ему несколько строк, выразив при этом сожаление, что он не может воспроизвести речь господина Дейролля полностью:

> Мы ограничимся тем, что, вместе с другом господина Констана, отметим, что современники не были

[1] На могиле Элифаса Леви был поставлен камень.

> справедливы по отношению к этому умному и талантливому человеку. Когда видишь, сколько посредственностей в нашей стране достигают почестей, славы и богатства, трудно понять, почему Констан, необычайный эрудит, а вдобавок поэт, оратор и первоклассный писатель, был известен лишь крайне узкому кругу людей и умер в бедности, вынужденный всю жизнь бороться с нуждой[1].

Это было последнее посмертное обращение современников к Элифасу Леви и начало… забвения.

В 1881 г. останки Элифаса Леви были извлечены и помещены в братскую могилу.

И где они ныне покоятся, никому не известно[2].

Так завершилась жизнь этого благородного человека, все помыслы которого были обращены к Добру, к Прекрасному, к Справедливости. Только умиротворенное сознание, не ведающее сомнений в себе, и уверенный разум, разрешивший все проблемы, способны породить столь величественный дух перед вратами Смерти: именно в этом и заключается последний завет мудрого Учителя, так сумеем же воспринять его с сыновьим благостным почтением и выразим восторженную надежду встретиться всем вместе в Царстве Света!

---

[1] La Religion Laïque («Светская религия», 2-й год). № 23, juillet 1878. P. 349.

[2] 9 июня 1901 г. слушатели Герметической школы Папюса почтили память Элифаса Леви в Медонском лесу, в котором любил гулять при жизни Учитель (L'Initiation, № 9, juin 1901. P. 277).

Поль Шакорнак

Элифас Леви

Реформатор оккультизма во Франции

(1810—1875)

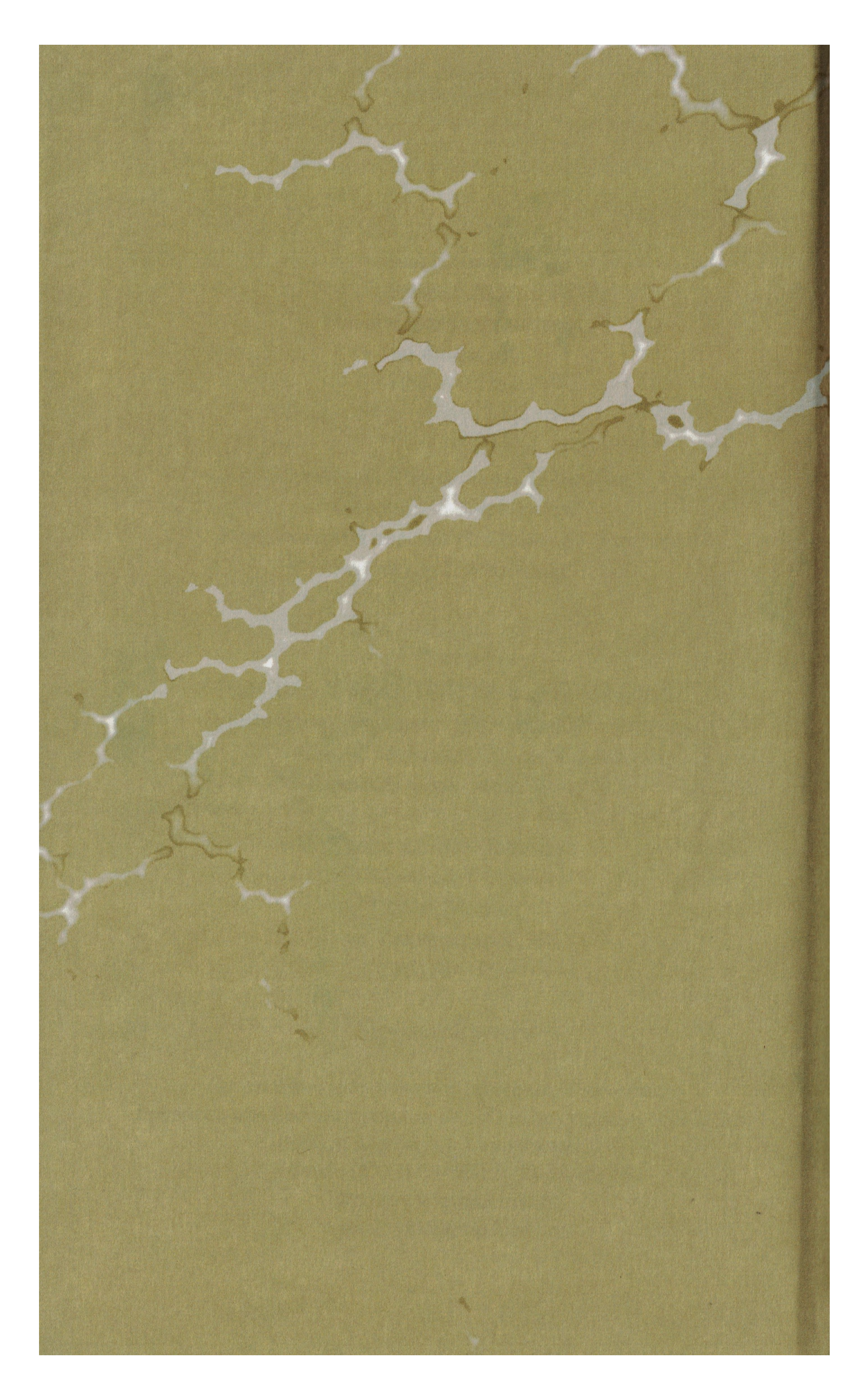
Редакторы *В. Гридасова, Т. Гармаш*
Художник *В. Серебряков*
Компьютерная верстка *О. Фомин, К. Пагирева*
Корректор *Т. Медведева*

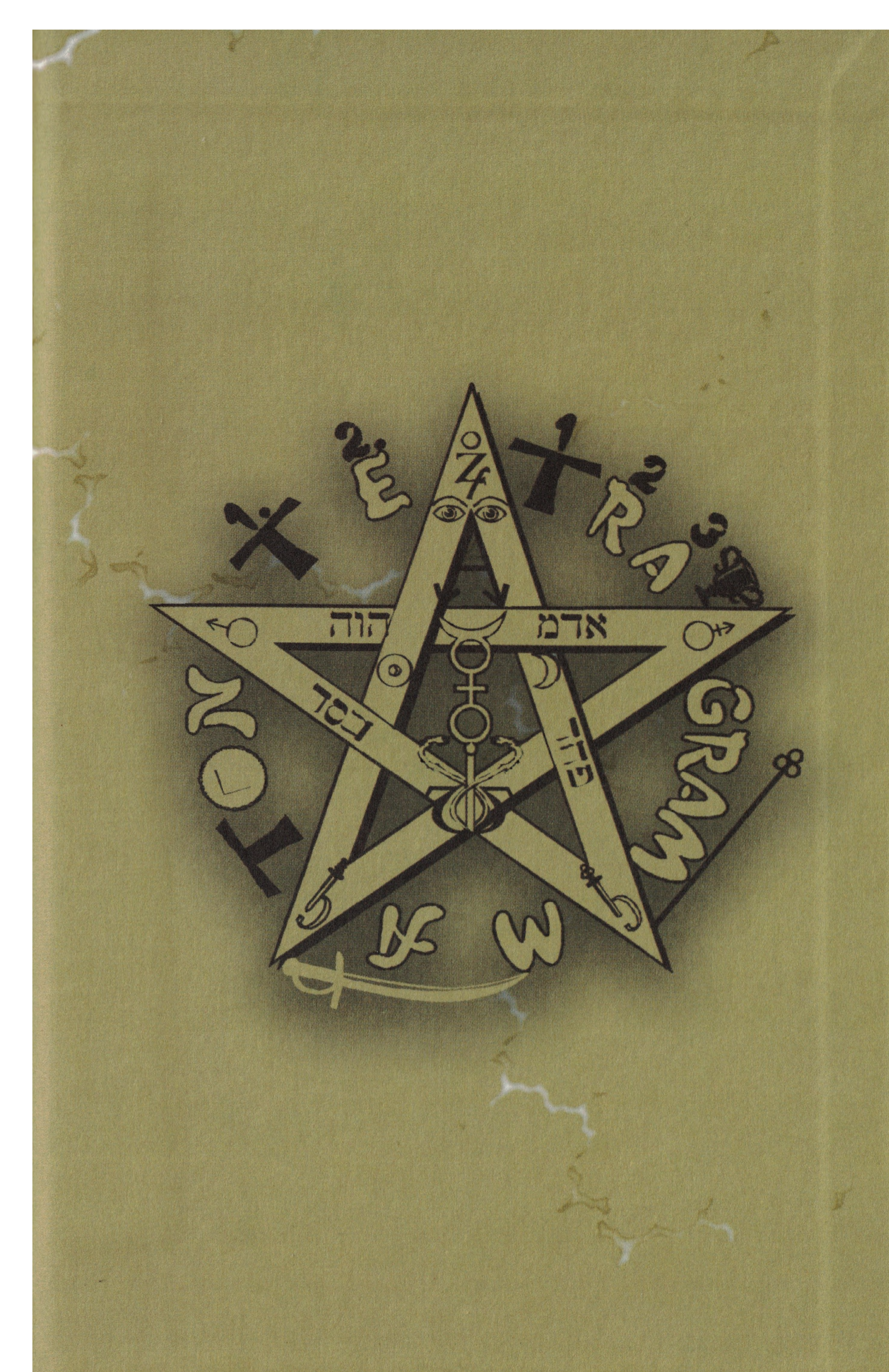
Подписано в печать 09.12.08. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная. Объем 12,5 п.л.
Тираж 2000 экз. Заказ № 1998.

Издательство «Энигма»,
ООО «ОДДИ-Стиль»
129110, Москва,
ул. Гиляровского, 39
(495) 684-5334

http://aenigma.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ОАО «Дом печати—ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 25-58-83, 53-53-80
http://www.gipp.kirov.ru
e-mail: pto@gipp.kirov.ru

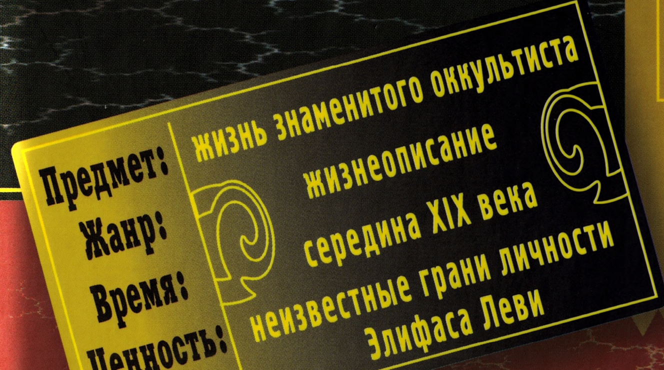

RA
GRAM
אדם

Элифас Леви, будучи основателем новой школы, сам не был ничьим учеником. Он постигал суть вещей, и по мере того, как углублялась его медитативная мысль, открывал для себя все новые горизонты, становившиеся для него очередным рубежом для дальнейшего взлета к сияющим высотам.

Элифас Леви

(1810-1875)

Элифас Леви (1810-1875) появился как оригинальный оккультный автор в то время, когда человечество — не обратись оно вновь к духовному, было бы затоптано победным шествием материализма, а оккультные братства обдумывали, как обратить умы к спиритуальному.

Следя за своенравной, переменчивой, преисполненной лишений судьбой Э. Леви — ученого, художника и поэта, понимаешь: пути Господни неисповедимы, но особенно тяжкие испытания приходятся на долю тех, у кого хватает мужества попытаться приоткрыть завесу тайны Высших сил.

П. Шакорнак (1884-1964), французский книгоиздатель, исследователь эзотерической традиции вообще и наследия Э. Леви в частности, с величайшей скрупулезностью подбирал исторические документы, анализировал их, перепроверял, добиваясь абсолютной точности изложения фактов. Эта искренняя, тщательно продуманная и умело составленная книга содержит огромное количество цитат из неопубликованных работ Э. Леви, в том числе его стихи. Она, несомненно, заинтересует историков и адептов оккультизма.